

АЛТАЙСКИЕ ИНОРОДЦЫ.

СБОРНИКЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И ПУСЛѢДОВАНІЙ

АЛТАЙСКАГО МИССІОНЕРА,

ПРОТОІЕРЕЯ

В. И. Вербицкаго,

изданный Этнографическимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ,

подъ редакціей

А. А. Ивановскаго.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, чомъ Левенсонъ.

1893.

АЛТАЙСКИЕ ИНОРОДЦЫ.

СБОРНИКЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И ИЗСЛЕДОВАНИЙ

АЛТАЙСКАГО МИССИОНЕРА,

ПРОТОИЕРЕЯ

В. И. Вербицкаго,

изданный Этнографическимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Ивановскаго.



Горно-Алтайская Областная
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, домъ Левенсонъ.

1893.

СЕОПНР.Р.
АНTHROPOLOGICAL AND ETHNOGRAPHICAL
EXHIBITION

АТТЕНОЗИОНІЯ ОДНОВЛЕНІЯ

ІМПЕРАТОРСКОГО

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Ес-
занія, Антропологіи и Этнографіи 1893 года 8-го іюня.

Президентъ Общества, Ординарный Профессоръ **Д. Анучинъ**.

5521453

Горько-Ал.
областная б
им. М. Н. Г

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи	V
Алтайскій миссіонеръ, протоіерей В. И. Вербицкій (біографіческій очеркъ)	VII
Топографія Алтая и его естественныя произведенія.	1
Происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена	5
Наружный видъ алтайцевъ	9
Одежде и обувь.	9
Жилища.	12
Пища и питье.	15
Занятія	17
Языкъ	26
Названія мѣсяцевъ.	42
Вѣрованія.	43
Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ	77
Нравы, обычаи и обряды.	79
Лѣченіе болѣзней	86
Преданія: А) Религіозныя	89
" Б) Историческія, богатырскія и проч.	117
Богатыри въ сказкахъ алтайцевъ	139
Пѣсни	167
Пословицы	187
Загадки	202
Примѣты.	205
Рецензія на „Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ“, собранные В. В. Радловымъ	205
Алфавитный указатель	217

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ засѣданіи Этнографического Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 12-го марта 1891 года, нижеподписаншійся внесъ предложеніе объ изданіи отдѣльнымъ сборникомъ этнографическихъ статей и изслѣдованій покойнаго алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго, мотивировавъ свое предложеніе, во-первыхъ, тѣмъ, что подобный сборникъ, составленный изъ статей, разбросанныхъ по различнымъ, часто мало доступнымъ, изданіямъ, будетъ имѣть важное научное значение, заключая въ себѣ пока единственное столь подробное и разностороннее описание быта алтайцевъ, какое сдѣлано покойнымъ о. Вербицкимъ, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что изданіемъ этого сборника достойнымъ образомъ почтится память неутомимаго труженика—этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію науки. Отдѣлъ отнесся очень сочувственно къ означеному предложенію и въ томъ-же своемъ засѣданіи сдѣлалъ постановленіе объ изданіи этого сборника, поручивъ нижеподписаншемуся какъ редактированіе сборника, такъ и составленіе біографіи о. Вербицкаго. Не имѣя необходимыхъ средствъ на изданіе сборника, Отдѣлъ постановилъ открыть предварительную подписку на него, назначивъ цѣну послѣднему въ 2 руб., о чёмъ затѣмъ и было объявлено въ издаваемомъ Отдѣломъ журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе“, 1891 г., кн. VIII. Вскорѣ-же послѣ этого отъ одного лица (въ Москвѣ), пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, Этнографическій Отдѣлъ съ глубокою благодарностью получилъ на изданіе сборника 300 рублей. Сослуживцы покойнаго протоіерея, алтайскіе миссіонеры, узнавъ о предполагаемомъ изданіи, также оказали посильную материальную поддержку и сдѣлали предварительные взно-

сы. Послѣдніе получены: отъ Начальника миссій Томской епархіи, Бійского Епископа Владимира (5 руб.) игумена Иннокентія (3 руб.), іеромонаха Иннокентія, А. О. Капелькина, С. А. Петрова (3 руб.), священниковъ: П. Бенедиктова, С. Борисова (3 руб.), С. Ивановскаго (4 руб.), В. Ландышева, І. Никифорова (3 руб.), І. Никольскаго, Г. Оттыгашева, Т. Петрова (5 руб.), В. Постникова (3 руб.), С. Постникова, В. Россова (4 руб. за 2 экз.), К. Соколова, В. Тозыякова, М. Турбина (10 руб. за 4 экз.) и І. Штыгашева (3 руб.). Предварительные взносы получены также отъ слѣдующихъ лицъ: Президента Общества Любителей Естествоznанія, проф. Д. Н. Анучина, Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла, проф. Вс. О. Миллера, товарища предсѣдателя того-же Отдѣла В. М. Михайловскаго, секретаря Отдѣла Н. А. Янчука, проф. Н. О. Сумцова, А. М. Головачева, прот. Арс. Ивановскаго, А. А. Ивановскаго, И. С. Ландышева (3 руб.), Е. А. Ляцкаго, книжного магазина Михайлова и Макушкина въ Томскѣ (10 руб. за 5 экз.) и Харьковской общественной библіотеки.

Материаломъ при составленіи біографического очерка служили: некрологъ о. Вербицкаго, помѣщенный въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (1891 г., кн. VIII), двѣ статьи игумена Владимира Синьковскаго и священника Василія Постникова въ „Томскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1891 г., № 9, письма покойнаго къ протоіерею Арсенію Ивановскому и двѣ замѣтки, предоставленныя въ распоряженіе редакціи гг. Головачевымъ и Вольскимъ.

Доставленіемъ прилагаемаго къ сборнику портрета о. Вербицкаго редакція обязана художнику М. С. Вольскому, лично знавшему покойнаго міссионера. Портретъ сдѣланъ г. Вольскимъ съ фотографического снимка, снятаго съ о. Вербицкаго А. М. Головачевымъ въ Чамалѣ въ 1890 г., т. е. въ годъ его смерти.

Весь доходъ отъ продажи сборника, по постановленію Этнографического Отдѣла, будетъ употребленъ на изданіе новыхъ матеріаловъ или изслѣдований по этнографіи сибирскихъ инородцевъ.

Ал. Ивановский.



Алтайскій міссіонеръ, протоієрей
В. И. Вербицкій.

(† 1890 года 12-го октября).



Алтайский миссионеръ, протоіерей Василій Иванович Вербицкій.

Жизнь покойнаго алтайскаго миссионера, протоіеря В. И. Вербицкаго служить высоко-поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать въ глухомъ, заброшенномъ углу человѣкъ, ищущій дѣятельности и желающій принести посильную пользу какъ окружающимъ его, такъ и наукѣ. Сынъ дьячка Нижегородской епархіи, В. И. Вербицкій, по окончанію курса наукъ въ Нижегородской семинаріи, занялъ сначала мѣсто учителя, но вскорѣ-же оставилъ его, поѣхалъ въ Сибирь и здѣсь, 12-го января 1853 года опредѣленный на службу въ Алтайскую духовную миссію и 17-го іюля 1854 г. рукоположенный въ Томскѣ во священника, всю свою жизнь (около 37 лѣтъ) посвятиль миссионерской дѣятельности на Алтай, неутомимо трудясь въ то-же время по изученію мѣстнаго инородческаго населенія. Прослужить 37 лѣтъ въ Алтайской миссіи,—говорить игуменъ (нынѣ епископъ) Владиміръ¹⁾,—въ особенности въ первые годы нищенскаго материальнаго ея существованія, когда она не имѣла никакихъ средствъ. когда она питалась, болѣшею частью, тѣми крохами, которыя собирались по домамъ москвичей цѣлый вѣкъ свой хлопотавшимъ о миссіи, незабвеннымъ протоіереемъ Николаемъ Лавровымъ, когда Алтай предста-влять во всѣхъ отношеніяхъ несравненно больше трудностей и для миссионерскаго на немъ дѣланія и для жизни дѣлателей,—поступить на Алтай въ такую пору и затѣмъ прослужить на немъ 37 лѣтъ, мы едва-ли ошибемся, если назовемъ такое служеніе подвигомъ. О трудностяхъ миссионерской жизни самъ покойный протоіерей писалъ однажды слѣдующее: „Дѣлать одно дѣло, дѣлать его не годъ, не два, а цѣлыхъ три десятка лѣтъ—требуетъ отъ человѣка постоянства и особенной любви къ избранному дѣлу. При благопріятныхъ условіяхъ всякое дѣло становится легкимъ и даже пріятнымъ. Не таково дѣло миссионерское: это—война безъ перемирія. Какъ въ военное время солдатамъ нѣтъ возможности пользоваться разными удоб-

¹⁾ „Томскія Епарх. Вѣд.“, 1891 г. № 9.

ствами, такъ и миссіонеру объ удобствахъ помышлять не приходится. Бдеть онъ и весною и осенью, и лѣтомъ и зимою, и въ вѣдро и въ ненастье, не въ какомъ-либо крытомъ экипажѣ, а на сѣдлѣ, будучи подверженъ всѣмъ преложеніямъ воздушнымъ. При ясной погодѣ, лѣтомъ, ъзда безопасна. А во время дождей? Намокнетъ путникъ до костей, а тутъ надо карабкаться на перевалъ, гдѣ отъ страшныхъ ударовъ грома на глазахъ валятся разбитыя деревья и конь отъ страха падаетъ на колѣна; затѣмъ надо спускаться внизъ, по страшной крутизнѣ. Подниматься въ гору не такъ страшно,—не упадешь; спускаться же, тутъ-то и жди непріятности. При малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ лошади путникъ обыкновенно падаютъ. Хорошо, если только выпачкается въ грязи, а часто бываетъ и хуже. Можно изувѣчиться, или, въ лучшемъ случаѣ, ушибиться, что нерѣдко случается".

„Весною и осенью весь мокрый, дрожащи отъ холода миссіонеръ жаждетъ, гдѣ бы отогрѣться и обсушиться. Въ этомъ положеніи разстояніе дѣлается, т. е. представляется, необыкновенно большимъ. Наконецъ жилье человѣческое—юрта. Лучше нѣть и негдѣ искать помѣщенія. Надо обсушиться. Приходится снять съ себя все мокрое и сушить на огнѣ. Благо тому, у кого есть запасная одежда. Большеюже частію бываетъ такъ: пока одежда сушится, путникъ облекается въ хозяйствія одежды. Тутъ известныя настѣкомыя съ жадностью бросаются на гостя".

„Во время поѣздокъ, и обѣдъ, и ужинъ, утренній и вечерній чай составляеть одно кушанье: кирпичный чай съ сухарями и—сухари съ чаемъ".

„Ночлегъ: обсушившись и согрѣвшись горячимъ чаемъ, наси-дѣвшись до изнеможенія въ бесѣдѣ съ хозяевами, миссіонеръ кладеть свое сѣдло въ головы, стелеть потникъ изъ-подъ сѣдла и одѣвается высушенными одеждами. Утомленіе беретъ свое: путникъ засыпаетъ. Онъ не чувствуетъ, какъ кусаютъ его разныя настѣкомыя, не слышитъ отвратительной вони отъ развѣшенныхъ конскихъ кожъ, не замѣчаетъ сосѣдства собакъ, телятъ и ягнятъ, не слышитъ, какъ стучитъ надъ головою дождь, завываетъ вѣтеръ или стонетъ страшный буранъ".

„Такъ noctуютъ миссіонеры, пока они еще молоды, крѣпки. Старики-же, съ надломленнымъ, изношеннымъ здоровьемъ, сверхъ выше-сказанныхъ неудобствъ, чувствуютъ въ ненастную погоду еще болѣе непріятностей: и голова болитъ, и кости ноютъ, и холодъ, и настѣкомыя спать не даютъ. И длинна, длинна бываетъ осенняя ночь!"

„Ходить миссіонеръ изъ юрты въ юрту, или собираетъ алтайцевъ куда-либо въ одно мѣсто, чтобы предложить имъ слово спасенія. Если слушаютъ со вниманіемъ, миссіонеръ доволенъ. Большеюже частію слушаютъ плохо, разсѣянно, или прерываютъ рѣчь проповѣдника разными неподходящими рассказами, вопросами или шумомъ. Вотъ и скорбь на душѣ".

Плохой отдыхъ ждетъ миссіонера и дома: „Пріѣзжаетъ миссіонеръ домой и не смѣеть разсчитывать на отдыхъ: и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ, постоянно приходять къ нему инородцы. Одинъ зоветъ исповѣдывать больнаго, другой просить лекарства, третій жалуется, что у него увезли остоожье. Приходятъ мужъ съ женою, оба плачутъ, другъ на друга жалуются. Приходитъ стариkъ, весь въ синявицахъ, съ жалобою, что некрещенные родственники, желая выжить его изъ своего улуса, пригнали на его пашню 300 лошадей, весь хлѣбъ вытоптали, а его самого избили до полу смерти и обѣщались убить, если онъ не уѣдетъ отъ нихъ. Является татаринъ, просить пособить его брату, въ пьяномъ видѣ упавшему въ кипящій котелъ и получившему большие обжоги. Тотъ просить хлѣба, другой—корову, третій—денегъ на сѣмена. Тутъ приносятъ дѣтей для крещенія, просять о повѣнчаніи, спрашиваются, можно ли такому-то жениться на такой-то. А тутъ приходиться щѣхать, иногда верстъ за 50, для напутствованія больныхъ. А тутъ, смотришь, за время поѣздокъ на столѣ лежать бумаги, на которыхъ нужно отвѣтить немедленно. Надо писать исповѣдныя росписи, метрики, вести разные журналы. Надо о школахъ позаботиться. Если есть желающіе креститься, нужно ихъ подготовить къ крещенію, позаботиться и о бѣльѣ для крещающихся, а затѣмъ и о водвореніи ихъ послѣ крещенія. Тутъ слышишь, что изъявившіе желаніе креститься колеблются,—надо ихъ поддержать; тамъ—крещенные въ жизни своей начинаютъ являть недобрья стороны,—нужно ихъ вразумить“.

Несмотря на такую тяжелую жизнь, неразрывно связанную съ миссіонерскою дѣятельностью, жизнь, полную труда и лишений, нравственныхъ муkъ и физическихъ испытаній, покойный миссіонеръ горячо, беззавѣтно любилъ свой Алтай, всего себя отдавъ разъ избранному дѣлу, съ любовью велъ это дѣло, ни разу не отступалъ съ того тернистаго пути, по которому шелъ, и успѣль столько принести пользы и дорогому для него Алтаю и наукѣ, что, умирая, съ спокойной совѣстью могъ сказать: „feci, quod potui“. Память объ о. Вербицкомъ, какъ миссіонерѣ, надо надѣяться, никогда не изгладится среди членовъ Алтайской миссіи. Въ глубоко-прочувствованныхъ статьяхъ со служивцевъ о. Вербицкаго, епископа Владимира (Синьковскаго) и свящ. В. Постникова, посвященныхъ памяти покойнаго протоіерея, миссіонерская дѣятельность послѣдняго обрисовывается такою, которая можетъ служить образцомъ для другихъ миссіонеровъ. „Алтайская миссія въ лицѣ покойнаго протоіерея В. И. Вербицкаго потеряла опытнаго, многополезнаго труженика, отдавшаго всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы Алтаю, а миссіонеры—дорогаго совѣтника, искренняго друга, любимаго и любящаго брата,—пишетъ епископъ Владимиrъ. „Старого миссіонерскаго закала, прежняго воспитанія и образования, миссіонеры дорогой нашей Алтайской миссіи одинъ за другимъ ста-

ли сходить со сцены, “—такъ начинаетъ свои воспоминанія объ о. Вербицкомъ свящ. Постниковъ,— „списокъ покойныхъ дѣятелей нашей миссіи удлиняется: не такъ давно онъ увеличился смертю незабвенного о.protoиерея Вербицкаго.“ „Такие люди, какъ покойный, — продолжаетъ авторъ,— рѣдки, и потому справедливость требуетъ, когда смерть отнимаетъ ихъ у насъ, возвратъ должное ихъ памяти, принести имъ дань, хоть слабую, но которая свидѣтельствовала-бы о нашей любви и уваженію къ покойному“. Затѣмъ авторъ такъ характеризуетъ о. Вербицкаго: „О. protoиерей былъ простъ, прямодушенъ и всѣхъ привлекалъ къ себѣ своимъ обращеніемъ. Кузнецкіе татары такъ любили, уважали и довѣряли покойному, что всѣ зайнанскія печати всѣхъ черневыхъ Кузнецкихъ зайнановъ хранились у о.protoиерея до самаго его выѣзда изъ Кузнецкаго округа. Пользуясь такимъ расположениемъ къ себѣ народа, о.protoиерей больше всѣхъ миссионеровъ окрестилъ инородцевъ (болѣе 2 тысячи) ¹⁾.

Къ подчиненнымъ о.protoиерей былъ не начальникъ, а старшимъ братомъ, а къ меньшей братіи—самымъ нѣжнымъ отцомъ. Его, какъ начальника, не боялись, а любили и изъ любви къ нему не дозволяли себѣ предосудительныхъ поступковъ, чтобы не огорчить любимаго старца.

У покойнаго не было секретовъ; душа его была для всѣхъ открыта.

Братій по духу о. Василій любилъ болѣе, чѣмъ братій по плоти. Это знаютъ всѣ служащіе въ миссіи ²⁾.

Жизнь онъ велъ самую простую. Вина не пилъ болѣе двухъ рюмокъ, чай пилъ по одному только стакану, столъ имѣлъ простой. Постоянно занятый чтеніемъ или письмомъ, онъ о пишѣ, кажется, менѣе всего заботился. Я къ нему заѣхалъ въ іюль мѣсяцѣ въ Чамаль. И что же?—protoиерей жилъ въ палаткѣ.

— Мы, братъ, здѣсь кочуемъ, здоровьемъ запасаемся, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Давай съ радости чай пить.

Чай по походному, съ сухарями, ужинъ состоялся изъ одной просянной кашицы.

Человѣкъ больной долженъ бы усилить питаніе; но о. Василій обѣ этомъ точно позабылъ.

Я коснулся тѣхъ сторонъ характера о. Василія, которые были открыты для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе,—заканчиваетъ о.

¹⁾ По словамъ епископа Владимира, о. Вербицкимъ, за все время его миссионерской дѣятельности, было обращено въ христіанство 2117 язычниковъ.

²⁾ Всѣ свои сбереженія покойный оставилъ, по духовному завѣщанію, исключительно миссионерамъ, миссионерскимъ церквамъ, миссионерскому монастырю и приюту. На неоднократное предложеніе двухъ миссионеровъ, поперемѣнно находившихся при больномъ въ послѣдніе дни его жизни, удѣлить что-либо въ пользу его родныхъ, живущихъ въ Россіи, о.protoиерей отвѣчалъ: „У меня нѣтъ родныхъ, роднѣе васъ миссионеровъ“.

Постниковъ,— „но какъ будуть хранить о немъ память тѣ, которые были почтены его дружбой! Они будутъ помнить, что дружба эта была постоянна и безкорыстна, что она выражалась не словами только, но и самимъ дѣломъ. Друзья его никогда не забудутъ его радушія, привѣтливости, бесѣды, полной одушевленія, разнообразной, богатой меткими наблюденіями, анекдотами, остротами, юморомъ, бесѣды, показывающей въ немъ плѣнительную доброту сердца.“

Съ честью выполняя свою миссіонерскую дѣятельность, покойный о. Вербицкій все время, свободное отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей (а его было такъ немного), посвящалъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, занятію пчеловодствомъ, ботаникой и метеорологическимъ наблюденіямъ.

О. Вербицкій, мало того, что первый ввелъ въ Алтай (въ Кузнецкомъ округѣ) пчеловодство, но и поставилъ веденіе его на вполнѣ рациональную почву. Какъ опытнаго и рациональнаго пчеловода, о. Вербицкаго знали не только всѣ пчеловоды въ Сибири, но и весьма многіе въ Европейской Россіи, о чёмъ свидѣтельствуютъ многочисленныя письма пчеловодовъ, просившихъ у него указаний и советовъ. По справедливому замѣчанію доктора Л—скаго, „Алтай потерялъ въ немъ свѣточъ рациональнаго пчеловодства, а печатный органъ послѣдняго—дѣльнаго и свѣдущаго указателя“.

Изученію флоры Алтая покойный протоіерей также посвятилъ много лѣтъ своей жизни, ведя постоянную переписку съ извѣстнымъ ботаникомъ Анненковымъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ помогавшимъ о. Вербицкому въ изученіи ботаники. О. Вербицкій, въ свою очередь, посыпалъ ему всѣ свои ботаническія наблюденія и замѣтки, и большая часть ихъ вошла въ ботанический словарь Анненкова.

Но особенно плодотворны и цѣнны для науки были труды о. Вербицкаго въ области лингвистики и этнографіи. Съ самаго начала своего поступленія въ миссію, о. Вербицкій, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка мѣстныхъ инородцевъ немыслимы ни успѣшная среди нихъ миссіонерская дѣятельность, ни столь тѣсно связанныя съ нею для каждого миссіонера дѣятельность въ области этнографіи, горячо принялъся за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія явилась сначала его „Краткая грамматика алтайского языка“, а потомъ, по накопленіи достаточнаго матеріала, собиравшагося непрерывно въ продолженіи 30-ти слишкомъ лѣтъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавиемъ: „Словарь алтайского и аладагского нарѣчій тюркского языка“. Насколько цѣненъ этотъ трудъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій о немъ отзывъ преосвященнаго начальника миссій, извѣстнаго знатока алтайского языка: „Алтайско-аладагский и русскій словарь составляетъ цѣнныій вкладъ въ отечественную библіотеку тюркской литературы и—честь Алтайской мис-

сі. Опъ есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ ветерана міссіонерской службы, не безъизвѣстнаго для мѣстныхъ печатныхъ органовъ по многимъ этнографическимъ и другимъ статьямъ. Послѣ словаря г. Будагова, словарь протоіерея Вербицкаго имѣеть право занять первое мѣсто по капитальности труда и добросовѣстности его исполненія.⁴ Рядомъ съ собираніемъ лексикологического матеріала у о. Вербицкаго шло и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, печатавшихся по разнымъ изданіямъ (въ „Вѣстникѣ Имп. Русск. Географ. Общества“, „Православномъ Обозрѣніи“, „Душеполезномъ Чтеніи“, „Томскихъ Губ. Вѣд.“, „Томск. Епарх. Вѣд.“, „Памятныхъ книжкахъ Томской губ.“, „Восточномъ Обозрѣніи“ и въ приложеніи къ нему—„Литератур. Сборникѣ“) и составившихъ настоящій сборникъ, этнографія впервые обогатилась цѣнными для нея свѣдѣніями о кочевникахъ Алтая. О важности ихъ для этнографіи можетъ судить каждый по изданному сборнику, въ который не вошли только „Краткая грамматика алтайского языка“ и „Словарь алтайского и аладагского нарѣчій тюркского языка“, какъ вышедшия отдалѣнными книгами.

За свое сотрудничество ученымъ Обществамъ о. Вербицкій былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній, членомъ — сотрудникомъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества и дѣйствительнымъ членомъ Томскаго статистического комитета. Въ послѣдніе годы своей жизни покойный состоялъ помощникомъ начальника миссій Томской епархіи.

Скончался протоіерей В. И. Вербицкій 1890 года 12-го октября, на 63-мъ году отъ рожденія, въ Улалинскомъ станѣ Алтайской духовной миссіи. По объясненію доктора Л—скаго, съ которымъ покойный велъ переписку о своей болѣзни, послѣдняя явилась слѣдствіемъ многолѣтнихъ, сопряженныхъ съ различными трудностями, опасностями и лишеніями, поездокъ по Алтаю на верховой лошади. Объясненіе это будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что въ теченіи 37-лѣтней міссіонерской своей службы о. Вербицкій изѣздилъ 36,000 верстъ верхомъ и притомъ, большею частью, по такой сырой мѣстности, какова Кузнецкая чернь.

Труды протоіерея В. И. Вербицкаго:

- 1) Краткая грамматика алтайского языка, подъ редакціей Н. И. Ильминскаго. Казань. 1869 г.
- 2) Словарь алтайского и аладагского нарѣчій тюркского языка. Издание Православнаго Міссіонерскаго Общества. Казань. 1884 г. IV + 494 in 8°.
- 3) Замѣтки кочеваго алтайца. «Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.», 1858 г., кн. XI, стр. 77—109.

4) Записки миссіонера Кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи. «Православное Обозрѣніе» 1863 — 1869 гг., «Душеполезное Чтеніе», 1861 г., IX, стр. 75 — 98, и «Томскія Губ. Вѣд.», 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28 — 33.

5) Алтайцы. Содержаніе: топографія Алтая и его естественные произведения; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена: 1) алт. калмыки, 2) калмыки-двоеданцы, 3) телеуты и 4) черневые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; вѣрованія; преданія: 1) о сотвореніи міра; 2) обширность мірозданія; 3) о происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; 4) ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе (1); 5) міръ Эрлика; брань Майдышіре съ нимъ и его силой; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (2); 6) о всемирномъ потопѣ (3); 7) происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства (4); 8) о Тенгере—Тедыгечі—небозаключителѣ (5); 9) Тенгере—Тедыгечі въ царствованіе Шаржаалты 2-го; 10) кончина вѣка съ ея признаками (6); историческая, богатырская и др. преданія: 1) о подданствѣ Россіи телеутовъ (7); 2) о подданствѣ Россіи телеутовъ-скедамовъ; 3) о междуусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нараттаномъ; 4) происхожденіе народа «туургутъ» и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ; 5) о Телецкомъ озерѣ (8); 6) Мрасскій порогъ (9); 7) богатыри рѣки Катуны; 8) богатырь горы Катуны (10); 9) гора Катунь; 10) Мустагъ, Карабуръ и Кізей; 11) Азра-дашъ (11); 12) Турагыгъ; 13) китайскій богатырь Садагай (12); 14) Тахпах-ажигы; 15) миѳ о происхожденіи верблюда и осла (13); 16) Алтайская чудь; 17) происхожденіе сѣока мундусовъ и теолессовъ; 18) участъ грамотности алтайцевъ (14); нравы, обычаи, обряды и примѣты; лѣченіе болѣзней; пѣсни: 1) о разореніи Алтая; 2) тюремная пѣсня алтайского батыря Канзы (15); 3) бородастый Тень-бекей; 4) плачь о потерѣ мужа; 5) жалобы влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругою; 8) грустныя чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) бесполезность имѣнія по смерти; 11) жалобы на одиночество; 12) воспоминаніе товарищества; 13) воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ; 14) ожиданіе роднаго; 15) плачь о потерѣ сына; 16) о дружелюбіи и согласіи; 17) нужда въ пѣсенникѣ; 18) надежда сироты; 19) желанія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) состраданіе къ птицамъ пернатымъ; 22) Орадый и Урей и 7 пѣсень безъ названій; пословицы; загадки. «Томскія Губ. Вѣд.» 1869 г. №№ 30 — 33, 35, 37 — 42, 44 — 47, 49 — 51, и 1870 г. №№ 1 — 5, 7 — 13, 16 — 19. Преданія, за названіемъ которыхъ стоятъ цифры въ скобкахъ, были напечатаны ранѣе въ тѣхъ-же «Томскіхъ Губ. Вѣд.», именно: 1 — 1859 г., № 29; 2 — 1859 г., № 45; 3 — 1865 г., № 6 (см. также статью о. Вербицкаго: «Какъ мы отыскивали Ноевъ ковчегъ» въ «Восточномъ Обозрѣніи» 1882 г., № 30); 4 — 1865 г., №№ 17 и 18; 5 — 1865 г., № 31; 6 — 1860 г., № 30; 7 — 1858 г., № 29; 8 — 1860 г., № 37; 9 — 1862 г., № 37; 10 — 1862 г., № 24; 11 — 1861 г., № 27; 12 — 1859 г., № 45; 13 — 1861 г., № 32; 14 — 1865 г., № 18; 15 — 1864 г., № 9.

6) Кочевья инородцевъ Кузнецкаго округа по пр. Томи, Мрасъ и Кондомъ. «Памятная книжка Томской губ. на 1871 г.», изд. Томскаго статист. комитета.

7) Очеркъ дѣятельности Алтайской духовной миссіи по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилею (1830 — 1880 г.). «Памятная книжка Томской губ. 1885 г.», изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142 — 221.

8) Краткія свѣдѣнія объ Алтайской дух. миссіи, извлеченные изъ рапорта помощника начальника миссій Томской епархіи, протоіерея Вербицкаго, представленного имъ его преосвященству, преосвященнѣйшему Исаакію при обозрѣніи епархіи (происхожденіе алтайскихъ инородцевъ, раздѣленіе ихъ и подданство Россіи, ихъ языкъ, вѣрованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычаи и обряды). «Томскія Епарх. Вѣд.», 1886 г., №№ 19 — 22.

9) Мирообразованіе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (этнографич. матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абакан, 2) Шанчилык,

3) Кізей, 4) Турагыг, 5) Садагай-гая, 6) Кылан, 7) Мазарак, 8) Кызыл-гая, 9) Улугтаг, 10) Курт-як таш., 11) Катун, 12) Ак-гая, 13) Патно-гаязы, 14) Манак, 15) Ог-аттыг таш., 16) Казырган и Кедере-даг; 17) Унзас-каябажы. «Литературный Сборникъ», изд. редакціи «Восточного Обозрѣнія». Спб. 1885 г., стр. 337—351.

10) Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чревѣ материей своихъ; рожденіе ихъ большою частію отъ престарѣлыхъ родителей; нареченіе имени; ростъ богатырей и дѣтская сила; богатыр. сѣдло; богатыр. вооруженіе; богатыр. сила, богатыр. Ѣзда; богатыр. битвы. «Томскія Губ. Вѣд.» 1882 г. №№ 33, 44, 45 и 1883 г. № 8, 14—16.

11) Памятники наказанной вѣтринности и ослушанія (преданія алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшь). «Томскія Губ. Вѣд.», 1861 г., № 27.

12) Алтайскій богатырь Ольгудэкъ (преданіе черневыхъ татаръ). «Томскія Губ. Вѣд.», 1868 г. № 2.

13) Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медвѣдь, кукушка, иволга, глухарь и карастель. «Том. Г. В.», 1869 г., № 39.

14) Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). «Томскія Г. В.», 1874 г., №№ 13, 18, 19, 21 и 22.

15) Мустагъ, Карабуръ, Кізей и Турагыгъ (легенды кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). «Томск. Губ. В.», 1865 г., № 1.

16) Тюрунъ—Музыкай; легенды алтайцевъ о происхожденіи разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ. «Томск. Г. В.», 1863 г. № 27.

17) Замѣчанія на статью объ Алтайѣ: «Татарскія пѣсни», Н. Анальина, въ «Томск. Губ. В.», 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). «Томск. Губ. В.», 1859 г., № 13.

18) Первая пища человѣка по изгнаніи его изъ «аруунь-сюдюнь»; вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). «Томскія Губ. В.», 1860 г., № 38.

19) Понятія алтайскихъ инородцевъ душѣ. «Том. Г. В.», 1860 г., № 5.

20) Название мѣсяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣваемости хлѣба, 4) по метеорологическимъ свойствамъ, и 5) по занятіямъ, свойственнымъ известному мѣсяцу. «Томскія Губ. В.», 1864 г., № 3.

21) Сеоки (кость, родъ, поколѣніе) алтайцевъ. «Томск. Г. В.», 1865 г., № 42.

22) Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). «Томск. Г. В.», 1859 г., № 5.

23) Питье въ Алтайѣ (вода, чегэнъ, кумысъ и арака). «Том. Г. В.», 1861 г., № 14.

24) Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ. «Томск. Г. В.», 1863 г., № 49.

25) «Сагыры» (приготовленіе кожъ на Алтайѣ). «Томск. Г. В.», 1864 г., № 29.

26) Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами. «Томскія Губ. Вѣд.», 1858 г., № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г. № 26.

27) Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ крестьянъ: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ лѣченіи болѣзней. «Томск. Губ. В.», 1863 г., № 12.

28) Русская парная баня. «Томск. Г. В.», 1862 г. № 40.

Алтайскіе инородцы.

Топографія Алтая и его естественныя произведенія.

За нѣсколько сотъ верстъ по дорогѣ отъ г. Томска къ г. Бійску, Алтайскія горы поражаютъ наблюдателя своимъ видомъ. Непривычный глазъ затрудняется отличать ихъ отъ густыхъ, синихъ облаковъ. Но вотъ онъ близятся, облачный видъ исчезаетъ; видно, что это цѣль высочайшихъ горъ, даже замѣтны на нихъ и признаки растительной жизни. Теперь всякий скажетъ, что это горы. Но далеко ли онъ? Житель долинъ, привыкшій нагляднымъ образомъ опредѣлять разстояніе между предметами, мало еще ошибется, если скажетъ, вмѣсто дѣйствительныхъ 100 верстъ, 50 кажущихся. Такъ горы обманчиво сокращаютъ разстояніе.

Алтай Томской губерніи граничитъ къ съверу верховьями рр. Усы и Томи, къ югу—хребтомъ Хомунскимъ и Китайскими караулами: Чингистай, Урыль, Усун-Табаты, Чиндагатуй, Укукъ, Финдаръ, Табаты и Суокъ; къ востоку—озеромъ Джулукуль и границею Енисейской губерніи; къ западу—бѣлками: Коксинскими, Чарышскими, Ануйскими и р. Песчаной.

По всему пространству раскинулся величественный Алтай своими хребтами и отрослями, отъ съвера на югъ приблизительно на 1000 верстъ, а отъ востока къ западу на 700. Южная часть этого пространства, по лѣвой сторонѣ р. Катуни и по правую—отъ устья р. Сюмулты до Телецкаго озера, по преимуществу называется здѣсь Алтаемъ и отличается высотою каменистыхъ горъ разныхъ формъ и очертаній: тутъ виднѣются и огромные зубцы, и стѣновидные утесы изъ сплошного камня, заостренные въ треугольникъ, и синія скалы аспидоподобныхъ плитъ съ гнѣздами голубей и убѣжищемъ змѣй, и отдельно возвышающіяся круглые сопки. Но надъ всѣми этими горами царятъ Катунскіе столбы (бѣлки), на подобіе сахарныхъ головъ, возвышающіеся и исчезающіе въ синевѣ небесъ. Звѣроловы уверяютъ, что съ каждымъ годомъ на этихъ столбахъ наростаетъ новый слой льда и доказываютъ эту гипотезу глубочайшей трещиной ледяного свойства на одномъ изъ нихъ. Съверная часть Алтая отличается топями и болотами между болѣе отлогихъ горъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, и изо-

билиутъ дикими, непроходимыми трущобами. Эта часть собственно называется чернью.

Алтайскія горы перерѣзаны рѣками, рѣчками и ручьями, которые то смиренно омываютъ подошвы горъ, то съ шумомъ стремятся по самымъ хребтамъ ихъ и пѣнятся въ водопадахъ. Замѣчательныя рѣки: Катунь (госпо-жа), Бія (бій—господинъ), которая въ соединеніи составляютъ Обь, Чалушманъ, Башкоусъ, Абаканъ, Томь съ дѣтьми своими: сыномъ Мрасомъ и дочерью Кондомою, Чуя. Изъ озеръ болѣе другихъ замѣчательно Телецкое, которое находится въ сѣверной части Алтая, въ длину простирается на 75 верстъ; самая большая ширина его 6 верстъ, а малая — около 400 саж., глубина простирается до 135 саж. Волна его возвышается на $2\frac{1}{2}$ саж.; замерзаетъ въ исходѣ ноября, но только сѣверная часть, а южная замерзаетъ очень рѣдко (лѣтъ чрезъ 20), вскрывается въ началѣ марта. Русскіе назвали Телецкое озеро въ 1632 г., подъ предводительствомъ боярского сына Петра Собанскаго.—Алтайскія рѣки быстры, такъ какъ большою частью падаютъ съ горъ, каменисты и обильны рыбою. Здѣсь водятся: осетръ и стерлядь (въ Катуни), нельма, ускучъ, харіузъ, таймень, щука, окунь, налимъ, язъ, сорога, усачъ (въ Чуѣ), ершъ, чебакъ и въ большомъ количествѣ сельдь (въ Телецкомъ озерѣ). Въ озерахъ: карась, линь и много пѣявокъ. Быстроота здѣшнихъ рѣкъ препятствуетъ скорому ихъ замерзанію. Самый процессъ замерзанія совершаются здѣсь иначе, чѣмъ въ Россіи. Къ камнямъ, проникнутымъ холодомъ, вода начинаетъ примерзать, отчего образуется на нихъ ледовитая кора. Но этотъ покровъ постоянно отбивается волнами, всплываетъ наверхъ и большими массами несетъ по теченію, какъ въ Россіи, взломанный весною, ледъ и называется здѣсь *шугою*. Наконецъ, шуга, спѣляясь болѣе и болѣе, пристаетъ къ берегамъ и превращается въ настоящій ледъ.

Въ 15 верстахъ отъ верховьевъ р. Катуни къ югу замѣчательны два цѣлительные ключа: горячій и холодный. Оба, на языке алтайцевъ, называются *Аржан* и весьма извѣстны по своей цѣлебной силѣ.

Бѣлки начинаютъ таять въ іюнѣ мѣсяцѣ и дѣлаютъ необыкновенный переворотъ, особенно въ южной части Алтая: тогда не только рѣки, но ручьи и потоки выходятъ изъ границъ и разливаются на большія пространства. Этотъ лѣтній разливъ рѣкъ бываетъ часто болѣе весеннаго.

Горы Алтая покрыты деревьями: кедромъ (*меш, кузукагаш*) сосною (*карагай*), пихтою (*чіб*), березою (*кайн*), осиною (*опсак*), черемухою (*тімырыт, тедра, ю бут, немырт*), рябиною (*пеле*), (*сюйіэ*), липою (въ Кузнецкой черни по р. Мигашу), ольхою (*шіх-агаш*, близъ Телецкаго озера и въ верховьяхъ р. Мрасы), тополемъ (*терек*), елью (*тыненъ*), осокорью ветлою, вербою (*тал*), бояркою (толоно); кустарниками: калиною (*шанжагаш*), жимолостью (*ітьбурду*), малиною (*агаш-тійлек, агаш-тістене*), смородиною черною (*каранат, боро-нот*), — красною (*кызылнат*), бузиною (*эмегэн-сеок, зютъ-г іажі*), волчьимъ лыкомъ (*озлай терезе*), облѣпию (*Hippophae rhamnoides*).

noides при рѣкахъ), акаціею (большою и малою *шахын*), тавалгою, ежевикою (*тіннат*) шиповникомъ (*тейзек*), крушиною (*узют-тімырыды*, *абшак-немирты*), вересомъ (*аржан-элен*), тальникомъ разныхъ видовъ (*сары-тал*, *кара-тал*, *ак-тал*, *куа-тал*, *эчкы-тал*, *кырчін-тал*); сверхъ того въ южной части Алтая: лиственницею (тыт), мораломъ или альпійскою розою (*Rhododendron Dahuricum*), которая покрываетъ камни, какъ алымъ сукномъ, и крыжовникомъ. Предгорія Алтая покрыты роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ и зелени. Въ съверной, Черневой, части Алтая травы отличаются исполинскимъ ростомъ и сочностью, а въ южной части царство растеній представляеть болѣе разнообразія, цѣлебности и аромата. Весною послѣ *паловъ*, этой пре-восходиціей горной иллюминаціи, не замѣнимой и миллионами плошечъ, очищенная земля недолго носить на себѣ мрачный характеръ. Развивающаѧся зелень болѣе и болѣе разгоняетъ печальный видъ обожженныхъ горъ. Онъ бурѣютъ. Но вотъ зелень съ каждымъ днемъ беретъ перевѣсъ надъ чернымъ фономъ—разцвѣтаютъ первыя, такъ сказать, подснѣжныя растенія: вѣтреница бѣлая (*кой-чечек*), называемая инородцами *кандышиною матерью*, потому что вслѣдъ за нею является кандақъ (*Eruthronium dens canis, nec*), далѣе фіалка желтая (*Viola Altaica*) и синяя, (*collina*) стародубка (*Adonis vernalis*), лютики, троецвѣтки (*Aquilegia grandulosa*), борецъ (*Delphinium intermedium*), прикрыть разныхъ видовъ (*Aconitum*), Марьино коренье (*Paconia anomala, чайна баш*), режуха (*Hasturtium palustre*), висячка (*Macropodium nivale*), клоповникъ (*lepidium ruderale*), пузырница (*filene inilata*), собачки (*Agrimonia Eupatoria, кой туткыш*), просвирнятъ (*Malva et Althaea*), звѣробой (*Hypericum perforatum*), синій (*Dracocephalum nutans*), каменный на подобіе папоротника, сладковатый, вязиль (*medicago*), донникъ (*Melilotus off. et Spiraea Eilipendula*), солодка (*ялч-элен*), мышиный горохъ (*элен тырчак*), лабазникъ или бѣлоголовникъ (*Spiraea ulmavia, саз-улоны*), гравилатъ (*Geum off. et rivale*), завязникъ (*Formentilla erecta*), чилимъ, рогульникъ, водяные орѣхи (*Trapa natans*), кипрей (*Epilobium angustifolium*), баданъ (*Saxifraga, калчан*), дягильникъ (тиокту паѣтырган, эік паѣтырган), омегъ (*conium maculatum et cicuta virosa*), вехъ (*Phellandrium aquaticum*), подмаренникъ (*Galium*), мать и мачеха (*Tussilago farfara*), девясилъ (*Inula Helenium et salicina*) малый (*Xanthium strumarium*), полынь (въ Черни пѣтъ), мардовникъ (*сыс комурай*), репейникъ (*Lappa maior, уак,abalatka*), серпуха (*Serratula, Сепрмкэ*), трилистникъ водяной (*Menyanthes trifolita*), пасленъ (*Solanum nigrum*), бѣлена (*Hyoscyamus niger*), дурманъ (*Datura stramonium*), медвѣжье ухо (*Verbascum thapsus*), тысячелистникъ (*Achilles millefolium*), майникъ (*Majanthemum bifolium*), вяжечка (*Turritis glabra*), гвоздика (*Dianthus*), василисникъ (*Thalictrum*), гулявица чихотная (*Ptarmica vulgaris*), пупавка (*Anthemis flava*), могучникъ разныхъ видовъ (*Potentilla*), клоповникъ (*Rhinanthus Crista Galli*), воробышое сѣмя (*Lithospermum arvense*), ночная красавица (*Hesperis matronalis et irodora*), глухая кропива (*Lamium album*), горлянка (*Prunella vulg.*), горькая трава (*Sansurea*), Егорьево копье (*Ve-*

ronica longifolia), чертополохъ (Cirsium heterophyllum), золотушникъ (Serpophlaria nodosa), вербейникъ (Lysimachia thyrsiflora), песчанка (Arenaria), колокольчики разныхъ видовъ (Campanula), козлобородникъ (Tragopogon pratense), шкера (Crepis), колосница (Stachys palustris), плакунъ (Lythrum calicaria), воронецъ (Paris quadrifolia), балдырянъ (Valeriana), копытень (Asarum europaeum), вшивая трава (Pedicularis palustris), богородская трава разныхъ видовъ (Thymus), кошечья мята (перета sibirica), попутникъ (Plantago major), солянка (Salicornia herbacea), лебеда (Atriplex), змѣевникъ (Polygonum Bistorta), ревель (Rheum sibiricum), молочай разныхъ видовъ (Euphorbia), крапива (Urtica urens et divisa, чалканчылак, ачى чаланак), конопля, хмель (камдак, кымынак), шильтникъ водяной (Alisma plantago), кукушкины слезы (кок-машпана), касатикъ (Jris), слизунъ (Allium nutans, пайыр), горный лукъ (All. fitulosum et victorialis, союно), луговой чеснокъ (All. lineare et senescens, јэрь усхум), калба (All. ursinum), чемерица бѣлая и черная (Ак-сыргаак), палошникъ (Turfa latifolia), иръ (acomusca amus), осока разныхъ видовъ (курень), пырей (Triticum repens), папортникъ (прют аркыши), кашкора (Rhododendron chrisanthum), заячья капуста, сорочьи ягоды (Polygonotun off.), бараникъ (арпика), чистякъ (Chelidonium majus), щавель конскій (Rumex obtusifolius), татарское мыло или барская спѣсь (Lycchnis chalcedonica, самын-элен).

Алтай населенъ млекопитающими животными, для которыхъ дѣственіе лѣса и неприступныя скалы служать надежнымъ пріютомъ. Здѣсь водятся: рысь (усъ), волкъ (тирю), лисица (тильку), медвѣдь (аю, авшак, малдя-алай), барсукъ (пореук), розсомаха (теэженъ), выдра (камду), соболь (кіш), хорекъ (кузен, тоон-моин), колонокъ (сарас, күшхүлү), горностай (айас), ласочка (тохтонок), летучая мышь (яранат), заяцъ (койон) — длиннохвостый (туулай), сурокъ (тарбаган), земляная медвѣдка (Spalax Talpinus, номон), хомякъ, крыса сибирская, мышь разныхъ видовъ (чишхан, ялан-чишхан, су-чишхан, кызыл-чишхан), бѣлка (тынин, салык), бурундукъ (куорюк), летяга (Pteromys volans, бабырган), кабарга (табырга), лось, сохатый, (пүнгән), мараль (cervus elaphus, сынын), олень (ак-ийк, самка-муйнак), косуля (элж, самецъ-куран, самка-телькын), каменный козель (самецъ-текэ, самка-тюмә), каменный баранъ (самецъ-кочкор, самка-аркар), сайга (теэрень), ка-банъ (какой, тонус).

Птицы: орелъ бородатый (тас, чимул), — бѣлохвостый (кычуленъ), со-коль (карчіа, лачін), беркутъ (тарбальдин), ястребъ, коршунъ (теймленъ) сычъ, сова, филинъ, воронъ (кускун), ворона сѣрая и черная (карға), грачъ, галка (таан), сорока (санысхан), сойка, ронжа (тарал), кедровка (таралджи), иволга (аласару), скворецъ (карабарчик), дроздъ разныхъ видовъ, соловей (торчік, күжляк), пѣночка (Silvia acrecula), плишка (Motacilla flava), трясогузка (M. boarula), жаворонокъ, синица, снегирь, жуланчикъ (Pyrrhula vulgaris), воробей, водяной воробей-синій (Alcedo ispida), щеголь, кукушка, жолна, дятель разныхъ видовъ (тонурка, алаш), ласточка (карлааш), стрижъ,

голубь, горлица, глухарь, косачъ, рябчикъ, куропатка, перепелка, дрофа, стрепетъ, куликъ разныхъ видовъ, журавль (*турна*), цапля, бекасъ или барашикъ, карастель, гагара, чайка, лебедь (*куу*), гусь (*кас*), утка разныхъ видовъ (*су-уши, урьтэк*).

Пресмыкающіяся: лягушка (*пайа*), ящерица разныхъ видовъ (*кэлескэнъ*), змѣя (*ділан*), мѣдянка (*ок-ділан*). Змѣй, особенно на каменистыхъ горахъ, очень много, но онъ невелики и мало ядовиты. Ужалы ихъ не смертельны и лечатся здѣсь, преимущественно, конскимъ потомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ змѣи издаются вечерами, по выражению Палласа, „скрипящіе, нѣжные и продолжительные звуки“. Звуки эти походятъ на скрипеніе сверчковъ, но только громче и безпрерывнѣе. По разсказамъ инородцевъ, существуетъ въ горныхъ пещерахъ огромной величины змѣй-полоз, но онъ, кажется, скорѣе существуетъ въ ихъ фантазіи, чѣмъ въ пещерахъ.

Насѣкомыя: пчела (*ары*), паукъ (*йорюмыш, корючак, атыча*), кобылка (*абачіяк*), майка, замѣняющая вполнѣ испанскую муху, жукъ, гусеницы, муха (*падат*), бабочка разныхъ видовъ (*конак*), осы (*червь-арызы*), шорши (*шагыр-ары*), оводъ (*маас*), муравьи (*чималы, комысхаши*), черви (*курт*), комары (*сеэк*), мошки (*табанак*).

Ископаемыя: золото, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, магнитный же-лѣзнякъ, красная и желтая орха, известъ, глина бѣлая, каменистый уголь, соль, разные камни: кварцы, песчаники, сланцы, окаменѣлости, мамонтовы кости и проч. Золотые пріиски и рудники находятся большою частію въ сѣверной части Алтая. Гора лучшихъ жирновыхъ и точильныхъ камней находится на правой сторонѣ р. Кондомы, въ 65 верстахъ отъ ея устья. Разработкою жернововъ занимаются крестьяне деревни Кузедѣвой, пріобрѣтая отъ своей горы-кормилицы отъ 1000—2000 руб. сер. каждогодно. Работаютъ артелями (отъ 2—7 человѣкъ), въ 12 ямахъ, изъ которыхъ каждая можетъ дать на 200 р. сер. въ годъ. Цѣна на мѣсть семирки (7 четв. въ диаметрѣ и 1 верш. толщины)—29 р., шестерики—10 р., пятерики—8 р.; точила отъ 1—3 р. Если же деньги забираются впередъ, какъ и бываетъ обыкновено, тогда дѣлается значительная уступка.

Хорошіе оселки вымываются р. Сынзасомъ, при ея впаденіи въ р. Мрасу, а въ верховьяхъ р. Изима, въ южной части Алтая, можно добывать литографскіе камни. Огромные запасы желтой орхи находятся при р. Біш, въ верстахъ 100 выше г. Бійска, а красной—на правомъ берегу р. Мрасы, въ 40 верстахъ отъ ея устья.

Происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена.

Въ 1367 г., съ удалениемъ Тогоса-Темура съ китайского престола въ свою отчизну — Монголію, чжунгарскіе монголы образовали сильный союзъ изъ трехъ поколѣній: Шохотъ, Торготъ и Чоросъ, объявивъ главою своего союза Чоросскаго князя Махмуда, какъ старшаго между ними, и появились

ской волости носить золотую медаль, жалованную предку его императоромъ Павломъ Петровичемъ. Зайсанъ и демичи, сдавши исправно въ Буентѣ подать, получали въ награду: первый—12 коробокъ серебра, а послѣдній—12 арш. канды и въ пользу народа, платившаго подать, по 90 концевъ дабы на каждую волость. Въ настоящее время китайское правительство освободилось отъ этихъ подарковъ, такъ какъ двоеданцы въ 1865 году перестали платить подать тому правительству, котораго землею они не пользуются.

3) *Телеуты*, по распаденіи ойротства, прикочевали въ вершины рѣкъ Енисея и Иртыша, потомъ прошли внизъ и жили по рр. Кулундѣ, Талдѣ, Оби, Алею и Чарышу, а перейдя Обь, пришли къ р. Томи и поселились главнымъ образомъ при рр. Большомъ и Маломъ Бочатахъ, гдѣ и доселѣ живутъ осѣдо большими улусами, также на правомъ берегу р. Томи, пониже г. Кузнецка, и въ недавнее время переселились въ Бійскій округъ, составивъ инородческія селенія Улалу, Мынту и проч. Большая часть изъ нихъ, во время кочеваній, потеряли свою народность и языки и разбились на принявшихъ магометанство *Тербетъ-Ойротовъ*, Семипалатинскихъ *Ташкенцевъ*, Томскихъ *Скедамовъ* и *Сырт-Аймаковъ*, поселившихся на при-волжскихъ степяхъ. Алтайские телеуты въ Кузнецкомъ округѣ состоять изъ трехъ волостей, въ количествѣ мужск. пола—1498, женск.—1493, обоего 2991, управляемыхъ старостами и кандидатами; въ Бійскомъ же округѣ они вошли въ составъ трехъ инородныхъ управъ—Быстрянской, Кошкинской и Сарасинской, въ числѣ муж. пола—1353, жен.—1438, всего—2791.

4) *Черневые татары*, получившіе название отъ местности, ими занимаемой, покрытой хвойномъ лѣсомъ и черниющей издали, суть племена сомнительного происхожденія. Языки и вѣрованія ихъ ихъ общи съ алтайскими калмыками. Поэтому можно думать, что они монгольского же корня. Но можетъ быть они и финского племени, только слились съ народностью монгольскою. Черневые татары: а) *кочуютъ* въ сѣверной части Алтая, при озерь Телецкомъ, по рр. Біи, Лебеди, Томи, Мрасѣ, Кондомѣ, Мындыбату, Пызасу и рѣчкамъ, въ оныя впадающимъ; б) *осѣдо* живутъ улусами и аулами при устьяхъ рр. Кондомы и Мрасы на протяженіи 100 верстъ, по рѣчкѣ Ускату и по р. Біи.

Въ Кузнецкомъ округѣ, въ разрядѣ осѣдлыхъ инородцевъ, состоять слѣдующія семь волостей:

	муж.	жен.	обоего.
Ашкыштымская	204	235	449
Баянская	309	118	427
Тогульская	176	196	372
Кумышская	229	209	438
Камларская	125	129	254
Шуйская	355	385	740
Ячинская	296	322	618
Итого.	1704	1794	3498

и двадцать двѣ волости кочевыхъ инородцевъ, а именно:

	муж.	жен.	обоего.
Абинская	117	114	231
Тагабская	367	371	738
Ашкыштымская	294	290	584
Керецкая	95	84	179
Едѣева	66	77	143
Богоракова	324	275	599
Казанова	437	408	845
Кондомско-Барсоятская	351	390	741
" Бежбоякова	383	350	733
" Елейская	267	254	521
" Караберская	378	311	689
" Итиберская	469	462	931
" Шелкальская	300	214	514
Итиберско-Шерогашева	167	147	314
Мраско-Бежбоякова	348	338	686
" Елейская	293	261	554
" Изуширская	319	266	585
Ближне-Каргинская	36	29	65
Дальне-Киргинская	243	256	499
Кызыльская	104	79	183
Кійская	96	80	176
Кивійская	129	69	198
Итого	5583	5125	10708

Въ Бійскомъ округѣ кочевые Черневые татары состоять въ *семи* волостяхъ:

	муж.	жен.	обоего.
Нижне-Кумандинская	831	740	1571
Верхне-Кумандинская	322	284	606
Кузенская	275	232	507
Южская	251	232	483
Комляжская или Кондожская	756	705	1461
Кергежская	378	383	761
Тогульская	121	116	237
Итого	2934	2692	5626 ¹⁾

Алтайскіе инородцы, кромѣ официального раздѣленія по дючикамъ и

¹⁾ Всѣхъ инородцевъ Бійского и Кузнецкаго округовъ:

Осьдыхъ	4833.	528.	9861	отношеніе одного пола къ другому не естественно), исключая двоеданцевъ и Бух-
Кочевыхъ	14,578.	8401.	22979	
Итого	19,411.	13429.	32840;	тарминской волости.

волостямъ, раздѣляютъ себя еще на множество родовъ, или поколѣній (*сеок* кость). Происхожденіе сеоковъ различно. Одни имѣютъ родоначальниками людей, другіе происходятъ отъ горъ, напр. Чабат отъ горы Себіре на лѣвой сторонѣ р. Біи, иные—отъ иной древесныхъ, напр. Тастар (плѣшивые) и проч. Сеоки Ойротовъ, сохраняющіеся свято въ памяти народа, разбросаны на большія пространства: одинъ и тотъ же *сеок* можно встрѣтить и на берегахъ Волги, и въ Сибири, и у Великой Стѣны.

Наружный видъ алтайцевъ.

Господствующій типъ алтайскихъ инородцевъ: средній ростъ, сухощасть, лицо плоское, лобъ низкій, скулы выдались, волосы и брови, какъ смоль, черные, жесткие, какъ конская грива, глаза унынули подъ лобъ, носъ безъ переносицы, и потому разстояніе между глазами кажется довольно пространнымъ; у мужчинъ или естественное отсутствіе бороды или оголеніе подбородка посредствомъ выдергиванія рѣдкихъ волосъ; голова гладко выстрижена до темени, на которомъ у южныхъ алтайцевъ оставленъ пучъ длинныхъ волосъ и заплетенъ въ косу; алтайцы съверные, равно какъ и новокрещенные изъ южныхъ, стригутся какъ мѣщане. Женщины заплетаютъ двѣ косы, которые, будучи соединены въ концахъ, висятъ ниже пояса. Дѣвицы заплатаютъ три, пять и семь косъ (непремѣнно *нечетъ*). Ноги алтайцевъ, большую частью,—кривыя отъ ихъ привычки постоянноѣ ъздить верхомъ и при томъ въ короткихъ стременахъ и отъ поджатаго сидѣнья на полу. Походка съ переваломъ изъ стороны въ сторону, съ широкимъ шагомъ отъ привычки ходить на лыжахъ. Тѣло кочевыхъ инородцевъ засаленное, прокопченое, закорузлое и никогда не мытое.

Одежда и обувь.

1. Въ южномъ Алтаѣ лѣтняя одежда мужчинъ состоитъ изъ рубахи, большую частью дабинной, китайчатой или изъ дешеваго ситца, съ широкими рукавами и косымъ воротомъ съ оловянной пуговицей, которая, впрочемъ, пришита для украшенія, потому что никогда не застегивается, или для тяготѣнія ворота къ низу, и короткихъ, едва покрывающихъ колѣна штановъ изъ толстаго холста съ прочнымъ шнуромъ около тали, одинъ конецъ котораго едва не достаетъ до земли. Этотъ шнуръ, чѣмъ виднѣе изъ-подъ короткой рубашки, тѣмъ красивѣе. Въ жаркіе дни рубашка снимается. Сверхъ рубашки надѣвается при случаѣ халатъ, наиновый или дабинный съ широкими въ плечахъ рукавами, съ каймой на правой полѣ и подолѣ, въ 2 вершка ширины, разнаго цвѣта съ главною матеріею, съ синей и красной нашивками на рукавахъ, которые идутъ полосами, начиная отъ локтя. Кромѣ халата, употребляется еще кожанъ изъ дымленной кожи лошадиной или дикихъ козъ. Зимняя одежда состоитъ изъ кафтановъ, спитыхъ изъ мягкой кочмы, шубъ

бараньихъ, непремѣнно бѣлой шерсти, простыхъ и крытыхъ плисомъ, наиской или дабой, непремѣнно съ каймою, какъ у халата. На бараньей шубѣ кайма полагается, большею частію, изъ конской кожи, шерстью вверхъ, преимущественно рыжаго цвѣта. Рукава у шубѣ еще просторнѣе въ плечахъ, чѣмъ у халатовъ, такъ что спина занимаетъ въ ширину не болѣе 4 вершк., а остальная задняя часть занята рукавами, которые торчатъ взадъ и наводятъ подозрѣніе на хозяина шубы: не связаны-ли у него руки въ локтяхъ? Ноги обуты лѣтомъ и зимою въ кожаные, легкіе, остроносые сапоги (*черки*) безъ каблуковъ, съ широчайшими голенищами, которыя на долю передовъ оставляютъ всего вершка два или менѣе, съ чулками изъ кочмы. За правую голенищу закладывается кожаный кисетъ однообразной формы, только у женщинъ можно встрѣтить другую форму кисета, привѣшаннаго къ опояску. У людей недостаточныхъ дѣлается изъ кожи только нижняя часть обуви, а голенищи—изъ толстаго холста. Зимою надѣваются еще на себя *дохи* или *яни* изъ дикихъ козъ, шерстью вверхъ, а на ноги—*кисы* (сапоги изъ кожи этихъ же животныхъ, снятой съ ногъ), которыя носятся шерстью вверхъ-же. Вмѣсто чулокъ навертываются на ноги или мягкую пушистую траву, на подобіе осоки, которая называется *загадомъ*, или мелкую траву, называемую *оюонюш*. Эти травы теплѣе чулокъ, и ноги въ нихъ не потѣютъ. Сверхъ одежды инородцы подпоясываются ремнемъ, на которомъ на отдѣльныхъ ремешкахъ виситъ ножъ въ деревянныхъ или костяныхъ ножнахъ и огниво въ кожаной оправѣ съ сумочкою для кремня и трута. Безъ этихъ принадлежностей алтайецъ никогда не бываетъ. Шапка зимою и лѣтомъ широкообразной, съуженной кзаду формы, съ окольшемъ изъ черной мерлушкы, соболя или лисицы и втульею желтою, зеленою или красною, съ разноцвѣтнымъ кружкомъ на срединѣ и двумя назади лентами, которыми завязывается окольшъ. Изъ-подъ шапки виситъ коса или свободно или привязывается къ ея концу большую мѣдную пуговицу или другое что-либо блестящее; такъ, напр., мнѣ случалось видѣть у одного при-Телецкаго зайсана на концѣ косы большую хрустальную пробку отъ графина, которая какъ звѣзда блестала и гранями своими отражала солнечные лучи. Женщины одѣваются такъ-же, какъ и мужчины: въ штанахъ, сапогахъ и шапкѣ; но есть и различіе. Вмѣсто рубахи лѣтомъ надѣваются онѣ *чэлэдэк* изъ дабы, китайки или наанки, преимущественно синяго цвѣта. Покрой чегэдэка походить на фракъ съ длинной таліей; кромѣ рукавовъ у него есть и другія отверстія для рукъ, а рукава болтаются только за урядъ. Чегэдэкъ кругомъ обложенъ лентой яркаго цвѣта, застегивается подъ шеей двумя красными стеклянными пуговицами, величиною съ большую горошину. Зимою чегэдэкъ надѣвается сверхъ шубы. И такъ фракъ есть ничто иное, какъ чегэдэкъ алтайскихъ дамъ!.. Если косы служатъ украшеніемъ вообще женской головы, то алтайскій косѣ въ особенности.—По всей косѣ наложены мѣдныя солдатскія пуговицы. Концы косѣ непремѣнно должны быть ниже пояса, и если этому не дозволяетъ природа, то помогаютъ искусствомъ, прививая къ косамъ шнурки изъ конской гривы или изъ шерсти. Косы соединены между собою нѣсколькими

нанизями изъ пуговицъ, корольковъ, раковинокъ (змѣиные головки), лежащими на-зади полукругомъ и у франтихъ покрывающими всю заднюю часть какъ-бы панцыремъ, который при малѣйшемъ движеніи шумитъ и гремитъ. На концѣ косъ встрѣчаются также и ключи. Серьги употребляются большею частію мѣдныя или оловянныя съ бѣлымъ итичимъ пушкомъ; къ нимъ приධѣланы на шнуркахъ подвязи изъ пуговицъ, соединенные съ косами. Околошъ на шапкахъ щеголихъ можно встрѣтить изъ шеекъ дикихъ селезней, что очень красиво. Вмѣсто шапокъ близъ Телецкаго озера изрѣдка встрѣчается родъ кокошника съ широко-разведенными концами.

2. У алтайцевъ съверныхъ мужская рубаха гораздо длиннѣе, едва не сходится съ оконечностями штановъ, отчего они представляются длинно-спинными. На халаты употребляется большею частію или толстый холстъ, или рядной, въ родѣ ревендуга, приготовляемый самими инородцами. Шубы обыкновенного покрова. Войлочные кафтаны покрываются холстомъ и стежатся. Въ верховьяхъ р. Мрасы мужчины и женщины на верхней одеждѣ и рубахахъ имѣютъ на плечахъ, въ 1 вершокъ шириною, нашивки синяго или зеленаго цвѣта. Воротники у халатовъ вышиты красною, желтою и синею шерстями. Пирогообразныя шапки здѣсь не въ употребленіи; головы накрываются обыкновенно военными картузами, шапками круглыми съ остроконечной втульей и высокимъ околышемъ; лѣтомъ—шапочки изъ холста, дабы или нанки, въ родѣ усѣченного колпака съ кружкомъ на-верху. Праздничный нарядъ состоитъ изъ пальто или суконнаго сюртука съ пуговицами, которыя были-бы повиднѣе, напр., изъ бѣлаго желѣза величиною въ серебряный рубль. Особенно эти пуговицы идутъ къ пальто алаго сатина съ черными суконными обложками рукавовъ и кармановъ. Сапоги съ красными отворотами, завязанные пониже колѣна шерстяными шнурками съ кисточками. У женщинъ и дѣвицъ воротъ рубахи стоячій, шириною около 1 вершка, изъ чернаго плиса, съ нашитыми бѣлыми пуговками и раковинками. Женщины съвернаго Алтая чегэдэковъ и шапокъ не носятъ, повязываются платками, завязывая концы на затылкѣ. Въ торжественные дни надѣваютъ на себя кафтаны, преимущественно плисовые, у которыхъ воротъ и правая пола обложены позументомъ. Въ дѣвичьихъ косахъ, кромѣ пуговицъ, встрѣчается стеклярусъ, бисеръ и маленькие, съ наперстокъ величины, колокольчики, возвѣщающіе издали шествіе этихъ дѣтей природы. Всѣ кочевые инородцы, разъ надѣвшіи новую рубаху, никогда ее не моютъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она изорвется въ ленты.

Осѣдлые инородцы Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, исключая женщины послѣдняго, приняли костюмъ русскій. Телеутки Кузнецкаго округа отличаются синими и преимущественно красными шерстяными чулками, а зимою—высокими, краснаго сукна, острыми шапками.

Кочевые инородцы, вмѣсто траура, носятъ вывороченные шубы на изнанку отъ 1—7 дней.

Ж и л и щ а.

1. Южные кочевые Алтайцы живутъ въ шалашахъ, называемыхъ юртами (*юрап* живу, *юрта* жилье). Онъ имѣютъ двѣ формы: а) коническую, которая дѣлается изъ жердей, соединенныхъ кольцами, свитыми изъ прутьевъ и обложенныхъ корою сосны, лиственицы или бересты или обтянутыхъ войлокомъ; войлочная юрта этой формы называется *соолты*, или *аланчик*; б) второй формы юрта, войлочная же, съ рѣшетчатыми складными стѣнками, называется *керегэ*. Рѣшетка сдѣлана изъ прекрещенныхъ палочекъ, связанныхъ въ точкахъ прикосновенія ремешками. *Керегэ* имѣеть видъ хлѣбного скирда. Бывали здѣсь прежде еще юрты, подобныя киргизскимъ кибиткамъ, которыя назывались *упкэ* или *тюкмэ*, но теперь ихъ нѣть. Войлочная юрта красивѣе и лучше сохраняетъ отъ воздушныхъ перемѣнъ, чѣмъ крытая древесною корою. Южный алтайецъ любить просторъ, ему тѣсно въ большомъ обществѣ, и потому аилы ихъ обыкновенно состоятъ не болѣе какъ отъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ родственникамъ: отцу съ сыновьями и ихъ семействамъ. Дверь въ юрту бываетъ или деревянная, или отверстіе, чрезъ которое лазятъ въ закопченое жилище, завѣшана звѣриной кожей или кочмой. Среди юрты—неугасимый огонь и зимой и лѣтомъ, и днемъ и ночью. Дымъ поднимается вверхъ и уходитъ въ оставленное въ центрѣ юрты отверстіе, не забывая, впрочемъ, и сторонъ. Оттого внутренность юрты, вещи въ ней и лица закопчены и чумазы. Если случается ночевать въ юртѣ, то вліяніе дыма сначала не замѣтно, но когда закроешь глаза, тогда-то они доложатъ, что начнешь для нихъ не благопріятенъ, ихъ что-то есть. По проведеніи же цѣлой ночи въ юртѣ, на свѣжемъ воздухѣ долго нельзя открыть глаза отъ рѣзи. Конечно, это отъ непривычки, но и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много болѣній глазами. Позади огня на стѣнѣ, противоположной двери, наставлены идолы около 4 вершк. длины, тоненькие, съ большой башкой, съ пуговицами вмѣсто глазъ. Въ рядъ съ ними веревка съ 9-ю тряпочками (*само*), изъ коихъ средняя имѣеть видъ животнаго. Точно такие лоскутки бываютъ и снаружи у нѣкоторыхъ юртъ на веревочки, привязанной концами къ двумъ березамъ. Въ частности юрты, разумѣется, разнятся одна отъ другой.

Мы припомнимъ, что видали, хотя бы и въ разныхъ юртахъ. Недалеко отъ *само* виситъ мѣдный колокольчикъ, въ ушкѣ коего воткнуты три пестрыхъ пера какой-то птицы. Тутъ-же затыкаютъ за кольцо, огибающее юрту, телячью брюшину для того, чтобы скотъ водился и нѣсколько оставовъ тетеревовъ, чтобы птицы попадались на глаза, и законченныя шкурки небольшихъ звѣрковъ. По другимъ стѣнамъ навѣшены ружья, непремѣнно съ деревянными сопками, конскія кишкі съ масломъ, капканы, нагайки и т. под. На землѣ, подъ *само*, поставлены вьючныя кожаныя сумы; число ихъ опредѣляетъ состояніе хозяина юрты. У богатаго алтайца сумъ до 40 съ различнымъ имѣніемъ. Онъ покрыты коврами и служатъ постелью почет-

нымъ членамъ юрты. Сумы эти все составляютъ для калмыка — и сали и телѣгу. Скочевать-ли онъ вздумаетъ, сумы перекинути на лошадь — и пошель; за орѣхами ли въ чернь — опять сумы необходимы. По сторонамъ сумъ, близъ самыхъ стѣнъ, блѣютъ ягната и козлята, привязанные на *чумбуръ* (веревка, свитая изъ конскаго волоса). Подалѣе отъ стѣнъ, ближе къ огню, помѣщаются вещи, принадлежащія кухнѣ и конюшнѣ: большой коробъ изъ бересты съ ячменемъ, накрытый полукругомъ, сдѣланнымъ изъ большаго цѣльного дерева, съ тончайшими стѣнками и дномъ. Надъ этой посудиной просвѣтается талканъ. На полукругѣ лежить и рѣшето, сдѣланное изъ сыромятной кожи и отличающееся отъ шаманскаго бубна только тѣмъ, что исколото шиломъ. Рядомъ съ коробомъ возвышается, какъ каланча, огромный берестяный буракъ съ ячменемъ; далѣе: сѣдла, потники, узды, мѣшки изъ цѣльной кожи барсука и другихъ звѣрей и домашнихъ животныхъ, таганы, котлы о трехъ чугунныхъ ножкахъ, чашки изъ корня березы, почернѣлые отъ времени и дыма, ложки плоскія, звѣринная шкуры, басмак (рубчатый камень для растиранія ячменя), разныя замысловатыя вещички, напр., коробочка на ножкахъ изъ засушеннаго коровьяго вымени и т. под. Вокругъ самаго огня, на корточкахъ, помѣщаются полунаргіе хозяева юрты съ совершенно уже нагими, роющимися въ теплой золѣ, дѣтьми и посторонніе, если есть, съ трубками въ зубахъ. Калмыки всѣ, безъ исключенія пола и возраста, курятъ. Трубочки у нихъ большею частію желѣзныя подъ одно съ чубукомъ, около 5 вершк. длины, или деревянныя, умѣщающіяся въ ихъ кисетахъ. Для подспорья табаку и для ослабленія крѣпости, прибавляютъ къ нему порошка сухой березовой коры. У огня-же разлеглась и собака, смиренно грѣя свои исхудалыя ребра. За нею виситъ коробочка — люлька, устроенная какъ разъ по наставленію нѣмецкаго педагога Зальцмана (см. журн. „Воспитаніе“, 1863 г., № 1, стр. 70). Это небольшой, продолговатый ящикъ изъ бересты, или луба съ двумя ножками на одномъ концѣ. Если надобно позабавить ребенка, — конецъ съ ножками просовывается въ веревочную, или ременную петлю, находящуюся на такомъ разстояніи отъ пола, чтобы ножки корзинки не достигали до полу на 2 вершка, а другой конецъ лежить всегда на землѣ. Корзина эта имѣеть слѣдующія достоинства: въ ней можно только двигать дитя, безъ одуряющаго сотрясенія тѣла; рѣзвый ребенокъ, если и выползетъ изъ нея, — не ушибается; она удобоподвижна, занимаетъ мало мѣста; ребенокъ рѣдко разстается съ этимъ своимъ жилищемъ, принимаетъ въ немъ пищу и даже слѣдуетъ въ немъ виѣ юрты вмѣстѣ съ матерью; покатость корзинки способствуетъ опрятности, и, главное, корзина эта всегда даетъ правильное положеніе тѣлу ребенка, что не всегда достигается подушкою въ обыкновенной люлькѣ.

2. Юрты сѣверныхъ алтайцевъ составляютъ уже переходъ къ избамъ и по внѣшнему виду, и по внутреннему устройству. Лѣтнія юрты или дѣлаются изъ стоекъ, обтянутыхъ берестой, или срублены изъ тонкаго лѣса въ четыре стѣны; какъ тѣ, такъ и другія, покрыты на два ската берестой. У

зимнихъ юртъ бревна положены на мохъ. Много юртъ пятистѣнныхъ съ двумя дверями (одна противу другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится *предюортіе* для поклажи хозяйственныхъ принадлежностей. Входъ въ юрту закрытъ тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. На одной сторонѣ съ дверью, по лѣвой сторону ея, сбитый изъ глины очагъ, который, протянувшись чрезъ всѣ бревна, вышелъ сверхъ крыши. Иногда въ этомъ глиняномъ столбѣ дѣлается полукруглая пещера, вродѣ печи, для жаренія кандыка или печения прѣсныхъ лепешекъ. По бокамъ пещеры просверлены дыры для вложенія палокъ, на которыхъ вѣшаются чайники и котелки. Въ большей части юртъ къ очагу примыкаетъ вверху, сплетенный изъ прутьевъ, полукруглый колпакъ (чуваль), обмазанный глиною.

Дрова приставляются къ очагу какъ въ каминѣ, дымъ собирается подъ чуваломъ и почти весь улетаетъ изъ юрты. Передъ чуваломъ, вверху крыши, продолговатое отверстіе для свѣта; зимою оно накрывается льдиной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣланы широкія, около аршина, возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вершк., покрытыя берестою, каждое лѣто обновляемою. На этихъ возвышеніяхъ удобно сидѣть, лежать и спать. Передняя стѣна противу очага назначена для гостей. Лѣвая стѣна отъ входа за очагомъ есть мѣсто неприосновенное ни для кого, кроме хозяйствской семьи въ самомъ тѣсномъ смыслѣ: здѣсь никто и никогда не можетъ сѣсть, кроме хозяина юрты, его жены и дѣтей. Если въ семье есть братья, сестры хозяина или старуха мать, то они занимаютъ правую стѣну отъ входа, въ переднемъ углу которой помѣщаются ручные жернова, къ боку верхняго изъ нихъ придѣлана палка для удобнаго верченія. Въ большихъ семействахъ жернова эти находятся почти въ постоянномъ дневномъ круговорашеніи. Полъ юрты большею частью настланъ досками съ оставленіемъ землянаго полукруга около очага. Значить, юрта съвернаго алтайца отличается отъ простой бѣдной избы только тѣмъ, что въ ней нѣтъ потолка и настоящей печи. Впрочемъ, достаточные люди строятъ настоящія избы и амбары, но только не бросаютъ и юртъ: въ рядъ съ избою всегда стоитъ и юрта, потому что въ избахъ ихъ донимаютъ клопы и блохи, а въ берестяныхъ и бревенчатыхъ, но безъ моху, юртахъ, этого добра нѣтъ. Русскимъ людямъ, особенно миссионерамъ, инородцы всегда предлагаютъ избы для ночлега. Но на это предложеніе никогда не слѣдуетъ поддаваться. Не даромъ же всегда сами инородцы живутъ въ юртахъ, имѣя дома для вида только и поклажи кое-какихъ вещей. Изба только тогда будетъ имѣть преимущество предъ юртою, когда въ ней будутъ соблюдаться чистота и опрятность, а этого-то и нѣтъ. Съверные алтайцы болѣе склонны къ общественной жизни, чѣмъ южные. Они живутъ *аилами* отъ 7—20 юртъ. Название аиловъ большею частию отъ старшаго члена въ родѣ; напр.: аиль Санабая, аиль Пайдоры, аиль Сарки. Если-же пѣсколько разныхъ родовъ живутъ въ одномъ мѣстѣ, такое селеніе называется ужъ не аиломъ, а *улусомъ*. Улусы большею частію носятъ название рѣчекъ, при которыхъ они расположены, или зависятъ отъ

иѣкоторыхъ особенныхъ признаковъ, которыми отличается мѣстность, напр.: улусъ *Осиновскій*, *Сосновая Гора*, *Красный Яръ* и т. под. Громкій лай собакъ встрѣчаетъ проѣзжаго во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ-бы ни жили инородцы. Но этотъ лай продолжается до тѣхъ поръ, пока гость не слѣзъ съ коня, потому-ли, что онъ обнюхаютъ прїезжаго и тѣмъ познакомятся, или потому, что обыкновенно при подъѣздѣ къ юртамъ, оттуда выскакиваютъ любопытные хозяева разныхъ половъ и возрастовъ съ вопросомъ: кѣм? (кто?) и если гость чиновный или почетный, т. е. засѣдатель или миссіонеръ (болѣе кто-же и єздить?), то хозяинъ юрты помогаемъ ему слѣзать съ коня, по крайней мѣрѣ хотя для вида, поддержавъ подъ руку, и отводить коня къ столбу съ оставленными на верху иѣсколькими сучьями. Впрочемъ, эта вѣжливость соблюдается болѣе у южныхъ алтайцевъ.

Пища и питье.

Алтайскіе инородцы сколько невоздержаны въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, столько, напротивъ, умѣренны въ употребленіи пищи. Большая часть изъ нихъ по утру и днемъ ничего не єдятъ, кромѣ поджаренного ячменя—въ двухъ видахъ: крупу—*курмач* и муку—*талкан*. Каждый членъ семьи, большой и малый, самъ себѣ намалываетъ на ручныхъ жерновахъ талкана во всякое время, когда ему захочется єсть, и всегда въ количествѣ, которое-бы помѣстилось безъ остатка въ его маленькую чашечку. Талканъ употребляется большею частію въ сухомъ видѣ, а иногда въ смѣшаніи съ водою, у южныхъ алтайцевъ—съ молокомъ, у сѣверныхъ—съ медомъ. Вечеромъ инородцы употребляютъ болѣе питательную пищу: *кочо*—кашицу изъ цѣльныхъ ячменныхъ зеренъ, варенную въ водѣ или молокѣ, и *тутмаш*—катушки изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста, варенные съ рыбой, кониной или въ молокѣ. Весною употребляются въ пищу корни лилейныхъ растеній: *сарапы* (*Lilium Martagon*) и *кандыка* (*Erythronium Dens Canis*). Испеченный въ золѣ кандыкъ имѣеть сходство съ картофелемъ. Надобно замѣтить, что южная часть Алтая питается болѣе мясомъ, а сѣверная—рыбой. Вареная пища разливается изъ общаго котла всякому въ свою чашку, и каждый садится съ своею частію, гдѣ найдетъ для себя удобнѣе, по всей юртѣ. Мясо разныхъ животныхъ и звѣрей, а также и рыбу жарятъ на палочкахъ, приставленныхъ къ огню. Люди бѣдные въ лѣтнее время питаются одними только кореньями и травами: кандыкомъ, сараною, корнемъ *Raconia anomala*, борщевникомъ (*Heracleum*), травою *кэжуне* (въ родѣ дигиля) и калбою (*Allium ursinum*). Всякая пища употребляется безъ хлѣба; оттого инородцы слабосильны и къ земледѣльческимъ трудамъ мало способны, а дѣти ихъ отъ употребленія одной жидкой пищи обыкновенно обладаютъ отвислымъ брюхомъ.

Осѣдлые инородцы употребляютъ такую-же пищу, какъ и русскіе крестьяне. Но и у нихъ есть національныя блюда: *терьом*, приготовляемое

такъ: изъ сырыхъ овечьяго сердца, печени, легкаго, говядины и сала рѣжутъ длинныя ленточки и начиняютъ ими овечьи кишкы, которыя варятъ въ водѣ или жарятъ, и *кыйма* — кишкы, начиненные потрохами разныхъ животныхъ съ прибавленіемъ луку и крупы.

Въ питье употребляется инородцами, безъ сомнѣнія, болѣе-всего чистая вода, въ лѣтнее время изъ рѣчекъ и ключей, которыми такъ изобилуютъ Алтайскія горы. Зимою многіе инородцы переносятъ свои юрты на вершины горъ, сохраняющихъ подножный кормъ для ихъ скота, и потому, затрудняясь съ такой высоты „уничтожаться“ до рѣчекъ, пьютъ въ это время снѣжную воду. Но это питье, безъ привычки къ нему, лишаетъ на некоторое время голоса. Послѣ воды употребляется въ питье, однако-же въ видѣ роскоши, а не насущной потребности, кирпичный чай, который достается южными алтайцами отъ монголовъ съ Чуйской мѣновой ярмарки ¹⁾ и пьютъ вмѣстѣ съ талканомъ изъ маленькихъ деревянныхъ чашечекъ, покрытыхъ прочнымъ лакомъ. Чашечки эти привозятся съ Чуи-же. Вмѣсто чаю пьютъ еще прошлогодніе листья бадана (*Saxifraga crassifolia*, *кальчиш*, *каличап*), листья бѣлоголовника (*Spiraea Ulmaria*), березовую черную камедь (*мешкэ*) и буроватый отварь молодыхъ прутьевъ шиповника. Самое любимое питье алтайца, безъ сомнѣнія, *чегэнъ* и *кумысъ*. Первый напитокъ изъ коровьяго молока, а второй изъ молока кобылицъ. Оба эти напитки приготовляются въ кожаномъ мѣшкѣ, называемомъ *аркыт*, гдѣ налитое молоко, въ теченіе нѣсколькихъ дней, часто взбалтывается деревянною колотушкою съ отверстіями на нижнемъ концѣ и приходить въ броженіе. Для закваски въ новый *аркыт* полагается копченая жила какого-либо животнаго, чаще лошади, а старый обдержаній *аркыт* уже самъ себѣ служить закваской. Изъ кумыса приготовляется и болѣе живительный напитокъ — *аракы* слѣдующимъ образомъ: котель съ кумысомъ ставится на огонь, плотно закрывается двумя половинками круглой, выпуклой деревянной крышки, которой края со всѣхъ сторонъ замазаны глиною съ примѣсью для крѣпости конскаго помета. На одной изъ половинокъ — два отверстія, въ которыхъ влагаются двѣ деревянныя дугообразныя трубы. Одинъ конецъ каждой трубы хорошо вмазывается въ отверстія, а другой пропускается въ чугунный кувшинъ, закрытый кружкомъ изъ войлока и стоящій въ корытѣ съ холодной водой. Пары кумыса, проходя сквозь трубы въ кувшинъ и здѣсь охлаждаясь, претворяются въ вино — *аракы*. Изъ выжимокъ испарившагося кумыса приготовляется сырь.

¹⁾ Торговыя сношенія на Чуй происходить не столько между алтайцами и монголами, сколько между послѣдними и русскими. Русскіе, узнавъ нужды монгольцевъ, стоящихъ на пикетахъ, разсчитавъ и свои выгоды, издавна начали мало-по-малу вѣзвѣжать чрезъ Алтайскія горы на р. Чую, пригоняя лошадей и привозя съ собою разные товары, какъ-то: кожи разныхъ цветовъ, толстая сукна, желвзо, котлы, чайники, таганы, стремена, ножницы, замки, шилья, пуговицы, моральи рога и проч. и все это размѣнивая на серебро (въ коробкахъ), канфы, канчи, шелкъ, китайки, дабы, чай, табакъ и проч. Въ оборотъ съ обѣихъ сторонъ сумма простирается до 150,000 руб. серебр.

Впрочемъ, чеэнъ и кумысъ достались на долю только южнымъ алтайцамъ—скотоводамъ, а съверные алтайцы довольствуются абырткою—бражкою изъ варенного и квашеного канька и аракою изъ ячменной муки.

Занятія.

Общее занятіе всѣхъ кочевыхъ инородцевъ есть звѣропромышленность, добываніе кедровыхъ орѣховъ и земледѣліе, находящееся въ первобытномъ состояніи. Распространимся нѣсколько о ходѣ звѣропромышленности. Между инородцами, какъ и вездѣ, есть богатые и бѣдные. Послѣдніе одолжены первымъ и находятся у нихъ въ качествѣ приказчиковъ. Все, что добудетъ бѣдный инородецъ, сбываетъ своему богатому собрату, весьма за умѣренную цѣну, а этотъ уже доставляетъ своему танышу — пріятелю изъ купцовъ также съ небольшою пользою. Обороты эти происходятъ слѣдующимъ образомъ: осенью таныши являются къ своимъ купцамъ съ боченкомъ вина и послѣ благопожеланій съ обѣихъ сторонъ, распиваютъ его, безъ чего никакихъ операций торговыхъ здѣсь не бываетъ и быть не можетъ. По угощеніи, купецъ ведетъ танышей своихъ съ ихъ женами и дѣтьми въ свою лавку. Таныши набираютъ товаръ, какой появляется, каждый отъ 100—300 руб. серебр., укладываютъ во выюки, заходить опять въ домъ къ купцу, справляются съ боченкомъ, и на прощаніи кромѣ товара еще получаютъ денегъ рублей по 50 и болѣе, смотря по состоянію, для собственныхъ оборотовъ. Чѣмъ проще купецъ держитъ себя въ обращеніи съ инородцами, тѣмъ болѣе у него танышей, а чѣмъ болѣе послѣднихъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ его торговля. Таныши, возвратясь въ свои кочевья съ деньгами и товарами, раздаютъ и то и другое своимъ приказчикамъ въ долгъ же. Между тѣмъ время идетъ, вотъ высыпаетъ и снѣгъ, шубка на каждомъ звѣрѣ дѣлается пушистѣе и цѣнится дороже. Звѣропромышленники — должники (а они всѣ въ долгу и постоянно) берутъ винтовки, ловушки, запасъ — талканъ, а мяса у нихъ будетъ много бѣлья и друг., котелки и проч. и кладутъ все это на нарты, т.-е. длинныя, гибкія сани, которыя тащатся лямкою. Нарта шириной и высотою около 1 арш., длиною болѣе сажени. Полозья ея тонкіе, на подобіе лыжъ; дно изъ двухъ тонкихъ досокъ; бока зарѣшечиваются ремнями. Экипажъ этотъ имѣеть то неоцѣненное для звѣролова достоинство, что въ снѣгу не тонетъ. Пришедши въ знакомое свое урочище, звѣропромышленники дѣлаютъ здѣсь станъ изъ пихтовыхъ вѣтвей, отъ которого расходятся во всѣ стороны. Любо смотрѣть, когда охотникъ летить съ высочайшей, крутой горы, быстро извиваясь, какъ змѣя, между деревъ. Лыжи употребляются непремѣнно съ подволоками, называемыми кыс, которыя дѣлаются изъ оленьей или лошадиной кожи, содранной съ колѣней этихъ животныхъ. Нѣсколько не выдѣланныхъ кыс сшиваются вмѣсть и подклеиваются подъ лыжи, шерстью вверхъ, что дѣлается для большей каткости лыжъ и удобства входить на горы. Простыя, не подклѣянныя лыжи теряютъ свое

название: онъ уже *юлицы*. На голицахъ только ходять по *насту* (замерзшій весною на снѣгу ледяной покровъ, называемый здѣсь *чарым*). Онъ должны быть непремѣнно сосновыя, слоеватыя. Безъ лыжъ черневой татаринъ называется *пышимъ*, такъ онъ необходимы. И сроднился же онъ съ своимъ подножіемъ! Покачиваясь изъ стороны въ сторону, инородцы на лыжахъ легко пробѣгаютъ отъ 70 до 80 верстъ въ весенній день, а въ самый короткій зимній, обыкновеннымъ бѣгомъ, отъ 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить звѣря, т.-е. пересѣчь линію бѣга, замѣтивъ его направленіе, то онъ пробѣгаєтъ отъ 100—150 верстъ въ день. Кромѣ искусства бѣгать на лыжахъ, въ инородцахъ въ высочайшей степени развитъ разумный инстинктъ на звѣроловствѣ; при покупкахъ и продажахъ, они простодушно поддаются вся кому обману, а въ лѣсной ихъ сферѣ проявляется въ нихъ необыкновенная смѣтливость: на быстромъ бѣгѣ, при множествѣ слѣдовъ звѣря, охотникъ читаетъ по нимъ, какъ по грамотѣ.

Задимствуемъ изъ рассказовъ охотниковъ способы добыванія звѣрей и начнемъ съ лѣдушки тайги—*медвѣдя* (абшах). Извѣстно, что медвѣдь съ Воздвиженія (14 сентября) или съ Покрова залегаетъ въ берлогу, или со всѣмъ своимъ семействомъ, или по крайней мѣрѣ вдвоемъ, рѣдко—одинъ. Мѣсто его зимняго успокоенія избирается въ густой лѣсной чащѣ. Признаки его слѣдующіе: вершины окружающихъ кустарниковъ обломаны, съ деревьевъ кора содрана. Затѣмъ, если медвѣдь находится въ берлогѣ, то оттуда выходитъ тонкій паръ, что видно на обтаенномъ снѣгѣ деревьевъ, подъ навѣсомъ которыхъ вырыта берлога. Снѣгъ этотъ, обнаруживающій присутствіе звѣря, называется *куржак*, по которому опытный охотникъ заключаетъ и о числѣ обитателей берлоги. Удостовѣрившись обо всемъ, звѣропромышленникъ приглашаетъ одного, рѣдко двухъ товарищѣй и то изъ своего семейства или рода на охоту. Вооружившись винтовками, рогатинами и топорами, товарищи подходятъ къ берлогѣ, начинаютъ срубать нѣсколько толстыхъ деревьевъ, исключая осины, которую будто-бы медвѣдь не долюбливаетъ, дѣлаясь отъ нея раздражительнымъ, и заостриваютъ на подобіе клина, не обрубая всѣхъ вѣтвей; потомъ засовываютъ эти деревья въ отверстіе берлоги, чтобы загородить выходъ, срубаютъ еще нѣсколько деревьевъ и, обрубивъ на нихъ вѣтви, кладутъ на берлогу въ нѣсколько рядовъ, чтобы медвѣдь въ крайности не проломилъ верхъ ея. Принявъ эти предосторожности, стрѣляютъ въ берлогу чрезъ отверстія въ разныхъ направленіяхъ изъ винтовокъ жеребьями, т.-е. цилиндрическими обрубками свинца, которые употребляются вместо крупной пули. Тяжело раненный медвѣдь издаетъ болѣзненные стоны. Убѣдившись рогатиною, что медвѣдь убитъ, и что другихъ въ берлогѣ нѣть, охотники очищаются отверстіе, одинъ изъ нихъ спускается туда, завязываетъ за убитаго звѣря веревку и вытаскиваетъ его вонъ для дальнѣйшихъ операций. Охота на медвѣдя въ берлогѣ—вѣрная. Если товарищи ловки, то берлогу даже и не затыкаютъ деревьями. Бываютъ медвѣдей и лѣтомъ, но только не для охоты, а по нуждѣ,—когда они приближаются къ жилью и истребляютъ скотъ или

хозяйствуютъ въ пасѣкахъ,—оттого, что въ это время такая охота слишкомъ трудна и опасна, а шкура не имѣеть почти никакого достоинства. Когда медвѣдь окружень охотниками и собаками, такъ что ему некуда дѣваться, онъ, разъяренный, принимается ревѣть такъ громогласно, что, по словамъ охотниковъ, земля дрожитъ. Но видя, что ревомъ не береть, принимается за деревья, ломаетъ ихъ, вырываетъ съ корнемъ и наконецъ становится на дыбы. Этимъ моментомъ и пользуются охотники, тотчасъ стрѣляя жеребьями. Но если медвѣдь не становится на заднія лапы, а быстро и смѣло, обратившись къ охотникамъ, опустивъ голову къ землѣ, прямо бросается на нихъ,—бой становится опаснѣйшимъ. Если ему не вадятъ жеребья прямо въ голову, что однако-жъ очень трудно, звѣрь на выстрѣль и дымъ стремглавъ бросается, но не дерется долго съ однимъ противникомъ, а нанесши ударъ лапою, обращается на другаго, третьяго, пока не нападетъ на самаго неустрешимаго, съ которымъ вступаетъ уже въ рѣшительный бой. Охотники единогласно утверждаютъ, что медвѣдь замѣчаетъ и отличаетъ храбраго отъ труса и преимущественно въ войнѣ нападаетъ на перваго, но въ мирное время, когда онъ нечаянно встрѣтится въ лѣсу съ безоружнымъ человѣкомъ, то нападаетъ только на отступающаго, а если видить, что не очень его испугались, всплынетъ на заднія лапы, обфыркаетъ свою жертву и удалится.—Извѣстно, что медвѣдь, какъ и самое этимологическое значеніе его имени показываетъ, большой сластолюбецъ и шатается иногда по пасѣкамъ, разбивая всегда самыя лучшія ульи. Это преимущественно бываетъ тогда, когда въ тайгахъ мало родилось ягодъ. Въ этомъ случаѣ караулятъ его на повѣти, которая устраивается на довольно толстыхъ деревьяхъ, вышиною отъ земли отъ 2—3 саж. Такая повѣть называется *лабазомъ*, который дѣлается близъ тропы, по которой обыкновенно посѣщаетъ медвѣдь пасѣку утреннею или вечернею зарею. Идетъ онъ всегда, какъ ловкій воръ, тихою поступью, присядая, такъ что ни пруткомъ не хрустнетъ, ни листикомъ не шелохнетъ. Когда онъ поравняется съ лабазомъ, тутъ его встрѣчаютъ нѣсколько пуль. На медвѣжью тропу ставятъ еще петли изъ веревки, которой одинъ конецъ привязанъ къ древесному отрубку (чурбану). Въ петлю медвѣдь попадаетъ головою, и смерть его неизбѣжна. Какъ онъ ни старается освободиться отъ докучливаго чурбашка, но онъ все волочится за нимъ и затягиваетъ петлю. Случалось, что медвѣжата, попавъ въ петлю и, взойдя на утесъ, бросали отъ себя несносный чурбанъ, и сами съ нимъ падали и убивались. Но отрысть веревку—толку не достаетъ.—Если медвѣдь къ 14 сентября не заложетъ въ берлогу, это значитъ у него въ головѣ бродить не доброе. Тогда онъ нападаетъ на скотину. И какъ замѣчено, что до свѣжаго мяса онъ не охотникъ, то задавивъ скотину, зарываетъ ее для квашенія въ землю. На этой кладовой устраиваютъ западню изъ бревенъ, которая называется *слабцомъ* и придавляетъ звѣря своею тяжестью.—Мясо медвѣжье употребляется инородцами въ пищу, сало — въ болѣзняхъ. Изъ одного медвѣдя получается сала отъ 2—4 пуд., осеню болѣе, лѣтомъ менѣе.

Отъ медвѣдя перейдемъ къ волку. На волковъ или ставятъ капканы, или догоняютъ ихъ на лошадяхъ и на лыжахъ по насту. Если волкъ на жрался скотины, тогда бываетъ тяжель на ногу и всегда расплачивается за столь своею шкурой. Волковъ еще отравляютъ. Мелко нарубивши говядины, мѣшаютъ ее съ натолченой или натертой кучелей (*Nux vomica*). Чтобы кучеля болѣе имѣла силы, кладутъ ее и плотно замазываютъ въ какой-либо посудинѣ, и заквашиваютъ въ тепломъ мѣстѣ. Спустя нѣкоторое время, размазываютъ, мѣшаютъ и еще поквасяютъ. Потомъ, надѣлавши шариковъ пополамъ съ говядиною, разбрасываютъ ихъ особенно тамъ, гдѣ бываютъ волки, которые, поѣвшіи такого состава и не много отходя или уползая, сваливаются и издыхаютъ.

Для лося, оленя (*Cervus pygargus*) и морала (*C. Elephas*) дѣлаютъ городьбу, которая бываетъ версты на три, кое-гдѣ оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляютъ отъ 200—300 луковъ, на рукояти каждого изъ нихъ, пониже струны, привязывается веревочка и палочка къ ней такъ, чтобы она натягивалась и упиралась однимъ своимъ концомъ въ струну, а другой подтягивается къ верху веревочкой кольцеобразной и свободной; чрезъ пустоту неретягивается сило на 12 вершк. отъ земли и цѣпляется въ одномъ концѣ узломъ за нижнюю веревочку. Когда сило тронется, будетъ давиться,—узель, соскочивши, подернетъ веревочку, тогда мгновенно сдернется и соскочить палочка и струна,—и стрѣла деревянная съ копьецомъ изъ желѣза на концѣ, пропускаемая сквозь верхнюю веревочку на струну, летить въ свою цѣль, двинутая тетивою. Это промыселъ лѣтній. Съ лосемъ или сохатымъ надобно обходить осторожнѣе, потому что онъ, если замѣтить охотника, стремглавъ бросается на него и затаптываетъ ногами. Всего вѣрнѣе его промышлять по насту, по которому лось ходитъ тихо и осторожно и все-таки портить ноги и дѣлается смиренѣе.—Козлиныя шкуры большею частью идутъ на собственное употребленіе самихъ инородцевъ. Изъ нихъ шьютъ дохи, которыя очень теплы и непромокаемы. У морала же всего цѣннѣе рога, столь охотно и дорого покупаемые китайцами. Молодые рога состоять изъ одного мягкаго хряща и одѣты молоденькою кожицею, обросшей низкою атласистой, бураго цвѣта, шерстью. Внутри этихъ хрящевыхъ роговъ, наиболѣе въ концахъ отростковъ, которыхъ бываетъ до 6, смотря по лѣтамъ животнаго, пока они не окостенѣли, что бываетъ только до Петрова дня, заключается жидкость, столь дорого цѣннамая китайцами, такъ что моральи рога составляютъ предметъ особенно важный въ мѣновой нашей торговлѣ съ Китаемъ. Рога бываютъ простые—*саын мюнлюзі* и съ гнѣздами—*саын мюнлюзін канду*, у которыхъ въ концахъ отраслей жидкости столь много, что каждая отрасль оканчивается какъ-бы шаромъ. Эссенцію въ моральныхъ рогахъ сохраняютъ такъ: когда убьютъ морала, первымъ дѣломъ бываетъ снять (отрѣзать) съ него рога, сейчасъ-же поворачиваютъ ихъ концами книзу, замазываютъ отрѣзанную часть тѣстомъ, сѣрой и т. под., обвязываютъ тряпицей и потомъ на веревочки вѣшаютъ рога внизъ концами, всячески стараясь, чтобы драго-

цѣнная жидкость не вытекла; впослѣдствіи она подсыхаетъ, принимаетъ нѣкоторую твердость, цвѣтъ получаетъ коричневый, похожій на цвѣтъ бобровой струи. Внутри Алтая въ нѣкоторыхъ раскольничихъ деревняхъ мораловъ держать ручными въ высокихъ загородкахъ изъ прибыли отъ продажи роговъ, которые тоже въ маѣ и юнѣ отпиливаются. Впрочемъ, далѣе 7 лѣтъ рога уже не имѣютъ жидкости, хотя и перемѣняются каждогодно. Цѣны на пару моральнихъ роговъ на р. Чуѣ слѣдующія:

На простые съ отраслями:		На рога съ гнѣздами:
2-мя	10 р.	20 р.
3-мя	20 "	40 "
4-мя	30 "	50 "
5-ю	60 "	80 "
6-ю	70 "	90 и 100 р.

Въ самомъ Китаѣ рога продаются: съ 5 отростками, простые—до 250 р., съ гнѣздами о 5 и 6 отросткахъ—350 р. и дороже. Объ употребленіи этой эссенціи говорятъ различно. Одни утверждаютъ, что это самое дѣйствительное предохранительное средство отъ всѣхъ болѣзней, особенно въ жаркомъ климатѣ, что принятое въ порошкѣ внутрь, продолжительно прохлаждаетъ. Другіе рассказываютъ, что оно способствуетъ благополучнымъ родамъ, также служитъ сильнымъ генеративнымъ средствомъ и поддерживаетъ въ мужчинѣ способность дѣторожденія. Нѣкоторые увѣряютъ, что этой эссенціей знатные китайцы мажутъ головы, отчего навсегда предохраняютъ себя отъ вылезанія волосъ, и что изъ сока этихъ роговъ приготавляется какой-то элексиръ, необходимый для путешествующихъ чрезъ страшныя пустыни Гоби. За достовѣрно-же известно, что эссенція эта, приложенная къ ранамъ отъ порѣзовъ и вообще при разрывахъ покрововъ и мышцъ у человѣка и животныхъ, чрезвычайно скоро ихъ заживляетъ. Какъ-бы то ни было, но только моралы рога тоже во множествѣ покупаются въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и Кокань.

Промыселъ лисицы. По насту и по *кити* (выпавшій большой снѣгъ) догоняютъ лисицу на лыжахъ; ловятъ и капканами, разставляя ихъ преимущественно на мѣстахъ между озерами, потому что лисица, въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, когда еще мало снѣгу, любить бѣгать по замерзшимъ уже озерамъ, избѣгая, по возможности, земли, на которой остается большая жесткая трава, кочки и другія неровности, препятствующія ея бѣгу; перебѣгая-же съ одного озера на другое, привлекается запахомъ мясного, приближается къ капкану, гдѣ кладется кусокъ мяса, и за удовлетвореніе аппетита расплачиваются своею шубою. Отравляютъ лисицу такъ-же, какъ волковъ, кучелею. Наконецъ, если найдутъ гнѣздо лисье, то выбираютъ оттуда дѣтенышей и воспитываютъ въ деревянныхъ срубахъ.

Промыселъ россомахи сходствуетъ съ лисицмъ. Если же она задавить

козла, то на этомъ мѣстѣ ставятъ ловушку, называемою *кулемкою*. Замѣчательно, что россомаха—всегдашній и непримиримый врагъ лисицы, которую всегда преслѣдуетъ съ настойчивостью терпѣливаго охотника, гоняясь за нею день и два, но, догнавши, только загрызетъ ее, а не ъсть, зарывши трупъ въ снѣгъ или спрятавъ на дерево.

Рысь гоняютъ на лыжахъ, стараясь, какъ можно скорѣе, перехватить ея бѣгъ, но если часъ и два ее не догоняетъ охотникъ, то болѣе уже нечего и беспокоиться, потому что этотъ звѣрь не уступаетъ. Въ характерѣ рыси охотники знаютъ слѣдующую черту: если захватить ее на мѣстѣ, то далеко не нужно удаляться отъ этого мѣста, ибо она сколько не кружитъ, но непремѣнно опять прибѣжитъ на то-же мѣсто, а потомъ уже удалится.

Выдру ловятъ *саипомъ* (широкая сѣть изъ нитокъ), какъ и рыбу, и собаками.

Каланка ловятъ *кулемкою* или *плажскою*, съ наживою рабчикомъ или соленой-душной рыбой; изъ дупловъ выгоняютъ дымомъ; къ норѣ ставятъ лукъ—*шергей*, оставляя для входа звѣрька развиличку, соединенную съ этимъ лукомъ.

Хорекъ идетъ въ *кулемку* или *плажку* на дохлую курицу.

Соболь водится въ каменистыхъ горахъ. Его ловятъ *саипами*—*аныкъ*. Если саипъ разставляютъ къ ночи, то на каждой сторонѣ его привязываютъ по колокольчику, чтобы узнать, гдѣ пробѣжитъ звѣрокъ. Лучшіе соболи добываются въ южной части Алтая. Цѣны на нихъ поднялись въ недавнее время. Лѣтъ за 50 тому назадъ черные соболи или съ просѣдью, вмѣсто настоящей цѣны отъ 20—25 р. за штуку, продавались по 300 р. асс. за сорокъ.

Заяцъ идетъ въ *кулему* и *петлю* на осиновые прутки.

Горностай ловится собаками и бѣется *шергемъ*.

Бѣлку большею частію стрѣляютъ изъ ружей мелкою пулевою. При среднемъ урожаѣ бѣлки хороший стрѣлокъ добываетъ ее отъ 10—20 штукъ въ день.

Ловля *бурундуковъ* есть охота дѣтская. Бурундуковъ промышляютъ весною по насту, при чемъ звѣроловы—мальчики дѣлаютъ губами особенный звукъ *тьфу*. На этотъ призывъ непремѣнно является самецъ и преспокойно просовываетъ свою голову въ подставленную къ нему на палкѣ петлю изъ конскихъ волосъ. Бьютъ бурундука и *тамаромъ* (стрѣла съ шарообразнымъ концомъ)

Звѣропромышленники, настрѣлявши и наловивши разныхъ звѣрей, небольшую часть лучшихъ шкурокъ оставляютъ для сдачи въ ясакъ,* а остальная сдаютъ своимъ танышамъ-заимодавцамъ, около Крещенія, которые и отправляются въ Ирбитскую ярмарку въ огромныхъ кашевахъ на многія

Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Бійскаго и Кузнецкаго казначействъ, видно, что вносится соболей 243, лисицъ 72, колонковъ 1041, бѣлокъ 10,130.

сотни тысячъ рублей. Изъ всего Алтая болѣе всѣхъ отправляютъ пушкины въ Ирбитскую ярмарку кузнецкій инородецъ, торгующій по купеческому свидѣтельству, Назаръ Степановъ Картюгешевъ. Цѣны въ Ирбити на пушину служать нормою для мѣстной оцѣнки на будущій годъ.— Что поднялось въ Ирбите, то поднимается и въ Алтай и наоборотъ.

Добыча кедровыхъ орѣховъ въ урожайный годъ тоже выгодна, только, не смотря на цѣнность инородцевъ, нерѣдко сопровождается паденіями. Хорошій кедръ доставляетъ до 2 пуд. чистыми орѣхами, которые продаются на мѣстѣ прѣѣзжающимъ сюда крестьянамъ за весьма выгодную цѣну, разумѣется, для послѣднихъ. Часто *пудовка* (мѣра) орѣховъ идетъ на такую-же ячменя. Урожай орѣховъ узнается съ осени: тогда уже зарождаются на кедрахъ шишечки, ихъ вмѣстилища, которыя, подъ названіемъ *озими*, созреваютъ впродолженіе года.

Хлѣбопашествомъ кочевые инородцы занимаются мало и допотопнымъ образомъ: роютъ землю *обыломъ*, въ родѣ закругленной мотыги; сѣютъ пшеницу и ячмень. Уборка этихъ хлѣбовъ производится такъ-же, какъ и льна: растеніе выдергивается съ корнемъ. Собранный такимъ образомъ хлѣбъ связывается у колосьевъ въ небольшіе пучки, парами, и вывѣшивается на жерди для просушки. Спустя недѣлю или болѣе, судя по состоянію погоды, колосья высохшихъ пучковъ берутъ въ руки у комля, держать надъ разложенными на пашнѣ огнемъ, такъ что солома вся сгоритъ, а въ рукахъ остаются одни колосья, которые бьются палками и очищаются отъ плевы. Для сохраненія зерна, на пашнѣ-же врываются въ землю 4 столба, настилаются жердями, и на этотъ полѣ, отстоящій отъ земли аршина на два, ставятся болѣе изъ бересты короба и наполняются ихъ зерномъ. Большой коробъ (*уланъ*) вмѣщаетъ въ себя пуд. до 25. Покрышка коробовъ состоитъ изъ жердей, бересты и земли. Въ такихъ воздушныхъ амбараахъ хлѣбъ сохраняется отлично. Въ Сѣверномъ Алтай сѣется еще немногого конопли. Овошей никакихъ нѣть.

Осѣдлые и новокрещенные инородцы привыкаютъ къ правильному земледѣлію и огородничеству.

Сверхъ этихъ общихъ занятій, средства къ содержанію раздѣляются по мѣстнымъ условіямъ:

1) Южные алтайцы попреимуществу—скотоводы. Цвѣтущему состоянію скотоводства способствуютъ долины, покрытыя *китцомъ* (*изю элен*), это—мелкая травка, безъ листьевъ, изъ одного стволика состоящая, любимая скотомъ и утучняющая его; солонцы и подножный кормъ во весь годъ. У богатыхъ калмыковъ бываетъ до 40 табуновъ коней и до 3000 овецъ. Табунъ состоитъ изъ одного жеребца и около 30 кобылицъ. Между-горныя долины: *Чуйская* (самая обширная во всемъ Алтай, въ длину 64 вер. и въ ширину 43), *Курайская* (въ длину 20 вер. и въ ширину 12) и *Абайская* (въ длину 35 вер. и въ ширину 3) усѣяны рослыми, горбоносыми, съ умѣренными кудрями, широкими и отвислыми ушами и длинношерстными алтайскими овцами. Алтай скіе быки отличаются также своею дородностью.

2) Съверные алтайцы, особенно живущіе при рр. Томи и Мрасѣ, занимаются рыболовствомъ, вязаніемъ рыболовныхъ сътей, которыя продаются въ большомъ количествѣ въ г. Кузнецкѣ въ 9-ю послѣ Св. Пасхи пятницу. Многіе занимаются и пчеловодствомъ, которое находится въ хорошемъ состояніи особенно по р. Антропу, гдѣ мѣстность очень благопріятствуетъ этому занятію. Горы, покрытыя кустарниками: таволгою, акаціей, малиною, сочными, въ ростъ человѣка, травами, преимущественно кипреемъ (*Epilobium angustifolium*), даютъ много бѣлаго, ароматичнаго меда. У нѣкоторыхъ инородцевъ количество ульевъ доходитъ до 1000. Антропскіе ульи славятся въ Кузнецкомъ округѣ своею доброкачественностью, немножко уступая въ плодовитости дикимъ пчеламъ. Впрочемъ, правильной торговли пчелами здѣсь нѣтъ. Желающій купить пчелъ у Антропскихъ инородцевъ приходитъ къ нимъ весною, непремѣнно съ виномъ, и по мѣрѣ этой заманчивой въ высшей степени для инородцевъ влаги, пользуется не только уступкою въ покупкѣ пчелъ, но весьма часто и значительнымъ подаркомъ оныхъ. Пріобрѣтеныя такимъ образомъ пчелы сплавляются на плотахъ по р. Кондомѣ, въ которую впадаетъ р. Антропъ. Кромѣ пчеловодства занимаются еще *пчелованіемъ*, т. е. отыскиваніемъ въ дуплахъ дикихъ пчелъ, которыя произошли отъ домашнихъ. Кому посчастливится въ теченіе весны, тотъ находитъ колодокъ до 20 этихъ блуждающихъ пчелъ. Для приплода эти пчелы считаются лучшими; они даютъ въ одно лѣто не рѣдко 5 хорошихъ роевъ.

Изъ домашнихъ животныхъ съверные алтайцы держать только коней и то въ ограниченномъ числѣ, и очень мало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. по рр. Мрасѣ и Мындыбашу—коровъ. О подножномъ кормѣ здѣсь и думать нельзя: снѣгъ выпадаетъ очень рано и всегда достигаетъ 3 ар. глубины.

Домашняя посуда, приготовляемая самими инородцами, обусловливается мѣстною обстановкою: на югѣ играетъ роль кожа, на съверѣ—береста. Для сохраненія, напр., жидкостей, на югѣ шьютъ жилами: *аркын* для кумыса и чеганя, почти въ ростъ человѣка, вмѣщающій въ себѣ около 10 ведеръ, *тамаур*, вмѣщающій около 1 ведра и *порбуй* изъ цѣльной кожи, снятой съ коровьей ноги, мѣрою отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ ведр. Послѣдніе два сосуда употребляются преимущественно въ дорогѣ. Для этихъ сосудовъ сырую кожу, опаривши въ горячей водѣ и очистивши шерсть руками, сшиваютъ тогда-же по извѣстной формѣ и, всыпавъ сухой земли, высушиваютъ близъ огня въ теченіе 10 дней. Потомъ, высыпавъ землю, дымятъ сосуды 7 сутокъ или болѣе, чтобы сквозь продышились; отъ дыма кожа размягчается, но просохнувъ на вѣтру 1 день, дѣлается твердою, рогообразною, такъ что ее ножъ не беретъ.

У съверныхъ алтайцевъ для воды, молока, масла, араки и меда дѣлаются разныхъ размѣровъ бураки (по-сибирски *туесы*), которые для перевозки во вьючныхъ сумахъ имѣютъ полукруглую форму. Впрочемъ, на обувь себѣ и они приготовляютъ кожу *сагыры*, посредствомъ дымленія-же, а именно: сырую кожу лошади, рѣдко коровы, обривши острымъ ножемъ, ватираютъ

сначала порошкомъ изъ пихтоваго угла, потомъ—отваромъ изъ оглоданныхъ костей, тщательно для сего сохраняющихся отъ пиршественныхъ столовъ, отчего кожа принимаетъ черный цвѣтъ. По очищениіи кожи вывѣниваются зимою на солнцѣ, а лѣтомъ въ тѣни на одинъ мѣсяцъ, и провѣтренный ма- жутся лошадинымъ саломъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и затѣмъ смягчаются въ талыкѣ. Талыкѣ—колода, около 2 ари. длины, съ пространствомъ между стѣнками до 5 вершковъ, безъ дна, съ зазубринами съ обѣихъ сторонъ, въ средину которой вставляются балазы, въ родѣ выгнутой къ одному концу толстой оглобли, съ зазубринами-же. Одинъ человѣкъ переворачиваетъ сложенную кожу въ талыкѣ, а другой, приподнимая и отпуская прямой конецъ балазы, снимаетъ ее. Въ день обыкновенно смягчаютъ не болѣе двухъ большихъ кожъ, рѣдко три. Приготовленныя такимъ образомъ кожи дымятся, для чего дѣлаютъ въ земль печку въ родѣ тѣхъ, въ какихъ варится масло или смола. На верхнее отверстіе печи полагается не болѣе двухъ кожъ, сложенныхъ такъ, чтобы дымъ проникалъ между изгибами. Накрываютъ кожи берестянымъ круглымъ коробомъ, затопляютъ печь пихтовымъ гнильемъ и засыпаютъ землей. Въ теченіе 3-хъ дней дымъ проникаетъ кожи, которые по выдымленіи еще смягчаются въ талыкѣ, и готовы на обувь. Изъ этой кожи обувь теплѣе, нежели изъ обыкновенной. Она не боится ни жара, ни мороза. Нога звѣропромышленника, обутая въ сагыры, твердо стоитъ на лыжахъ, не скользить и на деревьяхъ. Не смотря однакожъ на эти достоинства сагыры, онѣ имѣютъ свои недостатки. Кожа эта не терпитъ лѣтомъ сырости и скоро изнашивается. Съ осени до весны инородцу достаетъ однихъ чирковъ, но лѣтомъ ихъ надобно пѣсколько.

Домашнія работы, главнымъ образомъ, лежать па женщинахъ. На югѣ Алтая женицины доять коровъ и кобылицъ, шьютъ обувь, одежду дѣлаютъ, кумысь, высаживаютъ аракы, приготовляютъ дрова, нося на своихъ спинахъ повалившіяся отъ вѣтра лѣсины, осѣдлываютъ и навьючиваютъ коней, возятъ, за отсутствиемъ мужей, подводы; на сѣверѣ дѣлаютъ все тоже за исключениемъ ухода за скотомъ, и еще копаютъ землю для посѣва ячменя, полоть свои пашни, заготовляютъ на зиму кандыкъ, косить сѣно серповидными ко-сами, извѣстными въ Сибири подъ именемъ *горбушъ*, и приготовляютъ на халаты своихъ мужей двойную ткань, въ родѣ ревендука, изъ конопли. Для этого коноплю раздѣляютъ посредствомъ только рукъ и зубовъ на тонкія волокна, которые, согнувшись въ кругъ, кладутъ въ берестяной коробъ, а чтобы волокна въ коробѣ не спутались, пересыпаютъ каждый кругъ ячменной шелухой или лузгой. Конецъ одного волокна соединяется съ концомъ другаго — присыкается. Когда коробѣ наполнится этими тонкими волокнами, тогда беруть большое веретено и ссучиваютъ ихъ, давая видъ обыкновенныхъ нитокъ, которые, протянувшись въ пѣсколько рядовъ на полу, чрезъ всю юрту, сплетаются въ узкую (около 6 вер.), яо прочную и неудобопромокаемую ткань.

Я з ы к ъ.

Языкъ алтайскихъ инородцевъ въ основѣ тюрскій, въ нѣкоторыхъ свойствахъ склоняется къ киргизскому, заключаетъ нѣкоторыя слова уйгурскія и много монгольскихъ; въ немъ есть корни для словъ татарскихъ. Такая смѣсь, вѣроятно, произошла оттого, что предки нынѣшнихъ алтайцевъ — Ойроты всегда представляли собою массу племенъ, находившихся въ непрестанныхъ связяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, съ разными кочующими племенами.

Письменности алтайцы не имѣютъ. Въ ихъ языкѣ нѣть звуковъ, изображаемыхъ русскими буквами: *в*, *ф*, *и*, *и*; напротивъ, есть и такие, для которыхъ нѣть соответствующихъ буквъ въ русской азбукѣ, какъ носовое, подобное французскому *n*, мягкое *r*, придыхательное *k*, средніе звуки: *ö*, *ü*.

Гласныя буквы слѣдуютъ закону *созвучія*, который состоить въ томъ, что онъ въ каждомъ словѣ могутъ измѣняться и произноситься такъ, чтобы гармонировали съ основнымъ тономъ, затронутымъ главною гласною.

Согласныя твердыя буквы слѣдуютъ закону *смягченія* при сочетаніяхъ съ нѣкоторыми согласными-же, а особенно съ гласными.

Удареніе бываетъ, за небольшими исключеніями, на послѣднемъ слогѣ.

Этимологическія перемѣны совершаются приставкой въ концѣ слова, а самое слово не терпитъ при этомъ никакой внутри себя перемѣны. Въ алтайскомъ языке весьма мало исключений. Вместо нашихъ частей рѣчи, здѣсь достаточно раздѣлить на склоняемыя и спрягаемыя. Все зависитъ отъ логического значенія слова, а не отъ окончаній.

Склоняемые формы:

Множ. число принимаетъ, смотря по созвучію, приставку *ар*, *ер*, или *ор*, съ предшествующими согласными *д*, *л*, *т*, опредѣляемыми конечною буквою въ корнѣ. *Ада* — отецъ, — *адалар*; *ором* — улица, — *оромдор*; *иш* — дѣло, — *иштер*.

Падежи отличаются приставками-же, для единственного и множественнаго чиселъ одинаковыми, а именно:

Родительный или притяжательный *ын* или *ин* съ предшествующими тѣми-же, какъ и въ родительномъ. *Баш* — голова, ед. *башты*, мн. *башшарды*, *ад* ед. *аданы*, мн. *адаларды*.

Дательный или приблизительный, такъ какъ онъ выражаетъ и отвѣтъ на вопросъ: *куда?* оканчивается послѣ гласныхъ на *а*, *э*, *о*, исключая *у* и *ю*. Конечныя коренные буквы: *к* и *н* сочетаются съ тѣми-же буквами. *Ада* — *адаа*, *эне* — мать, *энээ*, *козо* — колокольчикъ, *козоо*. Послѣ *у* и *ю* и согласныхъ — на тѣ-же буквы, но съ предшествующими: *и*, *к*, *х*.

Исходный имѣетъ окончанія: *ан* (*ен*, *он*), съ предшествующими буквами, какъ въ родительномъ. *Ада*, *ададан* — изъ отца, или отъ отца, *тамар* — жила, *тарамнан* и проч.

Творительный или соединительный съ послѣ—положною частицею: *была*, *былан*, *біле*, *білен*(съ кѣмъ, чѣмъ).

Мѣстный съ послѣ— положеніями: *да*, *та*, (*дэ*, *тэ*, *до*, *то*)—въ, на.

Притяжанія.

Всѣ имена алтайского языка допускаютъ *притяжанія*, въ извѣстныхъ буквахъ или частицахъ, для обозначенія личной принадлежности предмета. Притяжанія эти не должно смѣшивать съ притяжательными вмѣстоименіями (Suffixa), потому что отношеніе понятій въ предложеніи къ субъекту предложенія, хотя было-бы ясно и безъ притяжательныхъ знаковъ, даже если было-бы уже опредѣлено притяжательнымъ вмѣстоименіемъ, однако-же и тогда свойство языка требуетъ притяжаній.

Притяжанія 1-го лица: *м*, *ада*—отецъ, *адам*—мой отецъ, *адалар* *адалар*(ы) м мои отцы. Для выраженія принадлежности предмета многимъ лицамъ употребляется *неотдѣляемое* вмѣстоименіе *біс*—нашъ: *ада біс*—нашъ отецъ, *адалар*(ы) *тар*—ваши отцы.

2-го лица принадлежность одному *н*, многимъ—*тар*: *адан*—твой отецъ, *адалар*—вашъ отецъ, *адалар*(ы)*н*—твои отцы, *адалар*(ы)*тар*—ваши отцы.

3-го лица: *ы*, *и*, *у*: *ада* (з) *ы*—его отецъ, *адалары*—его отцы, *эн(з)и*—его мать, *энелері*—его матери, *су*—вода, *сүү*—его вода и проч.

Склоненіе именъ съ притяжательными приставками слѣдуетъ общему правилу, только дательный падежъ принимаетъ одну букву *а* (э) и при этомъ притяжаніе 3-го лица принимаетъ сыропискую букву *н*, *адам*—мой отецъ, дат. не *адама*, но *адама*, *адаларыма*, *адан*—твой отецъ, *адана*, *адазы*—его отецъ, *адазына*, *адарына*. Кромѣ того въ винительномъ падежѣ съ приставкою 3-го лица опускается гласная падежного окончанія: *адазын*—его отца (вин. пад.).

Глаголъ.

Корень глагола—2-е лицо единст. числа повелит. наклоненія: *бар*—иди, *кел*—приди, *эт*—дѣлай. Приставка *ын* означаетъ моленіе, просьбу.

Въ глаголѣ есть формы нѣсколько похожія на наши залоги. *Ал*—возьми, прибавивъ къ нему слогъ *дыр*, получимъ форму, такъ называемую, *влиятельную*. Она, впрочемъ, имѣть разныя названія, которыми разные филологи, по своему разумѣнію, думали удачнѣе выразить разнообразное значеніе этой формы. Окончаніе *сыр* есть болѣе частное, но есть и другія. Глаголы, оканчивающіеся на гласную, принимаютъ въ этой формѣ *т*: *сарна*—пой, *сарнат*. Та-же буква (т) придается нерѣдко къ корню на *р*, если двухъ и болѣе сложное. А односложныя слова на *р* принимаютъ *ыз* (*иуз*), *тур*—стой, *туриуз*. Глаголы односложные, оканчивающіеся на *ш*, *ч*, *т*, получаютъ въ *влиятельной* формѣ только *ыр*.

Всѣ разнообразныя значенія этой формы сводятся къ одной идеѣ. Здѣсь

одно и тоже дѣйствіе относится къ двумъ субъектамъ, изъ которыхъ одинъ (подлежащее коренного глагола) есть непосредственный исполнитель дѣйствія, а другой (подлежащее глагола въ этой формѣ) — дасть первому поводъ къ дѣйствію. Поводъ можетъ быть разный, болѣе или менѣе обязательный, и даже вовсе не обязательный, именно: насильное заставленіе или приневоливаніе, просьба, соблазнъ, оплошность, допустившая дѣйствіе, а иногда даже и этого, повидимому, нѣтъ, а есть одно отношеніе, напр., *урла* — укради, *урлаттым* — у меня украли, собственно: я далъ поводъ украсть. Иногда (по-русски) мы себѣ приписываемъ дѣйствіе, метонимически, чужое: я построилъ домъ, сшилъ сюртукъ, тогда какъ мы работали другіе; у алтайцевъ при этомъ непремѣнно ставится понудительная форма.

Чрезъ прибавку *и* (ыи) происходитъ форма взаимная. Она предполагаетъ участіе въ дѣйствіи двухъ и болѣе лицъ и имѣть два значенія: взаимодѣйствіе и сочиненіе въ дѣйствіи.

Л и н даютъ значение: первое — страдательное, второе — возвратное.

Страдательная форма употребляется и въ среднихъ глаголахъ, и всегда безлично, т. е. по формѣ въ третьемъ лицѣ единств. числа, а по значенію это — первое лицо. Страдательный оттѣнокъ въ томъ, что дѣйствіе исполнено не вполнѣ добровольно, а принужденно, или по требованію обстоятельствъ.

Есть форма, означающая нѣсколькоократность — *ыла* и однократность — *ыс.*

Поелику эти формационныя приставки, сами по себѣ, не имѣютъ особаго окончанія невозможного для коренного глагола, то эти формы могутъ удвоиваться и утроиваться, и т. д. до бесконечности. Но собственно далѣе двухъ или трехъ формъ въ одномъ глаголѣ не допускаетъ употребленіе, а логического препятствія нѣтъ, и этимологического тоже: напр. *кій* — одѣнь, — *кійн* одѣнъся, *кіендер* — заставь одѣться. *Сук* — ударь, бей, *сүпти* — бейся, сражайся, *сүптиштыр* — заставь сражаться.

Наконецъ, въ видѣ особой формы, существуетъ отрицательная форма на бо (бе). *Бар* — иди, *бирба* — не ходи, *нел* — приди, *келбе* — не приходи. Эта форма не повторяется и не принимается за собой другой еще формы.

Спряженіе глагола во всѣхъ этихъ формахъ дѣлается посредствомъ одинаковыхъ приставокъ, исключая отчасти страдательную форму. А именно причастіе будущее оканчивается на p, а въ отрицательной — на c. *Кел*, *келер*, *келбес*.

Повелительное 2-е лицо единств. числа мы знаемъ, а во множ. числѣ прибавляется притяжательная приставка тар: *чык* — выйди, *чык(ы)тар* — выйдите. 3-е лицо единств. числа принимаетъ зын: *тур* — стой, *турзын*. Множеств. по правиламъ склоненія принимаетъ: *дар*, *турзындар*. 1-е лицо повелит. накл. единств. числа: *аин* (*еин*): *бараин*, *келеин*; множеств. — *алы* (*елі*): *барамы*, *келелі*, и отсюда уже съ окончаніемъ множ. числа: *тураңдар* (и выпало).

Изъявительное наклоненіе. Настоящее время дѣлается изъ дѣепричастія на a (e). Въ третьемъ лицѣ прибавляется t: *бара* — *барат*, *келе* — *келет*. Отсюда уже дѣлаютъ прочія лица чрезъ приставку: *бараңым* (д смягчились изъ

m); множеств. 1-е лицо: *барадык*; 3-е множ. число *баралыдар*; 2-е лицо единств. *баразын*, а множ. *баразылар*.

Кромъ этого настоящаго есть еще перефрастическихъ два: одно съ вспомогательнымъ глаголомъ *ят*—лежи, другое съ вспомогательнымъ глаголомъ *тур*—стой. Только здѣсь изъ *ятат* сдѣлалось сокращенное *ят*, а изъ *турат* стало *туру*. Они предшествуютъ глаголамъ въ дѣепричастіи на *n*: *біліп*—ядыл знаю, *біліп ясын* знаешь (т. е. *ятын*, но *t* выпало) и проч.

Прошедшаго времени двѣ формы: одно *ды*: *бар*—иди, *барды*—онъ пришелъ, другое (причастіе) *тан*: *барган*. Первое означаетъ дѣйствіе лично и поочевидному видѣнію известное говорящему, а послѣднее—что известно послуху, сюда-же относятся события древнія. *Кемен*—пришелъ (какъ я слышалъ), *келді*—пришелъ (я самъ видѣль, какъ онъ пришелъ).

Будущее дѣлается изъ причастія, оканчивающагося на *r*: *келер*, *турар* съ притяжательными приставками: *кереліра*, *келерзі*, *келер*; *келерібіс*, *келерзіер*, *келерлер*.

Причастіе: *келер*, *кемен*, *келеттен*.

Дѣепричастія: *келе*, *келіп*, *келінче* и т. д.:

Слово сочинение.

Начнемъ съ самого простого предложенія, состоящаго изъ подлежащаго и сказуемаго:

Предложеніе состоитъ изъ подлежащаго—имени и сказуемаго, которое можетъ быть или имя, или глаголъ. Подлежащее ставится на первомъ мѣстѣ, сказуемое—на второмъ, связи въ алтайскомъ языке нѣть.

Подлежащее, какъ и всякое имя, никакимъ косвеннымъ падежемъ, кромъ родительного, не управляетъ (исключеніе отглагольныхъ имёнъ). Подлежащее, какъ и всякое имя, принимаетъ опредѣленія. Определеніе всегда ставится прежде опредѣляемаго.

Опредѣляющими словами могутъ быть: прилагательное, причастіе, указательное вмѣстоименіе и числительное. Имя можетъ опредѣляться и существительнымъ: или въ отношеніи количества (фунтъ воску, возъ сѣна), или въ отношеніи материала (кольцо изъ золота, домъ изъ дерева), или по сходству (лепешка, подобная кожѣ), или въ отношеніи объема понятія, такъ что опредѣляемое выражаетъ общую сумму предметовъ, а опредѣляющее—меньшую группу или даже предметъ единичный (голубь—птица, Кондома—рѣка) или въ отношеніи принадлежности (лошадиная кость, поясъ бабушки).

Кромъ послѣдняго случая, всѣ прочія опредѣлительныя слова предшествуютъ опредѣляемому и не имѣютъ на него никакого влиянія, и сами отъ него не измѣняются ни падежной приставкой, ни какимъ окончаніемъ, которое-бы дѣлало ихъ подобными прилагательному. Такимъ-образомъ по-алтайски говорятъ: бѣлый снѣгъ—ак кар, одинъ, два, три, пять человѣкъ—бір, эки, уч, беш, кыжі, двѣ чашки чаю—эки аяк шай (слово въ слово: два

чашка чай), *таш уй*—камень домъ (т. е. каменный домъ), *темір курек*—желѣзо лопатка (т. е. желѣзная лопатка), *карчиа күш*—птица соколь, *Ібан карындаш*, братъ Иванъ. Собственное имя города, рѣки и т. п. сопоставляются также.

Отношение принадлежности бываетъ определенное и неопределенное: лошадиная голова, т.-е. голова вообще лошади, и голова определенной лошади. Лошадь—*ат*, голова—*баш*, лошадиная голова—*ат бажі*, голова этой лошади—*бу аттың бажі*. Слѣдовательно, родит. приставка выражаетъ определенность, а отсутствие приставки—неопределенность; точно также бываетъ и съ падежемъ винительнымъ. А потому слово безъ всякихъ приставокъ нужно считать не собственно именовательнымъ падежемъ, а неопределеннымъ.

Имя со всѣми своими определеніями, какъ бы они ни были многочисленны, многосложны, представляетъ какъ-бы одно цѣльное слово, т. е. окончаніе множественного числа и косвенного падежа приставляется только къ одному послѣднему слову, а всѣ предшествующія слова остаются безъ всякихъ приставокъ.

Сказуемое бываетъ иногда глаголъ. Формы глагола изложены выше. Здѣсь упомяну о томъ, какъ алтайцы выражаютъ russkie виды, т. е. продолжительность, оконченность, начинаніе и т. под. Все это и тому подобную сложность идей они выражаютъ сочетаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ глаголовъ. Для этого нужно русскій глаголъ разложить на его составныя идеи, для которыхъ въ алтайскомъ существуютъ особыя слова, расположить эти глаголы въ порядкѣ выражаемыхъ ими дѣйствій, предыдущіе глаголы поставить въ дѣепричастіи на *и* и только послѣдній глаголъ поставить въ требуемомъ наклоненіи и времени. Наприм., *носить*—поднять—взять—ходить; а потому *носить*—поднявши, взявши, ходить; *принести воды*: принести—взять, прийти: воду взявши, приди; *ходи въ аилъ*: сходить—пойти—прийти: въ аиль пошедши, приди. Слѣдовательно, здѣсь механическаго правила назначить нельзя, а непремѣнно нужно руководствоваться логикой. Впрочемъ, вспомогательные глаголы: *ят*—лежи, *тур*—стой и *туръ*—живи, можно употреблять всегда для выраженія продолжительности дѣйствія. Для выраженія начала дѣйствія приличенъ глаголъ *тур*—дай, когда не требуется определить, долго или нѣтъ продолжалось начавшееся дѣйствіе, или два глагола: *тур* и *бер*, когда нужно выразить, что дѣйствіе послѣ начала имѣло продолженіе. Если нужно выразить, что предметъ совершилъ дѣйствіе для себя или въ себѣ, употребляется глаголъ *ал*—возьми; а если для другаго—*бер* дай.—Когда нужно выразить, что дѣйствіе начало совершаться неожиданно, внезапно, необычно, или, что дѣйствіе предмета выразилось въ движеніи по известному направлению, тогда употребляется глаголъ *ий*—отпусти, пошли. Для выраженія оконченного дѣйствія, не опредѣляя, для себя-ли дѣйствовалъ предметъ, или для другаго, употребляются глаголы: *сал*—положи, *кой*—перестань.

При выборѣ вспомогательныхъ глаголовъ надобно помнить, чтобы они логически не противорѣчили главнымъ глаголамъ.

Глаголъ можетъ распространяться дополненіями, которые выражаются падежами.

Послѣ глагола могутъ ставиться всѣ косвенные падежи, кроме родительного.

Всякое зависящее слово ставится прежде управляющаго. Впрочемъ, строго логической порядокъ въ предложеніи, по которому опредѣленія и дополненія ставятся прежде опредѣляемыхъ и управляющихъ словъ, въ разговорѣ не рѣдко измѣняется. Въ этомъ случаѣ существуетъ такой психологической законъ: если цѣлая мысль вполнѣ и вдругъ представляется въ умѣ говорящаго, тогда слова ставятся въ строго-логическомъ порядке. Нестройное-же слово-расположеніе обличаетъ нестройность мышленія, т. е. человѣкъ, сказавши нѣсколько словъ, припоминаетъ, для дополненія, еще нѣкоторыя слова, а эти, послѣ уже придуманныя, а не однимъ цѣльнымъ актомъ мышленія обнятые идеи прибавляются къ предложенію, вопреки вышеизложеннаго порядка.

Употребление падежей: Именовательного падежа, вместо русского родительного, требуетъ отрицательная частица: *йок*—не, *безъ*, *одна* и въ соединеніи съ глаголами. Глаголы: быть, сдѣлаться, стать вместо русского творительного—тоже.

Родительный или притяжательный ставится только при имени существительномъ. Но отглагольные имена дѣйствія и дѣйствующаго удерживаютъ управление своихъ глаголовъ, отъ которыхъ они произошли.

Винительный падежъ въ алтайскомъ языке имѣть такое-же значеніе, какое и въ русскомъ. Но такъ-какъ многіе дѣйствительные глаголы алтайцевъ соответствуютъ русскимъ среднимъ или возвратнымъ глаголамъ, то невсегда можно по употребленію винительного падежа въ русскомъ языке опредѣлять употребленіе этого падежа въ алтайскомъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ алтай-винительный падежъ соответствуетъ различнымъ русскимъ падежамъ.—При глаголахъ: *наштарарга*—управлять чѣмъ, *керегтейрэ*—нуждаться, *йоксынарга*—скучать, горевать о лишеніи чего-нибудь, *танархарга*—удивляться чему, *электейрэ*—смѣяться надъ чѣмъ, *ээжеріэ*—слѣдовать за кѣмъ, ставится винительный падежъ.—*Глакечеріэ*—переплыть, переправляться, *ажарга*—переѣзжать, *бдэрю*—проходить, переѣзжать (чрезъ что) требуютъ винительного падежа, который въ русскомъ языке находится въ зависимости отъ предлога: *чрезъ*.—Зависящія въ русскомъ языке имена отъ предлога *объ*, ставятся въ алтайскомъ языке въ винительномъ падежѣ при глаголахъ: *уарга*—слушать, *эрмектейрэ*—разговаривать, бесѣдовать, *адарга*—говорить и т. п.—Винительный падежъ употребляется при глаголѣ вспомогательномъ *деп*—думаю, говорю, вместо русскихъ: дательного, творительного и предложного падежей.—Если въ русскомъ языке, вместо винительного падежа, стоитъ цѣлое предложеніе, подлежащимъ которого служатъ

вмѣстоименія: *что*, *который*, или нарѣчія мѣста и времени, а сказуемымъ—глаголъ, то въ алтайскомъ языкѣ вмѣстоименія эти опускаются, а сказуемый глаголъ всегда полагается въ причастіи винительного падежа.

Дательный или приблизительный падежъ употребляется при означеніи предмета, къ которому что-либо относится, по вопросамъ: *кому, чemu?*—При выраженіи движенія или направленія къ какому либо предмету, на вопросъ: *къ кому, чemu?*—При означеніи направленія или движенія предмета во внутренность другого по вопросамъ: *въ кого, во что, куда?*—При определеніи цѣли, конца, мѣръ, пространства, причины и мѣста совершенія дѣйствія или положенія предмета, по вопросамъ: *для кого, для чего, до кого, до чего, обо что, за что* (вмѣсто *чего*), *на кого, на что, на какую вещь, по какой поверхности, у кого, у чего, среди кого, въ чемъ, отъ какой причины, въ какую мѣру, при чемъ, противу кого?* При означеніи посылки или шествія за какимъ-либо предметомъ, по вопросамъ: *за кѣмъ, за чѣмъ?*—Глаголы: *чыдан*—могу, терплю, очожіт—ненавижу, *чиin*—пишу на чёмъ, *сүүнүп*—радуюсь, *ачинип*—жалѣю, *кілеп*—принимаю участіе въ комъ, обращаю вниманіе на кого—требуютъ падежа дательного.—При глаголахъ влиятельныхъ, имѣющихъ значеніе страдательное, предметъ, отъ коего происходитъ влияніе, полагается въ дательномъ падежѣ.—Глаголь *болуп*—становлюсь, бываю, дѣлаюсь, требуетъ дательного падежа въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ выражается согласіе, уступка, угодженіе, подчиненіе, стремленіе одного предмета къ другому.—При глаголѣ *толорю*—наполняться и *толо*—полный, предметъ наполняемый ставится въ дательномъ падежѣ.—Дат. пад. въ причастіи на *r* означаетъ родъ супина.

Исходный падежъ употребляется—для означенія выхода, изъятія, происходенія и удаленія предмета отъ чего-нибудь;—для означенія предѣла или пункта, отъ которого начинается движеніе, измѣреніе или исчисленіе.—Когда говорится о превосходствѣ или недостаткѣ въ какомъ-нибудь отношеніи одного предмета или прилагательного качественного предъ другимъ, тогда имя или прилагательное, съ которымъ данный предметъ сравнивается, полагается въ исходномъ падежѣ, вмѣсто родительного, при чёмъ прилагательное особаго сравнительного окончанія не принимаетъ.—При означеніи вещества, изъ которого что-нибудь сдѣлано, ставится падежъ исходный.—Глаголы, означающіе стыдъ, опасеніе, боязнь, отчаяніе, напр., *коркарю*—бояться, *йїменерэ*—опасаться, *уяларя*—стыдиться, *чокоирэ* и *туулерэ*—отчаяваться; также *лжіраря*—скрывать, *сураря*—спрашивать, *эріерэ*—наскучать, *чыгаря*—выходить, *öчкуаря*—мстить, *каларя*—оставаться, *калыжаря*—отставать; равно какъ глаголы: *качаря*—бѣжать отъ кого, *алтанааря*—отскакивать, пугаться кого и братъ, *держатъ* за что — согласуются съ падежемъ исходнымъ.—Послѣ положныхъ частицъ *наиха*, *öсыё*—кромѣ *озо*—прежде, *бері*—съ (какого времени)—требуютъ падежа исходного.

Соединительный (творительный) падежъ употребляется—для сочетанія предметовъ, производящихъ одно дѣйствіе, или находящихся въ одинаковомъ

состояніи, независимо одинъ отъ другаго, по вопросамъ: *съ кѣмъ, съ чѣмъ?* или-же сочетанія такихъ предметовъ, изъ которыхъ одни участвуютъ въ дѣйствіи или состояніи по волѣ другихъ предметовъ, или по тѣсной связи съ ними;—для наименования лицъ, орудія или средства, которымъ совершаются дѣйствіе, по вопросамъ: *кѣмъ, чѣмъ, на комъ, на чѣмъ?*—Въ соединительномъ падежѣ полагается имя предмета, изъ которого что-нибудь сдѣлано, если этотъ предметъ имѣетъ значеніе материальной причины.—Соединительный падежъ ставится иногда для выраженія того, что дѣйствіе предмета совершилось тотчасъ за другимъ дѣйствиемъ или что дѣйствіе предмета совершается по временамъ. Въ соединительномъ падежѣ полагается то, по образцу чего производится что-нибудь.

Мѣстный падежъ полагается при означеніи пребыванія, покоя или остановки на мѣстѣ, по вопросамъ: *въ комъ, въ чѣмъ, на комъ, на чѣмъ, ідѣ?* также: *у кого?*—При означеніи времени года и дня, по вопросу: *когда?*—Мѣстнымъ падежемъ иногда означаются обстоятельства, при которыхъ совершилось дѣйствіе, или причина, вслѣдствіе которой произошло дѣйствіе.

Въ употребленіи *числѣ* надобно замѣтить, что имена предметовъ, имѣющихъ извѣстное опредѣленное число, или хотя неопредѣленное, но множественное, напр., глаза, уши, руки, ноги, зубы, волосы, листья, перья и проч., не употребляются во множественномъ числѣ. Если-же нужно опредѣлительнѣе показать, что подъ словомъ, напр., *кол* разумѣется не одна рука, а обѣ, тогда придаютъ числительное *екы кол*—обѣ руки.

О *предложеніи сложномъ*, состоящемъ изъ соединенія нѣсколькихъ предложенийъ. Предложения, входящія въ составъ одного періода, относятся между собою, какъ главныя и зависящія. Послѣднія въ нашемъ языкѣ подчиняются главному посредствомъ вмѣстоименія относительного или союзовъ. Алтайцы этихъ средствъ не имѣютъ, а между тѣмъ въ мышлѣніи ихъ неизбѣжно должно являться сложное соотношеніе нѣсколькихъ предложенийъ, напр., причинность, временная обстоятельственность и т. п. Только условіе и уступленіе выражаются особою формою глагола: *акчам болзо, садып-аларым*, если у меня будутъ деньги, куплю. *Акчам болзо-да, албарым*, хотя у меня и будутъ деньги, не возьму.

Всѣ другіе случаи соподчиненія предложенийъ подведены подъ тѣ-же законы, какими соподчиняются отдѣльныя слова, именно, какъ опредѣленіе и какъ дополненіе, т. е. какъ прилагательное или какъ зависящій падежъ.

Подобно прилагательному сочиняются предложения опредѣлительныя, а падежами тѣ, которыя налагаются у насъ какимъ-либо союзомъ. Въ обоихъ случаяхъ механизмъ совершенно одинаковый и простой. Именно, подчиненное предложение должно взять отдѣльно и составить по-алтайски, и потомъ, если оно оканчивается глаголомъ въ какомъ-нибудь времени изъявительного наклоненія, то глаголъ поставить въ причастіи того-же времени и залога, а если оканчивается прилагательнымъ, вставить безъ перемѣны, и затѣмъ зависимость предложения обозначить логически приличнымъ падежемъ, а

определительное безъ всякой перемѣны поставить только предъ словомъ опредѣляемымъ, и тогда все дѣло окончено. Напр.

Нá шубу, которую надѣнешь на свадьбѣ.

Шолковая канфа пусть пригодится. Сначала должно разложить на два особыхъ предложенія: на шубу шолковая канфа пусть пригодится, тонынга торхо мандык ярашсын, ты надѣнешь къ свадьбѣ, сенъ тойю кіэрзін. Въ послѣднемъ предложеніи слово *кіэрзін* поставимъ въ причастіи будущаго времени *кіэр*, и будетъ такъ:

Тойю кіэр тонынга, торхо мандык ярашсын. Человѣкъ, у которого много денегъ, называется богатымъ.—Человѣкъ называется богатымъ, *кыжі бай аданнып—ядыръ*; у него много денегъ: *акчазы копъ*, а все: *акчазы копъ кыжі бай аданнып—ядыръ*.

Нà козла, котораго, подкарауливъ, застрѣлить.

Пуля пусть пригодится.

Нà козла, пуля пусть пригодится: *элікэ тоюлок темір арашсын*; его, подкарауливъ, застрѣлить, *аны тозып адарзын*, а все:

Тозып адар элікэ тоюлок темір арашсын.

Обратимъ вниманіе на наши причастія и посмотримъ, какая разница въ нашемъ русскомъ сочиненіи и алтайскомъ. У насъ причастіе иногда только можетъ стоять предъ именемъ, какъ его опредѣленіе, когда это имя есть его подлежащее, а въ противномъ случаѣ необходимо употребить вмѣстоимѣніе относительное. Человѣкъ, читавшій книгу = человѣкъ, который читалъ; прочитанная книга = книга, которая прочитана. Но человѣкъ, у котораго украли лошадь, причастіе укравшій по-нашему ни какъ не можетъ быть опредѣленіемъ слова человѣкъ, а по-алтайски можно сказать *аттынурлакан кыжі*, а лучше: *алтын урлаткан кыжі*. Надо всегда имѣть въ виду въ алтайскомъ языкѣ, что опредѣленіемъ служитъ не одно только причастіе, а все предложеніе, заканчивающееся причастіемъ. По этой причинѣ также причастіе дѣйствительное по-алтайски можетъ быть опредѣленіемъ и дѣйствующаго лица и предмета дѣйствія, смотря потому, предъ какимъ понятіемъ оно полагается. Наприм., *ийен кыжі*, ъвшій человѣкъ; *ийен эт*, съѣденное мясо. *Айтхан кыжі*, сказавшій человѣкъ, *айтхан сосъ*, сказанное слово (§§ 452—462 Грамматики Монгольско-Калмыцкаго языка Бобровникова, Казань, 1849 года приличны и Алтайскому языку).

Здѣсь еще замѣчу относительно послѣдовательности временъ. У насъ времена въ русскомъ языкѣ, въ главномъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ, большею частію, относятся къ моменту говорящаго; наприм.: когда я прочитаю книгу, отдамъ вамъ,—тотъ и другой глаголъ въ будущемъ времени. По-алтайски отношеніемъ къ времени говоренія опредѣляется только время главнаго глагола, а подчиненные опредѣляются уже по отношенію къ главному глаголу, и потому здѣсь слово: *прочитаю*, надо поставить въ прошедшемъ времени причастія, ибо это дѣйствіе будетъ уже окончено прежде, чѣмъ книга отдастся.

Подчиненные дополнительные предложения большей частью (исключение выше сказано) сочиняются падежами. И могут они стоять во всякомъ падежѣ.

Во многихъ случаяхъ къ причастію его подлежащее можно обозначить притяжательной приставкой, которая въ предложеніяхъ опредѣлительныхъ ставится къ опредѣляемому имени, а въ дополнительныхъ — къ самому причастію.

Для соединенія придаточныхъ предложенийъ есть вообще дѣепричастія.

Впрочемъ, въ переводѣ придаточныхъ предложенийъ съ русскаго нельзя указать механическаго правила, а нужно слѣдовать логическому отношенію ихъ и выражать это логическое отношеніе частицами подходящими.

Есть еще сочиненіе предложенийъ посредствомъ глагола *дел*, соответствующаго татарскому *дімяк*. Онъ замыкаетъ собой слово и употребляется для выраженія не только высказанныхъ словъ, но и задуманныхъ: желанія, опасенія, просьбы, надежды и т. под. При этомъ предложеніи надо давать такой именно видъ, какъ мыслить его самъ тотъ, кому оно приписывается. Напр., по-нашему: онъ сказалъ, что придется, а по-алтайски: онъ сказалъ: приду-де. Я боюсь, чтобы вы на это не осердились, а по-алтайски: осердиться, говоря, боюсь.—Такимъ образомъ здѣсь придется измѣнять лица глагола.

Кромѣ строго логической послѣдовательности алтайского словосочетанія и словоизмѣненія, надо еще помнить, что алтайскій языкъ отличается конкретностью, т.-е. любить представлять вещи не отвлеченно, а въ ихъ прѣлостномъ, натуральномъ положеніи, и о событияхъ разсказываетъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили. Выражать отвлеченные обороты — не въ духѣ языка.

Изложивъ общій строй алтайской рѣчи, покажемъ и различія южнаго и сѣвернаго нарѣчій. Южнымъ нарѣчіемъ говорятъ: калмыки, телеуты и черневые татары, кочующіе близъ Телецкаго озера и тяготѣющіе всѣмъ своимъ бытомъ къ калмыкамъ. Сѣвернымъ нарѣчіемъ говорятъ остальные черневые инородцы и кумандинцы. Впрочемъ, у всѣхъ племенъ, даже въ каждой волости, есть нѣкоторыя особенности въ языке, но онъ не значительны, такъ что знающему два главныхъ нарѣчія можно свободно объясняться со всѣми алтайскими инородцами.

Въ сѣверномъ нарѣчіи употребляется особенный звукъ *ч* (какъ-бы чѣж).

Въ созвучіе буквы *о* полагается не *о* же, но *а*: *кол*—*кома*, *болар*, *бомам*.

Сѣверное нарѣчіе не терпитъ въ началѣ слова мягкихъ гласныхъ буквъ, прилагая къ нимъ букву *ч*: *чакши* вмѣсто *якии*, *чарааш* вмѣсто *ярааш*, *чок* вмѣсто *йок*, *четы* вмѣсто *йеты*.

Буквы *т* и *ч*, особенно стоящія въ началѣ слова, измѣняются первая въ *ч*, а послѣдняя — въ *ш*: *таш* вмѣсто *чач*, *чилан* вмѣсто *тилан* и проч.

Окончанія множеств. числа *дар* (*дэр*) въ сѣверномъ нарѣчіи не употребительны, замѣняясь: *лар* (*лэр*): *тарам-жила*, не *тарамдар*, а *таламлар*.

Притяжательная приставка 2-го лица множеств. числа *тар* на сѣверѣ не употребляется.

Глаголы въ сочетаніи съ глаголами-же вспомогательными въ настоящемъ времени изъявительного наклоненія въ южномъ нарѣчіи поставляются въ дѣ-причастіи на *n*, а въ съверномъ вспомогательный глаголъ, большею частію, приставляется прямо къ корню главнаго глагола.

Южное:

Беру	алып -ядым,
Бываю	болуп-ядым,
Знаю	біліп -ядым,

Съверное:

ал	-чадым или чарым
бол	-чадым —
біль	-чадым —

Въ южномъ нарѣчіи 3 лицо наст. врем. изъявительного наклоненія оканчивается на *t*, а въ съверномъ на *r*.

Въ съверномъ нарѣчіи вспомогательный глаголъ *турум* не употребителенъ; форма прошедшаго времени отъ причастія на *тан* употребляется только въ сокращеніи: *болам*, *боләбісъ*, причемъ второе лицо единств. числа отличается отъ третьяго только носовою буквою *n*.

Окончанія втораго лица прошедш. и будущ. времени множ. числа не *сынар*, а *зар*, а въ третьемъ лицѣ будущ. времени предъ *мар* (*лэр*) вставляется *зы*.

Повелительное наклоненіе на *ын*, *айм* и *мы* въ съверномъ нарѣчіи не употребительно.

Многія однозначащія слова имѣютъ разницу въ нарѣчіяхъ южномъ и съверномъ. Мы будемъ говорить о такихъ, которые только искажены, напр.

Вечерь	іныр,	іір,
Високъ	саамай,	санмай,
Гора	ту,	таг,
Грязь	балкаш,	балчак,
Больной	угру,	агрых,
Гибкій	ільчек,	эныльчек,
Жадный	ачырхак,	ачхарак,
Что	не,	но,

и т. д.

Представимъ совершенныя различія:

южное:

Бумага	кагас,
Бѣда	эткерь,
Весло	каік,
Вкусъ	амтан,
Воздухъ	кей,
Воръ	кадран,
Вѣра	ян,
Гвоздь	кау,
Глазъ	косъ,

съверное:

кат,
урчук,
эшкы,
таамы,
чіс,
чулгуш,
чозаг,
поозух,
карак,

южное:

Горсть табаш,
Гробъ межік,
Грѣхъ кылінчек, язык,
Десна пууле,
Діаволъ курюмесь,
Дядя абагай,
Дятелъ тонуртка,
Жало чагаак,
Идолъ чалу,
Капля тамчі,
Караульщикъ сакчі,
Клеймо тамга,
Колокольчикъ козо,
Кольцо юстук,
Коль казык,
Колѣно тізе,
Кора чобырга,
Коса чалғы,

сѣверное:

оош,
чаян,
кыял,
кургак,
айна,
тай,
алаш,
чіда,
урекэнъ,
шурлак,
кадачі,
шолгу,
кондрачак,
кубе,
куйле, урьгэнъ,
устук,
кагаш,
тулун (женская),
шурьмеш (дѣвичья),
ыргак,
нузрук,
курюсте,
кабак,
шабла,
макыш,
куйлені,
іче,
комысхаш,
падат,
черъ,
колтугу,
чіп,
азак,
коптэ,
бурну,
ію,
бурду,
абсак,
аба,
падырбаш,
коргочак,
агыча,
чух, тюк,

Крюкъ подого,
Кулакъ пюдрукъ,
Ленъ кендыръ,
Лобъ мандай,
Ложка калбак,
Лѣстница тәпкыш,
Любовъ сюум,
Мать эне,
Муравей чымалы,
Муха чымын,
Мѣсто орун,
Невѣста сыргалі,
Нитка учук,
Нога пуд,
Ножницы кайчі,
Ноздря тану,
Нора ічеэнъ,
Носъ тумчук,
Осина шабыр,
Отецъ ада,
Палецъ сабар,
Паукъ йоргомыш,
Пашня кра,
Перо юм,

	южное:	съверное:
Пища	теміш,	чіш,
Плачъ	ій,	сыт,
Племя	аймак,	тілю,
Плечо	іін,	ушту,
Подушка	вахта,	частык,
Поле	ялан,	чазы,
Полѣно	чарчага,	оок,
Пѣсня	кожон,	сарын,
Пѣтухъ	куштып-эркегы,	танак,
Пята	чоонюк, чоончой,	эчык, эньчік,
Радость	сюгунюги,	кулгу,
Рубашка	чамча,	куйнек,
Рукавица	мелей,	ільтә,
Рукоятка	туда,	саб,
Рябина	пеле-агаш,	сейбе, ундреш,
Сало	май,	чаг,
Сестра	сіїні,	абчі, пече,
Скорлупа	кабык, кайзырык,	шірып,
Слуга	кул,	чалчі,
Слѣдъ	ісь,	чал,
Смерть	алдачі,	улет,
Спина	арка, сырт,	уча,
Старуха	әбегенъ,	урекэнъ,
Стволъ (растенія)	сын,	уню,
Стекло	шілі,	чілтрак, кузене,
Стогъ	обоо,	учунь,
Стрѣла	ок,	соган,
Стукъ	токулладу.	тонлак,
Сукъ	шудак,	сала,
Тесть	каін-ада,	касты,
Тетка	әдже,	агальчак,
Теща	каін-әне,	агыла,
Тьма	карачхы, тюнерік,	попалай,
Товарищъ	некоръ, эш,	арғыш,
Туча	тулгу,	кезек,
Уда	кармак,	лешь,
Умъ	ой,	сагыш,
Утка	су-гуш,	урьтек,
Халатъ	капталъ, лабажак,	чайлык,
Хлѣбъ	этпек,	аш,
Цѣпь	кынді,	ільчербе,
Часть	кеэзік,	умош, орыс,
Челость	саныт,	іігы,

южное:		северное:
Чудо	кайху,	обал,
Щенокъ	кучук.	унегеш,
Щетина	ялага,	шошка-тегу,
Ябедникъ	сайгакчі,	ужакчі,
Ягода	тілек,	чісьтәк,
Яйцо	тімыртха,	нуртка,
Ячмень	арба,	салыч-аш,
Бѣдный	йохту,	чудәх,
Виноватый	пурулу,	ішты,
Вкусный	амтанду,	таамных,
Высокий	турумду,	моузюк,
Гнилой	чірік,	чізых,
Голый	тас,	чілаш,
Голубой	чанкыр,	кок,
Горбатый	пекчок,	пургу,
Гордый	томукай,	улугуйлу,
Дешевый	онгой,	эльбек,
Женатый	кадытту,	кыжілах,
Завистливый	куюнчек,	артык-курьгуш,
Затхлый	колонзухту,	похзых,
Здоровый	сузак,	каазык,
Кривой	кылджір,	сагыр,
Крутой	каір,	шік,
Легкий	теныль,	нек,
Лѣнивый	ялку,	аргас,
Любезный	куурькай,	сюрюнух,
Медленный	саадамду,	куужух,
Мутный	тордолу,	налгашты,
Нагой	яланчаш,	чілаш,
Острый	курч,	чідых,
Плотный	шідырыш,	шійрах,
Порочный	пурулу,	калыхты,
Прежний	озогы,	бурунгу,
Рѣдкий	сандақ,	саяк,
Скупой	кыйга,	кемчі,
Слабый	поду,	пош,
Спорый	армык,	ухту,
Сѣдой	пуулур,	кыр,
Терпѣливый	чідын,	тюзюнюх,
Трезвый	эрюль,	сак,
Удобный	ыпту,	келишкәнъ,
Умный	ойлу,	сагышты,
Худой	яман,	чабал,

южное:

Частый туус,
Чуткий сак,
Широкий ялбак,
Ясный айтрак,
Весь ончо,
Всякий ар-кэм,
Цельный пюкуль,
Бужу ойгозып,
Бью согуп,
Бьгаю мантап,
Везу тартып,
Встрѣчаю учуражып
Вынимаю суруп,
Вьючу коштоп,
Вѣрю яндал,
Дремлю ургулэп,
Желаю куунчериип,
Живу тюрюп,
Запираю чоодылап,
Кашляю теодкурюп,
Кидаю мергедэп,
Крошу кертып,
Лгу тегунъдеп,
Люблю сюуп,
Мараю уйман,
Молчу унчукпай,
Мучу кыйнап,
Оставляю таштап,
Отвѣдываю амзап,
Пасу кудюп,
Перестаю урап,
Пишу бічіл,
Плачу ійляп,
Помню білініп,
Посылаю іїп,
Правлю бошхарып,
Прощаю божодыш,
Пухну кѣоп,
Радуюсь сюгунюп,
Ругаю сѣгуп,
Смѣюсь кулюп,
Спасаю аргалап,
Стригу кайчілап,

спверное:

кою,
охулак,
кен,
аяс,
парчы,
кайзі-да,
пар,
усхадып,
шаал,
чуурь,
апарь,
удюрелэп,
шагар,
чуктар.
санап,
сабыксып,
кычаланып,
чаат,
пехтэп,
чедыріп,
таштап,
туграп,
чуйляп,
куйленіп,
кырлендыр,
шімбол,
чаажіт,
артыс,
аатых,
кадар,
тохтон,
паазып,
улгап,
унап,
ыс,
тизет,
таштап,
шігі ,
уурюнюп,
тарын,
каткыр.
кадар,
коптылап,

южное:		съверное:
Стучу	токулдаш,	тонлад,
Съю	эльгеп,	уренеп,
Таю	кайлып,	эріт,
Теряю	ойгултуп,	чідар,
Тороплюсь	мендеп,	манзырап,
Убиваю	öльтуруп,	öдурь,
Улыбаюсь	куюнюп,	зай,
Унимаю	урадып,	кыс,
Устаю	чілап,	туржар,
Хочу	куунгеріп,	санап,
Цвѣту	чечектеп,	альчай,
Шучу	кокурлап,	карбактанап,
Ѳду	ойртуп,	бар,
Больше	эсъту,	коб-іле,
Вдали	алыста,	аракта,
Вездѣ	кай-даа,	парчан-черъдэ,
Весьма	сюrekэй,	куш,
Вкось	кыя,	сейок,
Вмѣстѣ	кожо,	бірьгэ,
Внизъ	тöмень,	тюберэ,
Вовсе	эч, аірт,	пажіба,
Вонъ	тыжына,	шагар,
Вскорѣ	удабай,	ултам,
Высоко	ээзъ,	мюузюк,
Вѣрно	чікэ,	пюдюш,
Давно	коптэ,	урьдэ,
Доколѣ, пока	анынча,	кая-тиоунче,
Едва	арайла, турче,	чуть-челе,
Иногда	качан-качан,	бірь-бірьдэ,
Исподволь	каран,	куйчугэнъ,
Какъ-нибудь	каніп-каніп,	кайт-кайт-чаръпъ;
Лучше	алмак,	артык,
Маленько	эбешкыне,	кычегэш,
Назадъ, обратно	ойто,	нандра,
Наоборотъ	тэскері,	айляндра,
Нарочно	öнеттыйн,	тегунь,
Немного	азулак,	копъ-чок,
Ни-то ни-се	алынкылу,	тыгыбо-пебе,
Нѣсколько	анга-мынча,	ады-эрі,
Рѣдко	сандахта,	ман-зайн-эбесь,
Тихо	аяар,	чобаш,
То-есть	не-тэгэжін,	ол-анды,
Чадно	куюрту,	сыс,

южное:	северное:
Что-нибудь	неэны-неэны,
Близъ, вплоть	кнай,
Будто	дай, тай,
Противу	утхары,
Сзади	кіндэ,
	—
	беръ-беръ,
	кыйгына,
	пый-гыла,
	удре,
	соомнам,

Названія мѣсяцевъ.

Январь—*тегүнъ-ай* кычі кырлаш. Этотъ мѣсяцъ называется безстыжимъ, потому что много посыаетъ морозовъ, хотя и не большихъ Въ этомъ мѣсяцѣ солнце поднимается на горизонтѣ въ ростъ человѣка—*кыжинън бозу кошучыяр*. День прибываетъ на веревку, которою треножать коней—*кыженътызи*.

Февраль—*чен-ай*, *чель-ай*. Это—вѣтранный мѣсяцъ. Солнце поднимается на горизонтѣ въ ростъ человѣка на конѣ—*атту кыжі-боинча којулар*. Годъ перемѣняется; 7 дней вѣтранныхъ. День прибываетъ съ арканъ.

Мартъ—*курюк-ай*, *ажіх-ай*. Годъ переваливается. *Эрги агаш-та кар чуклас*, съ наклонной лѣсины (подтаянный) снѣгъ спадаетъ. День прибываетъ на 6 аркановъ—*алты арамчи-бои*.

Апрѣль—*ын-наамык*, *тарын-ай*. Земля приготовляется къ посѣву. *Таррою*, копаю абыломъ. Солнце взойдетъ на ровное мѣсто—*кунъ тата шихпарчар*. Этотъ мѣсяцъ называется еще *курюг-ай*, бурундучій мѣсяцъ. Бурундукъ выходитъ изъ норы, *курюк шихчар*.

Май—*коог-ай*, *песь-ай*. Кандычный мѣсяцъ, потому что въ это время вырываютъ кандыкъ.

Июнь—*тіду яйлят-ай*, *ода-ай*. Хлѣбъ полоть. *Од*—плевелы, сорная трава, *от-чадым*—полю, сорную траву выдергиваю. На инородческихъ небольшихъ пашняхъ-копанцахъ, дѣйствительно, нѣть ни одной посторонней травки; что только посѣяно, то и растетъ.

Июль—*од-ай*, *улуй-ай*. Это—большой мѣсяцъ съ долгими днями.

Августъ—*біченъ чабаттан-ай*, *аттычичан-ай*. Сѣно косить, и хлѣбъ поспѣваетъ. День убываетъ съ дверную накладку (для запора).

Сентябрь—*сынын-ай*, *ораг-ай*. Промышлять мораловъ и пролагать тропу (*ора*) къ пашнямъ для жнива.

Октябрь—*чан-ай*, *уртюнъ-ай*. Промышлять звѣрей по порошѣ (*чай*) и хлѣбъ молотить: *уртюнъ-гумно*.

Ноябрь—*кычі кырлач*, *куртъял-ай*. Старушечій мѣсяцъ. День такъ коротокъ, что старуха едва успѣеть обуться—*куртъяк эдюк кәшчар кіэрь*.

Декабрь—*улу кырлач*, *улу кырлаш*. Большой морозъ. Онъ, впрочемъ, знаетъ стыдъ и пускаеть только три мороза. Солнце поднимается по-колѣно. День прибудетъ на промежутокъ времени отъ одного удара кузнеца молотомъ до другаго—*успасыны*.

Вѣрованія.

По общему вѣрованію алтайцевъ два начала управляютъ міромъ: доброе—Улынъ и злое—Эрликъ. Обоимъ имъ подчинено множество духовъ, первому чистыхъ (*ару неме*), послѣднему—нечистыхъ (*кара неме*).

Ульгень столь добрь и милостивъ, что не способенъ сдѣлать что-нибудь непріятное для человѣка. Онъ добрь до слабости. Эрликъ, напротивъ, столь золъ, что не можетъ не злодѣйствовать, а только отлагаетъ иногда на время враждебныя свои дѣйствія на человѣка. Средства для выраженія почтенія добруму началу и для умилостивленія, или какъ-бы задобренія злого начала есть жертва. Жертвы раздѣляются на кровавыя и простыя. Къ первой принадлежатъ закланіе и съѣденіе животныхъ, ко второму—обильное приготовленіе и распитіе особенной браги. Кромѣ главныхъ силъ честять жертвами множество другихъ, подчиненныхъ Ульгэню духовъ чистыхъ (*ак неме*) и подчиненныхъ Эрлику (*кара неме*), тоже какъ боговъ, но гораздо меньшихъ. Не довольствуясь этимъ, они поклоняются еще солнцу и лунѣ, горамъ, озерамъ и рѣкамъ, чтя жертвами духовъ ихъ обладателей или хозяевъ (*ээзи*), на основаніи того преданія, что при разгромѣ и сверженіи Эрлика и его слугъ, каждый изъ нихъ *на что* упалъ, тому и хозяинъ сталъ, получивъ силу и право всячески вредить человѣку и даже умерщвлять его въ своей области. На всякой высокой горѣ набрасываютъ груды камней и втыкаютъ въ нихъ палки съ подвязками тряпокъ и конскихъ волосъ, въ признательность горѣ за то, что она позволяетъ подниматься на ея высоту. Кромѣ многочисленности этихъ общихъ боговъ, каждый родъ (*сеок*) имѣеть еще своего собственнаго, фамильного и каждая семья—пената юрты *баштут-хана*. Понятно, въ какомъ постоянномъ смущеніи и страхѣ долженъ находиться духъ и умъ несчастныхъ людей этихъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, во всемъ, божествами злобными, коварными и враждебными, требующими постоянно умилостивительныхъ, кровавыхъ и раззорительныхъ жертвъ.

Для олицетворенія божествъ дѣлаются идолы деревянные (*куръміжек* у телеутовъ и *кумандинцевъ*, берестяные и кожаные у *калмыковъ*) и куклы изъ тряпокъ (*катеринки* у телеутовъ и сѣверныхъ алтайцевъ), ставятся предъ юртою двѣ березы и между ними нить съ подвесками (см. жилища)—*ялама*, березки по числу людей—*само*; намалевываются на плитахъ, врытыхъ однимъ концемъ въ землю, изображеніе.

Ульгэню приносятъ жертву рѣдко, потому что онъ и безъ того добрь. Впрочемъ, каждый взрослый человѣкъ, по вступленіи въ супружество, обязанъ принести жертву (*ийк*)—коня свѣтлой масти, а особенно онъ любить каурыхъ. Отсуленная въ жертву Ульгэню лошадь пользуется особыеннымъ уваженіемъ: къ гривѣ ея привязывается красная лента, и женщинамъ садиться на нее не дозволено. Время приношенія жертвы преимущественно весна, когда можно приготовить *абыртку*. Мѣсто приношенія жертвы—березовый лѣсъ. Участіе въ этомъ празднике могутъ имѣть одни мужчины, равно и шаманъ долженъ быть мужчиной. Ёсть-же и пить идоложертвенное могутъ и

женщины, но въ такомъ порядке: дѣвицы на самомъ мѣстѣ, гдѣ была принесена жертва, женщины не ближе 50 саж.

Эрлику, какъ злому псу, то и дѣло приносится жертва, при всякомъ его нападеніи. Ему идетъ въ жертву всякая скотина, а за неимѣніемъ никакой—брага. Мѣстомъ шаманства служить юрта, дворъ или могила,—словомъ, гдѣ происходило несчастіе.

Кануну (курюмесь разной шерсти: ары, сары и кара) для жертвы сѣется ячмень въ мѣстѣ скрытномъ, гдѣ никто не ходитъ, изъ котораго и приготавляется брага.

Улыгэнъ съ Эрликомъ находятся въ связи, въ соотношеніи, и передаютъ судъ одинъ другому. По выраженію алтайцевъ: „Эрлик-бile Улыгэнъ яныс эжікту“ Эрликъ съ Ульгэнемъ имѣютъ однѣ двери. Ульгэнъ, ожидая и долго не получая требуемой жертвы, а между тѣмъ самъ, по своей благости, не будучи въ состояніи наказать, извѣщаетъ Эрлика, чтобы онъ наказалъ не исполнительного человѣка, и тогда этотъ послѣдній вдвойнѣ долженъ платить дань, т.-е. умилостивить жертвами Эрлика и потомъ исполнить требованіе Ульгэня. Эрликъ, получивъ вѣсть отъ Ульгэня, приказываетъ распорядиться союзнику Ульгэня—Катыр-хану (катырьши - харкаю), который имѣетъ власть надъ каждою юртою, за что и чествуется брызганьемъ прежде всѣхъ, когда пьютъ вино. Катыр-ханъ передаетъ непочтительного человѣка въ лапы той силѣ, какой ему заблагоразсудится: когда человѣкъ получаетъ наказаніе, но не исправляется, тогда наказаніе за наказаніемъ слѣдуютъ до самой смерти.

Если-же принесеть онъ положенную жертву Ульгэню, тогда долженъ принести дары за хлопоты Эрлику и Катыр-хану. Когда всѣ будутъ удовлетворены, тогда Катыр (слуга Эрлика, старшій по немъ надъ всѣми темными силами), посыпаетъ своихъ слугъ, чтобы прекратить враждебныя дѣйствія на человѣка, о какомъ распоряженіи Эрликъ поставляетъ въ извѣстность и Ульгэня.

Посредникъ между богами и человѣкомъ—распорядитель при жертвоприношеніяхъ, гадатель, колдунъ и вмѣстѣ врагъ—камъ или шаманъ. Онъ, по общему увѣренію инородцевъ, никогда не принимаетъ этой должности добровольно; напротивъ того, естественно противится волею и умомъ принятію, но это родъ инкубациіи, которая съ дѣтства получается отъ родителей, по наслѣдству, какъ болѣзнь. Тесь базын-яят—предокъ (т. е. духъ его) наступаетъ, нападаетъ, давитъ. Потомокъ, испытавъ періодическое нападеніе въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ или недѣль и зачуювъ оное, скрѣпляется, чтобы не дѣлать того, къ чему побуждается; въ свободное отъ принадковъ время не ходить туда, гдѣ камлаютъ, не дѣлаетъ бубна и другихъ принадлежностей и произвольныхъ дѣйствій, свойственныхъ каму. И такимъ образомъ можетъ иногда отбиться отъ должности, которая по милости предка падаетъ на него. Но это отбиванье дорого стоитъ: избираемый дѣлается отъ того или вовсе безумнымъ, или уродомъ, или замучивается и умираетъ, хотя и съ побѣдными словами: „электізі пузулан“—дѣйствіе (тестя) раззорилось, испортилось.

Дѣйствія же злого духа, заставляющаго человѣка или сдѣлаться новымъ камомъ, или камлать старого—являются въ слѣдующихъ припадкахъ: позѣвота (*эстеду*), дикий крикъ (*кыйтарту*), бѣганье, подобно вихрю, вокругъ (*куйбу*, *куйбулану*), судороги глазъ, рта, рукъ и проч. членовъ, кровь посомъ и ртомъ, падучая болѣзнь, непроизвольное и безсознательное глотаніе желѣзныхъ вещей: ножей и даже топоровъ, которые и выходятъ чрезъ долгое время уже на дѣйствіяхъ камланья, причемъ идетъ кровь изъ рта, а вещи выходятъ оттуда сухими; если-же въ крови, то это не добрый знакъ для хозяина вещи.

— Что-же все это? Болѣзнь, сумасшествіе или шарлатанство? Ни то, ни другое и не третье, а вотъ что: „добрые Ангелы посылаются охранять людей и славословить Творца всяческихъ; но что дѣлаютъ духи злые? Они, какъ существа безтѣлесныя и разумныя, не могутъ оставаться въ праздности. Если-же необходимо полагать въ нихъ стремление къ дѣятельности, то, какъ злымъ, имъ естественно стремиться къ злу. На кого простираютъ они свою злость? Матеріальная природа къ враждебнымъ ихъ дѣйствіямъ не чувствительна,—слѣдовательно, поприще злобной ихъ дѣятельности — родъ человѣческій. Они живутъ въ мірѣ между людьми, какъ львы въ пустыни, и, какъ разбойники, стараются всячески вредить людямъ своими кознями. Непосредственныя нападенія злыхъ духовъ проявляются въ нашихъ мысляхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Если мы трезвенны и бодрствуемъ, то боремся съ ними, и при помощи Божіей, силою крестною, прогоняемъ ихъ. Но чѣмъ можетъ отбиться отъ нихъ человѣкъ не крещеный и, слѣдовательно, вполнѣ подъ ихъ вліяніемъ находящійся?“ (См. „Странникъ“, 1866 г. Окт.).

Кромѣ шамана или кама, алтайскія пиоі раздѣляются: 1) на *рымчи*, имѣющій припадокъ, въ которомъ, при ужасныхъ мученіяхъ, видитъ сокровенное и предсказываетъ; 2) *тельючи* — гадатель; 3) *ярынчи*, ворожающій по сожженной лопаткѣ (кость); 4) *кол* — *куреэчи* по рукамъ узнающій и 5) *ядачі* — человѣкъ, управляющій погодою посредствомъ камня (*яда-таш*), который попадается весьма рѣдко въ такихъ утесахъ, гдѣ всегда бываетъ вѣтеръ. Чтобы получить этотъ волшебный камень, *ядачі* заклинается всѣмъ своимъ имѣніемъ и отдаетъ за него весь свой животъ. И потому онъ бываетъ человѣкомъ бѣднымъ, бездѣтнымъ и скоро овдовѣвшимъ. Для произведенія ведра, камень держится въ сухомъ горячемъ мѣстѣ, или подъ мышцей плечной; для произведенія вѣтра — держать на открытомъ воздухѣ; для произведенія сѣверного холоднаго вѣтра, напр., для того, чтобы конь въ жаркій день не потѣлъ — привязать камень къ гривѣ коня; для произведенія ненастія — держать камень въ холодной водѣ сутки. Если *ядадаш* ослабѣваетъ въ своей силѣ, тогда *ядачі* одушевляетъ его (*тандып-ядырь*), влагая въ распоротое брюхо живой какой-либо птицы или животнаго.

Но возвратимся къ *каму* и его служенію. Орудія, посредствомъ которыхъ вызываются духи, — бубень (*тюнуръ*) *чалу* и *орбу*. Бубны величиною бываютъ отъ 11—16 верш. въ діаметрѣ и состоять изъ круга, обтянутаго съ одной стороны моральей кожей, внутри коего отъ одного края до другаго

проходить чрезъ центръ палка или ручка, оканчивающаяся на одномъ концѣ иногда рожей съ пуговицами вмѣсто глазъ. Ручка эта немного ниже рожи пересѣкается желѣзнымъ прутомъ, на которомъ справа привѣшены 4 желѣзца—побрякушки, а слѣва 5, въ срединѣ желѣзокъ нѣсколько тряпокъ, на подобіе лентъ. На наружной сторонѣ кожи намалевано красной охрой или вапой: вверху—небо, радуга, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, сомо, кони, гусь, камъ на конѣ, а внизу — земля. *Орба* — деревянная изъ таволги колотушка, обтянутая войлокомъ и звѣриной кожей, шерстью вверхъ: соболемъ, горностаемъ или зайцемъ. На одномъ концѣ ея навѣшено нѣсколько засаленныхъ узкихъ тряпокъ, пробойцевъ съ желѣзными колечками или цѣпочками.

Жертвооприношеніе каждому духу разнится одно отъ другаго своими приемами и продолжительностью дѣйствій кама. Самое продолжительное камланье Ульгэню. Оно состоитъ изъ трехъ дѣйствій. Вечеромъ, по захожденіи солнца, начинается первое дѣйствіе предуготовительное, состоящее въ выборѣ мѣста для камланья, избраніи жертвы и ея мученія. Именно ставится новая юрта—*сеолты*, покрывается войлоками и коврами. Среди юрты ставится свѣжая зеленая береза, около 4 верш. въ комлѣ, вершина которой высовывается сквозь остроконечную верхушку юрты. Сучья на березѣ снизу обрублены, а на верху оставлены въ видѣ метелки, къ которой привязывается кусокъ полотна, вмѣсто знамени. На березѣ вырублено 9 зарубокъ—это ступеньки (*тапты*). Нарочно устраиваемая эта юрта бываетъ больше и выше обычновенныхъ юртъ и дверью обращена къ востоку. Впереди ея дѣлается изъ бересты круглое гнѣздо, изображающее скотскій пригонъ, вышиною и шириной въ $\frac{1}{2}$ арш.; одна сторона гнѣзда, къ двери, остается полая, на подобіе воротъ, въ которыхъ ставится силокъ изъ березовой палочки съ петлею конскихъ волосъ на концѣ. Далѣе избирается жертва изъ нѣсколькихъ экземпляровъ лошадей свѣтлой масти такъ: на спину лошади ставится чашка; лошадь подгоняютъ, чашка падаетъ. Если чашка упадаетъ вверхъ дномъ, значитъ, лошадь въ жертву не годна. Если въ жертву предназначается кобыла, то чашку камъ вымываетъ собственнымъ ея (кобылы) молокомъ, съ приговоромъ:

Слергэ ярап он козиннэн кёрюп,
Турган болзын,
Алк болго менен
Алча болго слердэн,
Алтых бельгин берін-көрзин.

Избранную жертву даютъ держать за чумбуръ (длинный поводъ) тоже человѣку избранному, называющемуся на этотъ случай *Баштут-хан-кыжі*. Камъ машеть березовымъ прутикомъ надъ лошадью. Это означаетъ то, что онъ отправляетъ душу животнаго къ Ульгэню напередъ и съ проводникомъ, держащимъ за чумбуръ.

Потомъ камъ, одѣвшись въ свою форму—халать съ нагрудникомъ изъ звѣриной кожи и красную шапку съ бѣлыми перьями изъ хвоста тетери,—вооружается бубномъ и орбою, и при сильныхъ ударахъ въ бубенъ начи-

наеть призываніе въ извѣстныхъ стихахъ множества духовъ, сначала подчиненныхъ Ульгэню, а потомъ Эрлика съ его темными силами:

1) *Керъгыдаю.*

Ярдым пасман яш пулут,
Ярдым паза, келінгэр,
Ііным пасхан эль улуга,
Ііним паза келінгэр.
Тенгере углы, тэн сару,
Ульгенъ углы *Керъгыдай!*
Караганда, көзім-дый,
Кармалаза, колум-кан
Сюрдэгежін аягым-дый;
Сюриюкежію туйгачым-дый.
Орбы кагар он колум.
Он яныма куләп-кель!

Призываляемый языкомъ-же призывающаго откликается: *ao, кам, ай!*
Послѣ отвѣта камъ, подставляя бубень, принимаетъ въ него духа.

2) *Кан-Каршіту.*

Сары камыш таякту
Сары куга мінеттү,
Сары тібек тіськынъду,
Сары кыллю тон кітгэнь,
Ульгэнъ кааннын *Кан-Каршіт!*
Орбу кагар он колума,
Алтын туга ойноп-кель!

Отвѣтъ: *ao, кам, ай!*

3) *Кызы-гану.*

Кызыл пуура мінеттү
Кызыл тібек тескінъду.
Кызыл солонго таякту
Атам Кызы-ган-тengere!
Орбу кагар колума
Он яныма куләп-кель.

4) *Меръгэнъ-хану.*

Аалба кууртъ юрукту,
Аалба яшхын оінду
Куську пулут кузюрту,
Ясхы пулут яжінду.



Куурт шагырт аякту.
Ада Меръгэн—хан!
Орбу кагыр колума
Он янымы куләп-кель!

Отвѣты Кызым-гана и Меръгэн-хана: *ао, кам, ай!*

Послѣ подобныхъ призываний камъ выходитъ изъ юрты, садится на чучелу, изображающую *пүся*, и представляетъ себя летящимъ на высоту, расльвая:

Аг аястын алды-былан,
Ак пулуттын устю-біле.
Ког аястын алды-была
Кок пулуттын устю-біле
Тенгере пужін тартып — отур.

Гусь отвѣчаетъ: „ынгай гак, гак, ынгай гак, кай-гак гак, кай-гай-гак!“.

Алтын чедэнъ сугунгар,
„Ынгай...
Алтын урук тундунгар,
„Ынгай...
Алтын уйтгэнъ сугунчар,
„Ынгай...
Айлік эрдэнъ курюнэр,
„Ынгай...
Сють ак кольдон курюнэр,
„Ынгай...
Куньдук эрдэнъ курюнэр,
„Ынгай...
Сюрю тудан әміт тартхан болбозыу,
„Ынгай...
Сють-ак кольдон сугат тартхан болбозын!
„Ынгай гак, гак, ынгай гак
„Кайгак гак, кай гак гак!“

Жертва — *пүра* начинаетъ ржать: *мъаяк, мъак, мъяк*. Камъ, сидя на гусѣ, съ призванной силой гонитъ жертву, спускаеть внизъ (съ высоты, на которой не былъ), бѣгаеть вокругъ сеолты, какъ-бы загоняя коня. Зрители тоже пособляютъ ему ловить невидимаго коня и вмѣстъ съ камомъ кричатъ: „хай-хай, ай-ай, гай-гай,“ и такимъ образомъ вгоняеть невидимку въ юрту, прямо въ скотный дворъ, гдѣ невидимый же караульщикъ — *пүра-саки* съ силкомъ.

Камъ кричитъ ему:

Алтын урук сугунгар,
Хай, хай, хай.

Чалмачілар чалма — была
Хай, хай, хай!
Алтын нохто сугунгар
Хай, хай, хай!

И потомъ, вбѣжавъ въ юрту, мгновенно бросаетъ черезъ лѣвое плечо лѣвой рукой бубень, держа въ правой орбу, и лѣвую-же руку мгновенно впускаетъ въ силокъ. Это, значитъ, конь пойманъ. Камъ начинаетъ подражать голосомъ коню, у котораго шея сдавлена арканомъ, прыгаетъ, лягается и проч. Брошенный имъ бубень схватывается на воздухѣ кѣмъ-либо изъ близъ-стоящихъ. Если-же бубень уронять на землю, это значитъ *пур* (жертва) сорвалась и убѣжала. Въ такомъ случаѣ камъ снова загоняетъ ее въ юрту и отдаетъ приказаніе своимъ слугамъ и особенно *пур-сакчъ*, коему сдается на руки *пур*, говоря:

Алтын ээрь, ээрь тэнгэр,
Алтын куюмнақ сугунгар,
Алтын колон тартынгар.

Послѣ этихъ приказаній, подаютъ каму вѣточку *аржана* (вересъ), которымъ онъ окуриваетъ *пур*, приговаривая:

Алас, аласс, аласс кубат,
Ульгэнъ каиннын ал-ала.
Аг Ульгэнін чін аласс,

и отпускаетъ гуся со словами:

Сюрю туудан теміт-ал,
Сют-ак кольдон сугат тарт,
Кас энезі канғылым,
Кум энезі Кургай-хан,
Эль энезі Энкэй-хан.
Эль эрінэ тюрс-кхал,
Кый гырганда э-тәгәр,

И, приподнявъ бубень, сильно ударяетъ орбой. Это значитъ, что гусь вспорхнулъ и улетѣлъ.

Потомъ камъ, съ помощью народа, ведетъ коня (видимаго уже) въ уединенное мѣсто, говоря:

Тебемь-была кудююп-ядым,
Экы ійным-быля шідәп-ядым.
Сені-деп, берін-ядым.
Алкай-тушкан ак байшан,
Ліл-бере яялан-чік,
Тогус катха мделіп чік,
Ак чадырга ойной тюш,

Ульгэнъ адама тула тюш.
Он колуна яяла тюш,
Он кузюннэн кур-ал,
Он яргыны бере-ал.
Чек.

Послѣ этого одни замучиваютъ здѣсь несчастное животное, обреченное въ жертву, а другіе дѣлаютъ *таскак* (жертвеннікъ). Это 4 березовыхъ столба, около 4 вершк. въ діаметрѣ, вышиною около 5 арш., одинъ отъ другаго въ квадратномъ отношеніи, каждая сторона арш. $2\frac{1}{2}$.

Самый процессъ мучительства лошади отвратителенъ и заключается въ слѣдующемъ: поставивъ лошадь головою къ востоку, завязываютъ рыло веревкой, къ каждой ногѣ также привязываютъ по веревкѣ и, положивъ на спину толстую жердь, растягиваютъ ноги на двѣ стороны, придавливая жердь къ землѣ, и такимъ образомъ ломаютъ спину. Всѣ отверстія животнаго затыкаютъ травой, чтобы кровь изъ него не вышла. Когда лошадь долго бѣется, камъ беретъ булку (*куруй*), у калмыковъ—чашку и, поднося къ лошади, говоритъ: „*куруйляп-ят, куруйляп-ят, он куруй, он куруй, он куруй*“. Это значитъ: буду ловить счастье, или остальную силу, выходящую съ жизнью, на приплодъ. Булку эту съѣдаетъ хозяинъ самъ и весьма дорожитъ ею, такъ что, кромеъ своихъ семейныхъ, ни кому ее не отдаетъ. Съ замученной такимъ безчеловѣчнымъ образомъ лошади снимаютъ кожу, оставивъ оную на ногахъ отъ колѣнъ до копытъ и на головѣ, языкъ выдергиваютъ. Кожа съ головой и ногами называется *байдара*. Ее надѣваютъ на березовую жердь—*тиюкеle*, длиною отъ 12—16 арш., толщины въ комлѣ около 5 вершк. Заостривъ тонкій конецъ ея, просовываютъ его между ногъ и въ голову. Близъ *таскака* (жертвеннікъ), на западной сторонѣ, поставленъ березовый столбъ, толщ. отъ 4 до 5 вершк., съ развилкой на верху, вышиною около $5\frac{1}{2}$ арш., на которую кладется верхній конецъ *тиюкеle* съ *байдарою*, головою на востокъ—*Ульгэню*, на западъ—*Эрлику*, а нижній конецъ утверждается въ землѣ такъ, чтобы *байдара* висѣла надъ *таскакомъ*. По окончаніи съ *байдарою*, мясо разрѣзываютъ на мелкія части, разбирая по суставамъ и не ломая костей. Выбравъ кости, задъ отсѣкаютъ, это часть самая лучшая—*уча*. Грудину безъ спины снимаютъ съ ребрами—*сабар*. Для разобранія и разрѣза избираютъ знатока въ этомъ родѣ. Обрѣзанную съ костей мякоть дѣлять всѣмъ—сырую. Удѣлы эти называются: *тебе*—верхушка. *Уча, сабар* и мелкія кости варятся въ большомъ котлѣ, въ водѣ, безъ постороннихъ веществъ. Двоє поворовъ, избираемыхъ на этотъ случай, называются *казанчи*. Они вооружены длинными копьями въ 1 вершокъ толщины: это вилки—*эдуш*. Кромѣ *казанчи* къ котлу никто приступать не долженъ. Когда идоложертвенное сварится, дѣлаютъ изъ березовыхъ прутьевъ, въ 3 арш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, *шире*, постилая на землѣ эти прутья комлями къ краямъ, а вѣтвями въ средину, сжимая комли въ двухъ связанныхъ палкахъ. *Казанчи* вытаскиваютъ конину *эдушемъ*, кладутъ на *шире* и разрѣзываютъ въ куски. Тогда

камъ беретъ чашку—*чачіл-аяк*, кладеть въ нее мясо и жидкости *эрюсъ*, подходитъ къ *теле*, становится лицомъ къ востоку и, черпая ложкою *эрюсъ*, брызжетъ ею пенатовъ юрты, начиная съ *Баштут-хана*, говоря: 1) отъ своего лица:

Чо-ок! Айдын болзо, аруда чок!

Кинион болзо ярхында,

Эськы *ілам* чіхканда,

Яны *ілам* кыргэнъдэ,

Тілым бажі айляганда

Чок!

Кунгурмалу, конур кусътэ

Чок!

Комургай бажі шужалганда

Чок!

Аяктын болзо тоолузына

Чок!

Аштын болзо урьсюнэ

Чок!

Мна! *Кайра-хан!*

2) отъ лица хозяина:

Эськы ілы чіхканда

Чок!

Яны ілы кыргэнъдэ,

Чок!

Экы іїні—біле темдеды

Чок!

Пірь тебезі—біле *күдюрды*

Чок!

Экы іїні—біле темдебезы

Чок!

Терь тебезі—біле кудюрь безе

Чок!

Куньдюгэ болзын кыялы

Чок!

Кудюрьгэн *этпезе* уудылга болзын кыялы

Чок!

Мна! *Кайра-хан!*

Потомъ камъ прибавляетъ отъ себя: „Чок! Мна! Атам-пырхан тенгере *саанга!*“ Далъе камъ подчуаетъ оставшейся въ чашкѣ кониной хозяина, самъ немного Ѣсть, потомъ предлагаетъ родственникамъ хозяина. Когда чашка опорожнится, камъ, махая ею кругообразно, бросаетъ вверхъ чрезъ *теле* со словами:

Агаш аяк аймадый
Аяк алчазы адам пырхан тенгереній
Чоочій аяк куньдудый
Чоог алчазы адам пырхан тенгереды
Ау-у!

Если чашка упадеть вверхъ дномъ, это знакъ худой: или будетъ по-
койникъ въ юртѣ хозяина, или жертва не по вкусу Ульгэню, но её уже не
перемѣняютъ.

Впродолженіе брызганія — чествованія пенатовъ нѣсколько человѣкъ
держать *шіре* съ кониной на рукахъ. Хозяинъ береть лучшую часть (*уча*)
и подносить ее въ даръ каму, который, принявъ, обрѣзываетъ мякоть, но
не всю и дарить, кому захочетъ изъ почетныхъ людей. Этотъ, отрѣзавъ
себѣ, передаетъ другому, обыкновенно старшему себя родственнику или чу-
жому, который, отрѣзавъ себѣ, отдаетъ остальное всѣмъ находящимся, и
тутъ уже окончательно очищаются кости *уча*, не повреждая ихъ. Грудину
(*тиш*), также цѣлую, хозяинъ подносить первому почетному человѣку, этотъ,
покушавъ, передаетъ другому, а сей третьему, и т. обр. почетная передача
кончается; остальное мясо на *тиши* очищаетъ, кто захочетъ. Съ прочихъ
костей; срѣзывъ мякоть, уносять въ *сеолмы*, гдѣ будутъ камлать еще два
вечера. Хозяинъ юрты, изрѣзавъ мякоть на мелкія части и положивъ на
блюдо, даетъ родственникамъ по кусочку своею рукою прямо въ ротъ.
Кусочки эти называются *паянын уләжі*. Они отсылаются и къ отсутствую-
щимъ, и кладутся посланникомъ также прямо въ ротъ по назначенію послав-
шаго. Мякоть съ *уча* и *тиши* дается и на долю *казанчи*, которые, взявъ часть
съ собою, дѣлятся ею съ домашними. Только кости остаются всѣ въ цѣлости
на мѣстѣ и, по очищеніи, безъ поврежденія складываются на *шіре*, которое
полагается на *таскак*, покрывается хворостомъ и вмѣстѣ съ байдарою предо-
ставляется гнѣнію.

Чок! Мна кабра-как,
Алты эрькошку ак ягалым ээзи!
Эрь алдыма кулэн-келигэр!
Чок тэгэнъгэ чогынгэр,
Ме тэгэнъгэ меэнгэр.

Потомъ призываетъ хозяина огня — от-ээзи:

Чок! Мна кабра-как.
Отус башту от энем,
Крык башку кыс энем
Чок тэгэнъго чогунгэр.
Ме тэгэнъгэ меэнгэр.

Во время призываія камъ держитъ чашку въ обѣихъ рукакъ, пред-
ставлять шумъ собирающейся силы (*черю*) и, изрѣзавъ конину на куски,

отдаетъ народу, который, вмѣсто призванныхъ невидимыхъ гостей, съ видимою жадностью поѣдаетъ мясо.

Послѣ этого камъ, отдохнувъ немнога, развѣшиваетъ впереди *сөөмтүү* на веревку 9 одеждъ бумажныхъ, шелковыхъ и суконныхъ (толу іліш-яш). Это дары Ульгэню, которые окуриваются аржаномъ съ произношенiemъ:

Ат кудюрьбесь эзре толу.
Алас! Алас!
Эрь кудюрьбесь эзре толу
Уч якалу ар тоолу
У айляна кырыгер
Аргымагына яабу болзын
Алас, алас!
Алас кубат Ульгэнъ каным
От алас!

Доселъ камъ дѣйствовалъ безъ бубна, а теперь беретъ его, сушить для звонкости на огнѣ, надѣваетъ свой нарядъ и молча курить аржаномъ. Послѣ курева садится на стульчикъ и начинаетъ постукивать орбою въ бубенъ, снова созывая силу, какъ и наканунѣ, и при отзывахъ: „*ao, кам, ай*“, привскакиваетъ, ударяя сильно снизу въ приподнятый и низвращенный бубень. Это приемъ пришедшаго званаго. Къ прежнимъ духамъ призываются новые духи съ привѣтствіями:

1) Яік-хану (Царь корабля).

Тогус карыш кэдігэлю кан торуш,
Ульгэнъ угры кан эчігэ,
Учу элю бій яік,
Чагын ділан камчілу
Чаал -- каю турлулу
Кызыл пулут куюлу,
Яжіл пулут якалу
Яжіл солоно камчілу
Яжіл поро кольголу
Яш кураган тэшшілу
Бала мәркуш ээчиньлю,
Бала кайн шокшулу.
Башха шурган паянам,
Бакшлаган яміч,
Колунан плаатпа.
Койнан сууртпа.
Уйрбулерін ўркүтпе
Уч сыраныпек-яя
Корболорын коркутпа,

Толокойго топшілдын
Тон ядынан пек-яя.

2) Кайра-хану.

Кара аргымак мінітту
Кара аракысугатту.
Эртең кечтә йорукту
Югусъ ханын урені,
Ярка ханын ^жээні,
Он бозого арту-хан
Сол бозого ядулу бій,
Күшту атам Кайра-хан!

3) Яныс—конеку.

Яабыс атам, япсал атам,
Яабыс тюргенъ пайзын-хан,
Суудан карай чірайлю
Су тегульбесь терголу
Кошшог алган яакту
Кого болгон сынду.

4) Ябыр-хану.

Яныс атам Ябыр-хану
Ажіра курьгон каракту бій
Тескери курьгон каракту-хан,
Яэрдән уур сынду-кан,
Ялбак керек тәжокту хан,
Кара керек ястықту хан.
Кууректерію яжірган хан
Эміндерін эрь чійгэнъ,
Ушту пашту кара чедень
Кара кәгісъ эжікту хан,
Кәрь тайған сакчілу каю ?
Тәгінъ ^жэрдән иу чіхкан,
Полгон ^жэрдән унъ чіхкан,
Тескери тынған сыры межік,
Уудулышхан яш трубей
Яш баладый мандулган,
Яш кучуктый тарчілган,
Кадылчактый кара таш,
Колешкызі-йок кара куїй,
Тюбі терен кара су

Камынып чіхпас кара яр
Айлянышхан кара казан
Тюбі терен кара курюп
Сай-сеок сайллянган эрь,
Куу сеок куталган эрь,
Эрь яхшіын йоботхон эрь,
Эдекту яхші энъдельгэн,
Альштын болзо ёдерін ағдан,
Арудын болзо чачің кескенъ эрь,
Он эшты каннын оюю эрь
Тібірьгі табырт тюшкәнъ эрь
Тогус оду салган эрь
Тогус сельменьчік тенкәнъ эрь,
Кан арказы кара ту,
Тебілішкәнъ сыр артхы,
Талбыраган куру әңко
Талган кыжі кәптүй бій,
Унъденішкенъ куру көгүсь
Эрткәнъ кыжі чрайлу кан,
Экы қозі чагылган,
Экы әмчеги кара ту.
Арха чачію шірь бакча,
Кажа қаэту алгадындар,
Салыш ійгәнъ салынты,
Ііб ійгәнъ йильты,
Кара комюрь теміттьу,
Кара куюк сугатту,
Узы қанду қыстыр-хан
Эркын турган тіндир-хан,
Кабылчікту кара коль,
Кара кріпэ тюшкәнъ эрь,
Тебільчіхту сары коль,
Сары кріп тюшкәнъ эрь,
Тескери кахкан кара сюнкорь,
Мізюу-йок кара тунгурь,
Үэзю-йок кара куяк,
Ябылышхан кара кәнь,
Іік поі тән кыжі,
Іінэ поі сары кыз,
Айманышхан куу мончок,
Кубулушхан кан арзолар,
Кууа талгааж оінду,
Уч тюшкунду каны кыз,
Судан чіхкан су тору,

Су тегульбесь йорголу бій,
Эрдэн чіхкан эрь тору,
Эрдэн кара чірайлю,
Тамандарын саргарган,
Тануларын яжірган,
Ажіргызы турул атам,
Атан эрію біштанғын,
Аталу кыжі атазына
Бійлю кыжі бійнә,
Эрь эжіктэн уунап-корь
Дерт толуктан уйляп-корь,
Кызыл эңгере кыйляп-корь,
Яжіл эңгеръ яйляп-корь,
Эскы йолун янылба,
Атхан охтон турьгәнъ тіл.
Агар суудан шуулак тірт,
Ійтәнъ эльчію тартып-корь,
Атхан огун суруп-тіл,
Айлу кәбын алыш тіл,
Айна кәбын тартып-тіл,
Куньду кәбын беріп-тіл,
Ташхан öпком пазынып-тіл,
Талайган колун тартынғын,
Кату куньгэ капсалба,
Казыр куньгэ тэрьменьбе,
Ялбаргамын тындай тіл,
Ялынгамын угуп-корь,
Теныль сынын берію-корь,
Кан тарынбас болор-ба?
Шура коръбесь болор-ба?
Кодюргәнъ-заію кольгібе,
Атхарган-заію ажікпа
Узун тышкә энъчу беръ,
Узун тюнъгэ уюкузун беръ,
Ял боінче тілыш беръ.
Кол боінче кунак сал.
Алтон ілгы арбыжін ал,
Жетон шілгы кәмірьтын ал,
Мун йілдықтын энъчуун беръ,
Мун тюнъдуктыю уюкузун сал.

Послѣ этого призыва камъ *айман-ят* охватываетъ бубномъ и орбой хозяина юрты и произносить:

Атан эрію баштанип-поръ

Чокан эрьгэ пүү салба.
Поом эрьгэ пуудалба,
Атан эжічин анча кыр,
Он тызезін таяна бар,
Таш орбума таралып-пар,
Табылғы камчіма теленіп-пар,
Тыжім-быле чечіліп-пар,
Тілім-быле куунап-тіл,
Тібыртым-быле яйляп-карь!

5) Семейству Ульгэня.

Парча Атазы бай Ульгэнъ
Уле әнезі *Тазы-ган* (жена Ульг.)
Пулут ялду *Пура-ган* (сынъ)
Тооло му тогус кыс,
Теәбнын теты кыс.
Кур-бахышту *Кулай-хан*
Муутан чагыр *Косыту-хан* { (дочери)
Толган айча *Шюситу-хан*.

6) Мансар-гану.

Айтыр ялду тео-кан
Ажіргызы Мансар-ган,
Атор ашпас ар муусъ,
Тенгере тезі тебілъгэнъ,
Теміръ калхак кагылган.
Эркын углы соо-кан
Ай чіхпастан ай чагарган
Казыр турган соо-кан
Орбу кагар он колума
Эрь алдынан куләп-кэль!

7) Пырчу-гану.

Ақпос адын ярадып,
Аг-Ульгэнъ-быле ярышхан,
Кокпос адын ярадып
Ког-Ульгэнъ-быле ярышан.
Ульгэнъ канын неэні,
Айтыр ялду адам Пырчуган,
Орбу кагар он колума
Оп яныма куләп-кэль!

8) Келегэю.

Кыйгылуга қынчалу,
Кылыштуга ярхынду,
Телен кыжіэ тіль беръбесь,
Телегелгэ яй беръбесь келегэй,
Алдып-болбос келегэй,
Адып яспас сологой келегэй
Атхан оогы таштан ёдерь,
Айтхан тілі неәдән ёдерь,
Конгдой темірь когусыту,
Коо темірь ярынду,
Калбак темірь камакту
Сым кара таш түректу,
Адалуга яй беръбесь
Кара темірь карсманду,
Темір адам терсье карак
Эрь алдыма куләп-кэль!

9) Абагану.

Абаганын алыптар
Ак торко қыпмdu,
Ак чалдар мінешту,
Күү муусъ таякту,
Эрь алдыма куләп-кэль!

10) Мордо-хану.

Абаган бажі мун шакшак.
Кәзе більгэнь Мордо-хан!
Абаганын чамғыл ура
Чамғыл пулут эрькүшту,
Эрь алдыма куләп-кэль!

11) Алтай-хану.

Алтын конгуру солынып,
Алтон беш уулан тюнады,
Адышха чіхкан Алтай-хан!
Күмюш конгуру солынып,
Крык пеш уулан тюнадып,
Күрешкә чіхкан Алтай-хан!
Мүүе |ын сій тархан,
Темірь үзенгэ теже атхан,

Он экы мюйтак саанду,
Алтай-хаанын атазы
Ат кодюрбесь байзым-хан
Эрь алдымса куләп-кэль!

12) Ему-же.

Тамыр болгон Алтай-хан!
Таспа болгон Кангай-хан,
Ахкалаган кан-Алтай
Тээрелегэн Эрь демічі
Кымчадан кыйлят,
Ямчадан яйлят,
Каамыттан калкале,
Туумуда тузала,
Мендурылю кундэ пелек бол,
Ямгырлу кундэ ябылак бол,
О^умырыдан ачік конок беръ,
Октоң коні йол беръ.

13) Эрлику.

Кара аргымак мюнютту,
Кара күмдүс тюжектү,
Курдак этпесе бельдү,
Кучак этпесе моіждү,
Карыш полгон камакту,
Кара мік сагалду,
Канга чапхан чрайлу,
Кагасха чапхаю пэттүту,
Энүэрбессты эндэрьгэнь,
Эрлік ада уч покто! —
Покторбосты покторгон,
Пуурул адам уч покто,
Кара аргымак мюнеттү,
Кара тібек тіскінъду,
Кара ділан камчілу,
Эрь алдымса куләп-кэль!

14). Оқту-гану.

Аклюс адын ярадып,
Аг-Ульгэнэ яргы алган,
Ай чікпас яннан ай чікхан,
Эбре янын сай-агаш,

Энэ Мэйгыл очі қыс,
Курэк аірмаш Окту-ган,
Тюльтрекче ялду-ган,
Эрь алдымға куләп-кэль!

15) Пурхан-хану.

Адым углы Пурхан-хан!
Тенгере углы Яжін-хан,
Ульгэнъ углы Керъгыдай,
Мень тутпазам, сень туттурғын,
Эрь алдымға куләп-кэль!

16) Духу жертвы.

Пура сакчызы Перъбы-хан!
Шур әнезі пос булан
Эрь алдымға куләп-кэль!

17) Меркету.

Тенгере күжі беш Меркут!
Тесь тырмакту казыр күш,
Ай тырмагы эсь болгон,
Ай тумчугы мус болгон,
Яабырь тюбыр канатту,
Пазар шузар күйрюкту,
Сол канады ай пюркәгэнъ,
Он канады кунь пюркәгенъ,
Тогус кара күш әнезі
Яік кечіп янғылбас,
Яагы алды чімар кас,
Әділь кәчіп әрікпесь,
Әэгы алды чімар кас,
Эне мерет чамғыл күш,
Эрь алдымға куләп-кэль!
Он козюме ойной кэль!
Он ярдымға коно-кэль!

Всѣ призываеъмы дуихи отвѣчаютъ: „ao, кам, ай“, исключая Меркута или Беркута, который, какъ птица, отвѣчаетъ: „калақ, как, аа, кам, ай!“

Далъе каждый *сеок* призываеть своего фамильного бога; напр., потомки Мундусовъ и Теолессовъ призываютъ *Тотоя-Паяну*—владыку града, грома и дождя, величая его такъ:

Пудай чілап пурулган,
Мус пырчак чілап тегульгэнъ,

Мус пырчактан ярылып—тюшкэнъ,
Музыган—ханын теэні,
Атам Тотой тенгере,
Ай келеттэнъ янынан,
Алтын судэрь саңган,
Кунь келеттэнъ янынан
Кумюш судэрь саңган,
Айляныжа ай качірган,
Коленыже кунь качірган,
Он экы тапты таптулу,
Он экы катта оінду,
Он уч сырый кубатлу,
Коромолымга бергэймінэн,
Коозына яягаймінэн.

Чѣмъ болѣе камъ набираеть въ бубень гостей, тѣмъ сильнѣе бубнить, покачивая бубномъ, какъ-бы отяжелѣвшимъ, и наконецъ встаетъ, обходить одинъ разъ вокругъ *тапты*, подходитъ къ двери, спрашиваетъ у дверника—*әжіктегі*, скромно и тихо, съ подобострастiemъ, какъ у начальника, присѣвъ и держа бубенъ на колѣнѣ ребромъ, тихо бубня и покачиваясь, со словами:

Білер бім сень эдән,
Більбесь кулдун менъ эдәм,
Яан бім сень эдән,
Яргылу кулдун менъ эдәм,
Кажі канга кагып-чігайн?
Кажі бійгэ куләп-чігайн?
Ончо каннын яргызы
Тоолын кааннын башнізы
Эрь алдыма эльчі беръ
Эрь алдыман баштазын.

Отвѣтъ:

Атам пырхан тенгере канга куләп-чік,
Атам пырхан тенгере канга кагып-чік
Он яргызын алыш чік,
Атаганымды атам пырхан тенгерэ тут.

Выслушавъ отвѣтъ, камъ встаетъ и, на ребро держа бубенъ у груди, три раза кланяется головою и бубномъ, говоря:

Уч погуна меръгуїн,
Тілін сенін яру болзын,
Тізен сенін чогу болзын,
(опять кланяется)

Эрь эжікә сака туд
Эсь кылышін таян тур,
Айна кельзе айдал-тур,
Эк кельзе әкырып-тур,
Козо яманга корыгусыле,
Кууі яманга тандатна,
Ічі кырлю кельбезію,
Ічігәзі тату паспазын,
Алды кымін баш салба.

Съ легкимъ поклономъ и качаниемъ бубна камъ выходитъ на средину юрты и со всею смѣлостю и бойкостю начинаетъ бубнить. Хозяинъ въ это время подходитъ къ *тапты*, камъ ударяетъ его слегка орбой и потираеть его спину поперегъ. Это — камъ очищаетъ хозяина отъ всякаго вреда Эрликова и пригѣваетъ:

Атхан оогун суурғын
Ійгэнъ элъміч алғын,
Алтон ілга айлянбазын,
Тетон ілга тепсельбезін,
Ахтан охтон теігыль ал,
Ағын судан тюргэнъ ал.

Камъ обнимаетъ хозяина и потомъ хозяйству спереди бубномъ, а сзади орбой и проводить ими поперегъ и, какъ-бы снявъ съ нихъ такимъ образомъ все худое, подходитъ къ двери и, сильно ударивъ одинъ разъ въ бубенъ, вскрикиваетъ:

Чок!
Кельгәнъ йолын янылба,
Кечкәнъ суун эндебе,
Алтайхадан ажа бар.

Потомъ говоритъ хозяину:

Ат бажінча алтын кут,
Арха сеогын йохтол-бар,
Кой бажінча конур-кут,
Сын омыртка йохтон-бар.

И, приподнявъ бубенъ надъ ухомъ хозяина, сильно ударяеть. Это значитъ—впускаеть въ ухо *толу* (*толазын уруп-ят*) для того, чтобы хозяинъ слушалъ внимательно предсказанія кама. Послѣ этой предосторожности представляеть, что будто-бы надѣваетъ на хозяина кольчугу и шапку. Тоже представление камъ повторяетъ надъ женою и прочими членами семейства и, обойдя вокругъ огня и *тапты* три раза, и въ каждый разъ, когда бываетъ впереди близъ *толу*, преклоняясь съ бубномъ, проворно какъ-бы подхватываетъ что-нибудь бубномъ съ земли изъ-подъ *толу*, часто произно-

ся: *о үоп!* и затѣмъ обхватываетъ *толу* бубномъ и орбой. Эти дѣйствія совершаются быстро, съ сильнымъ бубненемъ и громкимъ произношеніемъ стиховъ. При этомъ боязливые выходятъ вонъ, а не осторожныхъ камъ иногда сшибаетъ и затаптываетъ. Обхвативши *толу*, камъ живо становится одной ногою на нижней ступенькѣ тапты и, поднявъ бубенъ вверхъ, сильно ударить и вскричить: *чок!* это значитъ: все и всѣхъ съ земли приподнявъ, онъ предпосыпаетъ на небо.

Мны о үоп!
Эрь кудюрьбесь эзире тоолу
Мны о үоп!
Тоолучлар толу-былан
Пайталчлар пайтал-былан,
Мны о үоп!
Алтын теле, алтын тасхак,
Мны о үоп!
Алтын шире, алтын тюкеле.
Мны о үоп!

Вскрикнувъ: *чок!* и сойдя съ первой ступеньки, камъ присѣдаетъ къ землѣ, ударяя въ землю обечайкою и прижимая орбу къ бубну, принимаетъ послѣдній, ударяетъ имъ три раза безъ словъ и, вскочивъ проворно на ноги, говоритъ: *туган бажін пустым*, и бѣгая быстро одинъ разъ вокругъ огня и тапты, сильно бубня, какъ-бы радуясь, восшедшіи на 1-й слой неба и представляя тамъ громъ и молнію, кричитъ сильно:

Шагар-ба-та!
Шагар-ба-та!
Шахарбата!

И подбѣгаешь къ стульчику, на которомъ положенъ потникъ, означающій *бұры*, садится, говоря:

Пірь тапты таптала беръдым,
Ай-гай-гай!
Шахарбата! (3-жды)
Пірь хатка яяла чіхты,
* Шахарбата! (3-жды)
Тапты бажіо толгоно чіхтым
Шахарбата! (3-жды)
Толгон айга малкый чіхтым
Шахарбата! (3-жды).

Камъ садится и, сидя, начинаетъ дѣйствовать сильнѣе, быстрѣе и громче, поспѣшная будто ко 2-му небу и обращаясь къ своему *бұрн*:

Аг-аяс-была айлянып отур,
Пура аягын ойнодыш-отур,

Шагырт мынан күзүрт-былян,
Аг-Ульгэнь канга адам бырхан,
Тенгере канга күледыш-отур,
Ульгэнь ойлы коку йол,
 А-го-го!
Кок пура узун божодып-отур,
 А-го-го!
Аг-Ульгэнь йолы чедык йол
 А-го-го!
Ак-пура уугун божодоп-отур
 А-го-го!

По ободреніи *буры*, камъ становить ногу на 2-ю зарубку тапты и по томъ, по прежнему присѣвъ и ударяя бубномъ о землю, будто пробиваетъ *второе небо* и, вскочивъ, вскрикиваетъ:

Экы туган бузуп-чіхтым,
Экы катха яяла-чіхтым,
Туган бажі касхакту болды,
Музыкылганы тюгүлюп-калғы.

Обѣгая два раза вокругъ и представляя громъ, камъ говоритьъ:

Экы тапты тапталада чіхтым
 Шахарбата!
Экы катха яяла чіхтым,
 Шахарбата!
Топты бажін толгоно чіхтым
 Шахарбата!
Толгон айта малкий чіхтым,
 Шабархата!

Садясь потомъ на стулъ и пускаясь къ третьему небу, камъ повторяетъ ободреніе *буры*:

Аг-аяс-была айлянып-отур
(и проч. смотр. выше).

Становясь на третью зарубку, камъ говоритьъ:

Уч туган бузуп-чіхтым,
Уч катха яяла чіхтым
Туган бажі касхакту болды,
Мызы кылганы тюгүлюп-калды.

И, пробивъ *третье небо*, по прежнему представляетъ громъ бѣгальемъ вокругъ со словами:

Уч тапты тапталада чіхтым
 Шахарбата! (3)

Уч катха яяла чіхтым
Шахарбата! (3)
Топты бажін толгоно чіхтым
Шахарбата! (3)
Толгон айга малкый чіхтым!
Шахарбата! (3)!

Надобно догнать теперь *Баштутхана*, ведущаго душу жертвенного байтала. Но *бура*, поскакавъ по небеснымъ пространствамъ, сталъ пооставать. Поэтому камъ даетъ ему выстойку и смѣняеть его гусемъ, котораго и призываетъ:

Яік кечіп-янылбас,
Яагы, алды чімар кас
Ынгай-так, ынга, ынгай-так!
Эділь кечіп-янылбас,
Ээгы алды чімар кас,
Ын, ын, ын!
Эрь алдыма куләп-кель!
Он кузюмә ойной-кель!
Он ярдымыма коно-кель!

Отвѣтъ: Кагак, кагак; ао, кам, ай!

Камъ встаетъ, ходить, говоритъ и бубнить тихо, представляя себя летящимъ на гусѣ. Отъ трудности путешествія онъ сморщиваетъ рожу и говоритъ:

Он канадын яя сал,
Ын, ын, ын,
Сол канадын камый сал,
Ын, ын, ын,
Корхунын тезін куруп-ал,
Канадын тезін кайрыб-ал
Ын, ын, ын.
Талбып-отур канылым,
Тенгере курун тартып-отур
Ын, ын, ын.
Ак пулутун устю-быле
Агарганын алды-была
Ын, ын, ын.
Аг-аястын койны-была
Айлік эръдэн курюп-отур,
Ын, ын, ын.
Ког-аястын койны-былан
Кок пулуттын устю-была
Ын, ын, ын.
Аттан беръгэнь ак пайлат,

Кажі чака этты-пе?
Ын, ын, ын.

Камъ подаетъ голосъ (*күйиы салыжіят*) и людямъ, сопровождавшимъ *байтала*: „*а-э-эй*“. Тѣ отвѣчаютъ: „*а-о-ой, кам, ай*“! Наконецъ, камъ догоняетъ *байталчі*—проводника жертвенной души, и прижавъ бубенъ къ груди, тихо бубня и ходя, разговариваетъ съ нимъ голосомъ, сходнымъ съ гусинымъ, и поеть съ замѣтнымъ чувствомъ неизвѣстнаго состоянія, какъ-бы желая скорѣе знать—все ли благополучно?

Аттан беръгэнъ ак пайтал,
Ын-ай-гак, ынхайгак!
Чеберь чедык этты сям-нэ?
Толучілар толузынал-курюгэрь,
Тасхакчілар тасхак сынап-курюгэрь,
Байталчілар байтал сынаэ курсюгэрь,
Элечілер шіре сынап курсюнгэр,
Аптан беръгэнъ ак байтал,
Чеберь чедык тутты-ме-не?
Ын-ай-гак, ынхайгак!
Ак пайтал бажі пурлган кулдым,
Ын-ай-гак, ынхайгак!
Амыр энечу кельды-ме-не?
Ын-ай-гак-ынхайгак?
Аны ылkap курсюнгэр.
Ын-ай-гак-ынхайгак!

Гусь исполнилъ свою службу и потому отпускается камомъ со словами:
Сют ак кольдон сугат-тарт казым,
Сюрю туудан теміт-тарт казым,
Кель тэгенъгэ кемп-тюрь,
Э, тэгенъгэ, э, тегынь,
Кыйгырганга: „*ау*“—ттын,
Кыйгы салза, э тежіп-туругар,
Унь салза, не? Тежіп-туругар.

Отпускъ гуся представляется ударами въ поднятый къ верху бубенъ. Послѣ чего камъ обращается къ *баштутхану*, стоя и покачиваясь на обѣ стороны, держа у груди бубенъ, и поеть весело и сильно:

Ак байтал бажі пурлган кулдым,
А-го-го-го!
Менін-быле кожо куледіл отур,
Іймень бегін ялтабагын,
А-го-го-го!

На что *Баштутхан* отвѣчаетъ плачущимъ голосомъ:
Мень мнаан ойто янадым,
Кам-ада,

Отус омырткам онжа беръды,
Кам-ада,
Кабыргам тезі канжа беръды,
Кам-ада,
Ян сеогым яйрыла беръды
Кам-ада,
Ус сеогым божой беръды,
Кам-ада,
Козім ады чіга беръды,
Кам-ада,
Алган кыжім калды,
Кам-ада,
Азраган атам калды,
Кам-ада,
Мындый эрьды куръбегонь—эдэм,
Кам-ада,
Мындый йолды куръбегонь—эдэм,
Кам-ада.
Мнан ойто янадым,
Кам-ада.

Камъ отвѣчаетъ баштутхану, голосомъ строгимъ и, отставивъ бубенъ отъ груди, громче бубня, поетъ:

Ульгонын койнын курюлі
А-то-го-го!

Баштутханъ, продолжая плакать, говоритъ:

Мень кельбеін тэгэнъ,
Кам-ада,
Энем ійгэнъ энем теэнъ
Кам-ада
Этъ аларзын-деп тэгэнъ
Экы тызем этъ алай деп кельбеды-бе?
Кам-ада.
Энем ійгэнъ, энемэ эссін кыялы,
Кам-ада

Туюк туйгагы туйролзын
Айры туйгагы айрылзын
I. . . i.l. . . i.l (воетъ)
Мын! ы. . . ы. . . ы. . . (из байталау)
Дерт туйгагы тебен тепсін,
I. . . i. . . (плачетъ)
Боюн эттыр.

Послѣ оправданія баштутхана, камъ начинаетъ заниматься метеорологіей и предсказываетъ о погодѣ (ченәп-ят).

Если чрезъ недѣлю послѣ камланья будетъ снѣгъ, то камъ видѣть его съ первой ступени и сказываетъ:

Салды кай баштарын куръзін,
Салды кай саак пудака,
Ак турман тюже-берътыр,
Яжімду яім әрътә бертыр,
Кыжіло куруум тюжуп-келитыр.

Если этотъ будущій снѣгъ скоро разстаетъ, то камъ говоритъ:

Салды кай баштарын куръзін,
Сар ая тартып-турганын.

Если послѣ снѣгу будетъ дождь ранѣе трехъ недѣль, то камъ это видѣть на первомъ небѣ, а если позже—на третьемъ, гдѣ и предсказываетъ:

Алт таякту кара шурлі,
Ойдун эръгэ саалып тюшо
Аргымак аяк тюушпас болор
Туйгакту камынбас болор,
Тырмакту тудунбас болор.

Вообще камъ на всякомъ кругѣ небесномъ, если что увидить относящееся къ земной жизни, будущее или настоящее, напр., если встрѣтится гдѣ-нибудь съ другимъ камомъ, въ одно время съ нимъ камлающимъ, объ этомъ сказываетъ своимъ зрителямъ.

Баштутханъ, проплакавшись, продолжаетъ:

Э, пааза бараін,
Аг-Ульгэннен кызын алынер.

Баштутхана перебиваетъ слуга кама *Каракош*, прося у него трубки покурить:

Куньду эръдын кам тюдюнь,
Козікэй мінэ козімэ
Айлю эръдын ак тюдюнь,
Айлянгай мінэ кузюмэ,
Уч уелю куулы канза,
Эръ алдымга кабылыш-кель.
Аяс канынан алыш кель.

Баштутханъ подноситъ трубку какъ-будто Каракошу, а камъ съ боку на бокъ заглядываетъ на трубку, какъ-бы боясь, чтобы не укусила, и, заводя глаза подъ лобъ, обнюхиваетъ ее издали съ обѣихъ сторонъ и, какъ лошадь, фыркая, кричитъ: *кій тылік, кій тый-тылік!* Баштутханъ стоять съ трубкой. Камъ, вместо Каракоша, поетъ:

Картырмалу кара күяк,
Айлянышхан сай күмэ,
Алтын кулаш керь тайган,
Чоо-бері сынду хай,

Уузін мурдун ял-манышхан,
Ат-дат Каракош,
Мень тарпазам слер тартыгар,
Кій гілік! Кій гілік!

Камъ береть поднесенную ему Баштутханомъ трубку и курить, вмѣсто Каракоша, не придерживая трубки своими руками. Покуривши, онъ кричитъ: *ay, ay, ay!* и схвативъ трубку, бросаетъ ее и, восходя на 4-ю ступень, говоритьъ:

Тапты бажіма толгон чіхтым.
Толгой айга малкий чіхтым,
Дерт катха яялып чіхтым,
Тенгере каанга алқыжін эссію.

Соскочивши со ступеньки, камъ пробиваетъ четвертое небо и, бѣгая вокругъ 4 раза, представляетъ громъ:

Ай, гай, гай
Шахарбата!
Дерт туган пузун чіхтыл,
Шахарбата!
Дерт яйхам яйхан чіхтыл,
Шахарбата!
Куньду эльгэ алқыжны эссін,
Шахарбата!
Айлю эльгэ алқыжіло эссін,
Шахарбата!
Аттан бергэнъ ак байталым,
Шахарбата!
Адам бурхан тенгере канга ярулу болды.
Шахарбата!

Камъ опять строжится надъ Баштутханомъ, который плачетъ и оправдывается:

Куньду эрьдэ не эрь?
Чін Яхші эрь мунда,
Мень мунда юртаэр-даа болзомчі
Мень мунда ядар-даа болзомчі,
Тайха пюктэнъ агажі курзен,
Копшоп койгонъ октый турза,
Тажінда турган алдызын курзен,
Талынду койдон коп туза,
Мунда-даа ястап, мунда-даа кустеп яссамчі,
Мнан ойто янбас маа болзомчі,
Янбайдым, янбайдым
Кам-ада!

На четвертомъ небѣ камъ въ одно время представляетъ *кукушику* и

стрѣляющаго въ нее Каракоша. „*Кук күпүк! Кук күпүк! Кук күпүк!*“ Каракошъ смотрѣть то вверхъ, то внизъ, то въ стороны, и не видя птицы, протираеть себѣ глаза и говорить:

Атта! Кара-кош!
Эрю тенгереэ учун чігаберъды-ба?
Теменъ эрьгэ каазынып тюже беръды-ба!
Эты кырлу эсъ мылтыгым адым адым алзам,
Орто курсак болор эды-ле.
Салды кайн саак пудакта отуру-ба?
Ай кеемеін кезе атхан.
Топты бажінда отуру-ба?

Представляя стрѣляющаго Каракоша, камъ прицѣливается бубномъ и, дернувъ по нему къ себѣ орбу, съ крикомъ: *ay!* представляетъ, что онъ выстрѣлилъ на удачу.

Послѣ охоты за кукушкой, камъ вскрикиваетъ на *тапту* и, поставивъ ногу на 5-ю ступень, говоритъ:

Беш тапты яяла чіхтым,
Беш бажін толгоп-чіхтым,
Толгон айга малкып-чіхтым
Тенгере канга алкыш эссію.

Камъ, соскочивъ со ступеньки, пробиваетъ *пятое* небо, бросается, бѣгая 5 разъ вокругъ огня, съ крикомъ: *ай-ай-ай!* *Шахарбата!* Чѣмъ выше онъ входитъ на небесные круги, тѣмъ звучнѣе представляетъ громъ. На пятомъ небѣ живетъ сильный духъ *Яючи*, который творить младенцевъ. Камъ, собираясь войти къ *Яючи*, бубнить и поетъ довольно звучно:

Ай, а хай, ай, ай!
Ульгэнын углы Кергыдай.
Адам углы Пырхан-хан,
Тенгере углы яжін-хан,
Эрь алдыма кулэп-кель,
Унь салыта келігэр,
Кан эжікэ сака тур
Ай, а хай, ай, ай!

Камъ входитъ къ *Яючи* и, перемѣнивъ голосъ, тихо и смироно поетъ, чуть бубня и кланяясь:

Беш хатта энем *Яючи*,
Кырды тюнган сюд-ак кол,
Кынъды кескэнъ ак талхай,
Мюргудэн мюргугу каным *Яючи*.

Яючи строго спрашиваетъ кама:

Не тегенін калдыгызын?
Не тегенін уренізын?

Кыжі болзо, атту болор
Кыїк болзо, тукту болор
Ады-йолун чечінгын,
Канату болзо учпайтан,
Кайгакту болзо паспайтан
Кара конус тіды тітаныш
Кайдан поо сең кельдыш?

И въ заключеніе даетъ острастку каму, прикрикнувъ на него: „а-а-и!“

Камъ, устрашасъ, быстро отскакиваетъ назадъ и пятится. Потомъ съ подобострастіемъ, узко шагая, тихо приближаясь и многократно кланяясь, говорить: „меръгу, меръгу каным Яючи!“ Яючи, прерывая мольбу кама, снова вскрикиваетъ на него: а-а-и! Камъ, немного отступивъ, приходитъ въ остолбенѣніе. Яючи продолжаетъ:

Эрь эжігым тыбредыш,
Он кулагым сонгыладыш,
Он таманым сырладыш.

И вскрикиваетъ: а-а-и! Камъ отскакиваетъ и опять понемногу приступаетъ, говоря тихо и кланяясь: „мөръгу, мөръгу каным Яючи!—Яючи, пе-ресъкая его рѣчъ, грозно говоритьъ:

Не тәгәнін калдыгызын?
Не тәгәнін уренізын?

Камъ отвѣчаетъ:

Не тәгәнін калдыгы болоін,
Не тәгәнін урені болоін?
Энем Яючи каным!
Кара камны^М калдыгы-мінь
Улу камны^Н урені-мінь,
Учухчини калдыгы-мінь,
Тельгочини калдыгы-мінь,
Мे^Грьгү, ме^Грьгү, энем Яючи,
Пірь тілюгэ тіләп-кељдым,
Пірь суруга сурал-кељдым
Пірь таманга паза кељдым,
Кам чомчоны калдыгы-мінь,
Кам Сартбаштын урені-мінь,
Кам Саргадан мень прадым,
Ульгэнъ адама куләп-прадым,
Аг-атаным *) таныб-ал,
Меръгу, меръгу каным Яючи.

Камъ кланяется и, наконецъ, подружившись съ такимъ вельможнымъ духомъ, какъ Яючи, и набравшись отъ него силы, начинаетъ пророчество-

*) Аг-атан—бѣлый бубенъ.

вать: предсказанія, касательно житейскихъ потребностей, сыплются во множествѣ, въ родѣ:

1) Эн унуу:

Бу баланы менъ яяп-ядым,
Бай балоян, бай балдян,
Ат кулагы уч тунгэй,
Бай балдян, бай балдян,
Ямынар болзо кэбі болзын,
Карга чачхан кразы болзын,
Тар телезі узун болзын,
Тапчі боі кэн болзын.
Ас урюде малы болзын,
~~Ун~~ толо баш болзын,
Аяк болзо, толо болзын,
Баш бай болзын яяны кыспа болзын
Аіры колдон паазын.

2) Эн ортоны.

Бу бій-былян білектежіп-турзын,
Бай балдян, бай балдян,
Яактуга эндырбезін,
Ярымдуга пастырбазін
Яаны болзо, узун болзын.
Яжін тынын кысканбас болзын,
Күштэн курюргі болзын,
Күмә күяхтый болзын,
Ахтан оғы таштан ётьсію,
Улюр тынын эктежію,
Эöчин тартыныш ульзін,
Іть-чілең кынзыш-ульзін,
Кой-чілап маараң-ульзін.

3) Эн кычкуу.

Бу баланы яяп-ядым,
Жіэрме беш яжін алгажін,
Анан мынан каап-тюрьзін,
Аа боо туштуруп-тюрьзін,
Алдынан болзо, тіль эртпезін,
Архазынан чібык эртпезін,
~~Корак~~хы тюнъдэ каабылып тюрьзін,
Экы колы кызыл кыннан чіхпай-тюрзін,
Отус-бем яшха эткежін,

Омыруунан ок албазын,
Яказынан эрь тутпазын,
Яманга кожулбазын,
Эльдын эңчізы бользын,
Тонын топчізы бользын,
Эльдын йонын бажін білзын,
Элю яшха эткежін,
Кара аракаа карам болзын,
Кара аракыдан каран ульзиң.

При началѣ предсказанія всѣ бросаютъ шапки на землю подъ бубенъ.
По окончаніи каждого предсказанія камъ говоритъ:

Куньду эртэ яла барзын!

и, приподнявъ, бубенъ, стукнетъ орбой, а народъ хватаетъ шапки, какъ-
бы желая поймать упавшее въ нихъ предсказаніе. Если предсказалія худы—
шапки отряхиваются; если хороши, то всѣ наперерывъ подхватываютъ ско-
рѣе шапки и зажимаютъ. По окончаніи всѣхъ предсказаній камъ кланяется
Яючі и говоритъ:

Меръгу, меръгу энем Яючі,
Он козюнен курюп-кан
Он аргынды бері-кан.

Пока камъ восходилъ на 4 и 5 небо, въ это время *бура* успѣль по-
отдохнуть, выстояться и потому запросилъ пить.

Куньду эрдэн кара сугат,
Кузильгэй мінэ кузюмэ
Ау, кам!
Ма-аак! (всхрапываетъ З-жды).

Баштутханъ подаетъ чашку съ водой и свиститъ. Камъ, представляя
буру, хранить и бьется, потомъ пьетъ.

Напившись, онъ схватываетъ чашку зубами и бубномъ взбрасываетъ
ее къ верху.

Баштутханъ поднимаетъ чашку и окуриваетъ ее аржаномъ.

Потомъ камъ восходитъ на *шестое* небо тѣмъ-же способомъ и покла-
няется живущему здѣсь мѣсяцу:

Меръгу, меръгу!
Алты хатта ай ада
Меръгу, меръгу!

Съ этими словами камъ обѣгаетъ вокругъ *тапты* и огня и кланяется
на востокъ трижды, потомъ замѣчаетъ бѣгущаго зайца и посыаетъ за нимъ
куралдая:

Куралдай чабар курусын
Борбук чабар пос чоол,
Позоро тюшкэнъ поз-йк
Чау-ук!

Куралдай кричитъ:

Калак! Калак!
Экы токой содун паады,
Уч токой согуп-паады
У, у, калак! Калак!

Является новое лицо: *Келегей*, который ругаетъ и передразниваетъ Ку-
ралда:

Те-те, те-те, те-те!
Аэй, аэй, абышха!
Тъ-тъ-тъ-те! Абышха!
Нъ-нъ-нъ-не болды?
Кулагажі сертәнбок-ят,
Каг, к-к-к казычагы, кагылыб-ок-ят,

и, указывая на коня, продолжаетъ:

Куйрюгажін шійманыб-ок-ят,
Алдын трю яхтаны,
Не болдын абышха?
Аэй, аэй!
Ойдуң эрдын ор койон
Ттель энезі майрык койон
Чао-ок!

При послѣднемъ восклицаніи камъ, представляющій Келегея, махнетъ
орбою снизу вверхъ. Куралдай гонится за зайцемъ и кричитъ:

У! У! У!
Экы токой согулды,
У! У! У!
Уч токой согулды,
Калак, калак!
Ічин тырма койонок,
У! У! У!
Тумчугын тірыл, койонок,
Калак, калак!

Келегей снова ругаетъ Куралдая:

Аэй, аэй! Абышхана!
Адычагымнын көзі түшөльдеп-ок-ят,
Адычагынның аягажі сырак-таб-ок-ят,
Чао-ок! (орбой вверхъ).

Послѣ неудачной охоты за зайцемъ, камъ также удачно восходитъ на
седьмое небо, какъ и прежде, покланяется здѣсь живущему солнцу такъ-же,
какъ и мѣсяцу, трижды говоря:

Меръгу, меръгу
Тета хатта кунь эне
Меръгу, меръгу!

Послѣ поклоненія солнцу камъ представляетъ *кукушику* и *Кочугана*. Прижавъ къ лицу бубенъ, камъ крикнетъ въ него, вмѣсто кукушки: *ку-кук!* Кочуганъ отвѣчаетъ: *кхы*. Когда онъ прокукукаетъ, тогда голову поднимаетъ вверхъ, какъ-бы прислушивается.

Восходъ на 8, 9, 10, 11 и 12-е небо сопровождается тѣми-же дѣйствіями кама, какъ и прежде. Войдя къ Ульгэню, послѣ извѣстнаго: *такарбата!* камъ кланяется и при тихихъ звукахъ бубна поетъ:

Уч-деп кышту кан ыдык
Уч очукту бай Ульгэнъ,
Курюп турган кок тілым,
Коксюп-турган кок аяс,
Кочкулегэнъ кок пулут,
Курюп болбос кок тенгэрэ,
Алкап болбос аг аяс,
Айлік тілдык уч сугат,
Уч матырлу Ульгэнъ-адам,
Аймалтазнын мізінэн кыйлат
Аттын туйгагынан яйляп,
Чуркураган эль яяган бай Ульгэнъ,
Чуудуп-чубадыш, мал берыгэнъ бай Ульгэнъ.
Текэ бербе,
Темкергэ алдырба,
Кюрюмесъке кургуспе,
Курюнергэ пастырба,
Эркэньду тенгерімдин,
Канча тюмень Айлядучім,
Кылінчегым мень адулазын.

Отъ Ульгэня камъ узнаетъ, пріятна-ли жертва или нѣтъ и почему, а также узнаетъ впередъ состояніе и измѣненіе погоды, каковъ будетъ сборъ орѣховъ, урожай хлѣба и ловъ звѣря, а также не требуется-ли еще отъ кого-либо жертвы. Жертва почти всегда требуется, если не отъ того, то отъ другого, той масти или другой, такъ какъ камъ—всегда человѣкъ бѣдный и ничѣмъ не занимающійся, то очень естественно, что вмѣсто *талкана* или пустаго *кочо* дома, ему пріятнѣе єсть самую жирную конину, какую только онъ самъ выбереть у своего сосѣда. На должности онъ съѣть и пьянѣ.

По объясненіи кама съ Ульгэнемъ *Баштутханъ* вскакиваетъ, снимаетъ бубенъ и орбу съ рукъ кама, который въ заключеніе дѣлаетъ три щелчка по бубну пальцемъ, вмѣсто орбы, и бормочетъ: „а-а-а-ы-ы-ы-ы“, какъ-бы не можетъ уняться, протираетъ глаза, гладить волосы, опускаетъ руки, выжимаетъ потъ изъ своей рубашки, потомъ здоровается съ зрителями, какъ-бы возвратившись изъ дальн资料 путешествія:

Эзень-салам, эзень-салам!

Вторымъ дѣйствіемъ камланье иногда заканчивается, а большею частію

окончаніе бываетъ на третью ночь, въ которую пьяствуютъ вполнѣ достойно шайтана. Огромные берестяные бураки, въ ростъ человѣка, съ кумысомъ, айраномъ, абырткою и брагой опоражниваются. Приготовленіе и распитіе идоложертвенного айрана происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Когда еще не сдѣланы *сеолты*, приготавляютъ айран (кумысъ изъ молока), котораго никто не касается и не пьеть до окончанія камланья. Послѣ двухъ вечернихъ камланій, приносять съ мѣста, гдѣ мучена была жертва, 9 или 12 *кытайаш* (ложки изъ бересты), соотвѣтственно зарубкамъ *тапты*. Полъ *сеолты* устилаютъ коврами и войлоками, подлѣ *тапты* кладутъ къ двери огонь, вокругъ котораго ставятъ, по числу зарубокъ *тапты*, китайскія деревянныя чашки (*чачил-аяк*), наливаютъ айраномъ и позади каждой чашки размѣщаются по человѣку такъ: впереди, слѣва отъ двери, стоитъ камъ, подлѣ него, слѣва-же, *Баштутхан-кыжі* (помощникъ кама), далѣе хозяинъ и прочие старики, у которыхъ въ тотъ годъ не было въ семье покойника старѣе году. Сначала всѣ зачерпываютъ кытайашами айранъ и брызжутъ всѣ въ разъ вверхъ на *тапту*, стоя всѣ въ шапкахъ. Затѣмъ, бросивъ ложки, вскрикиваютъ: *чек!* Брызганіе это съ восклицаніями *чек!* дѣлается трижды. Въ послѣдній разъ брызнувъ, всѣ бросаютъ ложки вверхъ, и, если чья упадетъ вверхъ дномъ, тому счастья въ тотъ годъ не будетъ, а у кого внизъ дномъ, тому—*яхши*. Послѣ чествованія *тапты* снова наливаютъ чашки айраномъ и выпиваютъ всѣ вдругъ, при чемъ камъ, выпивъ чашку, бросаетъ ее за дверь, и если она упадетъ вверхъ дномъ, то хозяину будетъ худо.

Камланье *Эрлику* и другимъ божествамъ, также камланье разныхъ племенъ, различается частностями, нѣсколькими вводными сценами, а въ сущности одно и то-же. Комическими сценами отличается камланье *Яікхану* или *Намъ* (Ною), которому приносится въ жертву бѣлая овца, на высокой горѣ, преимущественно весною, также при всякомъ камланы молятся ему, чтобы проводилъ къ Ульгэню. Въ 40 день по смерти кого-либо, *Яік-хан* призывается для очищенія юрты, при чемъ къ постелѣ умершаго привязывается пѣтухъ, изображающій смерть, и изгоняется камомъ или шаманомъ. Оттого пѣтухи у большей части инородцевъ, особенно Кузнецкихъ, въ пищу не употребляются. Еще призываютъ *Яік-хана* въ томъ случаѣ, когда не ведется скотъ. Инородцы вѣруютъ, что умершіе родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда *Яік-хан*, при жертвоприношеніи ему, выгоняетъ его потопомъ. Камъ представляется, что онъ приходитъ будто-бы въ жилище душъ умершихъ родственниковъ (*узюттэ эрінэ*) изъ того семейства, у коего камляетъ, разговариваетъ съ ними, потчуєтъ ихъ виномъ, напаивая до-пьяна, разговоры ихъ произносить ихъ голосами и всѣ дѣйствія выражаетъ подобно имъ. Въ разговорахъ и пѣсняхъ камъ представляетъ: какъ умершіе, напившись, поютъ пѣсни и проч., какъ притомъ внезапно входить потопъ въ жилище умершихъ; представляется смятеніе, ужасъ и беспокойство каждого лица изъ умершихъ и прекращеніе потопа сыпаньемъ земли и золы. Камъ при этомъ смятеніи угоняетъ у нихъ скотъ, умершіе будто-бы кричатъ вслѣдъ ему и посылаютъ погоню. Въ началѣ представле-

нія всѣхъ этихъ дѣйствій шаманъ мараеть свою рожу сажей, чтобы умершіе не узнали его; когда-же они догадываются, что шаманъ пришелъ отъ ихъ живыхъ родственниковъ, то онъ увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ не знать и т. под.

У сѣверныхъ инородцевъ камъ, называемый *набызомъ*, камлаеть въ обыкновенной одеждѣ, только голову перевязываетъ платкомъ, чтобы волоса не лѣзли въ глаза при его кривляньяхъ. Присутствіе женщинъ, при жертвоприношенніи Ульгэню, здѣсь не позволительно.

Нѣкоторые камы камлаютъ съ открытыми глазами, но большая часть съ закрытыми. Многіе камы шарлатанятъ, а нѣкоторые дѣйствительно приходятъ въ экстазъ, и ничего нѣтъ удивительного, что дѣйствуютъ подъ вліяніемъ злого духа. Были примѣры, что казаки не могли пробудить кама, впавшаго въ экстазъ, нагайками, напротивъ, были примѣры (говорю по собственному опыту), что достаточно одного священническаго благословенія, чтобы мгновенно выпалъ бубенъ изъ рукъ камлающаго кама.

Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ.

Инородцы признаютъ двойственность души. О человѣкѣ помѣшанномъ и разслабленномъ они обыкновенно говорятъ: „*курю-месъ анын суузын*“ (по-телеутски—*сюрин*, по-калмыцки—*сюнезин*, *тилезын*, *кудин ал-партир*, бѣсь унесъ его душу“), вѣря, что человѣкъ долгое время можетъ оставаться живымъ безъ души, что унесенная душа можетъ быть возвращена выкупомъ, чрезъ камланье, и тогда человѣкъ выздоровѣеть, такъ какъ, кромѣ означенныхъ названий души, остается въ немъ еще душа — *тын*. Впрочемъ, *тын* есть жизненность, т.-е. такая душа, какая есть и въ животномъ и въ растеніи, или связь души съ тѣломъ. Если унесенная душа долго не возвратится, то *тын* перервется — *узюлюп-парар*, и потому душа умершаго человѣка называется *узюп-тын*, перервавшись, исчезаетъ, *кудюп-ядыр*. Отсюда происходитъ название души *кут*, название не собственное, знач. нѣчто теряющееся. Объяснимъ эти названія примѣрами:

1) *Тын* происходитъ отъ *тынып* — дышу. *Тынит* — дыханіе. *Тын тібектый* — душа какъ щелчинка. *Тын тамазын-да* — душа въ чахоткѣ. *Тын узюльянэнде ар уезі ай-рыла*: когда душа порвется, тогда раздѣлятся всѣ составы. Суевѣрные алтайцы будто-бы слышать, какъ перерывается у умирающаго человѣка, потому у нихъ есть бранное выраженіе: *тынин тырс этсін* — твоя душа пусть сдѣлаетъ щелчокъ, т.-е. порвется и щелкнетъ. *Тын коштонып-яп* — душа смѣшивается, сливаются. Это говорять, воспрещая близко стоять подъ умирающаго, чтобы онъ долго не маялся, вѣря, что душа здороваго сообщаетъ свою жизненность умирающему. *Тынит-даа білбяйт* — и душа моя не знаетъ, т.-е. мнѣ все неизвѣстно. *Тынду алаш* — свѣжее, растущее дерево, *тынду элен* — свѣжая трава, *тынду болат* — острый (алмазный) булатъ. *Чачкан аштын ямырга тыны* *кырыг-яп* — посыпанный хлѣбъ отъ дождя оживляется,

освѣжается. *Тынъым кырды*—моя душа вошла, т.-е. я освѣжился, ободрился, укрѣпился.

2) *Сузы* происходит отъ глагола *сузуп*—черпаю воду, значить, нѣчто жидкое, способное быть вычерпнутымъ, или отъ словъ *су*—вода, рѣка и—узак длинный. Отсюда *сузак*—долговѣчный, здоровый, а потомъ *сузы*—сила необходимая, чтобы быть здоровымъ, долговѣчнымъ, какъ человѣку, такъ и скоту. *Малдын сузын узюттар алтын парды*—умершіе увели души скота, или плодовитость скота перевели къ себѣ (въ свои жилища). *Кыжинин сузы тюрюп ят*—душа умершаго человѣка бродить.

3) *Кут* почти то-же, что и *сузы*, происходит отъ *кудуп*—исчезаю, безъ вѣсти пропадаю, изъ виду теряюсь. *Кут*—сила жизненная (*vis vitalis*), плодородіе, счастливость, благовидность. *Куду чылуп парды*—душа выскочила, т. е. человѣкъ такъ испугался, что лишился ума, сдѣлался самъ не свой. Въ этомъ случаѣ камланьемъ возвращаются ушедшую душу. *Малдын куды узют алтын-парды кыжі кудуп-парды*—человѣкъ исчезъ, безъ вѣсти пропалъ. *Эрь кудуп парды*—земля потеряла силу плодородія, стала бесполезною, лишилась красоты и вида. *Яхтан эрі кудуп парды*—жилое мѣсто сдѣлалось несчастливымъ.

4) *Тюла* происходит отъ *тюлуп*—рву, выдергиваю. *Кендырь тюлюп-ядым*—ленъ выдергиваю. *Тюля* знач. эссенція, экстрактъ. Въ животныхъ *тюлы* нѣть, а исключительно она только въ человѣкѣ. Эту душу представляютъ величиною съ ружейную пушку, бѣленькою, непрестанно движущеюся, кругленькою, какъ ртуть. Такою, по крайней мѣрѣ, камы показываютъ инородцамъ будто-бы пойманную ими душу на ладони своей при камланьи.

5) *Сюръ* отъ слова *сюрюп*—гоню, выгоняю, значить, по словопроизводству, то, что изгоняется, т. е. изъ человѣка смертію, или изгнаніе камланьемъ въ 40 день послѣ смерти изъ юрты, гдѣ жилъ умершій, души его.

Сюрмет—видъ, изображеніе, картина. Въ этомъ значеніи употребляется и *сюръ*, которая есть и у скота. Инородцы предполагаютъ, что души животныхъ такъ-же переселяются на тотъ свѣтъ, какъ и умершихъ ихъ хозяевъ, которые такъ-же пасутъ ихъ въ жилищѣ мертвыхъ, какъ и здѣсь. *Сюръ* значитъ также: тукъ, жиръ. *Сюръю эти*—тучное мясо. Значить также: видъ, красота, величественность, важность, солидность. *Сюрю тюжуп-партыр*—видъ упалъ, лишился красоты, сдѣлался полумертвымъ. *Сюръю кыжі*—человѣкъ осанистый, съ проницательнымъ взоромъ. *Сюръ солырып-ят*—душа умершаго воетъ, не желаетъ разстаться съ тѣми предметами, съ которыми сроднилась, живя въ тѣлѣ.

6) *Сюнэ* находится исключительно только у человѣка, происходит отъ *сюнэлеп*—совѣтую, вразумляю. *Сюнэ*—разумная часть человѣка, которая, по выходѣ изъ тѣла, имѣеть фигуру полнаго человѣка. *Кыжинин сюнэ плодютты боi*—душа человѣка есть цѣлый онъ, его сущность. *Сюнэ тюрюп-ят*—душа бродить, т.-е. по выходѣ изъ тѣла блуждаетъ по мѣстамъ, къ коимъ привыкла, живя въ тѣлѣ, и издаётъ вопли, слышимые будто-бы живыми, иногда зоветъ къ себѣ кого-либо изъ живыхъ, называя его по имени, послѣ чего, по общему замѣчанію алтайцевъ, вскорѣ тотъ человѣкъ умираетъ.

Нравы, обычаи и обряды.

Въ нравахъ алтайцевъ есть хорошее и худое. Прежде всего надобно сказать, что они честны. Юрты ихъ зопоровъ не имѣютъ, хотя бы и нико-го въ аилѣ не было. Если къ двери приставленъ обрубокъ бревна, въ ту юрту никто не войдетъ, хотя бы она цѣлый годъ стояла подъ этою охра-ною. Хлѣбъ инородцы оставляютъ на пашнѣ въ зернѣ, гдѣ онъ и пре-бываетъ до тѣхъ поръ, пока хозяева по-немногу его не выберутъ для насущнаго употребленія, и всегда сохраняется въ цѣлости. Оставша-ся въ юртѣ вещь посторонняго человѣка, даже найденная на дорогѣ, но извѣстно, что ему принадлежащая, возвращается непремѣнно, хотя бы и чрезъ долгое время, при свиданіи. Во время плаванія по рѣкамъ, напр. по Мрассѣ, если случится остановиться на ночлегъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ аилъ расположенье не на берегу, а на горѣ отъ 1 — 3 верстъ отъ берега, въ такомъ случаѣ всѣ вещи путешественника остаются на бе-регу безъ караула, только подъ прикрытиемъ лодки отъ дождя и собакъ (послѣднія не очень честны), и сохраняются всегда въ цѣлости. Эти же честные люди бываютъ и безчестны, но всегда *косвенно*; напр. забираютъ въ долгъ, или подъ работу деньги и не уплачиваютъ ни тѣмъ, ни другимъ, хотя никогда не запираются въ долгѣ. Особенно сѣверные инородцы склон-ны къ надувательству, только поддайся.

— Гостепріимны и радушны. Всякій вошедшій въ юрту человѣкъ при-знается какъ-бы семьяниномъ этой юрты. Если хозяева ёдятъ, ёсть и онъ; если пьютъ, пить и онъ безъ всякаго различія; а если гость изъ другого аила,—снабжается притомъ и запасомъ (*азык*): у алтайцевъ — скотоводовъ барапиной, у сѣверныхъ — талканомъ. Если кому-либо изъ дѣтей дать ржа-ной сухарь, который цѣнится здѣсь ни какъ не менѣе конфекты, или ку-сокъ сахару, то получившій раздѣляетъ это лакомство между всѣми на мелкія части, и никогда съ жадностью не бросается.

— Въ спокойномъ состояніи кротки и услужливы, пока не стѣсняет-ся ихъ свобода. Но быть слугами по найму они, хотя бы и бѣднѣйше, ни въ какомъ случаѣ не желаютъ. Каждый скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ лишится свободы. Одно имя „слуга“ уже позорно въ ихъ глазахъ и употре-бляется вмѣсто брани. Если-жъ обстоятельства какъ-нибудь вовлекутъ въ услугеніе неимѣющаго ни родства, ни племени, то прислуживають всегда не охотно и мстятъ за потерю свободы воровствомъ.

— Начальству покорны; къ старикамъ очень почтительны и уважительны. Дѣти не произносятъ имени своихъ родителей, какъ-бы считая себя не до-стойными этой чести. Жена своего мужа и также родныхъ всѣхъ его не называетъ по имени; въ юрту отца своего мужа далѣе порога ходить не смѣеть, головы и ногъ передъ нимъ не обнажаетъ; изъ рукъ въ руки ни-чего ему не подаетъ, и наоборотъ, свекоръ свободно съ снохою не обра-щается, никогда съ нею не шутить, въ ея присутствіи непристойностей не

произносить и бѣжитъ отъ нея, когда увидитъ, что она чешетъ волосы, или разувается.

— Съ зайсанами и башлыками инородцы обходятся фамильярно: шапочки не снимаютъ и въ юртахъ ихъ. Одинъ чубъ зайсана до того не прикосненъ, что его никому въ руки взять нельзя даже и тогда, когда подстригаютъ ему волосы.

— Въ супружествѣ инородцы большою частію вѣрны, вообще не развратны и чрезвычайно чадолюбивы.

— Въ прихотяхъ своихъ ограниченны, малымъ довольны и въ перенесеніи голода терпѣливы.

Вотъ все, что можно сказать хорошаго объ инородцахъ, остальное или безразлично, или положительно худо. И именно:

Всѣ алтайцы очень лѣнивы и празднолюбивы: спать, ничего не дѣлать, глядѣть неподвижно въ землю и курить табакъ—составляетъ ихъ наслажденіе.

— Склонны къ пьянству, такъ что не пьютъ только тогда, когда нечего. Мужчины и женщины, хотя бы и съ грудными дѣтьми, заслышавъ *абыртку*, *камланье*, *байш*, *байрамъ*, версты за 100 тащатся туда лѣтомъ верхомъ, а зимой на лыжахъ и пьянствуютъ день и цѣлую ночь до тѣхъ поръ, пока вся приготовленная арака истощится. Каждая оргія кончается непремѣнно дракою, при чемъ болѣе всего достается пьянымъ женамъ отъ пьяныхъ мужей.

— Нечистоплотны до *водобоязни*. Одежда никогда не моется и не провѣтривается, бань нѣтъ, купанье не терпимо. Посуда никогда не моется и съ каждымъ годомъ обрастаетъ новымъ слоемъ грязи. Руки не моются, въ промежуткахъ стряпни имъ дается свобода почесать больное мѣсто, погладить рану и проч. Въ пищу, исключая сѣверянъ, употребляется и павшая скотина.

— Женщины вынимаютъ груди и кормятъ ими своихъ дѣтей при всѣхъ; дѣвицы обнажаютъ ногу далеко выше колѣна и скутъ нитки тоже при всѣхъ безъ всякаго стыда.

— Всѣ непризнательны и неблагодарны ни за кое благодѣяніе; такъ что и слова „благодарю“ нѣтъ въ ихъ языке. Въ попрошайствї назойливы, но нищими (*тербезенъ*) не называются, и милостыни не просятъ и самые бѣднѣйши, а просятъ какъ подарокъ или для дружбы пособіе. За отказъ не обижаются.

— Въ гнѣвѣ бѣшены, но скоро успокаиваются; склонны къ отчаянію и самоубійству единственнымъ способомъ удавкою на лѣсинѣ.

— Легковѣрны ко всякой лжи; робки и суевѣрны.

— Къ животнымъ жестоки и безчеловѣчны, что обусловливается обратительными мерзостями ихъ камланья и скотоподобного быта.

— И незнающіе русскаго языка ругаются неприличною русскою бранью; особенно коней на каждомъ шагу привѣтствуютъ этими скверными словами.

Свадебные обряды у южныхъ алтайцевъ очень замѣчательны и дышать мѣстной поэзіей. Молодой человѣкъ, задумавшій жениться, къ родителямъ избранной имъ дѣвицы посыаетъ сватовъ, нѣсколько человѣкъ. По прибытии въ юрты, одинъ изъ сватовъ становится предъ отцомъ невѣсты на колѣни и говоритъ слѣдующую рѣчь: „Я пришелъ, преклоняя колѣни предъ порогомъ твоимъ; я пришелъ, кланяюсь вѣрѣ твоей; я пришелъ и радуюсь твоему житию-бытию; я пришелъ головы просить! Пусть сватовство будетъ подобно щекамъ неразлучающимся; пусть будетъ, какъ желѣзная кольчуга съ воротникомъ не разрывнымъ, пусть будетъ родство между нами, подобно слоямъ бересты, пусть будетъ, какъ шелковый шовъ! Я пришелъ просить черень для ножа, у котораго его нѣтъ. Назадъ тому девять колѣнъ война была; я пришелъ заключить миръ; пришелъ, радуясь твоему житию-бытию, пришелъ, чтобы сватовство было между нами. Какой отвѣтъ дадите?“.

Говоря такимъ образомъ, первый сватъ, не вставая съ колѣней, держитъ предъ отцомъ трубку, набитую табакомъ, обративъ ее къ нему чубукомъ; другой сватъ въ то-же время держитъ зажженную древесную губку, чтобы тотчасъ-же зажечь, когда отецъ протянеть къ трубкѣ руку, чтобы взять ее. Это—всѣми принятый знакъ, что предложеніе непротивно и что сватовство непремѣнно состоится. Иногда случается, что этотъ знакъ подаютъ и не такъ скоро: отецъ ссылается на мать невѣсты, или что надобно посовѣтоваться съ братьями. Когда всѣ родные изъявятъ согласіе, тогда приступаютъ къ условію о количествѣ *кальма* (плата за невѣсту деньгами и скотомъ). Отецъ невѣсты, обращаясь къ первому свату, говоритъ: „глазъ мой глубокъ, и животъ мой широкъ!“ Сватъ соглашается на все безпрекословно, и трубка мира и согласія мгновенно задымится. Въ это время первый сватъ встаетъ съ колѣней, а другіе сваты, стоявшіе доселѣ неподвижно, проворно подносятъ *tashauры* съ кумысомъ и виномъ. Круговая чаша весело и скоро переходитъ изъ рукъ въ руки. Попировавъ приличное время, сваты прощаются столь-же высокопарными выраженіями, какъ и въ началѣ сватанья, и ѿдуть къ жениху; передаютъ ему условія о родѣ и количествѣ кальма. Безъ пирушки, разумѣется, не обходится и у жениха.

Когда все будетъ готово, тогда назначаютъ день, въ который невѣста должна будетъ переѣхать къ жениху своему. Два молодыхъ человѣка (дружки) верхами подъѣзжаютъ къ юртѣ невѣсты; у каждого изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ, и къ нимъ прикрѣплена занавѣска. Подъ невѣсту подводится особая, осѣдланная лошадь. Эти дружки поѣдутъ по сторонамъ невѣсты, держа передъ нею укрѣпленную къ березкамъ занавѣсь до самой новой юрты ея жениха; во все это время она не должна видѣть ни дороги, ни новой юрты, прежде чѣмъ въ нее не войдетъ. Само собою разумѣется, что ее будетъ сопровождать большой поѣздъ.

Вотъ все готово къ отѣзду. Юрта невѣсты-биткомъ набита ея родными, подругами, знакомыми, любопытными. Отецъ и мать напутствуютъ ее благословеніями и наставленіями, какъ жить въ чужой семье и проч. Потомъ входить въ юрту семь престарѣлыхъ калмыковъ, нарочито приглашен-

ныхъ для совершения обряда „Аиши-сезъ“, благословенія невѣсты, который состоить въ слѣдующемъ:

Невѣста кланяется въ землю передъ домашнимъ очагомъ, на которомъ въ это время непремѣнно долженъ горѣть огонь, потомъ въ ноги отцу и матери и говоритъ:

„Очи богатаго Ульгэня да видятъ меня;
Солнце и луна! Вамъ голова моя;
Семь старцевъ, благословите меня“!

1-й стар. Каан Кутайдын козі тызын!

Кары кыжінын алгыжі этсін,
Улу Кутайдын козі тызын!
Улу кыжінын алгыжі этсін!
Алдыннан ай чалызын;
Арханиап кунъ чалызын!

Да коснутся тебя очи Господа Бога;
Да придетъ на тебя благословеніе старого человѣка;
Да коснутся тебя очи Великаго Бога;
Да придетъ на тебя благословеніе великаго человѣка;
Спереди тебѣ пусть мѣсяцъ свѣтитъ;
Сзади пусть солнце освѣщаетъ!

2-й стар. Тен эрьгэ уін салзын.

Яба болзо, юртап—ятын,
Кыргэнъ уюн энду болзын,
Таш очагын пэк болзын,
Одын чоокту болзын!
На высокомъ мѣстѣ поставь домъ твой.
Плотно утвердится доможительство твоє.
Пусть житѣе твое будетъ красиво,
Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпокъ,
Огонь твой пусть будетъ неугасимъ!

3-й стар. Конгон эрін кокту болзын,

Талкан кулюн обо болзын,
Тепкенъ эрін темирь-дый болзын,
Ордын ізю болзын,
Пасхан эрін байрамду болзын!

Стойбище твое пусть изобилуетъ пепломъ,
Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя.
Земля, тобою попираемая, пусть будетъ тверда,
Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто,
Мѣстохожденіе твое пусть будетъ исполнено веселья!

4-й стар. Ятханын болбо узун болзын;

Яжін болзо, мёнку болзын,
Юсь яш яжагын,

Сагыжін сенін омок болзын,
Тал чілап, корболоп-турзын,
Тару чілап, қулгалап-турзын
Коозылу койдон коп болзын,
Балалу чайдан коп болзын!

Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
Лѣта твои да будуть бесконечны;
Сто лѣтъ живи и здравствуй,
Умъ твой пусть будетъ весель;
Мысль твоя да будетъ свѣтла.
Подобно тальнику, развѣтвляясь, разростайся;
Какъ многостебелистое просо, становись,
Умножайся больше овды многоягнятной;
Множься больше глухаря многочаднаго!

5-й стар. Алдны эдэгын бала пассын
Арт-кійнын мал пассын,
Кунадын-малын кулундан-турзын,
Тэндін малын төльдэп-турзын;
Яяла болзо, туулуп-ятсын,
Тёбё эрьгэ малын куткын,
Алbastan болзо, алыш-тюргын,
Щутпастан болзо, тудуп-тюрьгын.

На переднія полы твои чтобы дѣти наступали,
За подоломъ сзади пусть скотъ гонится;
Трехлѣтнія кобылы твои пусть жеребятся;
Четырехлѣтній скотъ твой пусть плодится;
Что только рождается, пусть живеть и плодится;
На холмистыхъ мѣстахъ паси скотъ твой,
Хотя-бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
Хотя-бы гдѣ и нельзя было изловлять звѣря, изловляй.

6-й стар. Яактуга айттырбагын,
Ярындуга пастырбагын,
Тепкенъ кыжіэ темірь-дый болзын,
Ічкэнъ ажін аш болзын,
Ічерь-тїрін коп болзын
Кійгэн кәбін кырленбезін,
Кіэрь кәбін коп болзын
Югурюк ат міньгын,
Адын болзо терлебезін,
Колын, архан уурабазын,
Колтыгын сыстабазын.

Щекастому не будь предана на злословіе,
Плечистому будь не одолима;

Противъ наступающаго на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
Съѣденная тобою пища да будетъ питательна;
Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много;
Цвѣтное платье твое пусть не марается;
Ношеннаго платья у тебя пусть будетъ много;
На бѣгунахъ Ѣзди;
Кони твои да не знаютъ устатка;
Спина твоя и руки да не болятъ;
Подмышки твои пусть не ноютъ.

7-й—стар. Кудайн сені пектезін;

Кубалада сені язын;

Кызына яяп берзін,

Коодына беріп—ятын!

Богъ твой да укрѣпитъ тебя;

Да умножится потомство въ слѣдованіи заботою;

Создавъ чадъ твоихъ, въ красотѣ наслѣдственной еще да прибавить;

Къ блаженству ихъ пусть еще прибавитъ блаженства!

Послѣ произнесенія этого *Алмыши-сезъ* невѣста отправляется къ жениху. По прибытии въ его юрту кланяется сперва огню, кладеть въ него кусокъ мяса и кусокъ масла, также брызжетъ на огонь брагой, въ видѣ жертвоприношенія.

У сѣверныхъ алтайцевъ, большею частію, воруются невѣсты, какъ и у предковъ нашихъ—славянъ, которые тоже „съ игрищъ умыкаху женъ себѣ,” и потому *Алмыши-сезъ* здѣсь нѣть. Женихъ, подговоривши невѣstu и получивъ отъ нея въ задатокъ платокъ, по взаимному условію прїѣзжаетъ за нею ночью на хорошемъ верховомъ конѣ, въ сопровожденіи холостыхъ молодыхъ людей. Скрывшуюся изъ родительского дома невѣstu подхватываютъ эти молодые люди, сажаютъ на подготовленного коня и мчатся въ улусъ жениха или къ ближайшимъ родственникамъ, а по утру приготовляютъ супружескій *одах*, состоящій изъ 9-ти длинныхъ, тонкоствольныхъ березокъ, примерно 10 арш. вышины, съ очищенными отъ комля сучьями, а наверху оставленными въ видѣ метелки. Вершины всѣхъ березокъ связываютъ веревкою, разводятъ комли въ разныя стороны, отчего и дѣлается остовъ юрты или шалаша подъ вѣнкомъ березовыхъ листьевъ. Остовъ этотъ покрываютъ берестой съ помощью веревокъ, оставивъ въ него входъ. Женихъ съ невѣстою входятъ въ этотъ *одах*. Первый, прежде всего, долженъ разложить здѣсь огонь, который никакъ нельзя заимствовать извнѣ одаха, а напрѣмѣнно добыть здѣсь-же изъ огнива, причемъ замѣчается: въ одно-либо место искры прильнуть къ труту, или не въ одно; послѣднее предвѣщаетъ скорое вдовство которой-либо половины изъ вступающихъ въ супружество. Пока женихъ высѣкаетъ огонь, невѣста, стоя въ двери одаха, одѣляетъ всѣхъ, пособляющихъ строить этотъ шалашъ, равно и всѣхъ тутъ присутствующихъ, по мѣдному кольцу. Для этихъ подарковъ дѣвицы съ малолѣт-

ства запасаются кольцами и накапливаютъ ихъ къ выходу въ замужество до сотни и болѣе. *Одах* или зеленая юрта стоитъ три дня, въ ней пребываютъ молодые безвыходно. По окончаніи 3 дней, бересту съ веревками снимаютъ, а оставъ относятъ въ чашу лѣса, приставляютъ къ дереву, гдѣ онъ и стоитъ до сгніенія. Огия изъ одаха никому нельзя позаимствовать.

Пиры по случаю вступленія въ супружество называются *байга*. Одна байга—главная празднуется у жениха, вокругъ одаха, и четыре у родителей невѣсты: 1) чрезъ 5—10 дней по украденіи молодая чета, въ сопровожденіи родныхъ мужа, съ большимъ количествомъ аракы, отправляется къ родителямъ молодой жены—мириться и договориться—сколько слѣдуетъ внести за украденную дочь *калыму*. Воровъ встрѣчаютъ съ плетью, которою хотя и не бьютъ, но страшатъ. Богатый зять платить калымъ разомъ, бѣдный платить калымъ свой постепенно, иногда нѣсколько лѣтъ. Случается, что весь калымъ родители невѣсты отдаютъ за нею въ приданое, присовокупляя къ нему и отъ себя, изъ своего имущества, значительную часть. Въ пособіе уплаты калима принято холостыми инородцами помогать бывшему своему со-товарищу до 1 руб. сер. Большому калыму однако-же нечего радоваться. Если жена, за которую внесень богатый калымъ, одовѣеть, то ея положеніе, особенно въ первой молодости, очень горестно. Несмотря на то, что женатые члены семейства живутъ каждый въ своей юртѣ, каждый располагаетъ своею полосою, засѣянною ячменемъ для насущнаго пропитанія, но только въ этомъ онъ и полно власть, проче-же доходы отъ промысловъ и другіе всѣ отдаются главѣ семейства. Такимъ образомъ вдова остается при одномъ ячменѣ и вѣчною невольницею своего свекора, купившаго ее какъ вещь, и который ни одной копейки не сбавитъ съ новаго покупателя, если бы таковой выискался. А такъ какъ калымъ дорогъ, то охотниковъ на вдову вовсе не находится. Счастье ея, если она имѣеть возмужалаго холостого деверя, который часто, по древнему закону іудеевъ, возстановляетъ сѣмя брата своего. Супружества совершаются большею частію весною. Если невѣста выйдетъ прежде крика кукушки, то мировая байга отлагается до тѣхъ поръ, пока не закукукаетъ эта птица печали. 2) Чрезъ мѣсяцъ по выходѣ дѣвицы бываетъ табачная байга, на которой родные молодого мужа дарятъ родственниковъ жены папушами табаку. 3) Мясная байга съ приводомъ коровы или быка для закланія бываетъ у богатыхъ людей послѣ уборки хлѣба, у менѣе богатыхъ—чрезъ 1—2 года, а у бѣдныхъ—когда случится. 4) На послѣднюю байгу приводится лошадь для пиршественнаго закланія. На всѣхъ байгахъ главную роль играетъ аракы, общая со всѣхъ сторонъ, отъ родныхъ мужа и жены и отъ гостей, изъ которыхъ каждый везетъ или несетъ на байгу этой живительной влаги по туесу (буракъ изъ бересты). На байгахъ пьютъ, поютъ, пляшутъ, играютъ и бѣгаютъ въ бѣга, выигрывая платокъ, халатъ или сапоги.

Естественное послѣдствіе супружескаго союза—*рожденіе дѣтей*. Оно происходитъ при стеченіи народа, крикахъ и ружейной стрѣльбы. Имя новорожденному даетъ глава семейства, большею частію одинаковое съ именемъ того,

кто первый войдет въ юрту послѣ разрѣшения отъ бремени. Имена означаютъ какіе-либо предметы, напр.: *Мултык* — ружье, *Сары-баш* — желтая голова, и притомъ у южныхъ алтайцевъ — въ уменьшительномъ видѣ: *Позучак* — телефонечекъ. У съверныхъ алтайцевъ много русскихъ именъ: *Ибанъ*, *Николай*, *Петрука*, *Педоръ* и проч. Если дѣти скоро умираютъ, то стараются дать имя какъ можно похуже, предполагая, что съ худымъ именемъ долго будетъ жить, напр., *Иткоден* (сабачья зад..да). — Отны изъ юрты, гдѣ есть новорожденный младенецъ, не даютъ до 40 дней, а болѣе гоняющіеся за счастьемъ — и въ теченіе года.

Тѣла умершихъ хоронятъ различно: или кладутъ въ деревянные срубы, утвержденные сверхъ земли на 4-хъ столбахъ, или закапываются въ горы вмѣстѣ съ любимыми конями покойниковъ, или сожигаются, или наконецъ привѣшиваются на сучья деревъ, въ берестѣ. Покойники полагаются въ полной одеждѣ и шапкахъ, и всегда съ запасомъ въ мѣшечкѣ на дальнюю дорогу.

Леченіе болѣзней.

Хотя всѣ внутреннія боли, общее ослабленіе организма и упадокъ силь алтайцы, преимущественно, лечатъ камланьемъ, но наружные болѣзни, особенно у южныхъ алтайцевъ, лечатся и естественными средствами.

1) *Бородавки* (*сеолъ*) 1) мажутъ змѣиной кровью; 2) конскимъ потомъ; 3) показываютъ молодому мѣсяцу.

2) *Распоротый животъ* зашиваютъ волосами больного и присыпаютъ пепломъ изъ жженыхъ его-же волосъ.

3) *Кѣ выпадку, ноитополь* (*ууркэнъ*) 1) привязываютъ соли; 2) человѣчій калъ, смѣшанный съ куринымъ и порохомъ; 3) разрѣзавъ брюхо живой курицы, держать во внутренности ея большой палецъ, пока не умреть курица.

4) При *водянной болѣзни* (*кообур*) 1) на многихъ мѣстахъ сожигаютъ такъ называемое *ядно* (*теонъ*), т. е. кусочекъ трута или сердцевины изъ бузины; 2) пьютъ свѣжую кровь небольшаго сѣраго звѣрка *ялман*, который водится по р. Чуѣ; у него заднія лапы на 4 вершка длиннѣе переднихъ, что и способствуетъ ему сосать овецъ.

5) *Венерическія боли* (*кыргыспаалу*, *яман паалу*, *кезім*) лечатъ 1) порами киновари, 2) мазью изъ яри, 3) бобковымъ масломъ, 4) сuleмою и 5) синимъ купоросомъ.

6) При *глазныхъ боляхъ* 1) насѣкли въ стружекъ съ пера изъ крыльевъ птицы *тас-куш*, варятъ ихъ въ коровьемъ маслѣ и мажутъ глаза; 2) порошокъ изъ перламутра съ краснымъ отливомъ (*тындудана*); 3) въ гнѣздѣ птицы ремеза находятъ намерзшія сосульки и, растаявъ ихъ, пускаютъ въ глаза.

7) Отъ *трыжиси* пьютъ свѣжую кровь куропатки.

8) При *запорѣ* пьютъ коровье масло.

9) При занозъ, скрывающейся въ тѣлѣ, 1) привязываютъ къ ранѣ годоваго заячьяго сала, которое и вытягиваетъ конецъ занозы наружу, или 2) прикладываютъ къ ранѣ мозгъ, вынутый изъ сырой кости козла; 3) за неимѣніемъ же сала или мозга, употребляется и заячья кожа.

10) Въ желтухѣ купаются въ минеральныхъ водахъ, находящихся въ верховьяхъ рр. Катуни и Архыта.

11) При змѣвикѣ-нарыиѣ, подобнымъ большему закожному чирью, красномъ и жесткомъ (*ділан каразы*). 1) дѣлаютъ *пыштак*—родъ творога изъ сваренного, заквашеннаго простоквашею молока, и горячимъ припариваютъ до 3-хъ разъ въ день, отчего опухоль смягчается и прорывается; 2) привязываютъ размоченную змѣиную кожу, которую часто находятъ весною въ камняхъ, или нарочно сдираютъ съ живой змѣи, на что алтайцы—великие художники. Обыкновенно въ этомъ случаѣ наступаютъ ногой на голову змѣи и, отдѣливъ ногтемъ кожу вокругъ шеи, въ одно мгновеніе сдираютъ всю, какъ чулокъ.

12) При изжогѣ (*сару*) 1) пьютъ круто насоленную воду, или 2) выпивъ стаканъ крѣпкаго вина, поспѣшно бросаются на приготовленный шесть и, перевѣшившись на немъ внизъ головой, стараются произвести рвоту, помогая скорѣйшему дѣйствію щекотаніемъ въ горлѣ пальцемъ.

13) При кашѣ чахоточномъ пьютъ кровь куропатки.

14) При ломотѣ костей 1) берутъ гнѣздо и пометъ выхухоля и, разваривъ въ водѣ, дѣлаютъ припарку; 2) если съ ломотою соединена и опухоль, припариваютъ травою василисникомъ (*Thalieterum*).

15) При кровотечениѣ изъ свѣжихъ ранъ присыпаютъ пепломъ собственныхъ волосъ больнаго; при кровотечениѣ изъ носу и рта—трясутъ сильно больнаго и поятъ крѣпкимъ виномъ.

16) При мозоляхъ (*кату кокчок*) употребляются тѣ-же средства, что и при занозѣ (см. 9).

17) *Молочница* у дѣтей (*амру*) есть неизбѣжная болѣзнь въ Алтайѣ, какъ оспа, поражающая даже и 8-ми-лѣтнихъ. Вѣроятно, это отпрѣскъ венерического яда. Въ слабой степени ея: 1) мажутъ медомъ, но если это не помогаетъ, или болѣзнь, скрывшись на время, впослѣдствіи опять открывается, то кладутъ на темя головы *ядно* и зажигаютъ; ядно, сгорая, вытягиваетъ болѣзненный ядъ и, догорѣвъ до тѣла, вскаиваетъ вверхъ съ трескомъ на подобіе слабаго выстрѣла; средство это повторяется до тѣхъ поръ, пока ядно не будетъ привскакивать; 2) если-же и это не приносить пользы, то отыскиваютъ въ трухломъ тальнике бѣлыхъ червячковъ (велич. около $\frac{1}{2}$ вершка), и, раздавивъ ихъ, мажутъ во рту больнаго; 3) если-же болѣзнь застарѣла и упорна, то вырѣзываютъ изъ живой овцы сердце и горячее и еще бьющееся влагаютъ, на сколько возможно, въ ротъ.

18) *Наружныя болѣзни* всѣ вообще и даже глазныя, равно какъ и сухотку, лечатъ горячими внутренностями домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, избирая то или другое, смотря по величинѣ больной части и удобству, а не по свойству болѣзней или животныхъ. Разрѣзавъ у живаго жи-

вотнаго или птицы внутренность, тотчасъ влагаютъ больной членъ и держать, пока не остынетъ. Послѣ этой животной припарки берегутъ больное мѣсто отъ простуды.

19) При *ожогъ* (*куюк*) или 1) употребляются тѣ-же средства, что и противу занозы (см. 9) или 2) мажутъ обожженное мѣсто медомъ, или 3) покрываютъ нетопленнымъ коровьимъ саломъ.

20) При *ознобленіи* (*ужук*) употребляются тѣ-же средства, что и противу занозы (см. 9).

21) *Отившимся вина* (*аракаа күпье-яппан кыжылер*) зимою кладутъ на грудь и подошвы ногъ снѣгъ или ледъ, а лѣтомъ безчувственно-пьяныхъ сажаютъ въ холодную воду; внутрь-же даютъ молоко со снѣгомъ и просѣянною золою.

22) Парши (*коодур*) лечатъ мазью изъ сурковаго сала, соли и сажи.

23) При *переломахъ костей* (*пертык, сынык*), 1) обвязавъ чѣмъ-нибудь переломленный членъ, даютъ больному Ѣсть небольшую частицу корня таинственной травы *одэлен* (огненная трава), которую рѣдкие знаютъ и мало находятъ. Раненые или отравленные звѣри будто-бы вырываютъ корни этой травы, Ѣдятъ и выздоравливаютъ. Судя по сказаніямъ инородцевъ, можно догадаться, что *одэлен*, если дѣйствительно существуетъ въ природѣ, а не въ воображеніи только, принадлежитъ къ семейству *Aconitum*; 2) пьютъвареный рыбий клей; 3) Ѣдятъ порошокъ красной мѣди.

24) При *поносѣ* 1) Ѣдятъ березовый уголь, 2) порошокъ изъ пережженой не жирной говядины.

25) При *поръзахъ* (*кэзик*) употребляютъ: 1) тѣ-же средства, что и противу занозы (см. 9); 2) мазь изъ пера птицы *тас-куш*, сваренного въ коровьемъ маслѣ такъ-же, какъ и для глазной болѣзни (см. 6); 3) мазь изъ сваренныхъ въ коровьемъ маслѣ иголъ ежа; 4) присыпаютъ пепломъ изъ сожженаго гнѣзда ремеза; 5) мажутъ яйцомъ этой птицы и 6) прикладываютъ листья мягкой травы бархатника, цвѣть которой, выходящей сейчасъ по стаяніи снѣга, известенъ подъ именемъ синей *медуницы*.

26) Раны заживаютъ: 1) таинственная трава *тынду-тунта* или *каратедо*, которая будто-бы цвѣтетъ зимою и лѣтомъ, имѣеть корень трехцвѣтный: красный, желтый и бѣлый, какъ молоко; *тынду* она называется потому, что если корень оторвать, то она застонетъ; 2) мажутъ раны кровью птицы *тело*, которая величиною съ беркута; голова бѣловата, шея пепельного цвѣта, спина черная, брюхо желтоватое, хвостъ долгій, вьетъ гнѣздо на неприступныхъ утесахъ. Кромѣ крови и перья ея цѣлебны, и потому продаются въ Китаѣ по 1 р. 50 коп. серебр. за перо.

27) При боляхъ *спины* и *поясницы* пьютъ корень потнишной травы *карата-элен*. Это—лилейное растеніе, цвѣть его — большой, тюльпановидный, желтый колокольчикъ.

28) При *укусеніи змѣи* 1) жгутъ на ранѣ *ядно*; 2) припариваютъ печеной горячей рыбой, какая случится.

29) Укушенныхъ *бѣженными животными* заставляютъ по три дня не-

престанно обнимать стоячія деревья, по 100 деревъ въ день, или пощѣловать 400 человѣкъ, т. е. призываютъ къ сильному тѣлодвиженію.

30) *Үүри* (*патха*) моютъ соленою водою.

31) При ушныхъ боляхъ 1) влагаютъ въ больное ухо бьющееся сердце, только-что вырѣзанное изъ живой овцы; 2) намазавъ бумагу саломъ, свертываютъ ее въ воронкообразную трубку и, узкимъ концомъ наставивъ въ ухо, верхній широкій зажигаютъ.

32) *Чесотку* (*емь-курты*, воздушный червякъ) 1) натираютъ распаренными на огнѣ, молодыми вѣтвями тальника и 2) нагрѣтою волчею кожею.

33) *Чиры* (*чіікан*) и *опухоли* (*тыжсік*) 1) прижигаютъ ядомъ; 2) припариваютъ *пыштакомъ* (см. 11), 3) кладутъ на чиры живую лягушку и держать до тѣхъ поръ, пока не умретъ; 4) заколовъ какую-либо скотину, скоро вынимаютъ сердце и, раскусивъ поспѣшино, прикладываютъ къ худому чирю *ямат-паалу*; 5) противъ золотушного чирья (*туюк-паалу*) употребляютъ лиственичную сѣру, намазываютъ ее на тонкую кожницу; 6) прикладываютъ накаленнымъ острымъ желѣзомъ, котораго конецъ, въ отвращеніе глубокаго прокола, пропускается сквозь дощечку.

ПРЕДАНІЯ.

A) Религіозныя.

1) О сотвореніи міра.

Когда еще не было ни неба, ни земли, былъ одинъ Ульгэнъ (по-ойротски—Кубустан—Аакай). Онъ носился и какъ-бы трепеталъ надъ безбрежнымъ моремъ, распростервшись, подобно нетопырю, и не имѣлъ твердаго мѣста, гдѣ бы стать. Тогда ощущилъ онъ голосъ внутри себя: „алдында тут, алдында тут—впереди хватай, впереди хватай“, и произнесъ эти слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, простерши руку, охватилъ передъ собою. И вотъ попался ему камень, высунувшійся изъ воды. Онъ сѣлъ на этотъ камень, продолжая произносить: „алдында тут, алдында тут!“ и думалъ, что творить и какъ творить. Вдругъ изъ воды выходитъ *Аи-энэ* (бѣлая мать) и говоритъ: „что придетъ тебѣ на мысль творить, скажи только: *эттыым*, *пюттым*—сдѣлалъ, свершилось, такъ и будетъ; а не говори: *эткэнім*, *пютперім*—*деп*, что я дѣлалъ, то-бы не свершилось“. Сказавъ это, *Аи-энэ* скрылась и больше никогда никому не являлась. Поэтому-то Ульгэнъ, создавъ людей, далъ имъ повелѣніе: „Бар нѣмены, *jok-dep* айтана, барды-*jok* тээнъ, *jok* болор—о томъ, что есть, не говори: „нѣть“; если-же скажешь: „нѣть того, что есть“, то и не будетъ“.

Ульгэнъ ощущилъ въ себѣ мысль и произнесъ: „Э! *Јэрь пютсін, јэрь пютсін!* О! сотвори землю, о, сотвори землю!“ И земля сотворилась. Ульгэнъ, продолжая произносить: „алдында тут, алдында тут!“ взглянувъ вверхъ, произнесъ: „Э! *Темере пютсін!*—О! Створи небо“! и по слову его небо

соторилось. Ульгэнъ все продолжалъ говорить: „алдында тут, алдында тут“! и твердилъ эти слова до окончанія созданія всѣхъ тварей. И слова эти: „алдында тут“ впечатлѣлись (*тюлюп калды*) въ человѣкѣ. Поэтому-то человѣкъ не ходитъ задомъ, не беретъ назади, и все дѣлаетъ передъ собой, а не позади себя.

Такимъ-же образомъ Ульгэнъ создалъ въ морѣ три великия рыбы и утвердилъ на нихъ землю. Двѣ изъ рыбъ поставлены по краямъ, а одна въ срединѣ подъ землею. Эта средняя стоитъ головою къ сѣверу; когда она склоняетъ голову книзу, тогда на сѣверѣ дѣлаются топи; если-же она сильно приклонить голову, то утопитъ всю землю. Подъ жабры ея захваченъ крюкъ съ арканомъ, котораго конецъ протянуть на небо и тамъ завить на трехъ столбахъ такъ, чтобы можно было, перепуская съ одного на другой, подтягивать вверхъ или опускать внизъ голову рыбы. Этимъ дѣломъ управляетъ богатырь Ульгэнъ *Мамышире*. Когда онъ спустить конецъ аркана съ одного столба, то земля склоняется къ сѣверу и дѣлаются топи, а если бы перепустилъ со втораго, то вся земля утонула-бы, какъ это было при всемирномъ потопѣ.

Во все продолженіе творенія міра Ульгэнъ пребывалъ на золотой горѣ, на которой сіяеть солнце и луна—*ай кунь тайынъ алтын ту*. Эта гора съ неба навѣсилась надъ землею, и до земли не достаетъ только на человѣческое колѣно.

Твореніе міра продолжалосьъ шесть дней. Въ эти дни Ульгэнъ творилъ, а седьмой день спалъ; въ восьмой день всталъ. Поэтому предки алтайцевъ ойроты въ седьмой день утромъ совершали моленіе; мужчины и женщины, умыvъ лицо и руки, прежде начатія дѣла, а матери, не кормя дѣтей грудью, вставали лицомъ къ востоку; мужчины, преклонивъ оба колѣна и держа обѣ руки назади, покланялись до земли и произносили: „*Пуодомінэ бурханым*“, а женщины, ставъ на лѣвое колѣно и держась правою рукою за правую косу, покланялись также до земли и произносили: „*Теэдымінэ Кутаім!*“

Предъ моленіемъ клали аржанъ на огонь и мѣдную кадильницу (*сеамисалмыши*), утвержденную на четырехожникѣ, вышиною въ поясъ. Когда грамотность въ народѣ стала исчезать, это исполняли только старшіе и то не въ каждой юртѣ; нынѣ-же исполняется это у южныхъ алтайцевъ только одинъ разъ въ году, въ общемъ собраний, послѣ весеннаго грома, на высокой какой-нибудь горѣ, брызгаютъ во всѣ четыре стороны коровьимъ молокомъ и кланяются.

2) Обширность мірозданія

Кромѣ нашего солнечно-луинаго міра есть еще 99 міровъ, имѣющихъ свое небо, свою землю и свой адъ. Въ каждомъ міре свои управители и на каждой землѣ созданы люди. Главный и высший изъ всѣхъ міровъ называется кан-курбустан-тенире. Управитель въ немъ, поставленный отъ Ульгэня,— *Манызын-матмас-бурхан*. Земля въ этомъ высшемъ міре называется

алтын теленіэй. Адъ сего міра—*маныс-точірі-таамы*; главный управитель его—*Патпан-кара*. Средний изъ 99 міровъ называется *эзреэн курбустан теніере*. Главнымъ управителемъ тамъ поставленъ *Білгыйін-кере-атту-Тюрун-музықай-буркан*. Земля средняго міра—*алтын шарка*; адъ, къ ней принадлежащій,—*тюпкенъ-кара-таамы*; управитель его—*Патпан-каракчи* (губитель). Нашъ мірь—самый меньшій и самый низкій, *кара теніере* (черное небо). Главный управитель въ немъ—*Майдере*. Наше небо имѣетъ 33 круга или слоя, одинъ выше другаго. Принадлежащий нашей землѣ адъ называется *таятан-кара-тәши*. Главный управитель въ немъ—*Керей-хан* (лютый).

3) О происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ.

Когда человѣка еще не было, Ульгэнъ усмотрѣлъ на морѣ плавающую, какъ льдину, массу земли и на ней приросшій слой глины, похожій на оставъ человѣка. Ульгэнъ снялъ этотъ слой глины, какъ-бы отстригнувъ ножницами отъ плавающей массы, и сказалъ: „что это такое бездушное? Пусть это будетъ чековѣкъ!“ И стало такъ. Ульгэнъ назвалъ эту первую разумную тварь свою *Эрлік* (мужественный) и оставилъ его. Остальная масса, отъ коей взять станъ *Эрлика*, сдѣлалась великою рыбой. Ульгэнъ назвалъ ее *пель* (таймень). *Эрлік*, осмотрѣвшись, отыскалъ Ульгэня и былъ сначала его товарищемъ и меньшимъ братомъ, а послѣ сталъ съ нимъ равняться и даже возвышаться мыслю предъ нимъ и съ завистью помышлять: „ахъ, какъ-бы я такія-же твари, какъ я, создаль или еще лучшія!“ И все больше и больше отдался онъ отъ Ульгэня сердцемъ и охладѣвалъ и, наконецъ, сдѣлался противникомъ и врагомъ Ульгэню и всѣмъ его тварямъ. На мѣсто Эрлика Ульгэнъ создалъ себѣ другаго товарища, богатыря *Манідышире* (*манібѣгъ*, быстрота, *шире*-престолъ), чтобы онъ всегда былъ съ нимъ и противоборствовалъ Эрлику. Для созданія *Манідышире* Ульгэнъ извлекъ изъ камня сокъ, изъ которого сдѣлалъ металъ-кулер (смѣсь чугуна съ серебромъ) и устроилъ изъ него оставъ *Манідышире*, крѣпчайшій камня.

Кромѣ *Эрлика* и *Манідышире* Ульгэнъ сотворилъ множество другихъ слугъ себѣ, поселенныхъ въ другихъ мірахъ. Въ нашемъ міре, на нашей планетѣ, онъ сотворилъ вдругъ семь человѣкъ мужескаго пола и столько-же деревъ. Кости человѣка созданы изъ камыша, а тѣло изъ глины. Устроивъ оставъ человѣка, Ульгэнъ дунулъ въ уши и носъ,—и человѣкъ сталъ живъ и разуменъ. Когда онъ дунулъ въ уши, тогда душа вошла, а когда дунулъ въ носъ—умъ вошелъ. Створивъ такимъ образомъ семь человѣкъ и, не отходя отъ мѣста творенія, Ульгэнъ обратился къ восточной сторонѣ, гдѣ находится золотая гора (*Алтын-ту*), создалъ еще одного мужчину и одно дерево и поставилъ на золотой горѣ ~~ещемъ~~ на западъ. Прежде, нежели вдунуть въ этого восьмаго человѣка душу и умъ, Ульгэнъ сказалъ ему: „что я сотворю, доброе-ли, худое-ли, ты надѣй всѣмъ властуй: кому умереть съ голоду, ты знай; кому съ сытости умереть, ты знай; кому боль-

нымъ быть, ты знай".—Создавъ 8 человѣкъ и 8 деревъ, Ульгэнъ впродолженіе 7 лѣтъ оставилъ ихъ безъ наблюденія. Послѣ-же этого времени, посмотрѣвъ, увидѣлъ, что какъ было 8 человѣкъ, такъ и есть, а на 8 деревьяхъ выросло по семи отраслей, въ каждый годъ по одной, и сказалъ: „почему это такъ: дерево множится, а человѣкъ нѣть?" Тогда восьмой человѣкъ, поставленный на золотой горѣ, отвѣчалъ: „Тыжизы (тыжі) значить: скважина и женщина) *юйхто* ~~надэн~~ *ассин*; не коп болзын?"—Изъ чего выrosti, когда скважины нѣть; какъ множиться?" Ульгэнъ сказалъ: „при сотвореніи тебя я говорилъ: ты знай, ты знай; кому голоднымъ быть, ты знай; кому рости, ты знай; доброе ты знай и худое ты знай; теперь ты иди къ остальнымъ семи, а я за тобой прійду чрезъ три дня". Когда восьмой пришелъ къ семи, сказалъ самъ въ себѣ: „мені Ульгэнъ сень біль, сень-біль-тенызенъ, эмды мень біле-дым—мнѣ Ульгэнъ говорилъ: ты знай, ты знай, теперь-же я буду знать, что дѣлать". И началъ твореніе женщины такъ-же, какъ Ульгэнъ творилъ его самого: изъ камыша—кости, изъ глины—тѣло. Но когда составъ этотъ сталъ у него раскалываться и разваливаться, тогда онъ сорвалъ траву эрзын-элэн, измѣль ее въ рукахъ и, держа въ ладоняхъ, дунулъ въ нее,—сдѣлалась змѣя, которою онъ и обвилъ творимый составъ, чтобы не развалился. Въ это время пришла посланная отъ Ульгэня собака съ письмомъ въ зубахъ. Восьмой, взявъ письмо, прочиталъ: „Сенін ады^у Майдере болзын ~~очионын~~ бажін сень біль. Будь имя твое Майдере; всѣмъ ты завѣдывай". На третій день, когда шелъ Ульгэнъ къ Майдере и когда устроенная послѣднимъ женщина была еще бездушною, Майдере послѣшалъ на-встрѣчу къ Ульгэню, препоручивъ собакѣ стеречь свое твореніе. Эрликъ того и ждалъ только: пришелъ къ этому неоконченному творенію, дунулъ въ носъ изъ желѣзной трубы о семи ладахъ (*толы* косыту темір чогур) и въ оба уха дуль, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о 9-ти язычкахъ (*толус тільду темір комус*), и вложилъ, такимъ образомъ, душу и умъ въ сего человѣка женскаго пола; но человѣкъ этотъ былъ не таковъ, какъ должно быть человѣку: душа злобна, какъ змѣя, и всегда на 7 ладовъ, умъ — на 9 разноголосыхъ языковъ и вдобавокъ — тѣло смрадное.

Майдере, не зная этого происшествія, встрѣтивъ Ульгэня, сказалъ: „ты мнѣ говорилъ: ты знай, ты знай, и по надеждѣ на это я сотворилъ человѣка-женщину, но души еще нѣть въ немъ; я пришелъ спросить: велишь-ли ты творить или нѣть?" Ульгэнъ сказалъ: „иди скорѣе, бѣги назадъ". Майдере возвратился и, видя человѣка своего уже одушевленнымъ, сказалъ своему приставнику: „собака, такъ собака и есть! Зачѣмъ ты допустила Эрлика? Какъ онъ обманула тебя?" Собака отвѣчала: „Эрликъ сказалъ мнѣ:

Яйгыда суга катпас
Кышхыда суука тонбос
Тон бер^еин;
Яңтайн элебесь

Такалу ёдюк береін,
Таамду аш береін,
Аштап торо Ульбесін,
Тоюп семіре бербесін“.

„Я дамъ тебъ шубу, которая лѣтомъ отъ воды не будетъ ссыхаться, зимою отъ стужи не будетъ мерзнуть; дамъ тебъ обувь съ подковками, которая никогда не износится; дамъ вкусную пищу, при которой, и голодая, не умрешь, и насыщаясь, не будешь жирна“.

Майдере сказалъ на то: „шуба, которую обѣщалъ тебъ Эрликъ, это—шерсть, которая выростетъ на шкурѣ твоей; обувь съ подковками—это будутъ когти на лапахъ твоихъ; вкусная пища, которой ты рада будешь отъ голода, это—будетъ всякая худая пища“, и, проклиная собаку, Майдере прибавилъ: „питайся-же ты человѣческимъ пометомъ, изношенною и брошенною обувью, падалью и т. п.; человѣческой пищи тебъ не будетъ отселѣ, и не живи съ этого времени въ жилищѣ человѣка, будь за дверьми его и карауль снаружи; пусть человѣкъ бѣть тебя, а ты не смѣй его оставить; если-же ты предъ нимъ провинишься, то смерть тебѣ—удавка“. По слову Майдере такъ и стало, а прежде собака жила и Ѳла все вмѣстѣ съ человѣкомъ и не имѣла ни шерсти, ни когтей, понимала ясно слова человѣка и сама могла ясно передавать человѣку свои мысли и чувства.

Потомъ Майдере призвалъ 7 мужей и, представивъ имъ одушевленную Эрликомъ женщину, сказалъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину?“ Всѣ молчали, Майдере сталъ спрашивать по одному и, взявъ одного изъ семи за руки, подвелъ къ женщинѣ. Но подведенныи сказалъ: „образъ этого человѣка иной и духъ отъ него иной, худой, несносный“. Майдере подвелъ другаго, и этотъ сказалъ почти то-же; потомъ—третьяго, и онъ отказался. Отказавшись, эти трое немедленно бѣжали и скрылись.

Межу тѣмъ пришелъ Ульгэнъ и изъ числа четверыхъ оставшихся мужей одного назвалъ *Тарын-Нама* и, взявъ изъ обоихъ боковъ его по двѣ реберныхъ косточки, тутъ-же сотворилъ изъ нихъ живую жену, назвавъ ее *Мунтиюшайді*, и отдалъ *Тарын-Намъ*.—Потомъ Ульгэнъ сказалъ всѣмъ живымъ существамъ: „кому какія травы, мхи, ягоды и другіе плоды нравятся, тотъ то и ѿши“. А Майдере сказалъ ему: „что захочешь творить, скота-ли, звѣрей-ли, людей-ли, или что иное, меня не спрашивай, самъ твори“, и ушелъ на золотую гору Алтын-ту, предварительно давъ имена изъ остальныхъ трехъ мужей одному—*Тідым-мине-бурхан*, другому—*Шілы-мене-бурхан* и третьему—*Топшун-бурхан*, оставилъ ихъ при себѣ писарями и помощниками.

Ульгэнъ отправился также на золотую гору и видѣлъ тамъ сидящихъ и читающихъ его книги трехъ мужей, которые убѣжали сюда, нестерпѣвъ худаго запаха женщины, оживленной Эрликомъ. Они такъ обложили себя книгами, что головъ ихъ не видно было. Ульгэнъ полюбилъ ихъ и, замѣтивъ, что одинъ читаетъ лучше другихъ, сказалъ ему: „пусть имя твое

будеть *Тепкара*; ты будешь хранить души умершихъ и, не давая ихъ Эрлику, будешь караулить до конца вѣка“. Другаго изъ нихъ назвалъ *Шані-дімы* и сказалъ: „ты будешь хранителемъ дѣтей человѣка и животныхъ; будешь ихъ учить сосать, чтобы сосущій не захлебывался молокомъ; будешь хранить птенцовъ у птицъ и вразумлять къ воспитанію не могущихъ ъсть траву; будешь пьяныхъ людей сберегать, устарѣлыхъ и дряхлыхъ хранить отъ паденія; ты будешь вразумлять людей на доброе и отвращать мысли ихъ отъ зла“. *Шані-дімы*, исполняя свою должность, научаетъ людей, между прочимъ, такъ: „если тотъ, кому ты долженъ, умретъ,—не радуйся, что онъ умеръ и не думай, что ты освободился отъ долга и что умершій не можетъ взыскать долговъ. Если онъ во грѣхахъ умретъ, то Тепкара пошлетъ тебя къ умершему грѣшнику на расплату въ *алтыны оронто* (преисподній міръ), гдѣ онъ будетъ находиться; а если заемодавецъ былъ праведникъ, и душа его взята будетъ изъ *аруунъ сюлюнъ* (мѣсто, гдѣ жили первые люди, [гдѣ хранятся души умершихъ до общаго суда) въ *кумюнь* (мѣсто, окружающее *Алтын-ту*, на—верху которой находится престоль Ульгэня), то Тепкара и туда пошлетъ тебя на расплату; но дойти туда не сможешь,—путь туда чрезъ топи и болота; ты будешь тонуть и мучиться, и когда, утопая въ болотахъ, будешь лежать, въ тебя вспоятся и будутъ сосать тѣло твоє *сары маныс сорор* (желтые, быстро скачущіе гады, вѣроятно, саранча). Третьяго мужа Ульгэнь назвалъ *Поудо-Сонко* и сказалъ ему: „когда будутъ войны, ты тамъ будь; кто понадѣется на свои силы и будетъ выходить противъ слабыхъ съ гордостію, того дѣлай побѣжденнымъ, а кто съ надеждою на Бога выходитъ, хотя и безсильный, тому помогай и дѣлай побѣдителемъ. Торговыхъ людей и другихъ проходящихъ сохраняй отъ разбойниковъ; промышленниковъ защищай отъ лютыхъ звѣрей; плавающихъ людей сохраняй отъ рыбъ и морскихъ чудовищъ и всѣхъ людей сберегай отъ напастей и бѣдъ. Злыхъ людей отмѣчай: у лжеца на концѣ языка утверждай ячменное зерно; на верхушкѣ головы вора ставь зажженную свѣчу“.

4) Ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе.

Майдере велѣлъ своимъ помощникамъ написать и отнести къ Эрлику приказъ: „приди и самъ возьми твою женщину и уйди съ нею и народомъ ея прочь отсюда, а если не возьмешь, то ее и тебя сошлю въ землю, лежашую между двумя морями, гдѣ не свѣтить солнце и не доходить свѣтъ луны“. Шилы-міне отнесъ этотъ приказъ. Эрликъ отвѣтилъ: „Развѣ я сотворилъ этого человѣка? Я только пробовалъ, что будетъ съ нимъ, если я дуну въ него; дунуль,—и онъ ожиль, а сотворилъ его не я, а потому и не беру его. Пусть Ульгэнъ отдастъ мнѣ изъ сотворенныхъ имъ другого человѣка, тогда я согласенъ взять“. Майдере, получивъ такой отвѣтъ Эрлика,

собралъ всѣхъ людей, народившихся отъ жены, одушевленной Эрликомъ, и прогналъ ее со всѣмъ домомъ и самого Эрлика въ землю, находящуюся между двумя морями, гдѣ не свѣтить ни солнце, ни луна.

Хитрѣйшій Эрликъ возвратился изъ мѣста заточенія подземнымъ путемъ и, вышедши на поверхность земли къ людямъ, хотѣлъ сдѣлать *оп-куруй* (махъ, какимъ ловятъ рукою мухъ) и схватить души живущихъ людей и унести. Но Ульгэнъ, предвидя это, прежде его пришелъ въ *аруунь-сююнь* къ людямъ и громко воскликнулъ: „*кый!*“ и этимъ однозвучнымъ, единократнымъ кликомъ назвалъ всѣхъ по имени такъ, что всѣ услышали, и всѣ въ одинъ разъ откликнулись ему: „*А!*“ Ульгэнъ протянулъ руку и за одинъ махъ схватилъ въ горсть свою души всѣхъ людей, сдѣлавъ *оп-куруй*, и унесъ на Алтын-ту. Эрликъ, пришедши съ намѣреніемъ взять души людей, видѣть, что всѣ онъ уже въ рукахъ Ульгэня, и не могъ завладѣть никѣмъ. Ульгэнъ, опять пришедши на Алтын-ту, въ сопровожденіи Майдере, проклялъ Эрлика, сказавъ: „Пусть слуги Эрлика ни умножаются, ни уменьшаются до конца вѣка.“ Эрликъ, возвратясь ни съ чѣмъ и видя, что его народъ не прибываетъ, въ конецъ озлобился за то на Ульгэня, пришелъ опять въ его міръ и на каждомъ деревѣ и плодовитомъ растеніи къ находящимся плодамъ прибавилъ на-половину своихъ такихъ-же плодовъ, сказавъ: „кто мои ягоды будетъ Ѳеть, тотъ меня будетъ Ѳеть, и я буду входить въ того человѣка“. Кромѣ того Эрликъ произрастилъ одно дерево съ плодами и сказалъ: „Сколько людей ни Ѳели-бы плодовъ съ моего дерева, всѣ будутъ мои“. Майдере, пришедши отъ Ульгэня съ Алтын-ту чрезъ три года посмотрѣть людей, видѣть, что всѣ деревья повреждены Эрликомъ и что посажено имъ новое его дерево, началъ призывать собаку, но собака не слушалась. Майдере самъ пошелъ звать своихъ псарей и, не дойдя еще до нихъ, вскричалъ,—они тотчасъ явились. При ихъ помощи Майдере согналъ со всѣхъ деревьевъ, посаженныхъ въ видѣ плодовъ, слугъ Эрликовыхъ и, взявъ посаженное имъ дерево, вмѣстѣ съ нимъ прогналъ всѣхъ въ ихъ мрачную страну, между двумя морями. Предъ этимъ происшествіемъ, Майдере приказалъ змѣю, чтобы онъ хранилъ его чернильницу, заткнувъ собою. Прогнавъ-же Эрлика со слугами и возвратясь, Майдере напѣль, что змѣй лежить, какъ и прежде на отверстіи чернильницы; но, посмотрѣвъ въ нее, увидѣлъ, что она пуста и спросилъ змѣя: „Кому ты отдалъ чернила?“ Змѣй сказалъ: „Жена Таргын-намы взяла, сказавъ, что ты приказалъ взять“. Майдере, призвавъ жену Таргынову, спросилъ: „Ты-ли взяла чернила?“ Она отвѣчала: „Мужъ мой велѣль взять по твоему приказанію, и я взяла и отдала ему“. Майдере спросилъ Таргына, и этотъ отвѣчалъ: „Нѣть, жена сама мнѣ принесла“, и такимъ образомъ жена и мужъ слагали вину другъ на друга. Это произошло отъ того, что жена сѣла ягоду съ дерева, извѣстного въ Алтай подъ именемъ *уюнгац* (ягода жены), произрашенную Эрликомъ. Съ ягодою вошелъ въ нее *курюмесь* (злой духъ) и представилъ ей образъ мужа, велѣвшаго взять чернила и принести къ нему. Майдере, обратясь къ змѣю, проклялъ его, сказавъ:

„Кось курьбесь ончолорго тескінчілу болзын
Кускун бажінды чокун-тізін,
Санғыскан күйрюгун узюп-тізін,
Теәлъгэнъ сені теәп-тізін,
Ітъ каб-ормодо узе согуп-тізін,
Кыжі туштаза, бажіна соксын,
Теренынды сойзын,
Эдін мійріндал-ятын,
Куньгэ кадыш-калзын“.

„Ты будь для всѣхъ людей отвратителенъ и страшенъ такъ, чтобы глаза не глядѣли на тебя; пусть воронъ клюетъ твою голову, пусть еобака отрываетъ и съѣдаетъ хвостъ твой, пусть корщунъ тебя подхватываетъ и съѣдаетъ; собака, разрывая тебя пополамъ, пусть хлещетъ тобою на бѣгу; если встрѣтишься съ человѣкомъ, пусть онъ бьетъ тебя по головѣ; пусть снимаетъ съ тебя кожу на-выворотъ, и тѣло твое пусть лежитъ, извиваясь, отъ солнца изсыхаетъ“.

Потомъ Майдере изрекъ человѣку:

„Ар іжін кату болзын
Коксюн чеметтү болзын,
Сенен чіхкан балдарын уурчі, ~~М~~укачі болзын,
Тюгунчі, яман-санаалу болзын,
Бійлю эрьдә чібахтадып-тюрзін,
Кутай, кылінчекту-деп курьбесь болзын,
Бій пурулу деп, курьбесь болзын,
~~Че~~ ~~сөогиң~~ систү болзын,
~~Көзим~~ көжөголу болзын,
Ічкән ~~тігәнін~~ аш болбозын, кей болзын,
Кійгәнін кеп болбозын“.

„Всѣ дѣла твои пусть будутъ для тебя трудными; внутренности твои пусть будутъ чахоточны; отъ тебя происходящія дѣти пусть будутъ воры и плуты, лжецы, злоумышленники; пусть живутъ на землѣ подначальственной и терпятъ наказанія; пусть Богъ милостиво и не взираетъ на васъ, а такъ, какъ на виновныхъ, всѣ члены твои пусть узнаютъ болѣзни, и глаза твои пусть имѣютъ болѣзни, пища тебѣ пусть будетъ не въ сытость и здоровье, и одежда—не въ красоту тебѣ“.

Потомъ сказалъ женѣ:

„Бала табарда уч улу угру тапсын,
Пуурунга чемет уру табылзын,
~~О~~кто ~~турегиңде~~ тюдуль уру табылзын
Эзегын узользе, улю берзін,
Узольбей калза чагырып-алгын“.

„При рождениі дѣтей три сильныя болѣзни пусть схватятъ тебя, въ печени твоей пусть приключается чахотка; въ легкомъ и сердцѣ пусть всеяется боль съ кашлемъ; если внутренность твоя прорвется, то умри, если же не изорвется, то роди, но сильнѣе всѣхъ болей пусть будетъ это дѣторожденіе“.

Изрекши эти проклятия виновнымъ, Майдере выгналъ ихъ изъ Аруунъ-сюдюнъ въ другую землю, знойную, гдѣ нѣть ни деревьевъ, ни камней и никакой тѣни. Помощники его остались въ Аруунъ-сюдюнъ, а самъ онъ ушелъ на Алтын-ту, къ Ульгэню.

5) Первая пища человѣка по изгнаніи его изъ Аруунъ-сюдюнъ; вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти.

Когда человѣкъ былъ высланъ изъ Аруунъ-сюдюнъ въ знойную землю, Ульгэнъ показалъ ему всѣ травы и плоды, годные къ употребленію, сказавъ: „Пробуй и ъешь, что тебѣ нравится“. Таргын-нама, отвѣдавъ всякия растенія, травы и плоды, нашелъ, что всѣ они питательны. Впродолженіе лѣта, пока человѣкъ питался свѣжими плодами и растеніями, былъ онъ свѣжъ и здоровъ; осенью-же, когда трава стала засыхать, и человѣкъ началъ сохнуть, такъ что первую зиму провелъ едва живой. На другой годъ человѣкъ, наученный горькимъ опытомъ, сталъ готовить къ зимѣ свѣжіе плоды и зелень. Когда настала зима, къ его запасу стали сходиться разныя животныя; человѣкъ, видя, что запасъ его скоро истребится, сталъ отгонять ихъ и, не давая ъесть, началъ бить ихъ палками. Обиженные звѣри и скоты, пригласивъ птицъ и рыбъ, принесли жалобу на человѣка Ульгэню. Ульгэнъ, чтобы разсудить животныхъ съ человѣкомъ, собралъ всѣхъ къ Таргын-намѣ и, выслушавъ жалобу и объясненіе, сказалъ: „Рыбы и птицы пусть ъдятъ, что имъ угодно; вы, животныя, ъшьте траву; а ты, человѣкъ, ъешь сѣмянной хлѣбъ и мясо животныхъ; что потребно для животныхъ, ты не бери, а что потребно человѣку, вы не берите; ты, человѣкъ, убивай ихъ, снимай съ нихъ кожи и одѣвайся ими, а мясо вари и ъешь“. По этому суду животныя съ боязнью отдалились отъ человѣка и стали враждовать противъ него.

Пока человѣкъ питался травой и плодами, онъ не имѣлъ нужды въ огнѣ и не зналъ его. Послѣ опредѣленія человѣку иной пищи, Ульгэнъ досталъ своею рукою съ неба два камня, бѣлый и черный, взялъ листъ сухой травы и въ ладоняхъ измѣялъ его, потомъ, положивъ траву на одинъ камень, ударилъ другимъ, отчего вылетѣли искры, и трава загорѣлась. Разведши такимъ образомъ первый огонь, Ульгэнъ, указавъ на него, сказалъ: „Бу от адамын кучунэн ташха туюш-хан от—огонь этотъ есть огонь, сообщившійся камню отъ силы моего отца“.

Вскорѣ люди и животныя весьма размножились, а смерти еще не знали, и если бы долѣе оставались такъ, то было бы тѣсно на землѣ. Поэтому Яра-Чеченъ, слуга Ульгэня, былъ посланъ отъ него къ людямъ, чтобы, собравъ ихъ въ одно мѣсто, объявить имъ опредѣленіе—яры о концѣ жизни. Яра-Чеченъ, пришедши къ людямъ, вошелъ въ одну избу, гдѣ много было дѣвицъ. Лишь онъ вошелъ, всѣ захочотали, потому что видѣ его былъ чрезвычайно смѣшной. Тогда Яра-Чеченъ, осердясь, сказалъ: „Меня Ульгэнъ послалъ для того, чтобы всѣмъ назначить предѣлъ жизни, а вы насмѣхаитесь надо мной, за это вотъ что будетъ съ каждою изъ васъ:

„Кара бурун пашха болзын,
Кара ятта санаган болзын,
Эреинъ бараан эді себин болзын,
Эне аданин эжигынэ әсьпө,
Кабырганын саныгы, каранын кулды
Кенъ сезін-ол болзын,
Кедегэн экы-айры болзын“.

„Черная печень твоя пусть будетъ иная,
Вовсе на чужбинѣ пусть будетъ умъ твой,
Черное узорочье къ тѣлу твоему пусть будетъ приданымъ,
При двери отца-матери не взростай,
Обломокъ ребра, жеребушка старого коня,—
Придаточное слово о тебѣ пусть будетъ это.
Коса твоя пусть будетъ раздвоеною“.

Съ этого времени умъ и сердце дѣвичье измѣнились: онѣ стали выходить замужъ и отходить отъ родителей, а прежде всѣ жили вмѣстѣ и плодились, какъ животныя, не разбирая никакого родства и не зная законовъ супружества.

Яра-Чеченъ собралъ всѣхъ тварей и назначилъ всякому роду свой вѣкъ. Рыbamъ опредѣлено жить долѣе всѣхъ тварей—до 800 лѣтъ, и чтобы изъ каждой рыбы выходило по 800 рыбъ за то, что онѣ оказались невинными въ судѣ прочихъ животныхъ, т.-е. не ъли его запаса.

Яра-Чеченъ, разсудивъ, что, если твари не увидятъ умирающаго, то не будутъ знать, какъ умираютъ, и потому счель нужнымъ показать имъ смерть на опытѣ. Онъ взялъ саблю и, ударивъ человѣка по шеѣ, отсѣкъ ему голову; но человѣкъ еще не умеръ и ходилъ на ногахъ; потомъ отсѣкъ ему обѣ ноги по колѣна,—человѣкъ поймался руками за землю; наконецъ, отсѣкъ ему обѣ руки, и тогда человѣкъ уже умеръ—умъды.

До этого опыта между людьми не было ни раздора, ни дракъ, а послѣ они стали имѣть между собою злобу, вражду и убийства.

6) Міръ Эрлика; брань Мангдышире съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю.

Эрликъ, будучи сосланъ въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтить ни солнце, ни луна, снова пришелъ къ Майдере и спрашивалъ его, дозволить ли онъ ему создать себѣ въ своей области свое небо и свою землю. Майдере позволилъ, сказавъ: „Область—твоя, мы тебѣ отдали ее во власть; дѣлай тамъ, что хочешь“. Эрликъ, возвратясь, устроилъ свое небо и землю перестроилъ, но, такъ какъ его народъ былъ лишенъ возможности умножаться, то новый міръ Эрлика былъ пустъ. Эрликъ пришелъ къ Ульгэню и сказалъ: „Я сотворилъ себѣ новое небо и устроилъ землю; позволь мнѣ наполнить ихъ жителями—албаты (міръ, народъ)“. Ульгэнъ, зная, что у его слугъ отнята возможность умножаться, подсмѣиваясь надъ нимъ, сказалъ: „Пойди, наполни“. Эрликъ, поспѣшно поклоняясь, сказалъ: „Пусть будетъ благословеніе твое на мнѣ!“—и ушелъ.

Возвратясь въ свою область, онъ сдѣлалъ себѣ молотъ, наковальню, мѣхъ, клещи и всѣ кузнечные снаряды, раскалилъ желѣзо и сталъ бить молотомъ, и какъ только онъ ударитъ, тотчасъ выскочить *курюмесь*—бѣсъ (*тыртак-неме* или *кара-неме*) отъ каждого удара. Такимъ образомъ наковалъ онъ множество духовъ—слугъ себѣ, что Ульгэню было непріятно. Богатырь Ульгэня, Мангды-шіре пошелъ посмотреть строеніе Эрлика, и при немъ Эрликъ сотворилъ трехъ животныхъ: медвѣдя, барсука и крота. Мангды-шіре препятствовалъ ему творить этихъ вредныхъ животныхъ; за это Эрликъ приказалъ своимъ двумъ богатырямъ *Керей-хану* съ мѣднымъ переносемъ (*Тасъ конырлу Керей-хан*) и тонкотуловищному наблюдателю *Карашу* (*чікасынду бій Караш*) прогнать Ульгэнева богатыря Мангды-шіре.

Поэтому они стали воевать съ Мангды-шіре, пустили на него огонь, опалили у коня его гриву и хвостъ, и у самого его— волосы и рѣсницы. Мангды-шіре пускалъ въ нихъ стрѣлы, но, будучи опаленъ, не могъ побѣдить и, обратившись къ Ульгэню, рассказалъ все, что видѣлъ и что случилось съ нимъ, говоря: „Эрликъ сотворилъ медвѣдя; этотъ звѣрь силенъ и блудливъ; еще—барсука, этотъ землю портить, и крота, который портить дорожки, такъ что скотина будетъ проступаться и ломать ноги, и все дѣлаетъ вредное; если дать ему волю, то онъ еще хуже что-нибудь сдѣлаетъ“. Ульгэнъ сказалъ: „по-что ты пошелъ къ нему, не спросясь меня, и не взяль силы отъ меня? Пойди, я тебя посылаю, и какъ только скажу—пойди, такъ ты немедленно и ступай“. Потомъ Ульгэнъ махнулъ рукой и сказалъ: „иди!“ Мангды-шіре вмигъ пустился. Ему такъ стало легко, что, въ стремлениі, онъ едва не улетѣлъ къ нимъ прежде коня своего. Богатыри Эрлика встрѣтили его войной, но онъ смѣло поразилъ желѣзомъ Керей-хана и низвергъ

съ неба, потомъ тоже сдѣлалъ и съ Бій-Карашемъ. Наконецъ, Эрликъ вышелъ самъ противъ него. Мангды-шіре пронзилъ Эрлика въ правое плечо желѣзомъ, прошедшимъ насквозь въ лѣвое бедро и, приподнявъ, свергнулъ его внизъ на землю и строеніе его разрушилъ. Слуги Эрлика, какъ градъ и дождь, посыпались вслѣдъ за нимъ и пали: иной въ воду, и онъ сталъ *су-ээзи* (водяной), другой—на камень и сталъ *таш-ээзи* (хозяинъ камней), на гору—*ту-ээзи* (горный), въ лѣсъ—*ааш-ээзи* (лѣсной), на домъ—*уй-ээзи* (домовой), на скота—*мал-ээзи*, на ровную землю—*эръ-ээзи*, на звѣрей, рыбъ, птицъ и на все живущее и существующее; кто куда попалъ, тому и хозяинъ сталъ. У Каража, при паденіи, изломалась спина и ребра, и онъ удержался только въ кожѣ, какъ мѣшокъ, потому и называется *Чичэсынду*. Эрликъ просилъ послѣ того у Ульгэнія мѣсто на землѣ во владѣніе, говоря: „ты лишилъ меня моего царства, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ на этой землѣ одну равнину (*кообы*)“. Ульгэнъ сказалъ: „нѣтъ тебѣ ни одной луговинки“. Потомъ Эрликъ просилъ мѣсто съ десятину—*крамык*. Ульгэнъ и въ этомъ отказалъ; затѣмъ просилъ въ квадратную сажень—*кулаш*, и въ этомъ получивъ отказъ, просилъ съ четверть аршина—*карьи*, и того не дано. Наконецъ, Эрликъ просилъ, чтобы Ульгэнъ далъ мѣста столько, чтобы онъ могъ поставить конецъ своей палки. Ульгэнъ на это согласился. Эрликъ, взявъ свою палку, всю забилъ ее въ землю, потомъ выдернулъ ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ изъ земли кабана, схватившагося за палку зубами, за его хвостъ державшуюся змѣю, за змѣю прицѣпившуюся лягушку и множество другихъ нечистыхъ гадовъ, одинъ за другаго прицѣпившихся. Вытянувъ изъ земли такую цѣпь гадовъ и вредныхъ животныхъ, сказалъ: „всѣ вы будьте враги человѣку“. Ульгэнъ, видя то, сказалъ: „если-бы дать ему больше мѣста, онъ сдѣлалъ-бы еще не это“, разгневался и свергнулъ Эрлика съ его силою въ преисподнюю, сказавъ: „дѣлай тамъ, что тебѣ угодно“.

Тогда Эрликъ сказалъ: „ты меня и моихъ слугъ свергнулъ съ неба на землю; они пали на 43 разныя мѣста: на утесы, горы, воды, огонь, людей, звѣрей, скотъ, лѣсъ, желѣзо, поле и проч.; теперь, хотя ты и съ земли меня низвергнулъ съ ними, но имъ памятны тѣ мѣста на землѣ, на которыхъ они упали съ неба; они ихъ стали, — ты-же, вѣдь, на нихъ низвергнулъ ихъ. Поэтому, я буду посыпать 43 рода своихъ слугъ *эткерей* (духи, производящіе напасти), и они будутъ дѣлать вредъ на этихъ мѣстахъ и тѣснить людей на смерть, и каждый *эткеръ*, зная свое мѣсто, на которое упалъ съ неба, будетъ на немъ управляться съ людьми по-своему, какъ хозяинъ мѣста, будетъ доводить до смерти и умершихъ таскать ко мнѣ“. Такимъ образомъ, несмотря на предположеніе Яра-Чеченя, кому, когда и какъ умереть, *эткери*, дѣлая вредъ людямъ на каждомъ мѣстѣ, стараются ускорить смерть, а Тыналгыш-Алдачі или Усмекчі (ангель смерти), слуга Эрлика, извлекаетъ души изъ умирающихъ.

7) Тюрунъ—Музыкай; происхождение разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ.

Когда Эрилку не удалось сдѣлать *оп-курай*, онъ, чтобы излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище нѣчистаго духа, называемое *Андалма-Муус*, которое вытягивало языкъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало. Мангды-шіре, Тюрун-Музыкай и Майдере, богатыри Ульгэнѧ, видя то, согласились убить Андалма-Мууса. Тюрунъ-Музыкай сказалъ: „никто сильнѣе меня не найдется и не побѣдить Андалма-Мууса!“ Сказавъ это, онъ сошелъ съ неба на землю, сдѣлался человѣкомъ, родившись отъ дѣвицы *Эркэ-Шудюнъ*, и назывался *Тямаа-Тюрун*. Эркэ-Шудюнъ была дочь *Чуптана* и его жены *Шаадытай-коо*, изъ сеока (рода) *Кыдат*. Когда Тюрунъ былъ еще небольшимъ мальчикомъ и бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-Муусъ, вытянувъ языкъ, схватилъ его и хотѣлъ уянуть, какъ и другихъ. Но Тямаа-Тюрунъ схватилъ его самого за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля погрузилась. Чтобы не потопить землю, Т.-Тюрунъ началъ пить воду изъ моря и столько вышилъ, что ноги А.-Мууса стали на-виду. Т.-Тюрунъ, схвативъ его за ноги, вытащилъ изъ моря и такъ сильно ударили о камни, что кровь брызнула, и внутренности его, разлетѣвшись, обагрили всѣ камни. Отъ этого камни и сдѣлались разноцвѣтными. Потомъ Т.-Тюрунъ, согнувъ оставъ А.-Мууса, какъ лукъ (т. е. въ дугу), и вынувъ ножъ, изстругалъ его на мелкія стружки. Оттого сдѣлались разные черви, мошки, пауки, комары *), саранча и другія насѣкомыя.

Тюрунъ-Музыкай, хотя былъ человѣкомъ и ходилъ по всей землѣ, но никто не зналъ, кто и откуда онъ. Когда же онъ пришелъ въ Китайскую землю къ хану *Мерыэдийн-темэнэ-коо*, тотъ узналъ его и сказалъ обѣ его происхожденіи, т. е. что онъ правитель средняго изъ 99 мировъ. Тямаа-Тюрунъ сказалъ ему: „во всѣхъ царствахъ я былъ, и никто меня не узналъ; одинъ ты узналъ меня. За это, въ благословеніе отъ меня, пусть будетъ имя твое *Тюменъ-асты-Эдень-поудо* (Китайскій императоръ и донынѣ алтайцами называется *Эдень-хан*). Но смотри, чтобы съ тобой никто не воевалъ, и ты ни съ кѣмъ не воюй и не имѣй связи съ другими землями. Когда будетъ война другихъ съ царствомъ твоимъ, тогда близка будетъ кончина вѣка!“ И отдавъ ему книгу о происхожденіи міра, полученную отъ небесныхъ писарей *Тідыміні* *Шагіміні* и *Тошуну*, составленную Майдере, удалился, неизвѣстно куда.

*) Матерями комаровъ признаются также птицы, которыхъ кричатъ на подобіе кукушекъ, съ тѣмъ различіемъ, что звуки ихъ состоятъ не изъ трехъ слоговъ. Алтайцы называютъ этихъ птицъ или старыми кукушками, или кукушками-заиками и утверждаютъ, что сколько разъ крикнетъ эта птица, столько рѣшетъ выпустить комаровъ. Частый крикъ кукушекъ-заикъ какъ-бы подтверждаетъ неимовѣрное обилие комаровъ въ Сѣверномъ Алтаѣ.

8) О всемирномъ потопѣ.

До потопа (як) царемъ всей земли былъ ханъ Тенъс (море). Въ царствованіе его былъ славенъ по всей землѣ человѣкъ, по имени Нама, которому Ульгэнъ велѣлъ построить кереп изъ дерева адира-салдан-алаш (испытанное сандальное дерево). Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ: Соозун-уулу, Сар-уулу и Балыкелъ строить кереп на горѣ. Нама былъ слабъ зрѣніемъ; поэтому, при строеніи керепа, распоряжался старшій сынъ его. Кереп, по повелѣнію Ульгэня, изнутри и снаружи обклеили берестой со смолою; къ угламъ и стѣнамъ его Нама велѣлъ привязать 8 веревокъ, длиною по 80 саж., съ чугунными кружками на концахъ. Соозунъ спрашивалъ Наму: „для чего эти веревки?“ Нама отвѣчалъ: „мы узнаемъ по нимъ, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 саж.“ Когда кереп былъ построенъ, Нама собралъ всѣхъ людей, кого онъ любилъ, ибо такъ Ульгэнъ сказалъ ему: „кого ты любишь, того возьми съ собою,—и все живое и дышащее, живущее на землѣ, и птицъ летающихъ“. Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями своими вошелъ въ кереп, тогда приступили къ нимъ множество животныхъ. Нама приказалъ принимать приходящихъ звѣрей и птицъ въ кереп. Соозун-уул спросилъ: „вотъ здѣсь приползла змѣя, позволишь ли принять ее?“ Нама сказалъ: „всѣхъ принимай, чтобы ни былъ, кто только успѣетъ придти, кто только поймается за кереп“. Потомъ Нама спросилъ находящихся въ керепѣ: „видите-ли что нибудь?“ Ему отвѣчали: „туманъ и тьма по всей землѣ“. Тогда изъ подземныхъ жилья вода прорвалась и начала высакивать изъ ручьевъ, рѣкъ и морей и устремилась на землю. Съ неба полилась также вода. Когда кереп поднялся на 80 саж., а вода все прибывала, то веревки оторвались отъ привязанного груза, и кереп началъ плавать. Нама сказалъ: „вотъ уже седьмые сутки“. Когда минуло 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Соозун-уулу открыть туунюк (труба или окно вверху свода) и посмотреть. Соозун-уул, исполнивъ приказаніе, сказалъ: „все затоплено водой, только видны однѣ вершины горѣ“. Чрезъ нѣсколько времени Нама еще приказалъ Соозун-уулу открыть туунюк. Соозун-уул, посмотрѣвши во всѣ стороны, сказалъ: „ничего не видно, только небо и вода“. Наконецъ, кереп остановился на двухъ горахъ, близко стоявшихъ одна къ другой: Чомгодой и Тулутты *). Тогда Нама самъ открылъ туунюк и выпустилъ ворона. Воронъ не возвратился. На другой день Нама выпустилъ ворону, и она не прилетѣла, въ третій выпустилъ сороку, но безъ пользы; въ четвертый выпустилъ голубя. Голубь при-

*) Южные алтайцы остановленіе ковчега присваиваютъ своей мѣстности, указывая даже на уцѣлѣвшій будто-бы обломокъ отъ ковчега на горѣ близъ устья р. Чемала. На противѣ, сѣверные алтайцы утверждаютъ, что ковчегъ обсохъ на спѣшной вершинѣ Улудаг, гдѣ видѣли (очами воображенія) и огромные гвозди отъ ковчега.

леть обратно и принесъ березовую вѣтку. Нама спросилъ голубя о прежде-выпущенныхъ птицахъ. Голубь отвѣчалъ: „воронъ нашелъ марала (лось), завязшаго въ каменистомъ ущельѣ, и клюетъ глаза у него. Ворона нашла собаку и клюетъ ей кодень (задняя часть). Сорока нашла коня и клюетъ хребетъ его“. Тогда Нама, проклявъ этихъ птицъ, сказалъ: „что теперь онѣ дѣлаютъ, то пусть дѣлаютъ до конца вѣка: воронъ пусть клюетъ глаза у павшей скотины, ворона—кодень, а сорока хребетъ пусть клюетъ. Ты-же (голубю), мой вѣрный слуга, благословляю тебя до скончанія вѣка жить вмѣстѣ съ моими потомками—менен каман калдык была каманчи чака этре можо юртагын-деды“.

Послѣ потопа Наму изъ благодарности иуваженія стали звать Яячі (творецъ). По смерти его, потомки стали приносить ему жертвы. Сыновья его получили въ благословеніе отъ Ульгэня другія имена: Таумъе, Шаумъя и Тирле *).

9) Происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства.

Послѣ потопа Балыкса захворалъ и призвалъ къ себѣ человѣка, по имени Тянгару, заставивъ его камлать. Обоихъ ихъ Эрликъ научилъ: одного призвать кама, а другаго—камлать. Тогда Ульгэнъ сказалъ Балыксѣ: „ты будь слуга Эрлику, потому что ты не мнѣ приносишь жертву, и послѣ смерти ты пойдешь къ Эрлику“. Тянгара сказалъ въ отвѣтъ Ульгэню: „пожалуй, я и тебѣ такимъ-же образомъ буду приносить жертву, какъ Эрлику“. Ульгэнъ сказалъ ему: „отнынѣ будетъ имя твое Кам. Кто будетъ подражать тебѣ, тотъ не будетъ имѣть богатства на землѣ“. Другихъ двухъ сыновей Намы, Соозун-уула и Сар-уула, Ульгэнъ благословилъ и сказалъ: „отъ васъ произойдетъ народъ благоразумный, книжники и пророки, цари и ханы, и Соозун-уула я возьму къ себѣ на небо“. Обратившись къ Сар-уулу, Ульгэнъ продолжалъ: „я пошлю вамъ царя съ неба. Онъ будетъ царь царей, сила его будетъ велика, никакой богатырь его не одолѣеть, имя ему будетъ Калдан-каан. Онъ не будетъ воевать противъ царей. Всѣ народы безъ войны ему покорятся. У него будетъ три богатыря: Тэленіэйэ-яй-беръбесъ-тэнгис-пеко (море-силачъ, не поддающійся внезапному нападенію), Тюлум-тилбеш-паатыр и Тенен-улаа-паатыр“.

*) И донынѣ бійскіе и кузнецкіе инородцы ежегодно приносятъ Намѣ, подъ именемъ Яік-хана, въ жертву бѣлую овцу, преимущественно весною, на высокой горѣ; также при всякомъ шаманствѣ молятся ему, чтобы проводилъ къ Ульгэню. Въ 40-й день послѣ чьей-либо смерти, Яік-ханъ призывается для очищенія юрты, при чемъ къ постель умершаго привязывается пѣтухъ, изображающій смерть, и изгоняется шаманомъ; оттого пѣтухи инородцами не употребляются въ пищу. Еще призываютъ Яік-хана въ томъ случаѣ, если не ведется скотина, ибо инородцы вѣрють, что умершіе ихъ родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда Яік-ханъ, при жертвоприношеніи ему, отнимаетъ и выгоняетъ его потопомъ.

Когда Нама-Яячі былъ въ глубокой старости, жена его совѣтовала ему умертвить всѣхъ людей и скотъ, спасенный имъ во время потопа, для того, чтобы они прежде ушли на тотъ свѣтъ, чтобы тамъ было надѣ кѣмъ ему властовать. Частые совѣты и убѣжденія жены подѣйствовали на него, онъ смутился. Соозун-уулъ, зная обѣ этомъ, не смѣлъ давать совѣта и прямо охуждать злой совѣтъ матери, а пришелъ къ отцу своему и сказалъ: „Я видѣлъ черно-синюю корову, почти совсѣмъ сѣвшую человѣка, только ноги его видны остались“. Яячі понялъ эту притчу, взялъ мечъ, разсѣкъ жену по-поламъ, съ головы до ногъ, и, сказавъ Соозуну: „я и тебя возьму“, самъ ушелъ на небо. Чрезъ три дня Соозун-уулъ пропалъ, а одежда его, какъ была на немъ надѣта, такъ и осталась: ни поясъ, ни завязки не развязались. Яячі поставилъ его созвѣздіемъ изъ 5-ти звѣздъ, а самъ служитъ посредникомъ между Ульгэнемъ и людьми, разнощикомъ его благословеній и избавленій.

По отшествіи Яячі на небо, выросъ лѣсъ на обращенныхъ къ сѣверу скатахъ горъ — *арга*; народъ размножился и наполнилъ землю; всѣ говорили, впрочемъ, однімъ языкомъ. Люди, боясь потопа, вздумали сдѣлать гору. Богу это было непріятно. Онъ посыпаетъ сильныя бури, такъ что и людей и камни сбрасывало сверху горы. Но они не унимались и продолжали созидать, расположившись въ 77 станахъ вокругъ горы. Тогда человѣкъ, по имени *Тянар*, сказалъ народу: „вы великое зло дѣлаете предъ Богомъ; я не согласенъ дѣлать гору“, и, сказавъ это, ушелъ, неизвѣстно куда, такъ что никто его послѣ не видалъ. Наконецъ, самъ Богъ сказалъ имъ: „вы не послушали меня и Тянара, коего я послалъ, за то вы будете говорить разными языками“. Какъ скоро Богъ сказалъ это, въ каждомъ изъ 77 становъ люди стали говорить своимъ особеннымъ языкомъ, вовсе непонятнымъ для другаго стана. Не понимая-же словъ другъ друга, бросили они работу и разошлись, куда глаза глядятъ. Отъ этихъ 77 становъ произошло 77 народовъ. Тогда Эрликъ опредѣлилъ отъ себя къ каждому изъ 77 народовъ по одному особому эткерю и по одной особенной болѣзни, чтобы каждый народъ могъ оспаривать у Бога и привлекать къ себѣ особымъ, по его свойству и языку, способомъ, и такимъ образомъ завладѣть всѣми народами. Богъ, видя это, далъ 74 народамъ грамотность и средства уничтожать дѣйствія приставленного въ каждому изъ нихъ эткеря, а тремъ народамъ: сойонцамъ, калмыкамъ (*урянха*) и черневымъ татарамъ (*туба*) не далъ, потому что они приняли отъ Эрлика бубень и камланье. Богъ имъ сказалъ: „у васъ есть камы вмѣсто лекарства и лекарей и бубень — вмѣсто книги; какъ хотите, такъ и вѣдайтесь съ своими эткерями“.

10) О Тенгере-Тедыгечі (небозаключитель).

Въ давнія времена, когда однако-же образовались уже царства, жилъ на землѣ Теэрь-Янгы. У него было три сына: *Тенгере-Тедыгечі*, *Тере-Керельты*

и Шар-Жаалты. Въ то время всѣ народы ходили два раза въ годъ на гору и молились по своей вѣрѣ Богу, а Т.-Тедыгечі былъ съ ними не согласенъ: онъ писалъ на бумагѣ учение о вѣрѣ по-своему и спорилъ съ народомъ, говоря, что не слѣдуетъ такъ молиться, какъ они дѣлаютъ, что ихъ вѣра не правая, что вѣра истинная есть та, о которой онъ пишетъ.

Народъ его не слушалъ. Т.-Тедыгечі сказалъ: „Мень елеріә күмюнбесім таабалбасым—когда такъ, то я долго вамъ не покажусь“. Сказавъ это, онъ вышелъ на дворъ и сидѣлъ 43 сутокъ, держа въ одной руцѣ книгу, а другую положа на лобъ, подобно молящемуся, и былъ какъ мертвый. Братъ его, Тере-Керельты, сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ во все это время и поддерживалъ его руки. Чрезъ 43 сутокъ Т.-Тедыгечі всталъ и пошелъ къ своему осѣдланному коню, который, впродолженіе безмолвнаго сидѣнія своего хозяина, ходилъ близъ него. Сѣвши на коня, Т.-Тедыгечі поѣхалъ въ восточную сторону. Тере-Керельты на своеемъ конѣ пустился за нимъ вслѣдъ и догналъ его. На пути ихъ была большая рѣка. Т.-Тедыгечі взялъ свой мечъ, ударилъ по рѣкѣ, и вода разступилась на обѣ стороны, и они перѣѣхали по сухому дну. Потомъ они увидѣли радугу, какъ столбъ, спустившуюся съ неба и стоявшую на землѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ утвердилась радуга, стоялъ осѣдланный конь, передними ногами на радугѣ, задними на землѣ. Подойдя къ этому коню, Т.-Тедыгечі сѣлъ на него и, не оглядываясь и ни слова не сказавши брату, сталъ подниматься вверхъ съ громомъ. Братъ его, видя то, заплакалъ и вскричалъ: „я не останусь, я съ тобой-же пойду“. Т.-Тедыгечі отвѣталъ: „нѣтъ, тебѣ нельзя идти со мною; иди домой, а что нужно тебѣ—говори“. Тотъ сказалъ: „какъ я перейду рѣку?“ Онъ, бросивъ ему свой мечъ, сказалъ: „какъ прежде я сдѣлалъ, такъ и ты сдѣлай, и перейдешь“. Т.-Керельты взялъ мечъ. Т.-Тедыгечі, поднимаясь выше, вскричалъ брату: „что на лицѣ земли есть, ты надъ тѣмъ властвуй, а что надъ землею,—я буду властвовать надъ тѣмъ: худое-ли, доброе-ли, страшное или нѣтъ,—мой ходъ будетъ ужасенъ и громоносенъ. Теперь никто меня не увидить; только съ тобою буду встрѣчаться каждый годъ“. Сказавъ это, Т.-Тедыгечі ушелъ вверхъ изъ виду. Т.-Керельты остался, пошелъ назадъ тѣмъ-же путемъ и, пришедши къ рѣкѣ, взялъ мечъ, махнулъ имъ надъ водою, рѣка разступилась и пропустила его. На дорогѣ застигла его ночь, и тогда явился ему Т.-Тедыгечі, далъ ему книгу и сказалъ: „учи по ней народъ, я буду ежегодно приходить и смотрѣть, какъ ты учишь; читая эту книгу, не будешь о мнѣ тосковать и плакать“. Т.-Керельты, взявъ книгу, тутъ-же началъ читать и, ночевавши здѣсь, на другой день дошелъ домой. Чрезъ годъ Т.-Тедыгечі снова явился брату и спросилъ: „многихъ-ли ты научилъ?“ Тотъ отвѣталъ: „я училъ всѣхъ, но одинъ народъ—Тотор-аймак не принимаетъ ученія“.—„А гдѣ у тебя мой мечъ?“—„Прошедшій годъ, когда я шелъ отъ тебя, я принесъ книгу и мечъ и положилъ вотъ здѣсь, но вотъ теперь нѣтъ его“.—„Мечъ мой укралъ у тебя Таптан-Кара, чело-

въкъ богатый, а у него перекралъ нечистый духъ—*Шулумус* и спряталь его подъ первымъ слоемъ земли. Ты самъ не можешьъ найти его, а только посматривай около стойбища скота Таптанова, когда придетъ туча съ громомъ и молніей. Прежде я назывался Т.-Тедыгечі, а теперь буду называться Улуин-Кегеэнъ, у меня будетъ полонъ ротъ огня и грудь моя будетъ полна грому. А ты, Т.-Керельты, будь царемъ.“ — „Нѣтъ, я не хочу быть царемъ; для меня довольно книги Божіей, я хочу помышлять только о Богѣ. Пусть братъ Шар-Жаалты будетъ царемъ“. Вечеромъ того-же дня поднялась большая буря и налетѣли черные тучи. Какъ только тучи накрыли то мѣсто, где находился скотъ Таптана, тотчасъ разразился громъ и засверкала молния, чего до сего времени не бывало. Т.-Керельты, услышавъ грозу, бросился въ юрту и ударился лбомъ объ дверь и три дня сидѣлъ тамъ безвыходно, въ страхѣ, помышляя о необычайной бурѣ и неслыханномъ громѣ, говоря въ себѣ: „если это отъ брата, то ничего, а если отъ Бога, то бѣды не миновать“. На третій день является ему Т.-Тедыгечі и спрашиваетъ: „что у тебя лобъ разбитъ?“ „Я слышалъ третьяго дня громъ и испугался такого неслыханного чуда“. — „Развѣ я тебѣ не говорилъ: *үзүма патпас от болор; коксюмэ патпас унъ болор*—у меня будетъ полонъ ротъ огня и грудь моя будетъ полна грому. Пойди, посмотри теперь стойбище Таптана-Кары“. Т.-Керельты побѣжалъ смотрѣть, и вотъ видитъ, что стойбище и скотъ Таптана провалились сквозь землю, и въ провалѣ томъ кипитъ желтая вода. Тере-Керельты, увидѣвъ все это, воротился домой въ изумлениі. Т.-Тедыгечі спросилъ его: „что ты видѣлъ?“ Т.-Керельты сказалъ все подробно. Т.-Тедыгечі продолжалъ: „объявляю тебѣ: уцѣлѣвшаго скота Таптанова не бери и не мѣшай съ своимъ скотомъ, потому что и самъ онъ и скотъ его прокляты. Пусть скотъ его разойдется по пустынь мѣстамъ и будетъ пищѣю дикимъ звѣрямъ “ *). По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Т.-Керельты ушелъ въ пещеру большой горы, легъ на постель и сталъ, какъ мертвый. Ученники его нашли подъ постелью записку, въ которой написано: „когда тучи будутъ ходить всегда отъ востока на западъ и громъ гремѣть, начиная съ востока и оканчивая на западѣ, тогда будетъ кончина вѣка“.

11) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе Шар-Жаалты 1-го.

Меньшій братъ Т.-Тедыгечі, по смерти Т.-Керельты, сдѣлался жестокъ и прогналъ изъ своего царства Тотор-аймаковъ, не принявшихъ писанія

*.) Этотъ скотъ Таптановъ и донынѣ ведется въ Китайской землѣ. Одна часть его бродить въ дикости, а другая часть—ручная. Порода коровъ Таптановыхъ—*сарлыки*—имѣеть гриву и хвостъ конскій, голосъ свиной (родъ зубра); кони его—*таптын-чікытэн*, у коихъ хвостъ и грива коротки, потому что были опалены молніею; овцы—*кочкор* и *саркар* (каменные бараны); козы—*озона* и *тээрекъ* (сайги); изъ собаки вышелъ *пеконъ*(горбатикъ), съ колесчатымъ хвостомъ.

старшаго брата. Тогда Т.-Тедыгечі спустился съ неба и сказалъ брату: „если долгой плетью учить скотину, то вымя разобьешь—будеть худо,—молока не будетъ“. Шар-Жаалты понялъ эту притчу, обличавшую его жестокость къ подданнымъ. Потомъ Тенгере палъ на землю, сталь кататься и сдѣлался китъ-рыбою, а всталъ съ земли опять человѣкомъ. Во второй разъ онъ палъ на землю, катался по ней и сдѣлался огромнымъ лютымъ звѣремъ—карагуломъ, а вскочилъ съ земли человѣкомъ и тряхнулъ рукавами, изъ которыхъ посыпались большія и малыя книги. Тенгере сказалъ своему брату: „возьми эти книги и всѣ прочитай въ три дня“, потомъ повернулся, сдѣлался снова карагулою, ударился о землю и, сказавъ: „чрезъ 7 лѣтъ выйду“, скрылся подъ землю. Тамъ онъ побѣдилъ нечистыхъ духовъ, производящихъ бѣшенство: однимъ оторвалъ головы, другихъ разбросалъ и проч. Вышедши изъ-подъ земли чрезъ 7 лѣтъ, онъ опять явился къ брату своему Шар-Жаалтѣ и спросилъ: „читалъ-ли книги мои?“—„Все прочиталъ, и ничего не показалось мнѣ тяжелымъ, только одно тяжело: тамъ показано, что я долженъ отъ 15 до 60 лѣтъ держать посты“. — Когда это тяжело тебѣ, то держи посты каждый годъ, только зимою, до того времени, когда опять весною въ первый разъ загремитъ громъ, а лѣтомъ нѣть тебѣ поста“.

Когда Шар-Жаалты сдѣлался старъ, тогда опять явился ему Тенгере и далъ ему книгу, длиною въ три саж., шириной въ $\frac{1}{4}$ арш., сказавъ: „читай эту книгу, теперь я вижусь съ тобой въ послѣдній разъ, болѣе не приду къ тебѣ; эта книга взята со дна моря отъ царя—*бу бічік тенес тюбіндэ обузун каанын аман*. Если эту книгу уразумѣешь всю, то на водѣ не будешь тонуть, хотя и съ войскомъ пойдешь, со дна моря поднимется песокъ и будетъ какъ мостъ, и въ огнѣ не сгоришь“. Сказавъ это, отдалъ ему и мечъ свой, бывшій у Тере, съ наставлениемъ: „кто придетъ воевать съ тобою, сражайся съ тѣмъ смѣло, не отступай, а самъ войны не ищи *).“

Изгнанные изъ царства Шар-Жаалты, Тотор-аймаки раздѣлились по вѣрѣ на-двое. Одни вѣрили въ шаманство, а другіе безъ камланья приносили жертвы на высокихъ горахъ, брызгая молокомъ и куря аржаномъ. Ни къ той, ни къ другой сторонѣ не принадлежалъ одинъ только мальчикъ съ своей матерью, изучившій писанія Т.-Тедыгечі. Мальчикъ этотъ сдѣлался боленъ; у него распухли руки и ноги, и онъ, устремивъ свой взоръ на небо, просилъ и ожидалъ помощи отъ Бога. Видя это, Тенгере сошелъ съ неба, сдѣлался простымъ человѣкомъ и сначала явился къ камлающему народу, училъ ихъ молиться такъ, какъ молится другая часть ихъ народа, которые бываютъ скотину и очищенные кости, сложивъ въ кучу, сожигаютъ съ куреніемъ аржана предъ Богомъ, а ваше камланье, говорилъ онъ, не доходитъ къ Богу и непріятно ему. Народъ сталъ спорить съ нимъ. Тенгере сказалъ: „если вы мнѣ не вѣрите, то будемъ дѣлать *марган*; на чьей сто-

*) Посему китайцы ни съ кѣмъ войны не начинаютъ, а только защищаются.

ронѣ будеть правда, увидимъ. Если на вашу жертву сойдетъ съ неба огонь и пожретъ жертву,—то ваша правда, а если на мою, то моя правда“. Такъ и согласились. Собрались камы и съ утра до другаго утра, цѣлые сутки, камлали на горѣ, призывая по-своему бога, но не сошелъ огонь съ неба, и жертва ихъ осталась цѣлая.

Люди, не преданные шаманству, сдѣлали каменный жертвеникъ, положили на него жертвенныя кости, покрыли аржаномъ и стали молиться. Тенгере былъ свидѣтелемъ и посредникомъ въ спорѣ между тѣмъ и другимъ народомъ. При мольбѣ не-камлающаго народа раздался съ неба громъ, заблисталъ огонь, какъ молния, коснулся жертвеника, жертва вспыхнула и сгорѣла съ самимъ жертвеникомъ: не осталось ни воды, ни даже пепла, а дыму даже не было. Тогда камлавшіе сказали этому народу: „нѣтъ, мы не вѣримъ вамъ, вашу жертву пожрали горные духи, а не огонь небесный“. Тенгере отвѣчалъ: „если вы не вѣрите этому чуду, то снимите съ этого больнаго мальчика желѣзныя узы (которыя видимы были только однимъ камамъ), наложенные на него злымъ духомъ, и свяжите ими меня“. Камы сдѣлать сего не могли, сколько ни камлали, и бѣсы не могли развязать больнаго и связать Т.-Тедыгечі. Потомъ онъ самъ снялъ узы съ больнаго и связалъ ими себя, отчего больной тотчасъ выздоровѣлъ. Тогда Тенгере сказалъ: „если вѣра ваша правая и вашъ богъ силенъ, то снимите съ меня оковы, и пусть огонь вашей жертвы пожретъ меня, а если не снимите узы, то я не буду вашъ, уползу въ свою сторону, а васъ пусть огонь пожретъ.“ Камы стали камлать, посылали множество бѣсовъ на него; но ни одинъ не могъ близко подойти къ нему. Узы не развязались; огонь не коснулся его; между тѣмъ сами камы стали горѣть, руки у нихъ были какъ-бы скованы, и они не могли бросить ни бубна, ни орбы. Они бросались въ воду, катались по землѣ, но ни водой, ни землей не могли погасить огня, сожигавшаго ихъ.

Тенгере показалъ имъ красную гору, окровавленную ихъ жертвами, и сказалъ: „идите за мною на эту гору, гдѣ живутъ ваши боги; я теперь вашъ и иду къ вашимъ богамъ“. Сказавъ это, онъ пошелъ среди пламени горѣвшей земли, только слѣдъ его оставался безъ огня. Заведши камовъ съ ихъ народомъ на эту гору, Тенгере исчезъ. Вся гора продолжала пылать до того, что, сгорѣвъ, осѣлась и сдѣлалась равниной. Такъ всѣ люди, вѣрившіе камланью, сгорѣли, а за ними горѣли и нечистые духи, которые, хотя и покушались бросаться отъ пламени въ море, но тамъ Убусху-каан схватывалъ ихъ и бросалъ на ту-же гору; нѣкоторые изъ нихъ бросались въ преисподнюю, но оттуда Энгыс-каан опять ихъ возвращалъ на гору въ пламя. Гора эта пылала 36 лѣтъ *).

*) Гора эта—*Куйиэнъ-ту* въ Китайской землѣ, близъ степи *Куюты*. И нынѣ чуйские зайсаны достаютъ земли съ этой сгорѣвшей горы, чтобы, въ случаѣ досады на кама, бросить въ него. Послѣдствія отъ этого будто-бы непріятны для кама.

12) Тенгере-Тедыгечі въ царствование Шар-Жаалты 2-го.

По смерти младшаго брата Тенгере Шар-Жаалты, былъ избранъ царемъ одноименный ему Шар-Жаалты 2-й. Этотъ новый царь былъ жизни развратной, управлялъ народомъ слабо и беспечно, такъ что многие бѣдные умирали съ голоду и холоду. Однажды въ землѣ его былъ продолжительный голодъ, наступившій послѣ необыкновенно-ненастливаго лѣта, въ которомъ было только 3 дня вѣдро, отчего всякое произрастеніе стнило. Это несчастіе было за то, что народъ ругалъ небо, когда шелъ дождь и, плевавши, говорили; „пусть дно у тебя вывалилось-бы“. Тенгере обличалъ за это народъ и сказалъ: „развѣ вамъ хочется, чтобы небо заперлось и вовсе не давало дождя? Пожалуй, и это будетъ“. Ожесточившійся народъ сказалъ: „пусть будетъ, пусть небо состарѣется и будетъ вовсе бесплодно“. Такъ и стало. Одно лѣто и двѣ зимы вовсе не было ни капли дождя, ни снѣгу. Въ то время богатые прожили половину имѣнія, а бѣдные все прожили, что было, умирали съ голоду и стали грабить богатыхъ. Между тѣмъ, Тенгере ушелъ изъ земли той, и чрезъ нѣсколько времени, снова возвращаясь, на предѣлахъ ея встрѣтилъ старушку, вошелъ къ ней въ домъ и просилъ у нея пищи. Она сказала: „мнѣ нечего дать тебѣ; я сама умираю съ голоду“.

— „Какъ ты говоришь, что у тебя ничего нѣтъ? Посмотри хорошенько“.

— „Чего искать,—у меня ничего нѣтъ, кромѣ вшей“.

— „Ищи у себя за пазухой“. Она изъ-за пазухи вытащила цѣлую горсть оныхъ. Онъ сказалъ: „ѣшь“. Старушка съ голоду, по его слову, начала єсть. Ей показалась эта пища вкусна, сладка и сытна, какъ толокно, а разсмотрѣвши эту вкусную пищу, она увидѣла, что это—просо бѣлое. Тенгере сказалъ:

— „Посмотри, нѣтъ-ли чего еще у тебя съѣстнаго“?

— „Нѣтъ“.

— „Посмотри вонъ въ томъ кувшинѣ съ отбитымъ краемъ“.

— „Ничего тамъ нѣтъ“.

— „Да посмотри-же!“ .

Она посмотрѣла и видитъ, что кувшинъ полонъ толченаго проса. Ей стало стыдно. Тенгере велѣлъ сварить изъ этого кашицу, которую они обаѣли, а кашица не убывала, равно и просо изъ кувшина не убывало. Попѣвиши, онъ пошелъ далѣе, спросивъ старуху: „нѣтъ-ли у кого въ селеніи чего-нибудь напиться?“ Она отвѣчала: „за третьей стѣной живетъ Молодой,—развѣ у него есть“. Тенгере пришелъ къ Молодою въ домъ. Хозяинъ спросилъ: „откуда ты?“ Онъ отвѣчалъ: „я иду изъ Куюты; нѣтъ-ли у тебя чайная; дай мнѣ напиться“. Жена Молодоя сказала: „Куютынын ак текэ қажі праисын?—Бѣлый козелъ Куютинскій, куда ты пошелъ?“ Онъ отвѣ-

чаль: „когда такъ, то я пришелъ пасти твоихъ козловъ“. Когда-же женщина эта пошла доить своихъ козъ, то видить, что привязи какъ были, такъ и остались, но ни одной ни козы, ни козла нѣтъ. Ушедши отъ Молодоя, Тенгере ходилъ по разнымъ мѣстамъ и потомъ опять пришелъ къ прежней старухѣ и, давши ей чашку ячменю, велѣлъ посѣять, равно и просо, которое съ прежняго его прихода было для нея не убывавшею пищею. Она пошла сѣять подлѣ рѣчки, потому что засуха еще продолжалась, но онъ велѣлъ ей сѣять на горѣ. Она отвѣчала, что на высокомъ мѣстѣ ничего не родится, а если и взойдетъ, сгibнетъ отъ засухи. Онъ сказалъ: „сѣй тамъ, гдѣ я велю; сѣй сегодня, чрезъ три дня будетъ дождь“. Такъ и случилось. Хлѣбъ у старухи родился такой чудесный, что она сколько ни жала, но его не убывало; велѣла жать всѣмъ жителямъ того селенія; всѣ нажали себѣ довольно, а хлѣбъ на полосѣ все еще оставался.

Молва обѣ этомъ происшествіи дошла до царя. Царь дивился и потребовалъ Тенгере къ себѣ. Когда онъ былъ представленъ къ царю, царь заключилъ съ нимъ въ темницу — *пайжин*, въ коей никакъ не было свѣта, испытывалъ его разными вопросами и разговорами, и оказалось, что Тенгере знаетъ все, что у царя на умѣ, больше самого его. Всю ночь царь разговаривалъ съ нимъ и, наконецъ, сказалъ: „теперь, я думаю, уже разсвѣтѣть“. Тенгере отвѣчалъ: „нѣтъ, теперь полдень; солнце прямо противъ этого мѣста“, ткнулъ пальцемъ въ стѣну, и вдругъ оттого сдѣлалось окно. Вышедши изъ темницы, царь сталъ пить чай и подалъ Тенгере; пили оба, но у гостя, сколько онъ ни пилъ, чай не убываетъ и хлѣбъ не уменьшается. Царь, видя эти чудеса, подумалъ въ себѣ: „не это-ли Тенгере-Тедыгечі? Но тотъ былъ велико ростомъ и величественный видомъ и взоромъ, а этотъ маленький и изъ себя не видный“. Напившись чаю, Тенгере сказалъ: „мнѣ нужно посмотретьъ свой скотъ, какъ-бы онъ не погибъ“. Царь догадался, что онъ говорить притчу, потому что не смотрѣлъ за народомъ, не радѣлъ обѣ его управлѣніи, проводилъ время въ играхъ и забавахъ и былъ жестокъ съ людьми и животными, такъ что наканунѣ свиданія съ Тенгере, прогуливаясь, вышибъ бичемъ глаза коню. Когда царь провожалъ Тенгере изъ дома, въ самыхъ воротахъ, прилетѣлъ ему въ лицо какой-то прутикъ и ударилъ въ глазъ. Царь зажалъ глазъ рукою. Тенгере сказалъ ему: „у тебя, царь, есть руки, и вотъ ты зажалъ глазъ, а у коня рукъ нѣтъ, хотя и вовсе выстегнешь ему глазъ бичемъ, онъ зажать его не можетъ“. Въ наказаніе за жестокость царь окривѣлъ. Тенгере велѣлъ царю строить каменную стѣну, вышиною въ 80 саж., вокругъ своего царства, такую обширную, чтобы и известная старушка съ пашнею была внутри крѣпости, въ которой чтобъ было 8 воротъ и 8 молитвенныхъ домовъ — *сюмэ*. Царь обѣщался. Тенгере самъ поставилъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должно устроить церкви, по одному каменному столбу, вышиною по 40 саж., и сказалъ: „если устроишь такую стѣну, то никакой народъ не можетъ преодолѣть тебя. Если кто придетъ къ тебѣ воен-

вать, я помогу тогда тебе побѣдить, и пришедшій народъ будетъ твоимъ подданнымъ. Будетъ время, когда эта крѣпость—*келем* наполнится жителями, и тогда будетъ конецъ народамъ“ *). Наконецъ, когда царь не переставалъ вести развратную жизнь, Тенгере, пришедшіи къ нему, сказалъ: „ты не печешься о народѣ, а только пируешь и развратничашь, ты не достоинъ быть царемъ; лучше поставить другаго царя“.

— „Выбирай, кого хочешь: я не умѣю лучше управлять народомъ.“

— „Изъ твоего народа никто не можетъ быть управителемъ,—всѣ такие-же, какъ и ты.“

При этихъ словахъ одинъ изъ народа—*Амын-Кылан*—сказалъ: „почему не управлять? Только царь долженъ ежедневно выходить на смотръ народа и пройти городомъ отъ востока до запада.“ Услышавъ это, Тенгере, указавъ перстомъ на Амын-Кылана, сказалъ: „ты можешь управлять народомъ“, и Амын-Кылан былъ поставленъ царемъ.

13) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе Амын-Кылана.

По избраніи Амын-Кылана царемъ, Тенгере собралъ людей, умершихъ при прежнемъ слабомъ царѣ отъ пьянства, голода, мороза, и, склавъ въ кучу, далеко за городомъ, тамъ, гдѣ прежде камы испрашивали огня съ неба, выкопавъ яму длиною 7 саж. и глубиною 1 саж., свалилъ въ нее всѣхъ и сожегъ. Возвратясь въ городъ, онъ узналъ, что вновь произошло 4 кама: двое изъ народа Шар-Жаалты 2-го (*кара кыдат сеокту*) и двое отъ Амын-Кылана (*ак кыдат сеокту*). Онъ съ гнѣвомъ сказалъ: „я уничтожаю худыхъ людей; откуда-же они являются?“ и взялъ всѣхъ этихъ камовъ и увель на то мѣсто, гдѣ сожжены тѣла умершихъ, привезъ туда на верблюдахъ дровъ, сбросалъ въ яму, распалилъ ихъ, и какъ только дрова перегорѣли въ угли, онъ приказалъ, чтобы камы, ходя въ этой ямѣ по огню взадъ и впередъ, камлали, сказавъ: „кто изъ васъ цѣль останется, тотъ правъ и пусть останется свободнымъ.“ Три кама сгорѣли тамъ, а одинъ, изъ рода *Аккыдат*, остался цѣль. Тогда Амын-Кылан, разгнѣвавшись, сказалъ: „если каждый день по 3 человѣка сжигать, то непрестанно срамъ будетъ.“ Тенгере отвѣтилъ: „всякий звѣрь бережетъ свою шерсть, и ты бережешь свой народъ. Если тебѣ не нравится мое распоряженіе, то я отойду отсюда, хотя не надолго, на 7 дней.“ Царь спросилъ: „въ которую гору ты хочешь уйти?“ Тенгере, протянувъ руку, указалъ со словами: „вотъ въ эту гору***) пойду,“ и ушелъ. Чрезъ 7 дней ожидали его, но онъ не пришелъ. Прошло 7 седмицъ, но онъ не возвращался. Чрезъ 7 мѣсяцевъ послали двухъ человѣкъ искать его, боясь его гнѣва. Посланые, нашедши его, звали изъ горы, но безуспѣшно. Послѣ, впродолженіе 7 лѣтъ, царь посыпалъ къ Тенге-

*.) Одна половина крѣпости въ настоящее время уже заселена.

**) Съ вершины р. Катуни эта гора, называемая *Пабаа—Пуурдин*,—видна.

ре трижды по два человѣка, но онъ не хотѣлъ идти. Чрезъ 7 лѣтъ Тенгере самъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „если найдутся у тебя въ царствѣ камы, сожигай ихъ, какъ и я сожегъ, а кто изъ огня выйдетъ живъ, тотъ пусть живетъ, это и есть истинный жрецъ.“ Царь отвѣчалъ: „какъ ты сказалъ, такъ и будетъ.“ Тенгере помазалъ ладонь пепломъ, а запястье—черною землею и, держа наискусъ эту руку, продолжалъ рѣчь: „тоже будетъ съ твоимъ царствомъ (при этихъ словахъ представилось царю, что земля повернулась на бокъ), если ты не исполнишь моего совѣта.“ Сказавъ это, отправился онъ на прежнюю гору съ приказаніемъ, чтобы никто къ нему не приходилъ туда. *)

14) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе неизвѣстнаго китайскаго царя, побѣдившаго въ единоборствѣ богатыря Мормо.

Однажды пришелъ къ Китайскому царству *Мормо* съ войскомъ, подошелъ къ самой стѣнѣ и требовалъ сраженія. Китайскій царь устрашился и отвѣчалъ: „чѣмъ проливать кровь народа, лучше выйдемъ мы на поединокъ; лучше умереть одному“. Согласились. Китайскій царь, видя, что Мормо-богатырь великорослый, ужаснулся. Мормо-же смѣло подошелъ къ нему и сказалъ: „ну, руби меня саблей“. Тотъ ударилъ, но сабля отскочила,—Мормо былъ въ латахъ. Мормо, наклонивъ голову, сказалъ китайскому царю съ насмѣшкою: „смотри, ты не отруби мнѣ голову, чтобы она не покатилась по землѣ“. Тенгере, видя такое униженіе своего царя, внушилъ мысль ему, ничего не боясь, тянуть по шеѣ. Тотъ ударилъ, и отскѣкъ голову богатыря. Послѣ его единоборства Тенгере явился къ китайскому царю и далъ ему камень съ гусиное яйцо и приказалъ, чтобы люди въ его царствѣ непрестанно катали этотъ камень въ ладоняхъ, передавая другъ другу. „Когда этотъ камень будетъ съ зерно рыбьей икры, тогда сойдетъ съ неба царь и будетъ владѣть всѣмъ царствомъ, тогда и я приду въ послѣдній разъ; а когда этотъ камень изотрется до того, что ничего не останется, тогда будетъ кончина вѣка“**). Сказавъ это, Тенгере пошелъ за границу Китайской земли. На пути ткнулъ онъ своимъ посохомъ въ землю, отчего пошла вода. Вокругъ воды Тенгере началъ обмазывать глиной, образуя родъ чаши, все выше и выше, и сдѣлалъ холмикъ, наполненный водой, шириной съ гумно и, заклявши его, сказалъ: „пусть вода не прибываетъ и не убываетъ“. Такъ и остается это досель. Холмикъ съ водой

*) Китайцы, монголы и соенцы, издали смотря на эту гору, покланяются ей, но никто подойти къ ней не можетъ, потому что она окружена множествомъ ядовитыхъ гадовъ: змѣй, ящерицъ, сары комдут, мѣдяночъ. Троє монгольскихъ камовъ пытались восходить на эту гору, но пропали безъ вѣсти.

**) Нынѣ этотъ камень съ яйцо кукушки.

находится въ Китайской землѣ, отъ одного южнаго пограничнаго караула въ 10 верстахъ.

15) Кончина вѣка съ ея признаками.

Чѣмъ далѣе тянется вѣкъ, тѣмъ грѣшнѣе становится міръ и умножается зло. По мѣрѣ умноженія грѣховности, Ульгэнъ болѣе и болѣе удаляется отъ человѣка, смердящаго грѣхомъ, вверхъ, дѣлается холоднѣе къ людямъ и затыкаетъ уши, чтобы не слышать молитвъ ихъ. А Эрликъ изъ преисподней поднимается выше и выше и приближается къ Карапу, стоящему подъ верхнимъ слоемъ земли, ближе къ людямъ. Такимъ образомъ, при концѣ вѣка, Эрликъ приблизится къ самой землѣ, а Карапъ выйдетъ на поверхность земли. Тогда народъ забудетъ Ульгэня. Карапъ, вышедши на верхній слой земли къ Тепкарѣ, еще злѣе будетъ спорить съ нимъ о людяхъ. На помощь Карапу выйдетъ за нимъ, на поверхность земли, Керей съ тѣмъ, чтобы непремѣнно завладѣть людьми; пошлетъ съ неба богатыря Мангды-шіре. Между тѣмъ, какъ Тепкара съ Карапемъ будутъ продолжать споръ между собою, Мангды-шіре будетъ рвать все тѣло Кереево на куски, отчего Керей застонетъ. Эрликъ, услышавъ стонъ Керея и узнавъ, что Керей не можетъ устоять противъ Мангды-шіре, самъ выйдетъ на поверхность земли и убьетъ его. Ульгэнъ, видя то, пошлетъ на землю богатыря Майдере, сказавъ: „иди и не сражайся, а только стой и уговаривай людей, чтобы не склонялись къ Эрлику, хотя онъ и будетъ склонять ихъ къ себѣ и мучить. Да смотри-же, разгневавшись, не убей Эрлика или кого-либо изъ его богатырей: это тебѣ будетъ грѣхъ. Пусть Эрликъ убьетъ тебя, тебѣ не будетъ больно и страшно: я приду, и ты возвратишься назадъ“. Когда Майдере сойдетъ съ неба, Эрликъ при его глазахъ, будетъ принуждать людей, чтобы они предались, и скажетъ: „кто бросить предо мною лестовку (эрекэнъ) и предастся мнѣ, тотъ будетъ свободный мой слуга, а кто не покорится мнѣ и не будетъ вѣровать мнѣ, тотъ будетъ мучимъ разными мукаами“. Эрликъ будетъ нанизывать преданныхъ ему на тонкую проволоку (ээмик), а кто не покорится, тѣхъ будетъ бросать въ огонь, бить желѣзными прутьями, садить на кошы и проч. Когда Эрликъ будетъ такъ мучить не склоняющихся къ нему, имъ не будетъ больно, хотя замучатся до смерти. Майдере будетъ уговаривать людей чтить Ульгэня и склонить большую половину на свою сторону. Эрликъ, видя это и замучивъ не склоняющихся къ нему, разъярится на Майдере и скажетъ: „я имѣю силу и тебя убить мечемъ“, и поразить его. Кровь Майдере, брызнувъ, обагритъ всю землю, хотя онъ и невеликъ станомъ, и тотчасъ отъ тѣла и крови его вспыхнетъ пламя, обойметъ всю землю и взойдетъ на небо. Тогда сойдетъ съ неба самъ Ульгэнъ, ударить въ ладони и воскликнетъ: „Кыйден! Встаньте, мертвые!“ Отъ клича и дыханія Ульгэня мертвые встанутъ съ тѣлами,—

земля, огонь, вода, звёри и рыбы возвратять тъла людей, кто изъ нихъ что истребилъ. Изъ усть Ульгэня выйдетъ пламя и воспламенитъ всю землю. Земля, сгорѣвъ, не вся истребится, а только верхній слой, нечистый, по которому ходилъ діаволъ (*курюмесъ*); чистая земля, какъ бѣлая глина, находящаяся подъ чернымъ слоемъ, останется, и изъ нея Ульгэнъ создастъ новую землю. Вместѣ съ черною землею сгоритъ самъ Эрликъ, его сила и преданные ему люди; всѣ они, сгорѣвшіи, сдѣлаются безтѣлесными злыми духами. Ульгэнъ проклянетъ ихъ, сказавъ: „ты, Эрликъ, со всей силой твоей иди въ преисподнія пропасти адскія—*Маныс точира тамынын тюбінэ тюшсын*, и тебѣ предавшіеся люди пусть летятъ, какъ мошки, за тобой“. Такъ Эрликъ и сила его низвергнутся въ муку, въ адскія пропасти и исчезнутъ изъ виду, а вѣрные Ульгэня останутся съ нимъ и будутъ въ его жилищахъ.

Празнаки кончины вѣка по преданіямъ:

a) *Телеутовъ:*

Калганчі чак келерде
Тенгере таніръ болуп-падар.
Эрь тесь болуп-кадар
Каан-каанга капчігар
Кылак кылака сана жар,

Кату таш одулар,
Кату агаш какшалар,
Калык-эль пузулар, Кыжі карыча
кары-ча болар
Эрьгәкчезы эрь болар
Эрь тыскыні кысха болар
Аяктан пашха, бій тураг
Ата балазын таныбас,
Бала атазын таныбас,
Пагыр башха чігар,
Ат бажінча алтын.

Аякту ашха турбас,
Аяк-алдынан алтын чігар,
Аны алар кыжі-йок болор.

Когда прийдетъ "кончина вѣка,
Небо затвердѣетъ, какъ желѣзо.
Земля, какъ мѣдь, будетъ тверда,
Царь на царя возстанетъ,
Народъ на народъ будетъ злоумыш-
лять.

Твердый камень сокрушится,
Крѣпкое дерево раздробится,
Всѣ народы возмутятся,
Человѣкъ будетъ съ локоть,
Съ большой пальцемъ будетъ мужъ,
Поводъ мужской будетъ коротокъ. *)
Кромѣ ноги, все будетъ начальникъ,
Отецъ дитя свое не спознаетъ,
Сынъ не будетъ узнавать отца,
Головка *слизуна* **) будетъ стоить го-
ловы человѣка,
Слитокъ золота съ конскую голову
Не будетъ стоить чашки хлѣба.
Подъ ногами будетъ валяться золото,
Но братъ его будетъ не кому.

*) Т. е. человѣкъ будетъ стѣсненъ.

**) Горный лукъ, *Allium nutans*.

б) Калмыковъ:

Калганчі чак келердә,
Кара әрь отко калаірда,
Кайракан аба-Кутай
Кулагын яба тудунар,
Ол чахта ороон бузулуп,
Орын уренъ узюлюп-калар,
Кутрундайдын куу салкын,
Кыжыны кубуксудар
Тэрэ бузулар,
Тенгозек чайхалар.
Теміръ узенгы тюбю тежілер,

Темене-йр уды тарылар,
Калык-йо бузулар,
Кара курт канат тагынар,
Кара кузюнә кан чабылар,
Кара су кан-была агар,
Эрь тыгырсір, ту тескынер,
Эмірт эмірілер,
Тенгере тырлеір,
Тенгыс чалкалар,
Эрь анданын кыртылжі эрэ болор,

Эңгыс кодорылын, когы калар,
Тенгере терменіп тігы ачілар,
Тенгыс чанбалып, тюбю курюнер,

Тенгыс тюбюньдә тогус айры кара
таш
Тогус эрьдэн узюлдер,
Тогус эрьдэн узюльзе,
Тогус курчулу каірчак чігар,
Тогус теміръ атту кыжі анан чігар,

Нын экузі башчі болор.
Алардын мінгенъ аттары,
Урушқаан ул-сары,
Пірюзінъсі кыжіп болбос кыл сары.

Когда послѣдній вѣкъ настанетъ,
Когда черная земля огнемъ будетъ опа-
Милостивый отецъ, Богъ, [ляема,
Зажметъ оба свои уха,
Тогда народы возмутятся,
Наслѣдство и родство пресъкутся,
Лютый вѣтеръ возмутится,
Будетъ людей воодушевлять,
Вся природа возмутится,
И малыя кочки будутъ дрожать.
Подножка въ желѣзныхъ стременахъ

изотрется,

Уши большихъ иголъ прорвутся,
Общества народовъ распадутся,
Черный червь (человѣкъ) окрылатѣтъ,
Злобные глаза его нальются кровью,
Источники съ кровью потекутъ,
Земля застонетъ, горы восколеблются,
Стремнины обрушатся,
Небо звонко загремитъ,
Море взмолнется,
Земля извратится верхнимъ слоемъ на-
выворотъ,

Мохъ собьется, лишь пыль останется,
Небо тронется и разверзится,
Море всколыхнется и дно его виднѣть-
ся будетъ,

На днѣ морскомъ черный камень 9-раз-
дѣльный

Изъ 9-ти мѣсть исторгнется,
По исторженіи изъ 9-ти мѣсть,
Выйдетъ ящикъ о 9-ти обручахъ,
А изъ него выйдутъ 9 человѣкъ на
желѣзныхъ коняхъ,

Изъ нихъ двое будутъ предводители.
Верховые кони ихъ
Яры и весьма желты,
У одного изъ нихъ—свѣтло-желтый,
крѣпокъ, такъ что трудно сво-
ротить его.

Алдынгы колдоры кылышту болор,
Арт күйрюгы ульдюлю болор,

Агашха табаарза, агашты эндеір,
Тындуга табаарза тындуды эндеір.
Албаты-йонго амыр-йок болор,
Айга, куньгэ аркын-йок болор.
Агаш тазылынан кодолылар.
Аданай балазынан айрылар.
Элён узюлюп, урені пузылар.

Эне, эркезінен айрылап, эрі ок қалар.

Эрдэ конкул-тэгэнъ элен узеръ.
Эленин сары мангыс чігар,

Малга табаарза, малды сорор.
Ол чакта Шандімы кый салар:
„Бері курьғын Мангды-шіре!
Біръ полужін этқындыір!
Конкул тэгэнъ элеңин тазылы
Конғыр тілан тыр.“
Мангды-шіре унчукпас.
Анін болбозо, Майдере кый салаар:

„Ян-Каан албатызын таштады.

Яхші айгыр урюзін таштады.

Яр тәміреліп, суу соолды,
Якалу тон элеп, яказы тірдүлді.

Якараду юрт ақазыйок қалды.

Уялу күш, уязы таштады,

Турулу күк туруун таштады.

Балалу кадыт, балазын таштады“.
Майдере унчукпас.
Эн-кійніндэ Эрліктын паатырлады
Карашибыла Керей

Спереди ноги ихъ будуть съ саблями,
Сзади у хвоста будетъ мечъ, обоюду
острый,

Найдеть на лѣсь, деревья скосить,
Постигнетъ живыхъ, живыхъ пожнетъ.
И подданному народу не будетъ міра,
Въ лунѣ и солнцѣ не будетъ свѣта.
Дерево истогнется изъ корня.
Отецъ будетъ разлученъ съ дѣтьми.
Трава будетъ вырвана и сѣмя ея истребится.

Мать, съ питомцами разлученная, останется безъ мужа.

На землѣ выростетъ трава конкулъ.
Изъ сей травы произойдетъ желтая
саранча,

Падеть на скотъ, скотъ изсосеть.
Въ то время Шандимы издастъ кличъ:
„Мангды-шіре, взгляни сюда!
Окажи помощь!
Корень травы конкуль
Есть змѣй коурый (самый злой)“.
Мангды-шіре будетъ молчать.
Не получивъ помощи, къ Майдере
воззоветъ:

„Великий царь оставилъ своихъ поддан-

ныхъ.

Наилучший жеребецъ бросиль свое
стадо.

Берега осипались, вода исчезла,
Съ воротникомъ одежда изветшала и
воротникъ изорвался.

Подначальный народъ остался безъ
начальника.

Птица, евившая гнѣздо, гнѣздо оставила,
Звѣрь, имѣющій жилье, бросиль жилье
свое.

Дѣтная жена оставила дѣтей своихъ“.
Но Майдере не даетъ отвѣта.
На-послѣдокъ богатыри Эрлика—
Карашибыла и Керей—

Эрь-устюнэ чігарлар.
Алар эрь устюнэ чіканда,
Мангды-Шіре-быле-Майдере
Алар-былан тюула-жарга
Тенгередэ тюжерлер.
Майдеренын канынан
Эрь отхо калан,
Калганчі чак анды болор.

Выйдутъ на поверхность земли;
Когда они выйдутъ на землю,
Мангды-шіре и Майдере
Воевать съ ними
Сойдутъ съ неба.
Отъ крови Майдере
Земля воспылаетъ огнемъ,
И тогда будетъ кончина вѣка.

Б) Историческая, богатырская и проч.

1) О подданствѣ Россіи Телеутовъ.

У Телеутовъ извѣстны два сказанія о времени ихъ подданства Россіи. Одни утверждаютъ, что послѣдній ханъ ихъ Конгдайч имѣль у себя двухъ женъ и 7 дѣтей: отъ первой жены—сына Шюну и дочь Шюжды, а отъ второй—5 сыновей, изъ коихъ извѣстны по имени двое: Армазана и Табаачі. По смерти Конгдайча, между дѣтьми возгорѣлось несогласіе. Противъ Шюну составился заговоръ его братьевъ; но сестра, узнавъ объ этомъ, предупредила Шюну спастись бѣгствомъ. Онъ убѣжалъ подъ покровительство Бѣлаго Царя Алексѣя Михайловича и принялъ подданство Россіи. Злополучная сестра убита заговорщиками за открытие ихъ умысла. Между остальными братьями согласія также не было: трое изъ нихъ погибли въ междоусобіи, но Армазана и Табаачі продолжали еще спорить между собою о правленіи, пока первый не послѣдовалъ примѣру Шюны, предавшись Россіи, а послѣдній съ своимъ народомъ откочевалъ въ Китай.

Въ разсказахъ другихъ Шюна играетъ главную роль. Онъ былъ богатырь и мудрецъ въ восточномъ вкусѣ. Отецъ его Конгдайчъ имѣль еще сына Калдана. Шюна жиль съ наложницею Кара-кыз, въ которую влюбился братъ его, и на ней женился. Оскорбленный Шюна пригласилъ своихъ 12 друзей разгуляться по хребтамъ Алтая. Отъѣхавъ на одну версту отъ своего жилища, онъ повѣдалъ имъ свое горе, натянулъ лукъ и, въ видѣ наスマшки и безчестія, пустилъ стрѣлу въ юрту брата. Стрѣла воинилась въ дверь. Брать сейчасъ-же узналъ, кому принадлежитъ она, и пожаловался отцу. Конгдайчъ призываетъ къ себѣ Шюну, вечеромъ возвратившагося съ охоты, обвинилъ его, приказалъ вырѣзать лопатки (плечные кости), руки и ноги связать сыромятными ремнями, засадилъ въ подземелье, глубиною на 70 сажень. Никто не зналъ, куда пропалъ любимецъ народа; только одинъ старикъ, вхожій въ хату, понялъ въ чемъ дѣло, сдѣлалъ отъ своей юрты подкопъ къ темницѣ и впродолженіе 7 лѣтъ питалъ узника. Конгдайчъ былъ могучъ и славенъ; многие ханы покорялись ему, но одинъ изъ нихъ—Черный-Калмыкъ,—свѣдавъ, что не стало мудраго богатыря Шюны, при-

сылаеть къ нему двухъ сорокъ, изъ которыхъ одна была дѣйствительная, а другая искусными камами превращенная изъ вороны, съ условіемъ, если Конгдайчъ отличить одну птицу отъ другой, то онъ будетъ ему платить дань по-прежнему, а если нѣтъ, то перестанетъ. Конгдайчъ запечалился. Но стариkъ, принося Шюнѣ пищу, разсказываетъ ему о горѣ отца его и получаетъ отвѣтъ: „велика-ли это мудрость, чтобы отличить сороку отъ вороны; ты посовѣтуй моему отцу поставить шесть, а близъ него навѣсь, и въ ненастное время выпустить обѣихъ птицъ; сорока подъ навѣсью полетѣть, а ворона сядетъ на шесть и закаркаетъ“. Такимъ образомъ птицы разгаданы, и Черный-Калмыкъ остался данникомъ Конгдайча. Но, спустя два года, Черный-Калмыкъ опять присыпаетъ къ Конгдайчу кустъ таволожника для различенія корня отъ вершины, на прежнемъ условіи. Шюна чрезъ старика своего опять сообщилъ, что если пустить кустъ въ воду, то онъ вершиною пойдетъ впередъ, а комлемъ позади. Но чрезъ годъ Черный-Калмыкъ, оставивъ пытать мудрость, обратился къ силѣ: присыпаетъ желѣзный лукъ, чтобы натянуть его, но никто не могъ сдѣлать этого; брались даже и 30 человѣкъ вмѣстѣ, но все безъ успѣха. Тогда Шюна научилъ старика заплакать предъ ханомъ и народомъ со словами: „своего богатыря мы рѣшили сами, и теперь должны покориться даннику“.—„Да не живѣ-ли онъ,—отвѣчаетъ отецъ,—надобно посмотретьъ“. Вытаскиваютъ несчастнаго Шюну изъ-подъ земелья. Онъ обросъ тамъ мохомъ, плечи за jakiли, только не могъ взглянуть на бѣлый свѣтъ, и поэтому цѣлыхъ полдня пролежалъ внизъ лицомъ. Отецъ приказалъ вымыть его верблюжьимъ молокомъ и нарядить. Сынъ спрашиваетъ: „для чего ты, батька, меня мертвѣца, пошевелилъ?“ Но отецъ, вмѣсто отвѣта, подалъ ему чару вина въ полуведро. Богатырь выпиваетъ однимъ духомъ. Подана другая чара,—богатырь выпилъ, зарумянился и закусилъ цѣлымъ бараномъ. Тогда отецъ рассказалъ ему свое горе. „Неси, родитель, лукъ“. 30 человѣкъ принесли. Онъ заложилъ тетиву однимъ мизинцемъ (лукъ погнулся) и сказалъ: „ну, родимый батюшка, благословляй меня на путь, я тебѣ болѣе не сынъ, ты мнѣ не отецъ“. И съ этими словами отправляется съ прежними друзьями своими въ Коканъ къ дѣду своему по матери; но этотъ, назадъ тому 2 мѣсяца, какъ померъ, не оставилъ по себѣ наследника. Коканцы единогласно избрали его своимъ ханомъ. Но чрезъ нѣсколько времени долетѣлъ до него слухъ, что его стали называть бродягою. Тогда онъ собралъ весь народъ и сталъ отказываться отъ ханства. Одни молчали, а другие упрашивали быть ханомъ. Послѣднихъ онъ поставилъ по правую руку, а первыхъ по лѣвую, развернулъ свой, въ 12 разъ сложенный, булатный мечъ, махнулъ—и лѣвая сторона обезглавлена, бунтъ прекратился. Избравъ одного изъ 12 друзей своихъ, сдѣлалъ его ханомъ, а самъ отправился къ Бѣлому Царю Алексѣю Михайловичу. Русскій Царь полюбилъ его, назвалъ *Краснощекимъ* и отвелъ дворецъ ему. По отбытии его изъ родины, сдѣлался бунтъ въ на-

родѣ, и ханство Конгдайча распалось на двѣ части: одна осталась въ Кузнецкомъ округѣ, а другая ушла въ Томскъ и приняла магометанство. Конгдайчъ, притѣсняемый соседними ханами, бѣжалъ съ сыномъ своимъ Калданомъ къ одной горѣ, выкопалъ семь палатъ (отсюда Семипалатинскъ) и хотѣлъ здѣсь укрѣпиться, но Черный-Калмыкъ, вытѣснивъ его, прогналъ въ Бухарію.

Вотъ еще варіантъ этихъ сказаний: Былъ царь *Ойротъ*, коего подданные назывались *оиротами*. По смерти его, возгорѣлась вражда между его двумя сыновьями: имя старшаго—*Калдан-черю*, имя младшаго—*Уито-кайтты-Карагула*. Послѣдній былъ богатырь могучій. Оба они хотѣли царствовать. Но когда открылась война между ними, Карагула одолѣлъ старшаго брата и убилъ его въ сраженіи въ нынѣшихъ предѣлахъ Китайского государства. Народъ Калдановъ-Телеуты—убѣжали отъ Карагулы подъ покровъ Бѣлаго Царя. Карагула погибъ за ними съ своею женой-богатыркою, которая была въ то время беременна. Одинъ изъ воиновъ Калдана пустилъ стрѣлу въ нее; стрѣла распорола ей животъ; она умерла. Карагула, отрѣзавъ половину хвоста у лошади своей, бросилъ эти волосы и сказалъ: „довольно, теперь я не хочу знать людей Калдановыхъ“, и возвратился. Памятникъ этого событія—утесистая гора въ Алтаѣ *Тібетты*, недалеко отъ р. Песчаной.

Примѣчаніе. Многія имена этихъ сказаний принадлежать исторіи.

1) *Кондайч* или Контайма есть владѣлецъ Джунгарскій. Если здѣсь разумѣется отецъ Галдана, то онъ назывался *Батор*, умеръ въ 1654 г., оставилъ послѣ себя 12 сыновей, изъ коихъ замѣчательнѣйшими въ исторіи остались: *Цічен*, *Батор*, *Сэнэ* и *Галдан*. Изъ нихъ Сэнгэ наслѣдовалъ Тибеть, гдѣ, по принятіи духовнаго званія, воспитывался при Далай-Ламѣ. *Галдан-чирен* былъ умный, но хитрый и коварный государь. Онъ, по полученніи извѣстія о насильственной смерти своего брата Сэнгэ, возвратился изъ Тибета въ прежнее свое поколѣніе и объявилъ себя въ 1677 г. ханомъ. Такъ какъ послѣ Сэнгэ остались два сына: *Цеван-Рабтан* и *Соном-Рабтан*, законные преемники ханства его, то *Галдан*, желая обезпечить свой престолъ отъ новыхъ покушеній со стороны ихъ, нашелъ случай младшаго изъ нихъ отравить ядомъ. По устраниеніи домашнихъ враговъ, *Галдан* обратилъ вниманіе на внѣшихъ. Властолюбивые его замыслы клонились къ соединенію Монголіи подъ единодержавіе, и потому тѣ изъ монгольскихъ владѣтелей, которые признавали зависимость Китая надъ собою, почитались за враговъ и были предметомъ военныхъ дѣйствій. Сношенія нашего правительства съ ними были часты. Онъ, между прочимъ, упорно возставалъ противъ заведенія линіи по Иртышу, пока смерть не постигла его въ 1745 году.

2) *Табаачі* или *Давачі*, при жизни Галдана, былъ удѣльнымъ княземъ, и такъ какъ удѣль его состоялъ изъ земель, лежащихъ на сѣверѣ отъ Чу-

гучака, то русское начальство часто было въ сношенихъ съ нимъ. Табаачі слыть въ Джунгарскомъ народѣ, какъ разсудительный и наиболѣе умный нойонъ; послѣ смерти Галдан-Церена въ Урѣ, т. е. въ столицѣ Джунгаріи, которая находилась тамъ, гдѣ нынѣ городъ Кульджа, начались беспорядки, и когда престоломъ овладѣлъ незаконно-рожденный сынъ его, Табаачі оскорбился, такъ какъ принадлежалъ къ чистому царскому роду и бѣжалъ въ киргизскую степь вмѣстѣ съ *Амурсаной*. Усилившись посредствомъ перебѣжчиковъ и улучивъ лучшее время, Табаачі внезапно овладѣлъ Джунгарскимъ престоломъ, но не вполнѣ удовлетворенный, жадный, корыстолюбивый Амурсана снова началъ раздоры, призвалъ китайцевъ, погубилъ независимость своего отечества и бѣжалъ въ Россію, гдѣ умеръ въ 1756 г.

3) Богатырь *Шюна*, являющійся у телеутовъ баснословнымъ героемъ, есть интересная, загадочная личность Киргизско-Джунгарской степи. Онъ былъ современникъ не Алексея Михайловича, а Елизаветы Петровны. Китайцы о немъ ничего не знаютъ, но въ Киндермановскомъ архивѣ, находящемся въ Омскѣ, Г. Н. Потанинъ (см. „Томск. Губ. Вѣд.“ 1858 г., № 38) нашелъ цѣлое показаніе одного башкирца, нарочно посланного для разспросовъ о немъ въ Киргизскую степь оренбургскимъ губернаторомъ Неплюевымъ.—Шюна объявлялъ себя братомъ Галдан-Церена и рассказывалъ про себя, что онъ отличался силою и потому при жизни отца, Цеван-Рабтана, уже намекалъ на свое преимущество предъ старшимъ братомъ. Контайша, опасаясь беспорядковъ послѣ своей смерти, хотѣлъ смирить Шюну; онъ связалъ его такъ крѣпко, что изломалъ лопатки и лишилъ возможности по-прежнему натягивать лукъ; потомъ далъ ему 40 слугъ и окружилъ стражей; но Шюна пробился съ 40 человѣками и бѣжалъ на Волгу, къ Аюкѣ-хану (ум. 1724 г.). Галдан-Церенъ, сдѣлавшись Джунгарскимъ контайшею, сталъ требовать у Аюки выдачи Шюны. Аюка, боявшіяся силы Галдана, хотѣлъ уже выдать Шюну, но сестра послѣдняго, бывшая замужемъ за Аюкою, одѣла его въ платье убитаго калмыка, а его уговорила бѣжать на Кубань. Отсюда Шюна побѣжалъ въ Константинополь, въ Петербургъ и Москву и явился въ Башкирии подъ именемъ Карасакала. Здѣсь онъ произвелъ известное возмущеніе 1740 г., утешенное генераломъ Бахметовымъ. Карасакалъ бѣжалъ въ Киргизскую степь и здѣсь былъ принятъ двумя біями, получилъ отъ нихъ людей и кочевалъ въ 1745 г. около вершинъ р. Сарысу, называя себя уже Кара-ханомъ, но у киргизовъ известенъ въ настоящее время подъ именемъ *Сна-батыря*.

4) *Каракыз*—черная девушка—напоминаетъ дико-каменную киргизку (кара-киргизку), мать ламы Дорчжі, который былъ незаконно-рожденнымъ сыномъ Галдан-Церена.

5) *Каралула*, ханъ Чаросскій, стремился къ единодержавію надъ раздробленными монгольскими владѣніями. Онъ старался возвысить государство вторичнымъ соединеніемъ Элотовъ въ одно политическое тѣло и укрѣ-

пить сей союзъ единствомъ власти и законовъ. Поэтому, обезсилия союзниковъ уменьшениемъ ихъ владѣній, увеличивалъ на счетъ ихъ свои собственныя; напротивъ, владѣтели поколѣній, довольно сильные сами по себѣ, не хотѣли быть подъ его распоряженіемъ и объявили себя независимыми ханами. Отъ этого произошли неудовольствія, превратившіяся, наконецъ, въ явный разрывъ. Вотъ время и случай, который не мало спопѣществовалъ Россіи завоеванію южныхъ земель губерній Томской и Енисейской, принадлежавшихъ Чжунгарскимъ монголамъ.

2) О подданствѣ Россіи Телеутовъ-Скедамовъ.

По случаю междуусобной войны, два князя телеутовъ, *Мамыт* и *Балыкъ*, отдѣлились отъ кочевавшихъ вмѣстѣ съ ними тербетцовъ и пришли къ р. Томи, гдѣ расположились на лѣвомъ берегу противъ г. Кузнецка. За ними погнались тербетцы съ войскомъ, подъ предводительствомъ двухъ князьковъ своихъ. Телеуты попросили помощи у русскихъ, которые и отразили тербетцевъ, причемъ одинъ князекъ былъ раненъ, а другой, будучи преслѣдуемъ и догнанъ храбрымъ Алаганчикомъ, предводителемъ войска Мамытова, былъ убитъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія Мамытъ и Балыкъ, объявивъ о подданствѣ своемъ Русскому царю, положили, что надобно которому-нибудь изъ нихъ лично явиться къ царю для того, чтобы не обложили ихъ большими ясакомъ и чтобы за свое добровольное подданство получить награду. Балыкъ, будучи хитеръ, совѣтовалъ Мамыту, что ему, какъ старшему, приличнѣе остаться при народѣ, и предложилъ вмѣстѣ свою услугу—сѣѣздить къ царю въ качествѣ его вѣрнаго слуги и посланника. Совѣтъ былъ принятъ; но Балыкъ, прїѣхавъ къ царю, измѣнилъ Мамыту, назвавъ себя главнымъ начальникомъ телеутовъ, получилъ знакъ отличія—ярлыкъ и суконный, обложенный галуномъ, кафтанъ. Возвратясь къ Мамыту, онъ объявилъ себя начальникомъ, а его (Мамыта) своимъ подчиненнымъ.

Мамытъ, оскорбленный обманомъ Балыка, поднялся съ своимъ народомъ на партію Балыка и приказалъ своему богатырю Мылтык-ашхѣ схватить вѣроломнаго брата и убить. Мылтык-ашха, принимая порученіе, сказалъ: „пойду, исполню твое приказаніе въ послѣдній разъ; сердце мое чуетъ, что я отрублю голову Балыку, но и самъ живой не ворочусь.“ Мылтык-ашха окружилъ ночью станъ Балыка, сорвалъ его юрту, оцѣпивъ арканомъ, и отсѣкъ голову. Но войско Балыка и русскіе погнались за богатыремъ и, не допустивъ его до Мамыта, сдѣлали схватку. День былъ жаркій, поэтому Мылтак-ашха, носившій кольчугу, часто уклонялся подъ тѣнь березы. Замѣтивъ это, одинъ изъ русскихъ воиновъ скрылся подъ лежащую близъ той другой березу, и когда Мылтык-ашха прибѣжалъ подъ тѣнь березы и под-

и наль съ лица кольчугу, русскій выстрѣлилъ ему въ лобъ и убиль. Отрядъ Мылтык-ашхи быль взять.

Мамытъ оправдался предъ русскими тѣмъ, что его намѣреніе было только убить Балыка за обманъ, и остался въ нашемъ подданствѣ. Поэтому народъ Балыка отдѣлился отъ Мамыта и поселился ниже по р. Томи, получивъ название *Скедамовъ*.

Примѣчаніе. Скедамы, какъ и Бачатскіе телеуты, были идолопоклонники; но, соединясь съ татарами—ташкентцами, живущими въ гор. Томскѣ въ недавнее время, не болѣе 50 лѣтъ, обращены муллами въ магометанство.

Магометане—телеуты и Бачатскіе телеуты, находясь въ близкихъ сношенияхъ съ томскими татарами, приняли отъ нихъ нѣкоторыя измѣненія въ своеемъ нарѣчіи.

3) О междуусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нараттаномъ, о происхожденіи народа Тургуутъ и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ.

Когда *Ойрот-хан* умеръ и когда отъ междуусобныхъ войнъ царство его распалось на части, главнымъ начальникомъ Ойротского войска въ то время былъ *Амыр-Санаа*, а начальникомъ надъ частью народа алтайского (въ родѣ губернатора)—*Чаган-Нараттан*, живущій въ Тарбагатаѣ. Чаган-Нараттанъ произвелъ ревизію у алтайцевъ и другихъ ойротскихъ племенъ и задумалъ всю власть надъ народомъ и войскомъ присвоить одному себѣ. Амыр-Санага во-время узналъ объ этомъ и поспѣшно отдѣлился отъ него съ своимъ войскомъ. Поднялась жестокая междуусобная война. Послѣ многихъ незначительныхъ покушеній съ той и другой стороны, оба войска сошлись, наконецъ, на р. Чарышѣ, гдѣ произошла между ними рѣшительная битва: Чаган-Нараттанъ, не дождавшись конца сраженія, бѣжалъ съ своими приближенными, въ числѣ 62 человѣкъ, и скрылся въ пещерѣ, находящейся близь устья р. Уснезі, на правомъ берегу р. Катуни. Между тѣмъ алтайцы, подъ начальствомъ Коо-Какшіна, одержали побѣду, лишившись въ тоже время и этого начальника. Прогнавши Амыр-Санагу за р. Иртышъ, они, не найдя между убитыми Чаган-Нараттана, разсыпались по горамъ для его поисковъ. Наконецъ, открыли его убѣжище. Пытаясь и отсюда уѣхать, Чаган-Нараттанъ былъ однако-жъ пойманъ на одной маленькой рѣчкѣ, которая и называется теперь вслѣдствіе этого *Бій-тутхан* (начальникъ пойманъ), а пещера, гдѣ онъ скрывался, названа *Бій-шібезі* (защита или крѣпость начальника). Она находится на горѣ *Тарлык* (пороховая). По угламъ этой пещеры въ настоящее время навалены кости животныхъ, должно быть, идоложертвенныхъ. Каменные стѣны пещеры какъ-бы потѣютъ: эта от塑ь селитринного свойства, она застываетъ и осыпается, цвѣтъ ея темно-серый.

Говорятъ, что калмыки изъ этой осыпи, сдѣлавъ порошокъ, варили

въ водѣ съ сѣрою и углемъ и получили изъ этой смѣси порохъ, прибавляя медвѣжью или сурковую желчь. Раздраженные трусостью Чаган-Нараттана, алтайцы сказали ему: „Если ты во время войны оставилъ насъ, то мы оставляемъ тебя и во время мира; ты не жалѣль насъ и бросиль, теперь и мы не жалѣемъ тебя и не признаемъ своимъ начальникомъ.“

Другіе два начальника Ойрот-хана, жившіе при вершинѣ р. Чуи, *Курдюн-Убан* и *Шерен-Убан*, уклоняясь отъ войны между Чаган-Нараттаномъ и Амыр-Санасаю, продолжавшейся три года, ушли съ своимъ народомъ къ Эденъ-хану (китайскій императоръ). Когда они переходили большую рѣку въ китайскихъ предѣлахъ, ихъ застигла осень, вода стала покрываться льдомъ. Большая часть народа Убанова успѣла перейти рѣку, а малая часть осталась за рѣкой и вовсе отстала отъ своихъ. Рѣка эта получила название *Туриун*, а народъ—*Туриут*¹⁾ (*туруп-каман*—остался). Курдюн-Убанъ сталъ называться *Талай-ханомъ*, потому что онъ *талайланча-кыргенъ*, т. е. съ поднятою или вооруженною рукою вошелъ въ китайскую землю. Ханство его находится въ смежности съ землею сойонцевъ, на р. Кемчугѣ, отъ китайскаго пограничнаго знака *Кату-обо* до столицы Талай-хана 1 день Ѣзды. Сойонцы, во время путешествія въ Пекинъ съ податью, проходять чрезъ землю Талай-хана; народъ его называется *Тербет*. Тургууты-же разсыпались во всѣ стороны: въ Бухарію, Коканъ, есть и около Тобольска. Чаган-Нараттан-тайгами также ушелъ вслѣдъ Курдюн-Убана къ Эденъ-хану и поселился съ своимъ народомъ въ земляхъ Талай-хана. Амыр-Санага лишился убитыми до двухъ третей своего войска и съ остальными, какъ сказано было, скрылся за Иртышъ. Тамъ, соединившись съ тургуутами, поступилъ въ подданство Россіи, въ царствованіе Екатерины II, принятъ, какъ дворянинъ, и названъ *Краснощекимъ*.

По уходѣ Чаган-Нараттана въ Китай, предводитель монголовъ *Чадокъ*, сынъ Эзеня, вторгнулся въ Алтайскія горы и хотѣлъ покорить подъ свою власть оставшихся безъ начальника алтайцевъ; но предпріятіе его не удалось: разбитый алтайцами, предводимыми храбрымъ Тёдётомъ, на голову, онъ не далеко отъ р. Чуи, между пр. Улегэномъ и Яламаномъ, на полянѣ *Мунаш-ялан*, оставилъ такой памятникъ, изъ котораго можно видѣть о многочисленности его войска при вступленіи въ Алтай и о малочисленности при отступленіи. Это два холма, состоящіе изъ булыжника: алтайцы говорять, что, идя впередъ, Чадокъ приказалъ каждому воину бросить по камню, отчего составился первый большой курганъ, а идя назадъ съ разбитыми остатками войска, онъ велѣлъ опять каждому воину взять съ прежняго кургана по камню и бросить подлѣ, отдельно; отъ этого образовался курганъ втрое менѣе первого. Но чтобы еще болѣе отбить охоту нападать на Алтай, Чадокъ описалъ исторію несчастнаго своего похода на скалѣ *Бічікту-гая* (писан-

¹⁾ Вѣроятно, *торютъ*, *торюутъ*—одинъ изъ союзныхъ народовъ ойротства.

ная гора), на правомъ берегу р. Катуни, въ одной верстѣ отъ устья р. Чуи. Огромный этотъ утесь снизу вездѣ, гдѣ есть ровное мѣсто, весь исписанъ частыми строками и разрисованъ изображеніями птицъ и животныхъ.¹⁾

Между тѣмъ алтайцы, хотя и отбились отъ непріятеля, но и сами потерпѣли большой уронъ. Боясь новыхъ нападеній со стороны монголовъ и видя, что нельзя имъ оставаться безъ хана, они поступили въ подданство Русскаго царя.

И тогда-то они, взойдя на гору *Ялменкы* (вѣчнаго грива), изъ которой вытекаютъ рѣчки *Себі* и *Короты*, и видя Алтай опустошеннымъ, безъ жилищъ и жителей, воспѣли:

Устьуртун курёрдо и т. д.
(см. далѣе, „Пѣсни“, № 1).

4) О Телецкомъ озерѣ.

Въ давно-минувшія времена во всемъ Алтаѣ былъ голодъ. Одинъ калмыкъ обладалъ большимъ слиткомъ золота, но обойдя весь Алтай съ своимъ сокровищемъ, не могъ пріобрѣсти на него ни одного куска хлѣба. Раздосадованный богатый бѣднякъ бросилъ свой слитокъ въ озеро и самъ погибъ въ волнахъ его. Оттого Телецкое озеро на языкѣ алтайцевъ называется *Алтын-нор* или *Алтын-кул* (золотое озеро).

5) Мрасский порогъ.

Въ 100 верстахъ выше устья р. Мрасы бурлитъ и страшно клокочетъ извѣстный *Мрасский порогъ*, на протяженіи 7 верстъ, ущемленный между горами. Волны выше сажени вздымаются чрезъ разбросанные на днѣ огромной величины камни, отъ рева ихъ не слышно и громкаго разговора. Такіе же камни находятся и по обоимъ берегамъ, равно какъ и на горѣ съ правой стороны, имѣющей видъ развалинъ. Плоты и лодки, освобожденные отъ клади, спускаются чрезъ порогъ на веревкахъ, а кладь переносится по тропѣ, съ правой стороны проложенной по камнямъ. По обоимъ берегамъ валяются остатки исковерканныхъ плотовъ и осколки лодокъ, свидѣтельствующіе о небезопасности путешествія.

По преданію мрасскихъ инородцевъ, въ древности рѣка протекала сквозь гору мрачнымъ ущельемъ, въ которое проходили съ заженнымъ смольемъ; но подобный проходъ предки ихъ нашли не удобнымъ и обратились чрезъ

1) Впрочемъ, мнѣнія о писателѣ и содержаніи написанного различны. Нѣкоторые утверждаютъ, что это писалъ Ойрот-ханъ исторію своего царствованія. Другіе говорятъ, что это написано не болѣе, какъ лѣтъ 60 китайцемъ Талаемъ, который описалъ здѣсь не только жителей Алтая, но звѣрей и птицъ, живущихъ по горамъ, и трудился надъ этимъ ровно два лѣта. Не зная китайскаго языка, разшифровать трудно. Подобная-же *Бічікту-гая* есть на устьѣ р. Карагола.

своихъ шамановъ къ хозяину горы—*ту-ээзи* съ моленьемъ: „Нельзя-ли уничтожить это ущелье?“ *Ту-ээзи* велѣлъ имъ принести ему въ жертву одну старую женщину, по имени *Манак*, опустивъ ее въ ущелье на *салчикъ* (небольшой плотъ), безъ огня. Такъ и сдѣлали. Когда *Манак* доплыла до средины ущелья, гора съ шумомъ и трескомъ падаетъ на нее. Эта упавшая гора, у подошвы которой находится порогъ, и досель носить название своей жертвы—*Манак*.

6) Богатыри р. Катуни.

Два Катунскихъ богатыря, отецъ съ сыномъ, задумали прославить свое имя постройкою прочного моста чрезъ бурливую Катунь. Работа началась съ исполинской силой. Добрый духъ Ульгэня помогалъ имъ, но съ условіемъ, чтобы во время работы они держали себя въ чистотѣ. Огромные камни посыпались съ той и другой стороны своевольной рѣки; осталось не болѣе сажени на срединѣ для арки, подъ которую предназначено течь водѣ. Но день вечерѣетъ, мощные тружениники предаются усадителному отдохновенію; добрый духъ Ульгэня охраняетъ ихъ покой. Вотъ они пробуждаются. Отецъ, схвативъ крѣпкими руками бремя камней, спѣшить къ трудамъ своимъ, но видитъ, что много камней изъ насыпи поглощено Катунью, потому что сынъ его не соблюлъ условія доброго духа. Отецъ богатырь, съ негодованіемъ на члѣвъ, садится на ближайшій камень и грустно смотритъ на недоконченное предпріятіе. Слѣды его сидѣнья и огромныхъ босыхъ ногъ отпечатлѣлись на камняхъ и съ остатками насыпи сохранились доселѣ выше устья р. Чемала.

7) Богатырь горы Катуни. ¹⁾

Въ 70 верстахъ отъ г. Кузнецка, на правомъ берегу р. Кондомы есть гора *Катунь*. Вершина этой горы вѣнчается каменнымъ утесомъ; у подошвы ея находится улусъ Подкатунскій, мѣсто рожденія въ древнія времена извѣстнаго между инородцами богатыря. Богатырь этотъ еще въ отрочествѣ

1) Алтайскія горы, замѣчательныя или своею высотою, или очертаніями, были до потопа богатырями. Нѣкоторые изъ этихъ богатырей, еще до потопа-же, вслѣдствіе родительскихъ или другихъ заклятій, были превращены въ горы.

Послѣ потопа земля лишилась первоначальной своей твердости и не могла держать на себѣ богатырей, поэтому всѣ они превратились тѣлами въ горы, въ которыхъ присутствуютъ духи ихъ, подъ именемъ *ту-еезі* (алт.) или *таң-ези* (алад.)—хозяинъ горы, горный духъ. Алтаецъ—язычникъ этимъ горнымъ духамъ кланяется и приносить жертвы, устрояетъ празднества (весенній *шачымъ*), предъ принятіемъ пищи первыя три ложки жидкости брызгаютъ на воздухъ въ честь хозяевъ горъ, съ восклицаніемъ: *чок!* (алт.) *шок!* (алад.). Изъ допотопной жизни богатырей въ народныхъ преданіяхъ особенно обращено вниманіе на свадьбы и войны ихъ. Слабѣйшіе, какъ и всегда, уступали и платили дань. Меньшія горы, хотя не были богатырями сами, но были свидѣтелями героическихъ подвиговъ богатырскихъ и остались памятниками замѣчательныхъ событий.

ужасаль всѣхъ необыкновенною силою: въ дѣтскихъ играхъ, кого онъ схватить за руку, рука прочь, за голову—голова летитъ; медвѣдей этотъ новый Сампсонъ разрывалъ руками. Бывало, отецъ прикажетъ ему загнать корову, онъ схватить ее въ охабку и принесеть домой; прикажетъ, шутя, принести огромную сосну на дрова, дерево трещитъ и съ корнями мчится по назначению. Такимъ образомъ богатырь нашъ достигаетъ 10-ти лѣтняго возраста. Сила его, годъ отъ году, возрастала; только къ огорченію родителей и ужасу окружающаго его общества, ума у него не хватало. А сила безъ ума, равно какъ и власть, дѣло—чабал (плохо). Родители и сосѣди задумали порѣшить эту безумную силу слѣдующею хитростью: на утесъ Катуни, въ теченіе 6-ти недѣль, раскаляютъ большой камень, и потомъ отецъ сказалъ сыну: „Ну, милый сынъ, пойди, встань на берегу рѣки и смотри на утесъ, мы оттуда будемъ гнать краснаго оленя, а ты его хватай и держи до моего прихода.“ Раскалившійся камень летитъ съ Катунскаго утеса, богатырь его хватаетъ; камень жжетъ его богатырское сердце, но онъ говоритъ самъ себѣ: „Пусть всего меня ты изожжешь, а ужъ я тебя не выпущу, пока не придетъ батюшка,“ и, дѣйствительно, не выпустилъ, но зато и поплатился своею жизнью. Изъ дальнихъ родственниковъ этого богатыря—мальчика въ настоящее время сохранились только двое: инородецъ улуса Подкатунскаго *Кыштеш* съ своею сестрою ¹⁾.

8) Гора Катунь.

Гора Катунь такъ-же замѣчательна въ метеорологическомъ отношеніи, какъ и гора Бабырган (въ 60 верст. отъ г. Бійска, на лѣвомъ берегу р. Катуни).

Обѣ эти горы заблаговременно предвѣщаютъ измѣненіе погоды: первая—необыкновеннымъ воемъ, а послѣдняя закрываетъ высокое чело непроницаемымъ туманомъ. По преданію, одна татарская женщина, лишившись любимаго своего супруга, взъехала на каменный утесъ и, завязавъ коню своему глаза, пришипорила его и ринулась въ бездну. Съ тѣхъ поръ свидѣтель этого печальнаго происшествія, утесъ, по временамъ, воемъ своимъ оплакиваетъ погибшую жену и, въ воспоминаніе о ней, получилъ название Катуни (Катунь—жена). По другому сказанію, Катунь была женою Мустага (см. ниже, № 9), которую онъ оставилъ за обиліе у нея вшей.

У нея было 18 сыновей: 1) Улуг-даг—при р. Учуленъ, 2) Шолбаниг—въ вершинѣ р. Тениша, 3) Коштаг-улу, 4) Коштаг-кічі—при р. Учуленъ, 5) Шобар—при устьѣ р. Тениша, 6) Кученеш—при устьѣ р. Тамал-

1) Между тѣмъ уже всѣхъ подкатунцевъ привѣтствуютъ: „Алыг Катун ал! Кызыл даш күчакталан курсалы күйген. Паланын мізін шілара паскан.“ („Глуши—катунцы! Вы держали въ своихъ объятіяхъ красный (отъ огня) камень и прожгли себѣ брюхо, а у ребятъ выдавляли мозгъ.“

лы, 7) Ачолуг—между рр. Тазомъ и Тельбесемъ, 8) Уек, 9) Кара-тубе, 10) Таз-анк и 11) Таспелбіе—недалеко отъ р. Ачолуга, 12) Тору-даг и 13) Назій—между рр. Тазомъ и Кунделемъ, 14) Казыл-гая—при устьѣ р. Таза, 15) Ог-аттыг—при р. Кондомъ, 16) Карагайы-даг—при р. того-же имени, 17) Улуб-шобар и 18) Кічі-шобар—близъ улуса Подкатунского, рядомъ съ своею матерью.

9) Мустаг, Карабур и Кізей.

Гора *Мус-таг* (ледяная гора) находится къ сѣверу отъ хребта Абаканского. Въ допотопное время Мустагъ, оставивъ въ своемъ владѣніи намѣстника, самъ отправился въ Китай для женитьбы на высватанной имъ *Кеідѣ*. На возвратномъ пути, близъ села Салтона, на границѣ Бійского и Кузнецкаго округовъ, встрѣчаетъ его намѣстникъ его и объявляетъ, что въ его отсутствіе *Абаган*, пришедши съ вооруженною силою, завоевалъ его владѣнія. Мустагъ вспыхахъ бросилъ молодую жену свою, которая и теперь стоитъ близъ села Салтона и замѣчательна тѣмъ, что, при самой тихой погодѣ у подошвы, на ея вершинѣ лѣтомъ дуютъ вѣтры съ необыкновеннымъ шумомъ, какъ-бы отъ плеска волнъ, а зимою свирѣпствуетъ буранъ. Это Кегда оплакиваетъ своего друга. Мустагъ, прибывши домой, вступаетъ въ бой съ Абаганомъ, но неудачно, и обращается за помощью къ старшему сыну своему *Карабуру* (гора въ 45 верст. отъ Мустага), который, обидѣвшись на то, что не былъ приглашенъ къ началу сраженія, не пошелъ на помощь. Побитый отецъ снова просить о помощи гордаго сына. Карабуръ умилостивляется; прїѣхалъ, заигралъ въ трубу (*пыры*), и Абаганъ, не стерпѣвши трубного звука, вышелъ изъ владѣній Мустага; но этого мало для Карабура, онъ шутить не любить и въ догонку просадилъ врага своею богатырской саблей въ 9 мѣстахъ, отчего образовалось 9 *тасхыл* (сопки), которые и до сего времени стоять на г. Абаганѣ, во свидѣтельство его пораженія. По дорогѣ Карабуръ взялъ еще изъ владѣній Абагана за понесенные военные издержки 4 тайги: *Саабыдын*, *Кыр-Саабыдын* (*кыр*—кривой), которая хотѣла-было убѣжать назадъ, но завоеватель такъ ловко ударили ее по щекѣ, что она скривилась на бокъ, *Шеръ* и *Пазай*.

Шаманы въ своихъ волшебныхъ дѣйствіяхъ призываютъ на помощь себѣ всѣ знаменитыя горы и, когда подходятъ къ сердитому Карабуру, представляютъ страхъ, пятятся назадъ, особенно во время весенней *абырткы*, при обновленіи бубна. Карабуръ всегда остается не доволенъ бубномъ, требуя большаго размѣра. Шаманъ подобострастно оправдывается неимѣніемъ большей величины моралины, которою обтягиваются бубны, тотъ выносить книги величиною по сажени, отыскиваетъ тамъ подробное описание бубна, но, умилостивленный абырткою, умолкаетъ.

Мустагъ, оставивъ Кегду, присватался за дочь богатыря *Шанчілых* (гора на лѣвомъ берегу р. Мрасы). Этотъ не отдалъ. Оскорбленный Мустагъ

откололъ своею богатырскою саблей большой кусокъ отъ Шанчілыха и взяль дочь его силою. Отколокъ этотъ и до сего времени стоитъ рядомъ съ горой, отъ которой отрѣзанъ.

Младшій сынъ Мустага *Кізей* (грубый) часто прогнѣвлялъ отца, и за это былъ прогнанъ въ дальную сторону отъ родительского дома. На дорогѣ въ изгнаніе попалась ему г. *Утья* и стала любопытствовать, отчего произошло у нихъ несогласіе съ отцомъ? Это неумѣстное любопытство и не прощенное вмѣшательство въ семейныя дѣла еще болѣе раздражили и безъ того уже огорченаго Кізея, и потому съ досадою онъ такъ хватилъ Утью, что въ вершинѣ ея пробилъ окно, величиною съ большой домъ. Прогнанный Кізей въ настоящее время покоится при р. Мунзасѣ.

10) Арза-даш.

Абаганъ держалъ въ подчиненіи Мустага. Однажды Мустагъ замедлилъ сборомъ дани съ своихъ подчиненныхъ и послалъ своего почтальона Азрадаша попросить у Абагана отсрочки, съ наказомъ посланному, чтобы онъ не медлилъ никакъ въ дорогѣ. Азрадашъ летитъ къ Абагану, но на р. Кондомѣ встрѣтилъ красивую женщину съ распущенными волосами, прельстился ею и замедлилъ. Абаганъ, соскучась дожидать дани, не видя и извиненія, напалъ на Мустага, разбилъ его и отобралъ отъ него соболей, которые и до сихъ поръ водятся преимущественно на Абаганѣ. Мустагъ, въ наказаніе, превратилъ Азрадаша съ прельстившею его женщиной въ развоенный камень, который и по настоящее время возвышается изъ Кондомы, понижаясь р. Таш-су, верстахъ въ 11 выше Спасскаго золотаго промысла.

Въ мирное время Абаганъ съ Мустагомъ поигрываютъ въ карты, и, смотря по проигрышу, бѣлки и другая проигранная пушнина переселяются то съ Абагана на Мустагъ, то паоборотъ.

11) Туралигъ.

Каменная гора *Туралигъ* находится въ 10 верст. ниже Мрасскаго порога, на правомъ берегу. Однажды оспа направилась къ черневымъ инородцамъ вверхъ по р. Мрасѣ. Туралигъ началъ бросать въ нее камнями. Оспа превратилась въ двухъ змѣй и поползла по горѣ, но Туралигъ не вдался въ обманъ. Онъ притворился змѣй къ утесу, которыя и до сихъ поръ, въ видѣ двухъ черныхъ извилистыхъ полосъ, отражаются на желтоватомъ камнѣ. Въ признательность за это благодѣяніе Туралигъ чествуется шаманами во время ихъ суевѣрныхъ дѣйствій наравнѣ съ другими горами, чѣмъ-либо знаменитыми.

12) Ог-аттыг таш.

Ог-аттыг ташъ (стрѣльный камень) находится на правомъ берегу р. Кондомы, въ 55 верст. отъ г. Кузнецка, названъ во времена отдаленныя, когда въ Алтаѣ жила беспокойная Чудь и дѣлала набѣги на острогъ Кузнецкій. Во время первого нападенія своего, Чудь, дошедши до юрты татарина *Кузедея* (отсюда улусъ Кузедеевскій, въ 60 верст. отъ г. Кузнецка, на лѣвомъ берегу р. Кондомы), кочевавшаго съ своими стадами въ 7 вер. отъ остроконечной, отвесной скалы, принудили его быть вожатымъ до острога Кузнецкаго. Кузедей уступилъ силѣ и, противъ желанія своего, повель многочисленную Чудь. Поровнявшись со скалою, онъ похвалился предъ Чудью своею ловкостью стрѣлять изъ лука: нущенная имъ стрѣла воткнулась въ самую вершину скалы, отчего послѣдняя и наименована *Стрѣльнымъ камнемъ*. На этомъ камнѣ произрастаютъ, между прочимъ, *ревень*, *балдырыян*, *каменный звѣробой*, *казацкій можжевелникъ* и особенный видъ лиліи, на подобіе кандали, очень красивый и болѣе въ Алтаѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчавшійся. За этимъ утесомъ и до сихъ поръ видна глубоко выбитая конскими копытами тропа: это, по преданію, путь Чуди.

13) Китайскій богатырь Садагай.

По преданію инородцевъ Кузнецкаго округа, живущихъ по р. Мрасѣ (впадаетъ съ лѣвой стороны въ Томь), въ старые годы, на ихъ мѣстѣ жили китайцы. Памятникомъ ихъ существованія осталось: *запѣдка китайца*— два большихъ камня на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 37 вер. выше ея устья. Былъ у китайцевъ и богатырь *Садагай*, который ъздила на соловомъ копѣ необыкновенной величины, такъ что, въ переѣздахъ чрезъ глубокія рѣки, вода никогда не достигала выше стременъ. Въ семействѣ Садагая было 9 женъ, которыхъ онъ бралъ одну за другою, въ надеждѣ имѣть дѣтей, но за многоженство Богъ отказалъ ему въ дѣтяхъ. Однажды жены его, сбирая въ лѣсу дрова, увидѣли огромнаго медвѣдя и, прибѣжавши домой, съ ужасомъ рассказали обѣ этомъ своему мужу. Садагай приказалъ кипятить воду въ котлѣ, обѣщаюсь сейчасъ принести имъ на варево мясо этого медвѣдя, но вышло не такъ. Вмѣсто одного часа, онъ провелъ въ единоборствѣ съ медвѣдемъ трое сутокъ и, наконецъ, обезсиленный, былъ растерзанъ звѣремъ. Поразивши богатыря, кровожадный звѣрь бросился и за конемъ его. Соловко 4 дня бѣгалъ отъ медвѣдя, но на 5-й выбился тоже изъ силъ, былъ пойманъ и брошенъ съ горы такъ сильно, что, отъ его паденія, образовался подземный провалъ, наполненный водою, существующій и донынѣ, подъ именемъ *курыи* (заливъ) на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 12 вер. отъ ея устья.

14) Тохпах-ажінгы.

Расположение горъ при рѣкахъ бываетъ самое разнообразное; часто рѣка прямо упирается въ гору и дѣлаетъ крутой поворотъ въ сторону, отчего нерѣдко приходится огибать горы кругомъ, дѣлая извилину отъ 5—15 верстъ. Эти крюки называются *тохпах-ажінгы* (*тохпак*—дровоколотная палка, *аишадым*—переваливаюсь чрезъ гору). Въ подобныхъ извилинахъ рѣки богатыри, обыкновенно, имѣли *запѣдки* для рыбной ловли. Дровоколотная палка у сосѣдей—богатырей, промышляющихъ рыбу съ двухъ противоположныхъ сторонъ одной и той-же горы, обыкновенно, бывала общая и требовалась часто обоимъ богатырямъ. А такъ какъ обходить гору за палкою далеко, то они перекидывались ею прямо чрезъ гору, отсюда и название *тохпах-ажінгы*.

15) Столкновеніе Абагана съ Бобырганомъ.

Бобырган—гора на лѣвомъ берегу р. Катуни, противъ устья р. Майны. Бобырганъ вздумалъ жениться и посватался за дочь Абагана. Абаганъ много запросилъ калыма. Бобырганъ видитъ, что калыма въ запрошенномъ количествѣ ему не найти, рѣшился дѣло сдѣлать покороче: укралъ невѣсту и побѣжалъ. Абаганъ погнался за нимъ. Бобырганъ, недалеко отъ вершины р. Салтона, поскользнулся и едва не былъ настигнутъ Абаганомъ. На этомъ мѣстѣ образовалась гора *Те-їді* (зацѣпилъ ногами). Бобырганъ успѣлъ убѣжать и переправился чрезъ р. Бію (въ 30 верстахъ отъ Тे-гді). Абаганъ гонится; для облегченія Бобырганъ бросаетъ свою невѣсту и удираетъ одинъ. Абаганъ, догнавши свою дочь, хотѣлъ ее зарѣзать, но она взмолилась: „*Кеспе!*“ (не рѣжь!). Гора Кеспе находится близъ деревни Лебяжьей. Абаганъ пожалѣль свою дочь, оставилъ ей жизнь и, взявъ ее съ собою, продолжалъ гнаться за Бобырганомъ. Но такъ какъ дочь обременяла его во время погони, то онъ привязалъ ее. Мѣсто это—сопка *Пуулакан*, въ переводе: „привязалъ“ (между деревнями Краюшкиной и Березовкой). Абаганъ послѣ того, какъ привязалъ дочь свою, сталъ обозрѣвать мѣстность и, увидавъ бѣгущаго Бобыргана, сказалъ: „вонъ онъ краснѣетъ“. Мѣсто, куда онъ указалъ—*Кызарык* (краснѣющійся)—гора между селеніями Быстрянскимъ и Бардинскимъ. Бобырганъ, услыхавши голосъ Абагана, побѣжалъ вправо, по направленію къ деревнѣ Сросткамъ и, замѣтивъ удобную переправу чрезъ р. Катунь, перескочилъ ее и побѣжалъ далѣе. Но отъ испуга или отъ прыжка оборвались у него нѣкоторыя части тѣла, именно *тажак*, и тутъ образовался круглый пригорокъ на обширной ровной степи, близъ деревни Сѣтовки. Абаганъ, увидѣвшіи это, не сталъ переправляться чрезъ р. Катунь, хлоннулъ себя по бедрамъ, расхохотался и возвратился домой.

16) Кыланъ.

При р. Кыйыг-зу, впадающей въ Кобыр-зу, на одной сторонѣ находится гора *Кыланъ*, а на противоположной сторонѣ рѣки — утесъ о семи гребняхъ. Кыланъ была вдова, — имѣла семь дочерей. Одинъ богатырь посватался за одну изъ дочерей. Кыланъ поцеремонилась, и за это богатырь забралъ себѣ всѣхъ ея дочерей, которыхъ, въ видѣ семи отдельныхъ гребней, и доднесь посиживаютъ при р. Кызынырык-голь.

17) Мазаракъ.

На правомъ берегу р. Мрасы, противъ устья р. Онзаса, находится *Мазаракъ*, сражавшійся съ китомъ (*кер-бальк*), заплывшимъ въ р. Мрасу и потопившимъ-было прибрежныхъ жителей. Мазаракъ бросилъ двумя большими камнями, которые и теперь лежать, высунувшись изъ р. Мрасы, въ видѣ воротъ, о которыхъ иногда разбиваются плоты. Этими камнями богатырь такъ сильно ранилъ кита, что онъ, немного проплыши, издохъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ протекаетъ рукавъ Мрасы — *Ёлчек* (умершій), противъ улуса Сосновой Горы.

18) Кызыл-гая.

На правомъ берегу р. Мрасы, въ пяти верстахъ выше улуса Сосновой Горы, издали краснѣеть гора съ твердою охрою краснаго цвѣта. По преданію, здѣсь жили въ прежнія времена инородцы Паянскай волости, въ числѣ 470 домовъ. Въ одномъ семействѣ было 9 братьевъ, изъ которыхъ двое пошли промышлять въ тайгу и до того увлеклись охотою, что позабыли и время, спустились съ бѣлковъ и увидѣли, что рѣки очистились отъ льда и зелень вышла въ колѣно. Ясно, что весна, но которая? Можетъ быть, ужъ вторая послѣ ихъ отлучки изъ дома, потому что на бѣлкахъ время года узнать мудрено: тамъ вѣчная зима. Припомнивъ о своей добычѣ, они сообразили, что дѣло неладно, такъ какъ изъ 9-ти убитыхъ ими медвѣдей не оказалось ни одной самки. Они спѣшать домой, какъ только можно спѣшить пѣшею ногою и притомъ съ порядочною ношѣй за плечами. Пришли домой неожиданно. Семейства ихъ перестали считать ихъ живыми. Жена одного изъ вернувшихся звѣролововъ вступила во второе супружество. Запоздалые промышленники, разсердившись за такие непорядки въ домѣ, убили жену-измѣницу съ нарушителемъ супружеской вѣрности. Свидѣтель такого преступленія — *Кызыл-гај* обагрилась кровью (отчего и теперь красна), на всю Паянскую волость сошло проклятие: родъ ихъ болѣе одного сына въ семействѣ никогда не производить. Изъ сёёк-а (поколѣнія) девяти братьевъ и доселъ живы въ улусѣ Чувашкѣ (на Мрасѣ) Семенъ Купеевъ и Павель Падяновъ.

19) Улуг-таг.

При устьѣ р. Мрасы, впадающей въ Томь, замѣчательны скалы изъ камня—песчаника съ галькою, вдавленною какъ-бы въ цементъ. Скалы эти имѣютъ причудливыя формы колоннъ съ карнизами, слывущихъ подъ именемъ старинныхъ богатырей. Вся гора съ каменными витязями называется *Улуг-таг*, а одинъ круглякъ, якобы растущій вверхъ, — *Каролчук* (караульщикъ). Одинъ камень, по传说ю, имѣлъ форму человѣка, но воевода города Кузнецка выслалъ на погубленіе его десять человѣкъ вооруженныхъ солдатъ, которые и отрѣзали ему голову. Срѣзанная голова, похожая, впрочемъ, не на голову, а на толстую плиту, валяется у подошвы горы и донесъ. Въ отмщеніе за это, губители успѣли только переправиться на другую сторону (левую) р. Томи и тамъ всѣ померли, исключая одного, который-бы сказалъ о случившемся.

20) Курт-як-таш.

Близъ устья р. Бугунчи, впадающей въ Мрасу, на правой сторонѣ стоитъ стражемъ утесь *Курт-як-таш* (камень-старуха), который выше себя не пропускаетъ щукъ. И дѣйствительно, выше этого утеса щукъ въ Мрасѣ почти нѣтъ. Если-же которая изъ отважныхъ щукъ заберется выше стражи и попадетъ въ ловушку, то ее, изъ опасенія смерти, выпускаютъ на свободу.

21) Ак-гая.

Ак-гая (бѣлый камень) стоитъ на лѣвомъ берегу р. Кондомы. Были два соименныхъ кама: старшій Ак-гая и младшій Ак-гая. Меньшій Ак-гая ъездилъ шаманить къ больному Тайзинѣ, облегчилъ его болѣзнь и получилъ въ подарокъ халатъ. Старшій Ак-гая, для характеристики котораго должно сказать, что онъ ковалъ раскаленное желѣзо однѣми своими руками, употребляя пальцы вместо щипцовъ, а кулакъ вместо молота, — возревновалъ, что отъ него отбиваются доходы и превратилъ младшаго своего брата въ камень, который и донесъ стоитъ рядомъ съ старшимъ братомъ, а до этого случая онъ жилъ выше устья р. Бидрапа.

22) Панто-гаязы.

Утесь *Панто-гаязы*—при р. Кондомѣ, недалеко отъ устья р. Корлы. Утесь этотъ замѣчательнѣй тѣмъ, что былъ зимнею стоянкою богатыря Ольгудека. Было время, когда Аладагцы (черневые татары Кузнецкаго округа) дани никому не платили. Но вотъ напали на нихъ ойроты, завоевали ихъ и обложили ясакомъ. Одинъ только аладагскій богатырь Ольгудекъ не подчинялся ойротамъ, стараясь всячески избѣгать ихъ. Жительство богатыря

было близъ Спасскаго золотаго промысла, и именно лѣтомъ при р. Кылдашѣ (въ 15 вер.), а зимою на утесѣ Панто-гаязы (въ 100 саж.). Ойроты долго искали Ольгудека безуспѣшно, наконецъ застали его на рыбалкѣ р. Кондомы. Ольгудекъ, завидѣвъ ойротовъ, бѣжалъ отъ нихъ на гору Карабуръ и скрылся въ пещеру неприступнаго утеса. Ойротскій богатырь, одѣтый въ кольчугу, выстрѣлилъ въ Ольгудека, но стрѣла не долетѣла до него. И Ольгудекъ съ своей стороны не дремалъ: онъ выстрѣлилъ въ ойрота, про-стрѣлилъ его нас kvозь, такъ что стрѣла воткнулась въ камень. Ойроты подхватили убитаго своего богатыря, привязали въ торока и увезли домой. Потомъ для поимки Ольгудека прїѣхали съ большими силами, взяли его въ плѣнъ, руки и ноги связали сыромятными ремнями и повезли въ свою сторону. На срединѣ ихъ пути стоитъ камень, величиною съ корову, по-хожій на нее и видомъ. Не доѣзжая до этого камня трехъ верстъ, ойроты предложили Ольгудеку состязаться съ ними въ стрѣльбѣ, прицѣливаясь въ камень-корову. Сначала стрѣляли ойроты, но ихъ стрѣлы не долетали до камня. Ольгудекъ просилъ развязать его, пустилъ стрѣлу, разбилъ камень на двое и вонзилъ стрѣлу въ средину большой березы, которая стояла за камнемъ. Прибывши въ ойротскую землю, спутники Ольгудека объявили своему народу о силѣ и ловкости своего плѣнника. Ойроты, желая убѣдиться въ справедливости разсказовъ своихъ единоплеменниковъ, предложили Ольгудеку пусть стрѣлу въ теленка на разстояніи 10 верстъ, съ тѣмъ условиемъ, что если стрѣла угодить въ лобъ теленку, тогда отпустятъ его, богатыря, домой. Ольгудекъ проситъ ойротовъ развязать ему руки. Желаніе его исполнено. Ольгудекъ стрѣляетъ разъ, но стрѣла не долетѣла до теленка 5-ти сажень; стрѣляетъ онъ во второй разъ,—стрѣла полетѣла мимо теленка, упавъ въ 5-ти саженяхъ далѣе его. Тогда Ольгудекъ проситъ дозволить ему попробовать своего счастья въ третій разъ, но съ тѣмъ, чтобы развязали ему и ноги. Получивши на это согласіе, онъ отставилъ отъ себя ногу на аршинъ, прицѣлился и хватилъ теленка прямо въ лобъ, на-вылетъ въ задній проходъ. За этотъ подвигъ ойроты чрезъ три года (такъ-какъ онъ стрѣлялъ три раза) отпустили Ольгудека въ сопровожденіи войска въ 300 человѣкъ. Немного не доѣхавъ до мѣста своей родины, Ольгудекъ захворалъ и померъ. Брать его Олакъ, услыхавъ о смерти Ольгудека, на-стоялъ на томъ, чтобы, вмѣсто умершаго брата, взять кого-либо изъ про-вожатыхъ ойротовъ и женить на вдовѣ послѣ Ольгудека. Отъ этого ойрота и вдовы богатыря произошло поколѣніе *паштыка* (волостной старшина) Шор-ской волости Эбиски, впослѣдствіи крестника моего Ильи Васильевича Ток-машева, который кочевки свои близъ Спасскаго золотаго промысла считалъ наслѣдственными въ своемъ родѣ и очень обижался на мастеровыхъ слу-жителей этого промысла, стѣснявшихъ его въ покосахъ, какъ-бы игнорируя его богатырское происхожденіе. Илья Васильевичъ, кромѣ своего происхож-денія, замѣчательенъ былъ тѣмъ, что служилъ несмѣннымъ паштыкомъ около

30 лѣтъ и носилъ, поверхъ новой ситцевой рубахи, большую золотую медаль на анненской лентѣ, жалованную императоромъ Павломъ дѣду его Токмашу, тоже бывшему паштыкомъ, или *князцемъ* (какъ сказано въ ордерѣ) Шорской волости, и перешедшую по наследству къ нему Эбискѣ-Иліи.

По другому сказанію, Ольгудекъ женился въ плѣну на ойроткѣ, имѣть отъ нея сына и, убаюкивая его, часто распѣвалъ самыя печальные пѣсни о своей милой родинѣ. Ойроты сжалились надъ нимъ и отпустили его домой съ женою, сыномъ и провожатыми. Но онъ не достигъ родины, умеръ въ дорогѣ. Жена его вышла замужъ за одного изъ провожатыхъ, отъ которого и произошли многіе шорцы, гордящіеся своимъ происхожденіемъ не менѣе Крыловскихъ гусей.

23) Казырган и Кедере-даг.

Два брата *Казырган* и *Кедере-даг* жили вмѣстѣ у родителей и были богатырями. Но потомъ поссорились и разошлись. Мать долго старалась о ихъ примиреніи, но не успѣла, и потому, разсердившись, закляла ихъ: „будьте-же вы горами“! Богатыри мгновенно превратились въ горы и донесъ стоять: Казырган въ вершинѣ рѣки Абакана, а Кедере-даг при рѣкѣ Кемчикѣ. Кондомцы боятся Казыргана и считаютъ его сердитымъ. Звѣролову, ночующему на этой горѣ или близъ нея, нерѣдко слышится неистовый хохотъ на горѣ: это означаетъ, что тотъ человѣкъ скоро умретъ.

24) Унзас-кая-бажы.

Унзас-кая-бажы, съ которой имѣеть начало р. Унзасъ, была свидѣтельницей вѣроломнаго убийства богатыря Алдана. Богатырь этотъ имѣть двухъ женъ: старшую и младшую. Беретъ онъ лукъ, цѣпныхъ двухъ собакъ своихъ и отправляется на звѣриный промыселъ на означенную гору. Шестеро непріятелей Алдана, явившись къ нему въ домъ, стали разспрашивать старшую жену богатыря: „куда отправился мужъ, когда возвратится, чѣмъ вооруженъ и когда спускаетъ съ цѣпей собакъ своихъ?“ Старшая жена на всѣ вопросы недруговъ не дала никакого отвѣта. Непріятели обратились съ тѣми-же вопросами къ младшей женѣ, которая все разболтала. Враги Алдана, получивши отъ его младшей жены нужныя свѣдѣнія, стали поджидать богатыря на Унзас-кая-бажы. Алданъ, замѣтивъ ихъ, сталъ натягивать лукъ, но второпяхъ, сильно натянувши, переломилъ его, бросился къ замку цѣпныхъ собакъ своихъ, чтобы спустить ихъ, но въ поспѣшности провернулъ ключъ въ замкѣ. Враги напали на безоружнаго Алдана и убили его, старшую жену его—тоже, а младшую увѣли къ себѣ въ плѣнъ.

25) Миѳъ о происхожденіи верблюда и осла.

Въ неизвѣстномъ мѣстѣ жилъ народъ *Тебет-манат*. Китайцы знали о существованіи этого народа только по книгамъ, а гдѣ онъ находился, не

въдали. *Тебет-танат* былъ народъ необыкновенный: почти ничего не ълъ, кромѣ древесныхъ почекъ, ничего не дѣлалъ, а, устремивъ взоръ свой на небо, только стоялъ и молился.

Китайцы послали путешественниковъ, чтобы отыскать землю *Тебет-танат*. Посланные нашли эту землю, но проникнуть въ нее никакъ не могли, потому что множество летучихъ змѣй-мѣдяночъ (по алт. *окділан*, по-ойрот. *нокойншарба-ділан*), которыхъ прострѣливаютъ сквозь человѣка, окружаетъ ее. Впрочемъ, одинъ изъ китайцевъ вызвался проникнуть туда, о чёмъ и было немедленно донесено царю. Царь, призвавъ къ себѣ этого человѣка, спросилъ: „какъ ты можешь попасть туда, скажи?“ Вызвавшійся человѣкъ, не объясняя способа, толькоувѣрялъ, что попадетъ. Царь ему сказалъ: „чтобы ты не обманулъ насть, что былъ въ землѣ *Тебет-танат*, въ удостовѣреніе наше, приведи оттуда человѣка къ намъ.“ Онъ согласился на это предложеніе, пошелъ и дошелъ благополучно: никакой змѣй ему не вредилъ, хотя и много ихъ ударялись объ него, но всѣ отскакивали.

Вошедши въ страну *Тебет-танат*, китаецъ увидѣлъ стоящій и молящійся обоего пола народъ, который произносилъ и повторялъ одно только слово: „*Кутай*.“ Домовъ и никакого жилья этотъ народъ не имѣетъ; болѣзней никакихъ не знаютъ. Китаецъ взялъ ихъ человѣка, ушелъ съ нимъ въ свое отчество. По уходѣ его, у жителей *Тебет-танат* появились разные болѣзни, за что они послали на Китайское царство проклятія (*шилтеміръ*); собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ и составивъ видимую гору изъ нихъ, пустили по воздуху.

Китайцы узнали объ этомъ какъ-то по книгамъ и также собрали свою гору проклятій и пустили къ царству *Тебет-танат*. Эти двѣ горы проклятій встрѣтились и вступили въ борьбу: грызли, глодали, кусали, терзали на части и, наконецъ, извели другъ-друга до того, что гора, пущенная отъ народа *Тебет-танат*, стала величиною съ верблюда и сдѣлалась этимъ животнымъ—*тез* (отъ глагола *тегунюп*—вливаю въ себя, пожираю), которое и пришло въ Китай. А гора китайцевъ осталась съ осла и сдѣлалась осломъ—*эльдіэн* (значить „народъ ълъ“), который и вошелъ въ землю *Тебет-танат*. И доселѣ верблюды водятся у китайцевъ, а ослы у тибет-танатовъ.

26) Алтайская Чудь.

По всеобщему преданію алтайцевъ, во времена отдаленныхъ, Алтай населенъ былъ Чудью, не имѣвшей ни хановъ, ни зайсановъ. Въ то время не было ни одной березы. Какъ скоро появилось это небывалое дерево, Чудь умозаключила, что ей не сдѣлать. Выкопали ямы, утвердили въ нихъ столбы для потолка изъ камней и земли, забрались въ эти ямы, подрубили столбы и тѣмъ, безъ дальнихъ хлопотъ, все дѣло покончили. Кургановъ или большихъ конусообразныхъ ямъ, обложенныхъ камнями, которыхъ

инородцами признаются за могилы предшествовавшаго имъ народа, въ разныхъ мѣстахъ Алтая весьма много, а особенно по рр. Чарышу, Абаю, Урсулу, Чуб и устью Кеньги.

Внутри нѣкоторыхъ кургановъ видны деревянные срубы и были находимы мѣдные стремена, монеты и другія металлическія вещи.

За то-ли, что береза изгнала Чудь изъ Алтая, или за другое, только она въ священномъ почтеніи у нынѣшихъ алтайцевъ. Мы видѣли (см. „Вѣрованія“), что большая часть орудій, употребляемыхъ при шаманствѣ, не-премѣнно изъ березы, такъ *тюкеле*, *таскак*, *шире*, *кый-гаш*, *сомо*, *ялама* и проч.—все изъ березы. Кромѣ того кузнецкіе инородцы каждую весну спра-вляютъ березовый праздникъ—*чачіл*: наварятъ браги, высидятъ аракы, на-рядятся въ лучшія одежды и собираются каждый улусъ у одной своей за-вѣтной вѣковой березы, навѣшиваютъ въ жертву ей тряпокъ и конскихъ волось разныхъ цвѣтовъ. Одинъ изъ толпы, свѣдущій, брызжетъ нѣсколько разъ брагою на березу, призывая демоновъ, чтобы они не допускали змѣй въ улусъ, отвращали болѣзни, давали-бы рыбы побольше и проч.

27) Происхожденіе сеока Мундусовъ и Теолессовъ.

Послѣ войны въ одномъ мѣстечкѣ осталась живою одна только дѣвица. Она послѣ сильного дождя нашла льдинку (*мус*) и два пшеничныхъ зерны-шка, лежащія вмѣстѣ, которая подняла и сѣла. Сдѣлавшись отъ того бе-ременною, дѣвица вышла изъ своего уединенного мѣста, нашла человѣческое общество и тамъ родила двухъ близнецовыхъ мужскаго пола, названныхъ *Мундус*, вышла потомъ замужъ, и у нея родился еще сынъ. Эти три брата возмужали и стали дѣлиться. При раздѣлѣ оказался лишнимъ одинъ вер-блюдъ (*тено*) и одинъ баранъ (*куга*). Тогда меньшій братъ сказалъ: „я пасъ верблюдовъ, неужели не отдадите мнѣ одного верблюда лишняго?“ Отецъ отвѣталъ: „ты хочешь взять лишняго верблюда (*тено*), называемся-же ты и твои потомки *Теолес*“. Одинъ изъ близнецовыхъ сказалъ: „я пасъ овецъ, ужели не отдадите мнѣ одного лишняго барана?“ и, осердившись, поймалъ барана за рога и вывернулъ ихъ (куча муузін *кодоро* тартхан). Отецъ на-звалъ его: „*Коткор-Мундус*“. Другой близнецъ сказалъ отцу: „что ты bla-гословиша мнѣ взять, тѣмъ я и буду доволенъ“. Отецъ на это сказалъ ему: „ты будь *Чулум-Мундус* (настоящій, истовый Мундусъ)“.

У каждого сеока есть свой фамильный богъ. Потомки Мундусовъ и Теолессовъ, воспоминая свое происхожденіе отъ льдинки, приносятъ жертвы преимущественно *Тотю-Паянъ*, владыкѣ града, грома и дождя, величая его такъ:

„Ты, какъ пшеница волнующаяся,
Какъ ледяной горохъ сыплющийся,
Отъ ледяного гороха ты произошелъ!

Музы-ган ханын теэні,
Адам Тотой тенгере!
Ай калеттэнь янынан,
Алтын судэрь саңган!
Кунь келеттэнь янынан
Күмюш судэрь саңган!
Айляныжа ай качірган,
Коленыже кунь качірган,
Он-екы тапты талтулу,
Он-екы катта оіндү,
Он-уч сырый кубатлу,
Коромолымга бергэймінен?
Коозына яягаімінэн?
Племянникъ ты царя—владыки льда,
Отецъ мой небесный Тотой!
Съ той стороны, откуда идешь
Ты, поставляющій мѣсяцъ себѣ въ золотой покровъ!
Ты преслѣдуешь мѣсяцъ, вмѣстѣ врачаешь,
Ты преслѣдуешь солнце, заходя вмѣстѣ.
О 12-ти ступеняхъ всходъ къ тебѣ,
На 12-мъ небѣ ты имѣешь веселіе.
Надъ 13-тью мѣстами ты ликуешь,
Не дашь-ли мнѣ на мой убытокъ?
Не сотвориши-ли по твоей красотѣ?

28) Участъ грамотности алтайцевъ.

Алтайцы утверждаютъ, что у нихъ прежде былъ языкъ *ойротскій* и были книги. Большая часть ихъ народа ушла въ Саратовскія степи — *Сартайман* и унесла съ собою книги. У телесотовъ оставалась одна только книга, но и ту, когда она была замочена и разложена для просушки на полѣнницу, корова *съпла*.

29) Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ.

(Изъ естественной исторіи алтайцевъ).

1) *Медвѣдь*. Въ человѣческомъ естествѣ онъ былъ силенъ, но простодушъ и при томъ Ѣль много, такъ что семья оговаривала его. Однажды, разсердившись на упреки семьи, онъ отправился съ веревкою въ лѣсъ за дровами, но домой болѣе не приходилъ, а превратился въ звѣря. Веревка его и до сихъ поръ виситъ на деревьяхъ (переплетенные стволы хмѣля). На переднихъ лапахъ медвѣдя, повыше когтей, есть якобы очевидные признаки шерстяныхъ перевязокъ, которыя онъ носилъ отъ ревматизма.

2) *Кукушка*. Въ давнія времена была въ одной сем'ѣ алтайскихъ инородцевъ дѣвушка по имени Кукъ. Она захотѣла пить и попросила у своей снохи; та, на что-то разсердившись, отослала ее къ шайтану, отчего дѣвушка, превратившись въ птицу, вспорхнула въ отверстіе наверху юрты. Кто-то изъ семьи хотѣлъ поймать ее и схватилъ за ногу, но въ рукѣ ловца осталась одна только обутка дѣвушки. Оттого, по всеобщему увѣренію алтайскихъ инородцевъ, у кукушки одна нога красная (разутая), а другая черная (въ обуткѣ). Удивительно, какъ Брэмъ не замѣтилъ этого обстоятельства! Вить гнѣзда кукушка и до сихъ поръ не умѣеть, такъ какъ это занятіе не входило въ кругъ ея дѣвическаго рукодѣлья, и чтобы узнали ее, постоянно произносить прежнее свое имя: Кукъ! Кукъ!

3) *Иволга* (*сюэнъ суарга*). По какому случаю Иволга стала птицею—не известно. Но что она дѣйствительно была человѣкомъ татарскаго происхожденія, это доказуетъ крикъ самца: *сюэнъ су арга* (т.-е. *аларга*), означающій: морду надобно ставить! На что лѣнивая супруга его всегда отвѣчаетъ отрицательно: *чоокъ!*

4) *Глухарь*. Въ человѣческомъ видѣ онъ былъ грубъ и забіячивъ, за что былъ превращенъ въ птицу, величиною съ быка. Но и въ этомъ новомъ видѣ глухарь не унимался, а многихъ невинно обижалъ. За это Богъ убѣвилъ его и на счетъ его прибавилъ другихъ голенастыхъ птицъ: курицу, рябка и проч., которыхъ прежде того были менѣе величиною. Бѣлое мясо въ этихъ птицахъ образовалось отъ избытокъ глухаря, который безъ слезъ не можетъ вспомнить о своей утратѣ, отчего и глаза у него красны.

5) *Каастемъ*. Яячі, сотворивши всѣхъ тварей, понуждался въ огнѣ, но не зналъ, какъ добыть его. Посему дѣлаетъ совѣтъ изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ. На это общее собраніе не явился одинъ чиновникъ (едва ли не засѣдатель) Каастель, за болѣзнью спины и ногъ. Но Каастель, какъ человѣкъ грамотный и безъ умолку краснорѣчивый, былъ здѣсь необходимъ—это всѣ чувствовали. Посылаютъ за Каастелемъ, но онъ отказывается. Впрочемъ, на третье приглашеніе, прихрамывая и перегибаясь, онъ явился въ собраніе: Яячі зналъ, что Каастель имѣеть смѣшную походку и притомъ крутъ нравомъ, поэтому предупредилъ членовъ собранія, чтобы никто не смѣялся при видѣ его. Несмотря на предупрежденіе, сорока, увидавши Каастеля, захочотала во все горло. Каастель повернулся и, не сказавъ ни слова, отправился домой. Яячі, зная за Каастелемъ привычку саморазглагольствованія, вечеромъ посыпаетъ къ нему стрижа—узнать, что Каастель будетъ бормотать самъ съ собою? Стрижъ полетѣлъ. Заслышивъ свистъ крыльевъ стрижа, Каастель замолкъ, догадавшись, что его подслушиваютъ. Вследствіе такой неудачи, Яячі вызываетъ охотниковъ изъ птицъ подлетѣть къ дому Каастеля тихо, безъ малѣйшаго шума. Вызвалась мягокрылая сова и подслушала ворчанье Каастеля: „чего не умѣютъ сдѣлать, а еще смѣются, ударилъ камень о камень, вотъ и будетъ огонь!“

Яячі, вывѣдавъ отъ Каастеля тайну происхожденія огня и не нуждаясь болѣе въ немъ, за его упрямство и крутой нравъ, превратилъ его, г. Каастеля, въ птицу.

Богатыри въ сказкахъ алтайцевъ.

Богатые фантазію и досужимъ временемъ, алтайцы любятъ витать въ сказочномъ мірѣ. Рапсоды ихъ подъ двухструнную балалайку (*кайлачан кабус* или *шертпе комус*) дребезжащею октавою рассказываютъ, часто импровизуя, дѣянія богатырей-хановъ, также героеvъ, хотя не силы, но ума и хитрости, или проводятъ какую-нибудь идею. Въ ихъ сказкахъ замѣчаются черты, принадлежащія индо-европейскому эпосу.

Богатыри, большею частью, были владѣтельные ханы. Владѣнія ихъ находились на землѣ, подъ землею и на небесахъ. Въ сказкахъ упоминается о *ста* небесахъ: на 3-мъ небѣ владѣнія Ай-Алтына, на 7-мъ—Узун-Кары и Пады-Кереде, на 9-мъ—живутъ десять творцовъ, на 10-мъ—владѣнія двухъ братьевъ-богатырей: Ой-Молота и Ак-Молота; на 30-мъ—Кускун-Алыпа и Алтын-Мокѣ; на 40-мъ—Кандота; на 60-мъ—семи братьевъ богатырей. Владѣнія одного Алтын-хана простирались на 60 небесъ. На 70-мъ небѣ—владѣнія Облос-хана (бессмертного); на 100-е небо былъ конскій бѣгъ съ 9-го неба. Темное царство злаго божества Эрлика и владѣнія хана Чылан-Могуса находились подъ 7-ю слоями земли.

Владѣтельные ханы имѣли у себя много подданнаго народа (*албаты кіжі, кал кіжі*) и стада скота. Многочисленность людей сравнивается съ травою, а скотъ съ гнидами. Ихъ окружали царедворцы (*сайдут, сайыт*) и чиновники (*пій кіжі*). Жили они: Ай-ханъ, Ай-алтынъ и ханъ Пергенъ въ золотыхъ дворцахъ; ханъ Эки-Моосъ въ бѣломъ дворцѣ; ханъ-Тана—въ желѣзномъ домѣ; сирота, покровительствуемый лисицею, жилъ въ каменномъ домѣ.

Происхожденіе богатырей. Нѣкоторые богатыри не имѣли у себя ни отца ни матери и произошли на свѣтъ сами собою. Таковы: Алтын-Эргекъ, Катканчила, ханъ Перренъ и ханъ Алыпъ; иногда изъ костей отца является сынъ, наприм., Кызыя-Тасъ.

Предсказанія о рожденіи богатырей. Отецъ хана Пюдея былъ бездѣтенъ и часто плакалъ и причиталъ: „Нѣтъ у меня ни сына, ни дочери, нѣтъ брата, съ которымъ-бы поговорить, и не кому похоронить меня“. Вотъ онъ однажды пошелъ проводить свой скотъ и на возвратномъ пути увидалъ птичку на деревѣ, которая ему сказала: „старикъ, не плачь! Съ возвращеніемъ твоимъ въ домъ у тебя родится сынъ, у котораго грудь и спина будутъ золотыя, а задъ серебряный“. Какъ птичка сказала, такъ и случилось.

Опасности, которымъ подвергались богатыри во чревѣ матерей своихъ. Ханъ Кокъ думаетъ про себя: „На тридцатомъ небѣ живетъ другъ мой Алтын-Моко, я поѣду сражаться съ нимъ, отобью у него жену и скотъ“. Ханъ-Кокъ осѣдалъ своего бѣлосиваго коня и отправился во владѣнія Ал-

тын-Моко; проникши до третьяго неба, Кокъ встрѣтился случайно съ тѣмъ, къ кому отправился, поздоровались. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Алтын-Моко спросилъ: „куда отправился?“ — „Отправился я убить Алтын-Моко и за-владѣть его женою“. — „Ты, должно быть, другъ мой, съ ума сошелъ, — развѣ ты еще не слыхалъ, что богатырь Чыланъ-Могусъ укралъ у тебя половину скота и зарожденного во чревѣ жены твоей сына“.

Богатыри большою частію рождаются отъ престарѣлыхъ родителей. Ай-ханъ родился отъ старика Олончу-Пагена; Алтын-Тайчи отъ 70-лѣтняго Ак-хана и 60-ти лѣтней жены его, Каратты-Перченъ — отъ 105 лѣтняго Алтынъ-хана и старухи жены его; Аранъ-Тайчы — отъ 70-ти лѣтняго Кока и 90-лѣтней жены его; ханъ Пюдей былъ сынъ престарѣлыхъ родителей.

Ростъ богатырской и дѣтская сила. Мальчикъ (впослѣдствіи ханъ Пюдей) жилъ у одной старухи — воспитательницы; къ этой старухѣ неоднократно подходили волки и выли: „что намъ съѣсть у тебя — единственного питомца или корову?“ Старуха отвѣчала волкамъ, что сына не отдастъ, а пусть съѣдятъ корову. Мальчикъ спросилъ у своей воспитательницы: „чего требуютъ волки?“ Старуха отвѣтила. Мальчикъ, лежа въ зыбѣ, сказалъ старухѣ, чтобы она велѣла приходить волкамъ чрезъ 7-мъ сутокъ и обѣщала выдать имъ сына. Старуха исполнила. Затѣмъ мальчикъ разбилъ желѣзную зыбку, всталъ, растопталъ ногами чугунный котель о 70-ти ушахъ и изъ обломковъ его сдѣлалъ боевую стрѣлу о 90 острыхъ концахъ, еще растопталъ чугунный же котель о 6-ти ушахъ и сдѣлалъ изъ него шести-конечный булатный мечъ, растопталъ чугунный котель о 7 ушахъ и сдѣлалъ 7-ми конечное булатное копье. Мальчикъ вышелъ изъ дома, обошелъ шесть горъ, нашелъ шесть роговъ тика (дикаго козла), свилъ ихъ, загнуль и сдѣлалъ лукъ. Потомъ взялъ складной ножикъ и пошелъ вверхъ по одному озеру и увидалъ на одной горѣ лежавшаго громаднаго марала (олень), у котораго рога достигали до неба. Мальчикъ вошелъ въ ноздри марала, добрался до сердца и разрѣзалъ его, но мараль не умеръ. Видя это, мальчикъ вышелъ изъ марала и замѣтилъ на лбу у него красное родимое пятно (*мен*), которое онъ разрѣзалъ и такимъ образомъ убилъ звѣря, ибо въ этомъ пятнѣ заключалась его душа. Содравши кожу съ марала, мальчикъ всю ее употребилъ на тетиву къ своему богатырскому луку и, осѣдлавши бычка, отправился на охоту за волками, перешелъ шесть горныхъ вершинъ, и на седьмой увидалъ лежавшихъ въ снѣгу волковъ и сказалъ имъ: „ѣшьте теперь мальчика, котораго вы требовали, и этого бычка!“ И съ этими словами прокололь ноздри у волковъ, продѣлъ крючекъ, привязалъ ихъ къ хвосту своего теленка и отправился. На дорогѣ волки издохли, мальчикъ ободралъ ихъ и, возвратившись къ старухѣ, сказалъ: „вотъ тебѣ, матушка, 7 волчьихъ шкуръ; сшей изъ нихъ семь паръ рукавичекъ!“ Раздѣлавшись съ волками, мальчикъ отправился на звѣриный промыселъ. Во время охоты за звѣрями онъ нашелъ на мѣсто, покрытое слѣдами скота, котораго уже нѣтъ, и на юрту безъ хо-

злевъ. Онъ спрашиваетъ у своей воспитательницы: „куда дѣвались люди и скотъ, тамъ бывши?“ Старуха сказала, что тамъ были владѣнія его отца, но ихъ опустошилъ богатырь царь-левъ. Услышавъ это, мальчикъ такъ громко засмѣялся, что отъ сотрясенія воздуха развалилась близъ стоявшая каменная скала, а когда засвисталъ онъ на разные лады, тогда привель въ трепетъ всякое живое существо.—Ханъ-Печетти собралъ народъ свой и предложилъ: „На седьмомъ небѣ живетъ Пады-Кереде, кто съѣздитъ туда, возметъ у него дочь и привезетъ ко мнѣ?“ Никто не вызвался, потому что никто не зналъ дороги. Но одинъ старикъ сказалъ: „въ зыбкѣ лежить у меня сынъ — ребенокъ, онъ поѣдетъ.“ Неси его скорѣе! Старикъ возвратившись домой, заплакалъ. Сынъ спросилъ: „о чемъ плачешь?“ — „Ханъ Печетти посылаетъ къ Пады-Кереде, царскій-же посолъ съ дороги не возвращается, какъ и пущенная стрѣла не отскакиваетъ (іїген елчі пайден іалмае, аткан оқ таштан іанмас)“. — „Не плачь. Я поѣду“. Ребенокъ вышелъ изъ зыбки, взялъ жеребенка за уши, жеребенокъ взвился до звѣздъ небесныхъ. Пока мальчикъ (впослѣствіи Тана) сѣдалъ жеребенка, ему исполнилось два года, пока взнуздывалъ — три года, пока садился — четыре года, и тогда прїѣхалъ онъ къ хану. Тана сѣлъ на желѣзную лавку, переломилъ ее и напугалъ хана.—Новорожденный Каратты-Пергень скрыть былъ матерью въ погребѣ. Враги его созвали семь человѣкъ, чтобы вытащить его изъ ямы, но не могли, пришли девять человѣкъ и все-таки не въ силахъ были вытащить ребенка и не могли лишить его жизни ни саблей, ни копьемъ, такъ какъ и та и другое отскакивали отъ него. Чрезъ семь дней мальчикъ сталъ ходить.—Красавица Алтын-Арыгъ сидитъ во дворцѣ своемъ, входить къ ней ханъ Кырчыганъ и предлагаетъ: „я возьму тебя за себя, а съ тобою и весь народъ твой и скотъ твой“, и началъ хватать красавицу. Она заплакала и говоритъ: „хоть убей, но не пойду за тебя“. Въ это время прокатился чрезъ комнату въ дверь мальчикъ, который на улицѣ всталъ на ноги, и, взявши плеть, толщиною въ бревно, возвратился въ комнату и сказалъ богатырю: „я ударю тебя этой плетью, и если ты останешься живъ, то возьмешь сестру мою“, и съ этими словами ударилъ плетью такъ сильно, что пробилъ дворецъ, вышвырнулъ Кырчыгана на средину степи, гдѣ онъ и умеръ.—Трехлѣтній Алтын-Ергекъ отправился къ Кара-Могусу мстить за смерть отца своего.—Мальчикъ (впослѣствіи Аран-Тайчи), выкраденный изъ чрева своей матери и пригвожденный къ лиственницѣ, достигъ семи лѣтъ, сорвался съ дерева и схватился съ своимъ врагомъ Чыланъ-ханомъ. Чыланъ-ханъ схватилъ мальчика и ударилъ его о желѣзную лиственницу, но мальчикъ опять схватился съ нимъ и бросилъ его къ небу. Пока летѣлъ Чыланъ съ неба, мальчикъ, не допуская его до земли, разсѣкъ его въ семи мѣстахъ, и Чыланъ (змѣй) издохъ.

Василій Царицычъ, будучи младенцемъ, положенъ былъ въ бочку съ желѣзными обручами, опущенную въ море. На одномъ островѣ бочка остановилась, Василій Царицычъ потянулся, и обручи спали съ бочки, она раз-

сыпалась.—Мальчикъ (впослѣдствіи Айманысъ) отправился на промыселъ, и на его счастье попались ему 9 оленей, онъ выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ всѣхъ. Добычу свою онъ взвалилъ себѣ на спину и принесъ домой.

Богатырскіе кони. Мальчикъ (Тана) выбираетъ себѣ коня изъ сотни лучшихъ лошадей отца своего. Но по мысли своей не нашелъ. Возвратившись домой, онъ спрашиваетъ отца: „нѣтъ-ли еще коней?“—По ту сторону молочнаго озера есть гора Сууру, на хребтѣ этой горы пасется чубарая кобыла съ недавно родившимся жеребенкомъ, который не иначе можетъ сосать свою мать, какъ приклонивъ колѣна. „Если у тебя есть сила—садись; если не хватаетъ силы—умри“. Мальчикъ овладѣлъ жеребенкомъ иѣздила на немъ.—Мальчику (Алтын-Тайчи) говорить старики: „какъ займется утренняя заря, твой бѣлый конь самъ придетъ и будетъ стоять у коновязи“. Алтын-Тайчи, соснувшись, вышелъ на утренней зарѣ на улицу и, дѣйствительно, увидалъ засѣдланнаго и привязаннаго къ золотому столбу бѣлаго коня съ богатырскою одеждью въ торокахъ.—Не успѣла сестра кончить рѣчи о Кара-Могусѣ, какъ коновязь у дверей треснула. Мальчикъ (Алтын-Ергекъ) вышелъ и видѣть стоящаго осѣдланнаго бѣло-сололоваго коня, который отрекомендовался: „имя мое Аранчула, тремъ поколѣніямъ служилъ, никто не хваталъ меня крыломъ и никакому луку я не поддавался“. Алтын-Ергекъ сѣлъ на Аранчулу и отправился во владѣнія Кара-Могуса. Въ виду дворца Кара-Могуса конь говоритъ своему хозяину: „ты привязывай меня, въ противномъ случаѣ враги наши убьютъ меня, ибо нѣтъ ни одного хана, который бы не зналъ меня, служившаго тремъ поколѣніямъ твоихъ предковъ“.—Козійке отправился на конѣ своемъ къ невѣстѣ. Чѣмъ не допустить его къ своей дочери, будущій тестѣ поставилъ на дорогѣ въ одномъ мѣстѣ двухъ волковъ, а въ другомъ — двухъ медвѣдей. Звѣри, завидѣвъ Козійку, хотѣли сѣсть его, но соловей-конь его выпустилъ изъ ногъ своихъ по саблѣ и изрубилъ ихъ.—Каратты-Пергеню надобно отыскать своего дядю Эрь-Кулата. Но онъ не знаетъ, гдѣ его найти. Въ такомъ затрудненіи онъ сѣдлаетъ своего темносиняго коня, садится и даетъ волю коню идти, куда хочетъ. Конь вскочилъ до поднебесья, гдѣ живетъ богатырь Алтын-Ергекъ и увидалъ тамъ Каратты-Пергеню, своего дядю.—Жиль старики съ молодою женой, имѣли они одного сына. Шведскій царь совѣтуется съ женой старика убить мужа и сына и выдти за него, царя Шведскаго. Женщина спрашиваетъ царя: „какъ же мы рѣшимъ старика?“—„А чтобы намъ рѣшить старика, прежде надобно рѣшить его главнаго помощника — бураго коня. Ты притворись больною и скажи, что тебѣ нужно напиться крови отъ бураго коня, и тогда тебѣ будетъ легче“. По утру старики всталъ; жена охаетъ, нездорова. Старики спрашиваютъ: „чѣмъ тебя полѣчить?“—„Кровью отъ бураго коня“. Прежде, нежели мать запросила крови бураго коня, сынъ ея пошелъ во дворъ и слышитъ отъ любимаго своего бураго коня такія рѣчи: „если меня убьютъ, то и ты не будешь живъ.“—„Кто же убьетъ тебя?“ „Мать твоя совѣтуется

со Шведскимъ царемъ напередъ убить меня, а потомъ и тебя со старикомъ. Попросись у отца погулять со мной и на улицѣ увидишь бураго-же коня, купи его, пусть они убьютъ его вмѣсто меня“. Мать продолжаетъ хворать. Старики соглашаются заколоть бураго коня. Сынъ-мальчикъ говоритъ: „такъ-какъ у насть нѣть коня лучше бурки, то дай мнѣ его въ послѣдній разъ по-тулять на немъ по улицамъ“. Отецъ согласился. Мальчикъ отправился, увидалъ другаго бураго коня и спросилъ у хозяина его: „не продажный-ли?“ — „Продаю.“ — „Что стоитъ?“ — „200 руб“. — Мальчикъ взялъ коня, а своего бурку оставилъ въ залогъ у продавца. По возвращеніи мальчика на новомъ конѣ домой, старики убили этого коня, напоилъ кровью жену, и ей стало легче. Прошло пѣсколько времени, мальчикъ говоритъ, что онъ видѣлъ на улицѣ весьма похожаго коня на бурку и просилъ отца купить его. Отецъ, освѣдомившись отъ сына о цѣнѣ, согласился. Мальчикъ выкупилъ своего коня и привелъ домой. Много-ли, мало-ли прошло времени, мальчикъ приходитъ во дворъ и видитъ, что бурка повѣсилъ голову и запечалился. — „Что ты, бурый конь мой, запечалился и похудѣлъ?“ — „Если ты умрешь, какая-же мнѣ будетъ жизнь?“ — „Какъ умру?“ — „Мать хочетъ рѣшить тебя“. — „Какъ рѣшить?“ — „Завтра ты возвратишься съ нами, мать будетъ ласкать тебя, истопить баню, приготовить чистое бѣлье, но въ этомъ бѣльѣ будетъ положенъ ядъ, какъ только ты надѣнешь его, такъ и умрешь. Лучше надѣнъ опять черную рубашку, а чистую не надѣвай“. Мальчикъ ушелъ на пашню, къ вечеру возвратился домой; баня готова; мать встрѣчаетъ сына, ласкаетъ (никогда такъ ласкова не была), послала въ баню. Мальчикъ пошелъ въ беню, посмотрѣлъ на рубашку, ничего не видно, а направивъ ее противъ солнца, замѣтилъ, что рубашка вся исчерчена ядомъ. Мальчикъ вымылся въ бани, надѣлъ на себя черную рубашку, а чистую замаралъ въ навозѣ. Мать встрѣчаетъ его, ласкается и спрашиваетъ: „почему онъ не надѣлъ чистаго бѣлья?“ Мальчикъ отвѣчаетъ: „я положилъ бѣлье въ передбанникъ, скотина уронила его, втолпала въ грязь и замарала“. Избавившись отъ бѣды, мальчикъ отправился къ своему совѣтнику — бурому коню и видитъ, что бурка доволенъ и шерсть лоснится на немъ. Конь совѣтуетъ мальчику взять благословеніе отъ отца и скрыться изъ родительскаго дома. Раннимъ утромъ мальчикъ сѣлъ на бураго коня и оставилъ свой домъ. — Вѣрность коня: Каратты-Пергенъ сражался съ морскимъ чудовищемъ Пуспасъ-Пуланомъ 30 лѣтъ, и въ продолженіе всего этого времени конь его ходилъ по берегу, дожидаясь своего хозяина.

Богатырское сѣдло. Золотыя сѣдла были у Алтаинъ-Саимъ-Салама, хана Тююя, Тектебей-Мергена и богатыря Незнайки; серебряное — у Каратты-Пергена. Всѣ принадлежности къ сѣдлу были прочныя: у сѣдла Каратты-Пергена было три подпруги и три потвеи; стремена у Алтын-Эргека были литыя, толщиною въ четыре пальца.

Вооруженіе богатырское. Богатыри въ сраженіяхъ надѣвали на себя

кольчуги (куйак). Онъ были простыя и въ нѣсколько рядовъ. У хана Пергена кольчуга, равно какъ и сапоги, были тридцать-рядныя. Луки были большиe, черные и крѣпкие (ортакшын) съ желѣзио стрѣлою. Стрѣлы были 60-ти и 90 конечныя. У хана Тюдея лукъ быль изъ рога тика (сарга *sibirica*), а тетива изъ цѣльной маральей кожи.

Подобные луки богатыри натягивали по два и семи дней. У хана Пергена была стрѣла золотая и мыслящая. Когда коварная сестра его Канъ-Арго пустила его стрѣлу—убить брата, тогда ханъ Пергенъ закричалъ: „смотри, стрѣла, не ошибись, вѣдь я—ханъ Пергенъ!“ и стрѣла возвратилась къ нему въ домъ и стала у его кровати. Богатырскія стрѣлы употреблялись не только въ битвахъ, но служили богатырямъ и для другихъ цѣлей. Когда Аранчула-конь Алтын-Эргеки далеко отлучился отъ своего хозяина, потому что за нимъ гнались чужie богатыри, и встрѣтился съ другомъ своего господина, богатыремъ Алтын-Перисте, то онъ спросилъ коня: „какъ-же ты теперь найдешь своего хозяина? Впрочемъ, я помогу тебѣ. Смотри, вотъ теперь я пущу стрѣлу, ты и слѣдуй за нею, она приведетъ тебя къ Алтынъ-Эргеку“. Алтын-Перисте спустилъ стрѣлу, за стрѣлою помчался и конь. Стрѣла летить черезъ горы и моря, конь не отстаетъ. Стрѣла прилетѣла во владѣнія Кара-Могуса и нашла Алтын-Эргека. Алтынъ-Эргекъ взялъ знакомую ему стрѣлу, положилъ ее въ свой золотой карманъ, немедленно за стрѣлою-же предсталъ предъ нимъ и Аранчула. Богатыри употребляли стрѣлы также вмѣсто нынѣшихъ телеграммъ. Когда ханъ Кокъ разговаривалъ съ своимъ сыномъ, они услышали, что затрешалъ золотой косякъ двери. Отецъ съ сыномъ выбѣжали изъ дома и увидѣли, что въ золотой косякъ воткнулась стрѣла съ письмомъ: „другъ вашъ Алтын-Моко, если не сегодня, то завтра умреть“. Стрѣла прилетѣла съ тридцатаго неба. Алтын-Тайчи садится на своего чубараго коня и отправляется на тридцатое небо, проѣхалъ разными тридцатью народами, достигъ до владѣній Алтын-Моко, помогъ ему и возвратился домой. Но по прошествіи нѣкотораго времени, Аранъ-Тайчи услышалъ трескъ золотаго столба (коновязи), вышелъ изъ дома и увидѣлъ воткнутую въ столбъ стрѣлу съ письмомъ: „другъ твой находится въ опасности. Если онъ сегодня останется живъ, то завтра умреть“. Аранъ-Тайчи опять отправился на тридцатое небо, и помогаетъ другу. Не всѣ стрѣлы имѣли одинаковую силу. Алтын-Моко, намѣреваясь отправиться во владѣнія Чылан-хана, поизмѣнился стрѣлу у старика хана Кока и, пустивши ее въ лиственницу, на которой томился уже семь лѣтъ пригвожденный сынъ его (Кока), освободилъ его. Самострѣлы (саадак и коста), по волѣ богатырей, ходили, какъ предметы одушевленные, и разили враговъ. Если врагъ уже умеръ, то эти самострѣлы, обошедшіи всю землю, опять возвращались къ своему хозяину. Богатыри употребляли въ дѣло еще копья *йына чында* одноконечныя, трех-конечныя, пики (*мѣжілік*), булатныя сабли (*кылыш*) обѣ одномъ и

шести концахъ. У хана Пергена была сабля золотая. Пускались въ дѣло также и плети (*камчі*) одноконечные и девятиконечные, простыя и съ утолщеннымъ концомъ (*тобурчук*).

Нареченіе имени. Важный шагъ въ жизни богатыря—это получение имени. Имена даются не сейчасъ по рождениі, а когда богатырь уже ощутить въ себѣ силу и готовится къ проявленію ея въ битвѣ. Имена даются на сраженіи или послѣ подвиговъ бранныхъ. Имя дается собраніемъ народа. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ Богъ лично нарекаетъ богатыря (Айманыса), или богатырскій конь нарекаетъ своего господина (Аринчулал-Алтын-Эргека), или богатырь самъ себя называетъ (Ай-Мого и Аранъ-Тайчи). —Ханъ Олончу Пагай собралъ свой народъ и просилъ, чтобы пріискали имя его сыну, такъ какъ онъ намѣревается посмотретьъ свой народъ и проѣхать за границу своихъ владѣній. Но никто не могъ наречь царскаго сына. Наконецъ, одна старуха-вдова сказала: „пусть будетъ ему имя Ай-ханъ. Ладно-ли“? Всѣ согласились. Олончу Пагай, въ благодарность за название сына, надѣлъ на старуху шелковую одежду и подарилъ ей табунъ коней.—У старика былъ сынъ. Ему надобно было отправляться на седьмое небо, во владѣніе Пары-Кереде. Но онъ еще не имѣлъ имени. Поэтому старикъ собралъ народъ, но никто не могъ дать имя сыну его: дать худое имя боялись, а хорошаго—не находилось. Всѣ разошлись, только остался одинъ старикъ и сказалъ: „я назову“.—„Назови“.—„Пусть будетъ ъздающій на буромъ конѣ—Тана. Это имя хорошее“. —Сынъ Ак-хана задумалъ отправиться на военное поприще и говорить отцу съ матерью: „дайте мнѣ имя“. Ак-ханъ собралъ свой народъ, но никто не находилъ хорошаго имени. Народъ весь разошелся, а мальчикъ такъ и остался безъ имени. Когда мальчикъ вышелъ на улицу и пристально посмотрѣлъ кругомъ, тогда увидѣлъ старика съ большой бородой, до того длинной, что онъ наступалъ на нее. Мальчикъ думаетъ: „что это за стариkъ“? Побѣжалъ, взялъ за руку старика и привель въ свой домъ. „Старичекъ, иди, дай мнѣ имя“! Стариkъ говоритъ: „дитя Ак-хана пусть будетъ ъздающій на сивомъ конѣ—Алтын-Тайчи. Гдѣ-бы ты ни проѣзжалъ на этомъ конѣ, по водѣ-ли, въ чужомъ-ли народѣ, проѣзжай-бы безъ препятствій, богатырямъ не поддавайся“. —Эрь-Кулатай, воспитавшій своего племянника—сироту, при наступленіи его общественнаго служенія, поймалъ саврасую кобылу, посадилъ на нее свою жену и навьючили девять кожаныхъ мѣховъ вина и самъ съ племянникомъ сѣли на коней и отправились на тридцатое небо, гдѣ стоять тридцать домовъ, принадлежащихъ тридцати богатырямъ. „Вино унесите къ большому дому изъ этихъ тридцати, а мнѣ,—говоритъ Эрь-Кулатай,—надобно подняться на эту золотую гору къ живущимъ тамъ девяти творцамъ“. Взошедши на гору, Эрь-Кулатай возгласилъ: „девять творцовъ! сходите съ горы ко мнѣ на пиръ и нареките имя сыну Алтынъ-хана“. Девять творцовъ сошли съ горы и назвали сына Алтынъ-хана: „ ъздающій на темно-сивомъ конѣ—Каратты-Пергенъ“.—

Юноша отправляется мстить за смерть отца своего. На дорогѣ онъ запла-
калъ и говорить: „Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, кто дастъ мнѣ имя?—
Некому“. Конь говоритъ: „Богъ дастъ тебѣ имя“. Послѣ этого разговора,
проехавъ сажень пять, юноша услышалъ, что изъ-за березы кто-то закри-
чалъ: „стой юноша, не ъзди“! Юноша остановился, посмотрѣлъ на дерево
и видитъ, что на березѣ сидитъ бѣловласый старецъ и говоритъ: „стой, сынъ
мой, я нареку тебѣ имя; пусть будетъ оно: Айманысъ“. Юноша спросилъ:
„что ты за человѣкъ, нарекшій мнѣ имя?—„Что я за человѣкъ? Я—Тво-
рецъ, Богъ! Я нарекъ имя сиротѣ, у котораго нѣтъ отца. Твоего отца убиль
богатырь Чеекъ, взявшій себѣ народъ и угинавшій скотъ его“.

Богатырская пѣза. Богатыри вообще ъздили такъ быстро, что пыль
изъ-подъ копытъ поднималась съ земли къ небу, а съ неба падала на землю.—
Когда враги хотѣли сожечь ребенка—сына Алтын-хана и уже разложили
огонь, какъ съ высоты тридцатаго неба раздался звукъ конскихъ копытъ,
и не успѣлъ пройти этотъ звукъ, какъ появился и самъ конь—пѣго-савра-
сый, безъ сѣдла и на немъ хозяинъ его, въ одной рубашкѣ, Эрь-Кулатай,
дядя ребенка, и выручилъ его. Этотъ-же Эрь-Кулатай однажды проѣхалъ
вокругъ девяти небесъ девять разъ въ одинъ день.—Караты-Пергенъ пере-
скакивалъ на своею конь съ одного неба на другое, въ тридцать скачковъ
попадалъ на тридцатое небо.—Ай-Ного не успѣеть поправить стремянъ,
какъ пролетить на седьмое небо, а въ шесть скачковъ угождалъ на шести-
десятное.—Алтын-Эргекъ перескакивалъ чрезъ синее море.—Мальчикъ (впо-
слѣдствіи хань Пюдей) поймалъ бѣло-сиваго коня, осѣдлалъ его золотымъ
сѣдломъ, надѣль на себя сосновый лукъ, отправился въ дорогу—путь, сте-
гнулъ коня по небитымъ ногамъ, осадилъ его—неукротимаго, хлестнуль
плетью бѣло-сиваго, понесся конь ниже облака бѣлаго, выше облака синяго.
Нарымъ трава не колыхнется, перепелиная трава не шелохнется. Ъдеть
плавною поступью—молоко не сплеснется. Высокія горы предъ нимъ низи-
лись, глубокія воды мелѣли. Переѣхалъ онъ шестьдесятъ горъ, переплылъ
онъ быстрыя рѣки, рысью поднялся на ледяную гору.

Богатырская сила. Богатырь Сайчаръ кулакомъ разбилъ желѣзную
дверь въ домѣ хана Пежетти.—Одинъ изъ шести братьевъ богатырей пе-
ребрасывалъ шестилѣтняго быка чрезъ заборъ.—Ханъ Пергенъ, гнавши
марала возлѣ мѣднаго утеса, устроеннаго семью богами, хотѣль ударить
плетью по маралу, но, промахнувшись, попалъ въ утесь и разбилъ его
въ дребезги.—Мать Караты-Пергеня, богатырка, носила на рукахъ сво-
ихъ ребенка, тогда какъ простые люди, десять человѣкъ, не могли под-
нимать его.—Караты-Пергенъ на войнѣ однимъ взмахомъ сабли отсѣкалъ
60 и 70 головъ.—Алтын-Эргекъ выворотилъ золотую гору и перебросилъ
ее за Бѣлое море.—Василій Царицычъ носилъ шапку въ 60 пудовъ и под-
нинался костылемъ въ 60-же пудовъ.—Богатырь Незнайка, дернувшіи за
хвостъ лошадь, всю шкуру здиралъ съ нея и приподнималъ углы у домовъ.—

Арань-Тайчи, возвращаясь изъ подземельныхъ владѣній Чылан-хана, то-
нуль отъ своей тяжести въ мерзлой землѣ по колѣна, и попадавшіеся
подъ ноги камни—булыжники сокрушалъ ногами.—Хань-Тюдей, встрѣтивъ
препятствія, продолжалъ путь къ Желтой скалѣ, выпустилъ изъ своего
богатырского лука мѣдную боевую стрѣлу о 60 концахъ, со словами: „вотъ
будетъ моя дорога, о которой сказка пройдетъ до позднѣйшихъ поколѣній.“
Стрѣла разсекла скалу по срединѣ и проложила путь богатырю.—Монусъ-
Пакай, возвращаясь съ охоты, приносилъ въ каждой руцѣ по маралу (оленю)
съ рогами о 12-ти и 18-ти отросткахъ.—При борьбѣ богатырей земля дро-
житъ и горы рушатся.—Когда сила у богатырей въ сраженіяхъ ослабѣвала,
тогда она прибавлялась извнѣ, посредствомъ дуновенія теплого вѣтра. Бога-
тыри по смерти своей могутъ передавать свою силу и простымъ людямъ.
Солдатъ Агеевъ, послѣ разныхъ приключений съ нимъ, входитъ въ гостин-
ницу одного города и называетъ себя купцомъ. Гостинница была пуста
и находилась въ завѣданіи одного только караульщика, у котораго Агеевъ,
въ ожиданіи якобы обозовъ съ товарами, питался въ кредитъ. Однажды
Агеевъ, прогуливаясь по городу, увидѣлъ у царскихъ воротъ два трупа
висящихъ людей. По возвращеніи въ гостинницу, Агеевъ говорить карауль-
щику: „вашъ царь, должно быть, людей проваливаетъ, какъ мясо.“—„Это
онъ повѣсили своихъ сыновей.“ „За что?“—„У него была еще дочь, кото-
рая пропала безъ вѣсти. Два сына царя искали сестру семь лѣтъ, издер-
жали три корабля золота и не нашли, за это и повѣшены.“—„Дозволитъ
ли царь похоронить своихъ сыновей?“—„Не знаю.“—„Ступай, попроси.“
Караульщикъ отправился во дворецъ къ царю и объявляетъ желаніе купца
Агеева. На это царь отвѣтилъ: „если отдастъ три корабля золота, то пусть
хоронитъ.“ Агеевъ, услышавъ отъ караульщика отвѣтъ, построилъ большую
ограду и позолотилъ ее, ударилъ шапкой-невидимкой по землѣ, изъ-подъ
которой и вышли три корабля золота. Агеевъ доставилъ золото царю и
получилъ трупы его сыновей, положилъ ихъ въ золотые гробы, склонилъ
въ своей оградѣ и насадилъ на могилы разныхъ цвѣтовъ. Ночью пришла
къ Агееву душа старшаго царскаго сына, разбудила его и говоритъ: „чѣмъ
я отплачу тебѣ?“—„Не надобно мнѣ платы.“—„Пойдемъ къ могилѣ, я пере-
дамъ тебѣ свою силу.“ Пошли. На могилѣ душа дунула Агееву въ ротъ
три раза, отчего онъ и сдѣлался богатыремъ. „Если тебѣ пожелается куда
ѣхать,— говорила душа,— то свистни богатырскимъ посвистомъ и къ тебѣ
пристанетъ мой золотогривый, игреній конь въ сѣдлѣ.“ Агеевъ, возвратив-
шись съ могилы, легъ на свою кровать, но она не могла поднять его бога-
тырской силы и развалилась. Кардальщикъ проснулся отъ треска кровати
и говоритъ: „Ты чего-же надѣлалъ? Я тебя откормилъ даровыемъ хлѣбомъ
такъ, что тебя и кровать не стала поднимать. Пойду жаловаться царю.“—
„Не ходи, кровать я исправилъ.“ Но Агеевъ уже не надѣялся и на исправ-
ленную кровать и заказалъ себѣ другую—желѣзную. На другую ночь раз-

будила Агеева душа младшаго царского сына, привела его на могилу, дунула три раза въ ротъ и сказала: „мой золотогривый сивый конь будетъ къ твоимъ услугамъ по первому богатырскому посвисту.“ Пришедши съ могилы, Агеевъ легъ на свою желѣзнную кровать, но и она не могла выдержать его двойной богатырской силы, затрешала и развалилась.

Богатырскія битвы. Богатыри рѣдко сражались съ войсками, но большею частью рѣшали дѣло единоборствомъ другъ противъ друга, или одного съ двумя, тремя и семью богатырями. Причины битвъ были: 1) жадность къ приобрѣтенію чужихъ владѣній и имущества, 2) мщеніе за смерть отца и разореніе своего гнѣзда, 3) изъ-за женщинъ и съ женщинами — своими невѣстами, 4) помощь друзьямъ, 5) помѣряться силами, 6) показать свои силы, 7) для испытанія силы, особенно жениховъ, 8) озарство, 9) предупрежденіе нападеній другаго, 10) честь семейства и 11) иногда посылаютъ богатыря подраться съ сильнѣйшимъ его съ коварною цѣлью — сбить его съ руکъ. Битвы продолжались три года, семь, девять и пятьдесятъ лѣтъ и кончались или смертью противника, или, если замѣшана въ дѣло женщина, то она иногда примиряетъ противниковъ, выходя замужъ за побѣдителя.— Богатырь Чеекъ убилъ отца Айманыса и взялъ въ плѣнъ его народъ и скотъ. Какъ только мальчикъ подросъ и получилъ коня и имя, то и отправился выручать свое наслѣдство. Много-ли, мало-ли онъ ъхалъ, какъ увидаль множество народа и табуны скота. Этотъ народъ и скотъ принадлежали отцу его. Подъѣзжая къ воротамъ дома, принадлежащему владѣльцу, Айманысь увидѣлъ здѣсь множество богатырей, сдающихъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видитъ растянувшагося хозяина, котораго и привѣтствуетъ: „Здравствуй, другъ!“ Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженіемъ спрашиваетъ: „ты кто такой?“ Айманысь его перебиваетъ: „нѣть, тебя какъ зовутъ, убийца моего отца?“ — „Меня какъ зовутъ? Я — богатырь Чеекъ, ъздающій на рыжемъ конѣ“. — „За что ты убилъ отца моего?“ — „За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дани; впрочемъ, твой народъ и скотъ здѣсь, и если угодно, то возьми ихъ и будемъ друзьями“. — Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебя, и тогда уже уведу народъ и скотъ“. — „Чтобы намъ не убивать другъ-друга, — возьми мою сестру за себя“. „Нѣть, будемъ драться на смерть“, и ударилъ Чеека. Завязалась борьба, стали драться, стрѣляться. Долго-ли, коротко-ли они бились, какъ подошла къ нимъ сестра Чеека и говорить: „перестаньте драться; я пойду за Айманыса“. Айманысь посмотрѣлъ на дѣвушку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталъ драться, вошелъ въ домъ и задалъ пиръ. Послѣ пиршества Чеекъ говорить: „Айманысь! У тебя теперь есть жена, а у меня нѣть; мнѣ нужно жениться. Я знаю одну дѣвицу, поѣдемъ — посватаемся“. Отправились. Много-ли, мало-ли они ъхали, доѣхали до невѣсты, у которой народа и скота — премногое множество. Невѣста, по имени Царь-дѣвица (Кан-кыс), вышла къ нимъ на встречу и говорить: „богатырь Чеекъ! Давай сначала подеремся: если ты

одолѣшь меня, то я пойду за тебя, а если я одолѣю, то—убью“. Вышли они на поединокъ: стали драться, стрѣляться, сражаться въ продолженіи семи лѣтъ. Черезъ семь лѣтъ богатырь Чекъ былъ побѣженъ. Потомъ вышелъ Айманысъ, схватился съ дѣвицей и тоже дрались, боролись, стрѣлялись и сражались въ теченіе семи лѣтъ. Чрезъ семь лѣтъ и Айманысъ былъ побѣженъ. На смѣну его опять подошелъ Чекъ и схватился съ дѣвицей: стали драться, барахтаться и стрѣляться въ теченіе 3 лѣтъ. Чрезъ три года Чекъ сказалъ: „много было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу“; впрочемъ, опять схватились. Дѣвица ослабѣла и сказала: „силы моей болѣе не хватаетъ, пойду за тебя“. Бой окончился. Пришелъ Айманысъ, сдѣлали пиръ, сыграли свадьбу. Богатырь Чекъ сказалъ: „пора намъѣхать домой“; забрали приданое, народъ и скотъ и втроемъ отправились въ домъ Чека. Подъѣзжая къ дому, Айманысъ замѣтилъ, что у воротъ стоитъ вороной конь. Айманысъ говоритъ своимъ спутникамъ: „вы здѣсь подождите, а я посмотрю, кто тамъ прїѣхалъ—богатырь или простой человѣкъ“. Айманысъ входитъ въ домъ и видитъ, что тамъ сидитъ богатырь, который сказалъ: „здравствуй, другъ Айманысъ! Ты взялъ мою невѣсту“. Айманысъ спросилъ обѣ имени богатыря. Тотъ отрекомендовался Алтынъ-Эргекомъ (золотой телецъ). „Жену мою я не отдамъ; подеремся, кто изъ насъ будетъ сильнѣе, тотъ пусть ее и возьметъ“. Они схватились, дрались, стрѣлялись. Айманысъ ослабѣлъ, заплакалъ отъ досады, что не могъ убить Алтынъ-Эргека и сказалъ: „убей меня скорѣе и жену мою возьми!“ Но подошелъ къ нимъ Чекъ и сказалъ: „не убивай его (Айманыса), лучше меня убей“. Алтынъ-Эргекъ дрался, боролся съ Чекомъ три года,—Чекъ погибъ. Опять пришелъ Айманысъ на борьбу: стали драться, изъ луковъ стрѣляться, мечами биться; Айманысъ опять ослабѣлъ; но убить его не удалось, хотя онъ и повторялъ, чтобы Алтынъ-Эргекъ убилъ его и взялъ его жену.—Жили-были старикъ со старухою; дѣтей у нихъ не было. Старикъ (его звали Арсланъ) сказалъ старухѣ: „я пойду—умру на войнѣ съ Еки-Моосомъ“ и отправился. Запустѣло царство Арсланово; запустѣла земля мужа сильного! Старикъ поднялся на ледяную гору, съ корнемъ вырвалъ тамъ желѣзный тополь и наѣхалъ съ нимъ на Еки-Мооса, сталь молотить его до того, что желѣзный тополь разбился вдребезги. Но Еки-Моосъ какъ-то изловчился и убилъ Арслана; тополь разорвалъ гору и завалилъ ею тѣло Арслана. Еки-Моосъ возвратился съ побоища въ свой домъ, а жена Арслана, на старости лѣтъ, разрѣшилась сыномъ. Мальчикъ, нѣсколько подросши, спросилъ мать: „гдѣ мой отецъ?“ Мать промолчала. Но вотъ, мальчикъ однажды игралъ съ своими сверстниками: они сначала боролись, а потомъ подрались. Мальчикъ одолѣлъ всѣхъ своихъ товарищевъ и снялъ съ нихъ шубы. Товарищи ему сказали: „шубы ты снимать ловокъ, но если ты такой богатырь, то что-же ты нейдешь искать своего отца?“—„Я отдамъ ваши шубы, только скажите, гдѣ, по вашему мнѣнію, мой

отецъ?— „Твоего отца убилъ Еки-Моосъ“. Мальчикъ, услышавъ это, пришелъ къ матери и говоритъ: „мама, мама, я слыхалъ, что отца моего убилъ по злобѣ Еки-Моосъ. А ты, матушка, зачѣмъ мнѣ не сказала обѣ этомъ? Я поймаю бѣло-сиваго коня, засѣдлаю его золотымъ сѣдломъ и поѣду искать отца своего“. Мать, заплакавъ, сказала: „что ты, дитя мое, у тебя еще ребра не крѣпки, подреберья твои еще слабы; царство наше останется пустое и мать твоя будетъ плакать, куда же ты поѣдешь, дитя мое?“ Но мальчикъ остался непреклоненъ и отправился. Вдали, за мѣсяцъ Ѣзды, показался бѣлый дворецъ Еки-Мооса и при немъ стоятъ двѣ пары пѣгихъ лошадей. Мальчикъ (онъ уже теперь ханъ Пюдей), доѣхавши до дворца Еки-Мооса, сошелъ съ коня, привязалъ его возлѣ пѣгихъ коней и, идя въ жилище Еки-Мооса, оглянулся и видитъ, что уши его бѣло-сиваго коня выше ушей пѣгаконъ, а задъ его коня на пѣлую сажень длиннѣе тѣхъ. Ханъ Пюдей, вошедши въ домъ, поздоровался. Еки-Моосъ, вскочивъ съ постели, сказалъ: „Кійк ползо, тукту болор! Кіжі болзо атту болор! Ады юлынды айдын пер! Кайдан іурген кіжізін? (Если звѣрь, то бываетъ съ шерстью, если человѣкъ, то— съ именемъ! Объясни: кто ты, откуда и куда направился?)“.— Ханъ Пюдей отвѣчалъ: „Я — сынъ Арслана; мое имя — ханъ Пюдей; я Ѣзжу съ богатырями потягаться, съ силачами побороться“. Сказавши это, ханъ Пюдей схватилъ Еки-Мооса за шиворотъ; схватился также и Еки-Моосъ: сѣдились два богатыря. Прошло 6 мѣсяцевъ, они все еще держатъ другъ друга за шею. Прошло 6 лѣтъ: ни тотъ, ни другой не одолѣлъ. Прошло 7 лѣтъ и много перемѣнъ произошло: крѣпкія деревья высохли, черные берега размылись, степные звѣри бросили свои стойбища, замужніл жены разлучились съ своими дѣтьми. Наконецъ, ханъ Пюдей поднялъ Еки-Мооса къ поднебесью— выше облака синяго, ниже облака бѣлаго, ударилъ и разбиль его о широкій камень. Не осталось отъ Еки-Мооса ни крови полизать собакѣ, ни кости пободать коровѣ. Ханъ Пюдей взялъ жену Еки-Мооса, забралъ народъ его и имѣніе, подогналъ табуны и сказалъ: „отмстиль я за отца. Пора теперь къ своимъ мѣстамъ, пора къ своимъ водамъ.“— На владѣнія хана, Ѣздащаго на ворономъ конѣ, напалъ Кара-гуда (царь-Левъ) и убилъ его, жену его со скотомъ взялъ въ плѣнъ и угналъ въ свои владѣнія. У погибшаго хана остался малолѣтній сынъ, который, получивши имя Пюдея и испросивши благословеніе Черной тайги, отправляется во владѣнія Кара-гулы— самаго могущественнаго изъ всѣхъ богатырей и царей, побѣждаетъ его, беретъ себѣ подданный народъ Кара-гулы, скотъ, имѣніе, жену, по имени Толы-Кере, съ дочерью Алтынъ-Чечекъ (золотой цвѣтокъ) и возвращается благополучно домой. По возвращеніи домой, ханъ Пюдей задумалъ жениться на дочери Тенгере-хана (неба), по имени Теменъ-Око, и отправился. Онъ проѣхалъ два неба, спустился въ подземныя владѣнія Эрлика, откуда взобрался на третью небо къ Тенгере-хану и объявилъ ему цѣль своего прїѣзда. Тенгере-ханъ объяснилъ хану

Пюдею, что онъ опоздалъ съ своимъ предложеніемъ, ибо дочь его высваталъ Царь-Змѣй, и если ему не отдать ее, то онъ разгнѣвается и предложитъ хану Пюдею воевать съ Царемъ-Змѣемъ. Ханъ Пюдей согласился и живо побѣдилъ Царя-Змѣя. Но встрѣтилось еще препятствіе: Тенгере-ханъ сказалъ Пюдею, что еще сватались за его дочь два богатыря Узунъ-Кыланъ и Кыска-Кыланъ, которые теперь сердятся на него, что онъ не отдаетъ имъ дочери, приходится тебѣ сразиться и съ ними. Ханъ Пюдей отправляется къ Кыланамъ, но Кыска-Кыланъ струсила и на войну не вышелъ. Узунъ-же Кыланъ встрѣтилъ хана Пюдея на вершинѣ Бѣлой тайги, где они и сразились. Боролись 9 мѣсяцевъ: изъ крови образовалась рѣка, изъ мертвыхъ тѣлъ составилась гора, народъ Узун-Кылана посѣченъ мечемъ, какъ трава, а самого Узун-Кылана ханъ Пюдей поднялъ на небо и смертельно ударила о землю, дворецъ его разрушилъ, очагъ его разбилъ, владѣнія его пожегъ и золу развѣялъ, уцѣлѣвшій отъ пораженія народъ и скотъ его угналъ и покорилъ Тенгере-хану. Но и владѣнія хана Пюдея не были въ покоѣ; на нихъ напалъ Седенкей.

Ханъ-Пюдей выѣзжалъ на - встрѣчу Седенкею и, поднявшись на темя Бѣлой тайги, закричалъ: „кто пришелъ ко мнѣ и зачѣмъ?“ — „Воевать съ тобою, выходи“. Схватились два богатыря, сражались, стрѣлялись и бились 50 лѣтъ. Ханъ-Пюдей, наконецъ, убилъ Седенкея, изъ пролитой крови которого образовалось море, а изъ трупа — гора. — Была вдова Кара-Тасъ. Она имѣла сына, богатыря Алактая и дочь Кулумъ-Кару. Обѣ эти женщины вступили въ связь съ ханомъ Пюдеемъ и задумали сбыть съ рукъ Алактая. Мать притворно заболѣла зубами и послала сына за лекарствомъ — сердцемъ могучаго богатыря Монусъ-Пакая. Алактай повиновался и, встрѣтившись съ возвращавшимся съ охоты Монусъ-Пакаемъ, сказалъ: „Токта! Токта! Ер полза ербектежіп таныттан, аг полза кіштежіп таныттан, сеніп адип кем? (Стой! Погоди! Кони знакомятся обыкновенно ржаньемъ, а люди — разговоромъ. Какъ тебя зовутъ?)“ — „Мое имя Монусъ-Пакай, а твое?“ — „Алактай“. Послѣ этого короткаго, вызывающаго разговора схватились и начали драться. Въ ихъ борьбѣ прошло нѣсколько временъ года, которыя они называли зимою по инею на своихъ воротникахъ, а лѣтомъ по росѣ на подолахъ. Подъ ихъ ногами твердая земля треснула. Силы были равны: никто не поддавался и оба пожелали подкрѣпиться пищею. Монусъ-Пакай поѣлъ борщовника (травы), а Алактай отправился въ тайгу, одной стрѣлой убилъ сто звѣрей, поѣлъ, насытился, пожирѣлъ даже и возвратился на мѣсто побоища. Пришелъ сюда и Тонусъ-Пакай. Опять сѣѣлись и дрались. Наконецъ, Алактай схватилъ Монусъ-Пакая, бросилъ его и выдернулъ у него каменно-желѣзное сердце и положилъ на коня, отчего конь сдѣлался величиною съ жеребенка. Алактай, возвратившись домой и узнавши въ чемъ дѣло, рѣшился отмстить хану Пюдею, отправился къ нему въ домъ, но не засталъ

дома. Пюдей былъ на охотѣ, съ которой возвратившись, самъ заявился къ Алактаю и сказалъ: „я, сильный богатырь, задумалъ убить тебя и жениться на твоей матери и сестрѣ“.—„Что ты говоришь?“ И, не дождавшись отвѣта, ударила хана Пюдея по щекѣ такъ сильно, что всѣго его сплюснуло.—Ханъ-Пергенъ, бывши на охотѣ, напалъ на слѣдъ марала (оленя) и погнался за нимъ, догналъ его до владѣній Мѣднаго богатыря и убилъ. Потомъ вошелъ въ домъ Мѣднаго богатыря, поздоровались, отрекомендовались. Въ разговорѣ хозяина съ гостемъ объяснилось, что мараль былъ приученный, котораго Мѣдный богатырь послалъ, чтобы привлечь хана Пергена въ свои владѣнія. „Для чего-же я тебѣ нуженъ?“ спросилъ ханъ Пергенъ.—„Давай, поборемся и подеремся, помѣряемся силами. У кого окажется силы больше, тотъ пусть убьетъ малосильного и завладѣетъ его народомъ и скотомъ“. Предложеніе принято съ готовностью. Хозянинъ и гость вышли изъ дома, схватились, изъ луковъ стрѣлялись, саблями бились впродолженіе 9 лѣтъ, но побѣдить другъ друга не могли. На ихъ единоборство смотрѣлъ съ высокой горы пріятель Пергена Ханъ-Алыпъ и когда замѣтилъ, что Мѣдный богатырь сталъ пересиливать Пергена, немедленно спустился съ горы, отстранилъ Пергена въ сторону, схватился съ Мѣднымъ богатыремъ и сказалъ ему: „ты вызвалъ хана Пергена обманомъ и хочешь убить его, но этого не будетъ, пока не убьешь меня“. Начали биться. Ханъ Алыпъ сталъ ослабѣвать. На выручку его опять явился Пергенъ и напалъ на Мѣднаго богатыря, который, выбившись изъ силъ, запросилъ пощады. „Ты меня одолѣлъ, прошу тебя не убей меня, весь мой народъ, весь мой скотъ возьми себѣ, только меня не убивай“. Ханъ Алыпъ, подошедши къ противникамъ, повелъ такую умную рѣчъ: „У Мѣднаго богатыря есть дочь хорошая девушка, ты возьми ее за себя, а его, пріятель, не убивай; если убьешь, то тебѣ смерть будетъ. Перестаньте драться, пойдемте лучше въ домъ“. Соперники перестали драться, помирились и учинили байгу (пиршество). — Коварная сестра хана Пергена Арго, въ отсутствіе брата, вышла замужъ за Карамооса и вмѣстѣ съ мужемъ обокрала его. Тогда разгневанный ханъ Пергенъ сразился съ своимъ зятемъ и изрубилъ его саблей.—Жиль-быль стариkъ Алтынъ-ханъ; дѣтей у него не было. Жена его старуха плачетъ. „О чёмъ плачешь, старуха?“—„Пришла наша старость, придетъ съ высоты 30-го неба твой другъ Кускунъ-Алыпъ, тебя убьетъ и будетъ выглядывать твой скотъ“. Стариkъ разсердился и задумалъѣхать на встрѣчу врагу своему и отправился. На пути, действительно, онъ встрѣчается съ Кускунъ-Алыпомъ, который сказалъ: „я пришелъ убить тебя и забрать твой скотъ“. Послѣ такой откровенности ударились враги саблями, сѣптились и не разнимались 7 дней. Алтынъ-ханъ былъ убитъ. Женъ Алтынъ-хана выкололи глаза и взяли въ плѣнъ. Въ плѣну у Кускунъ-Алыпа старуха родила сына, и когда ребенка хотѣли жечь на огнѣ, явился дядя его Эръ-Кулатай и главныхъ зачинниковъ—враговъ племянника, Кускунъ-Алыпа и Кичиг-Нилигчи посадилъ на колъя и приставилъ къ огню въ видѣ

шашлыковъ¹⁾), а племянника унесъ на рукахъ. По достижениі племянникомъ семи лѣтъ, Эрь-Кулатай поѣхалъ съ нимъ на 7 небо во владѣнія Узун-Кары и пили тамъ вино. Сынъ Узун-Кары, мальчикъ Кормонгонъ, играя съ племянникомъ Эрь-Кулата, побилъ его. Дядя изъ-за племянника затѣялъ скору съ Узун-Карою и ударилъ его, завязалась драка, въ которой Узунъ-Кара поплатился жизнью. Племянникъ Эрь-Кулата, возмужавши и получивши имя „Каратты-Пергенъ“, всегда заступался за дядю и воевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Однажды Эрь-Кулатай на золотой горѣ, стоящей на 7-мъ небѣ, сразился одинъ съ семью богатырями, такъ что они во время войны затоптали золотую гору и превратили ее въ степь. Шесть богатырей Эрь-Кулатай положилъ на мѣстѣ, а съ седьмымъ долго возился. Но Каратты-Пергенъ, заслышивъ на 7-мъ небѣ брацанье знакомой кольчуги, поспѣшилъ на выручку своего дяди и, прискакавши, отдернулъ ослабѣвшаго Эрь-Кулата отъ его соперника, и самъ сразился съ нимъ, убилъ и скрылъ тѣло въ камняхъ золотой горы. На владѣнія Эрь-Кулата напалъ Алтынъ-Тасъ съ войскомъ, Эрь-Кулатай защищался храбро: ударить сюда — головы 60-ти человѣкъ летятъ, обернется туда — 50 головъ летитъ. Покончивши съ войскомъ „Эрь-Кулатай схватился съ Алтын-Тасомъ, который, не надѣясь на свою силу и обладая хорошимъ конемъ, обратился въ бѣгство. Эрь-Кулатай погнался за нимъ. Алтын-Тасъ, со страха, спустился подъ землю. Эрь-Кулатай — за нимъ, но догнать не можетъ и воскликнулъ: „эхъ, если-бы мой племянникъ, котораго я отъ волковъ избавилъ и отъ непріятелей освобождалъ, былъ со мною!“ Каратты-Пергенъ не заставилъ долго ждать себя, какъ изъ земли выросъ и схватился съ Алтынъ-Тасомъ, вмѣсто своего дяди. Дрались три дня. Наконецъ, Каратты-Пергенъ поднялъ своего противника къ небу, а оттуда бросилъ на землю и зашибъ до смерти. Богатырь Кандотъ укралъ дочь Алтынъ-хана и прожилъ съ нею семь лѣтъ, богатырь Ак-Молатъ, желая получить хороший выкупъ съ Алтынъ-хана, отобралъ дочь отъ Кандота и доставилъ къ отцу. Алтынъ-ханъ, увидя дочь свою съ Ак-Молатомъ и не разобравши дѣла, ударилъ Ак-Молата семиконечнымъ копьемъ и держалъ его подъ копьемъ семь лѣтъ. На владѣнія Ай-Моко напали два хана: Кола-Кырышъ и Тебіръ-Кырышъ. Съ первымъ Ай-Моко дрался три дня и, поднявши его къ небу, ударилъ о землю и убилъ. Со вторымъ дрался четыре дня и кончилъ точно такъ-же, какъ и съ первымъ. Два друга, Ай-Моко и Ак-Молатъ, сдѣлали между собою военный совѣтъ — идти войною на Кандота. Прошли они земли сорока народовъ и взобрались на 40-й слой небесный — жилище Кандота и стали вызывать его на бой. Но Кандотъ самъ, лично, уклонился отъ войны, а выставилъ свое войско противу нападающихъ. При каждомъ взмахѣ Ак-Молата

1) Шашлыкъ — кусокъ мяса, преимущественно баранины, приставленный къ огню на палкѣ для жаренья.

летить непріятельская голова, а махнетъ Ай-Моко—летять семь головъ. Воевали друзья въ Кандотовомъ царствѣ семь дней и, забравши съ собою много народа и скота Кандота, возвратились домой. На владѣнія Алтынъ-хана напалъ Кара-Могусъ и убилъ его и царство разрушилъ. Но у Алтынъ-хана былъ сынъ, который, достигнувъ трехъ лѣтъ и получивши имя „Алтынъ-Ергекъ“ и коня—Аранчулу, рѣшился отмстить за смерть отца своего. Пріѣхавши во владѣнія Кара-Могуса, Алтынъ-Ергекъ изрубилъ саблею, какъ самого владѣтеля, такъ и многихъ изъ его подданныхъ. Пока онъ расправлялся съ Кара-Могусомъ, дѣти сего послѣдняго, три богатыря, хотѣли за-владѣть Аранчуломъ и погнались за нимъ. На дорогѣ они встрѣтили еще трехъ богатырей, которые спросили,—зачѣмъ они гонятся за чужимъ конемъ? „А вы развѣ хотите заступиться за него?“ И съ этими словами ударили бо-гатырей плетями, разсѣкли имъ головы, и они умерли. Послѣ расправы съ богатырями, вмѣшившися въ чужое дѣло, дѣти Кара-Могуса встрѣтились съ другомъ Алтынъ-Ергека, ханомъ Алтынъ-Перисте и на вопросъ: „кто ты?“—получили въ отвѣтъ: „Вѣдяцій на семи-саженномъ, красно-рыжемъ конѣ, ханъ Алтынъ-Перисте“. Три брата подняли плети и разомъ ударили Алтынъ-Перисте. Богатырь на это привѣтствие не моргнулъ и глазомъ и ска-залъ: „ну, теперь я ударю“, и удариль по головамъ богатырей плетью, раз-сѣкъ имъ головы, и они умерли. На богатыря Алтынъ-Моко нападаютъ дѣти Чыланъ-хана, богатыри, имѣющіе одно имя: „Шайунъ-Сасъ“. На выручку Алтынъ-Моко является другъ его Аранъ-Тайчи, который и запиналь до смерти обоихъ противниковъ. Въ благодарность за помощь жена Алтынъ-Моко предложила—было себя въ жены Аранъ-Тайчи, но онъ устыдился та-кого предложенія и, не пивши вина и не ъвиши, возвратился домой. Впро-чемъ, жена Алтынъ-Моко, при слѣдующемъ свиданіи, понравилась и, обра-тивъ въ шутку свое предложеніе, сказала: „Великій ханъ обыкновенно же-нится на дѣвицѣ, а не на женщинѣ. Отсюда на тридцатомъ небѣ живутъ семь братьевъ-богатырей, до владѣній которыхъ не доѣзжалъ ни одинъ ханъ. Младшая сестра ихъ, по имени Очи-Каракчинъ,—настоящая красавица. Ее возьми за себя. Если ты дѣйствительно богатырь—возвратишься съ трид-цатаго неба, если слабый ханъ—умрешь“. Алтынъ-Моко, подтвердивши слова жены, согласился сопровождать своего друга. Отправились и уже достигли тридцатаго неба, какъ Алтынъ-Моко струсилъ и, боясь встрѣтиться съ бо-гатырями, возвратился домой. Аранъ-Тайчи же сказалъ: „я хотя и умру, а не ворочусь“, и вышелъ къ красавицѣ Очи-Каракчинъ. „Здравствуй, Аранъ-Тайчи!“—„Здравствуй, красавица Очи-Каракчинъ!“—„Возьмешь-ли ты меня за себя?“—„Возьму“. „Но какъ-же ты возьмешь, когда уже сватался за меня богатырь Сарь-Алтынъ и братья мои думаютъ отдать меня за него? Впро-чемъ, я желала-бы лучше выйти за тебя, нежели за Сарь-Алтына, но боюсь, что онъ убьетъ тебя“. Послѣ объясненія съ дѣвушкой Аранъ-Тайчи вышелъ отъ нея и встрѣтился съ Сарь-Алтыномъ, который, обнаживъ мечъ, спросилъ

его: „ты, ханъ, зачѣмъ входилъ къ дѣвушкѣ?“ Не успѣлъ онъ отвѣтить на вопросъ, какъ подошли и братья—семь богатырей, поздоровались съ Аранъ-Тайчи и спросили,—куда онъ отправился? Аранъ-Тайчи отвѣтилъ: „приходилъ я сватать красавицу Очи-Каракчинъ, младшую сестру семи богатырей“. На это Сарь-Алтынъ замѣтилъ: „съ боку привязанный торсукъ (кожаный мѣшокъ для жидкостей) на сторонѣ и оставаться долженъ. Ужели тебѣ, пришедшему со стороны, взять эту дѣвушку?“ Старшій изъ семи братьевъ разразилъ: „Два богатыря, Аранъ-Тайчи и Сарь-Алтынъ! Предлагаю вамъ рѣшить жребій въ единоборствѣ между собою: мертвый пусть въ землю идетъ, а оставшійся—дѣвушку береть (олгону, іерге парзы! Калганы кысалзы!).“ Богатыри схватились такъ сильно, что земля задрожала и ближайшая гора разрушилась. Били другъ-друга по щекамъ и сражались шесть дней; наконецъ, въ седьмой день Аранъ-Тайчи поднялъ Сарь-Алтына и бросилъ его къ небу, и, не допуская до земли, разсѣкъ его на семь частей. Когда Аранъ-Тайчи покончилъ съ Сарь-Алтыномъ, тогда и семь братьевъ-богатырей дружно, всѣ вмѣстѣ, напали на него. Сражались тоже семь дней и точно такъ-же, какъ Сарь-Алтынъ, полетѣли къ небу, и при паденіи поражены.

Старуха сказала: „вся сбруя у Страмдуса привязана на одной веревкѣ, на концѣ которой привязанъ колокольчикъ, вотъ тебѣ ножикъ, отсѣки эту веревку, захвати сбрую и живо бѣги“. Мальчикъ, по наставленію старухи, овладѣлъ сбруею Страмдуса, которая свѣтила, какъ солнце, и доставилъ ее царю. По прошествіи нѣкотораго времени, старшій братъ научилъ солдата донести царю, что младшій братъ его похвалается поймать и привести къ царю самого Страмдуса. Царь призвалъ мальчика и, несмотря на его отреченіе, угрозою принудилъ отправиться за Страмдусомъ. Мальчикъ зашелъ къ старухѣ и заплакалъ, разсказавши свое горе. „Не плачь, мальчикъ! Вотъ тебѣ двое рукавичекъ: войлочные и кожаные. Если тебѣ будетъ жарко, закройся кожаными рукавичками, а если холодно — войлочными. Вотъ тебѣ еще двѣ ягоды: бѣлая и красная. Когда завидишь Страмдуса — сѣѣшь бѣлую ягоду, а когда нужно будетъ сѣѣсть красную, самъ узнаешь“. Мальчикъ отправился, съ помошію рукавичекъ преодолѣлъ и жаръ, и морозъ и увидѣлъ Страмдуса, который ходилъ около своего дома. Мальчикъ сѣѣлъ бѣлую ягоду и превратился въ сѣдаго старика, подошелъ по томъ къ Страмдусу. Страмдусъ спросилъ: „кто и за чѣмъ?“ Старикъ (т.-е. мальчикъ) сказалъ: „на той сторонѣ ключа, во владѣнія царя пришелъ страшный богатырь, который всѣхъ убиваетъ, я уѣжалъ оттуда и прошу твоей защиты“. — „Ладно. Неужели тотъ богатырь сильнѣе меня?“ — „Не знаю, ты силенъ-ли, а тотъ богатырь влѣзть въ бочку, упрется ногами, и бочка разламывается на куски“. Страмдусъ заставилъ своихъ прислужниковъ сдѣлать бочку, влѣзъ въ нее, уперся ногами и бочка разлетѣлась. Старикъ (мальчикъ) говоритъ, что тотъ богатырь залазить и въ желѣзную бочку и разламываетъ. Страмдусъ приказалъ сдѣлать желѣзную бочку, за-

лѣзъ въ нее, заперли его замкомъ, сталъ упираться въ бочку, но она только краснѣеть и дѣлается огненною, но не ломается. „Нѣтъ, старикъ, не могу изломать, отопри“. Но старикъ съѣлъ красную ягоду и, превратившись опять въ мальчика, покатилъ бочку. Страмдусъ ужасно закричалъ и велѣлъ мальчику остановиться, потому что Богъ запретилъ ему переходить ручей. Но мальчикъ не обратилъ вниманія на возраженія Страмдуса и прокатилъ бочку въ городъ. Царь и народъ собрались къ бочекъ, но боялись подойти близко. Мальчикъ сказалъ, что онъ выпустить Страмдуса изъ бочки, и тогда онъ сѣѣсть всѣхъ и Страмдусъ подтвердилъ изъ бочки, что если выпустятъ его, то онъ рѣшилъ всѣхъ и оставить живымъ только одного мальчика. Царь и народъ стали просить мальчика, чтобы онъ не выпускалъ Страмдуса изъ бочки, и всѣ единогласно избрали его себѣ царемъ. Страмдусъ попросилъ пить. Мальчикъ растопилъ смолу и влилъ ее въ ротъ Страмдусу, отчего онъ и померъ. Мальчикъ женился на царской дочери, сдѣлался царемъ и отсѣкъ голову старшему брату. — Мальчикъ, по имени Тарданакъ, былъ на своей пашнѣ. Приходитъ къ нему семиглавый Ельбекенъ и приказываетъ ему лѣзть въ мѣшокъ. Тарданакъ влѣзъ. Ельбекенъ понесъ въ мѣшокъ Тарданака въ свой домъ, но на дорогѣ легъ отдохнуть и заснулъ. Во время его сна Тарданакъ вылѣзъ изъ мѣшка, набилъ мѣшокъ вмѣсто себя травой и возвратился на свою пашню. Ельбекенъ проснулся, пришелъ домой. Дѣти его, увида мѣшокъ, сказали: „отецъ принесъ травы въ мѣшокъ, давайте на ней играть!“ — „Нѣтъ, дѣти, въ мѣшокъ вѣдь не трава, а сидитъ Тарданакъ.“ Но, открывши мѣшокъ, онъ увидѣлъ въ немъ дѣйствительно траву, и пошелъ опять на пашню къ Тарданаку и опять посадилъ его въ мѣшокъ и завязалъ. Пришедши домой, Ельбекенъ положилъ мѣшокъ и отправился за дровами. Во время его отсутствія Тарданакъ сказалъ дѣтямъ Ельбекеня: „ребята, развязите меня; за это старшему изъ васъ я сдѣлаю большую стрѣлу, а младшему—маленькую“. Дѣти съ удовольствиемъ развязали его. Тарданакъ всѣмъ имъ отрубилъ головы, которыя рядкомъ уложилъ на постели, въ половину прикрывъ ихъ одеждами, а трупы положилъ въ котель и сварилъ, и близъ очага проложилъ сквозной выходъ подъ юрту. Ельбекенъ возвратился съ дровами и хотѣлъ было звать Тарданака, но увидалъ, что въ котлѣ варится уже мясо, котораго поѣвъ немногого, онъ сказалъ: „дѣти, вставайте скорѣе есть мясо!“ Дѣти молчатъ, не встаютъ. Ельбекенъ подошелъ къ постели, открылъ дѣтскія одежды и увидѣлъ, что головы дѣтей лежатъ, какъ шишки. „Это что такое?“ — Догадался, что въ котлѣ варилось мясо дѣтей его, заплакалъ и закричалъ: „Тарданакъ! Куда ты ушелъ?“ Тарданакъ отвѣчаетъ съ улицы: „я пошелъ собирать дрова“. Ельбекенъ вышелъ на улицу и, не видя тамъ Тарданака, кричитъ: „Тарданакъ! Ты гдѣ?“ Тарданакъ, прошедши въ юрту прокопаннымъ имъ ходомъ, отвѣчаетъ: „я развозжу огонь подъ котломъ“. Ельбекенъ вошелъ въ юрту и, не видя тамъ Тарданака, успѣвшаго убраться изъ юрты своимъ ходомъ, опять закричалъ: „Тарданакъ! Ты куда

ушелъ?“ Тарданакъ отвѣтаетъ съ улицы: „я собираю дрова“. Ельбекенъ разсердился и спросилъ: „ты какъ-же это невидимо выходишь на улицу?“ Потомъ началъ осматривать юрту и замѣтилъ близъ очага яму, вошелъ въ нее и завязъ. Тогда Тарданакъ вбѣжалъ въ юрту, опрокинулъ на ельбекеня котель съ мясомъ и кипящею жидкостью и сварилъ его. — Ельбекенъ погнался за мальчикомъ Машпракомъ, а этотъ успѣлъ залѣзть на желѣзный дубъ. Ельбекенъ сталъ рубить дубъ и усталъ; къ нему подошла красная лисица и предложила свои услуги — дорубить за него; Ельбекенъ обрадовался помощницѣ и заснулъ. Въ это время лисица, вмѣсто дуба, стала бить по топору камнемъ и, иступивши, бросила его въ озеро. Проснулся Ельбекенъ и какъ только досталъ топоръ изъ озера, лисица, перемѣнившись свою красную шерсть на черную, опять подошла къ нему и просила топоръ, чтобы рубить дубъ. Ельбекенъ сначала отказывался и укорялъ ее за то, что она иступила топоръ и забросила его въ озеро. Но лисица убѣдила его, что то была не она, добрая, а другая, худая лисица. Ельбекенъ повѣрилъ словамъ доброй лисицы, но она иступила топоръ хуже прежняго, забросила его въ самую середину озера. Ельбекенъ усами своими вытащилъ топоръ, наточилъ его и опять принялъся за прежнюю работу. Машпракъ смотрѣть на небо и видѣть въ девяти тучахъ летятъ вороны, такъ что изъ-за нихъ закрылось солнце. Ельбекенъ, заслышавъ вороній крикъ, спустился въ озеро. Первая туча прилетѣла къ Машпраку и спросила: „гдѣ Ельбекенъ?“ Онъ указалъ на озеро. Главный воронъ сказалъ: „смотрѣ-же, если по озеру будетъ разливаться черная кровь, то не бойся, если-же красная, то намъ будетъ бѣда, и тебѣ тогда не уйти“. Машпракъ смотрѣть и видѣть, что появилась красная кровь. Онъ заплакалъ и сказалъ: „должно быть, погибнуть и мнѣ!“ Но эта кровь вышла изъ ноги одного ворона, которая изломалась при битвѣ. Потомъ пошла черная кровь и вышла изъ береговъ озера, а у каждого ворона изъ девяти туч оказалось по кости съ мясомъ, величиною по 8 вершковъ. Вороны улетѣли, а Машпракъ сошелъ съ дерева. Всѣ люди происходятъ отъ Машпрака. Воронъ пособлялъ Машпраку-родоначальнику людей, за это онъ и питается пищею со стола человѣка: мясомъ и рыбой. — Не смотря на то, что богатыри силою, а другіе герои хитростью, побѣждали ельбекеней, но все еще было много ихъ. Поэтому само небо обратило вниманіе на этотъ предметъ и послало солнце ловить и жечь ельбекеней. Вотъ солнце бросилось за однимъ ельбекенемъ, но ельбекенъ скрылся въ глубокую, доходящую до центра земли пещеру. Мѣсяцъ, повстрѣчавшись съ солнцемъ, спросилъ: „гдѣ ельбекенъ?“ Солнце созналось, что ничего не могло подѣлать съ ельбекенемъ. Мѣсяцъ сталъ спускаться съ неба и видѣть, что ельбекенъ гонится за однимъ мальчикомъ-сиротою, чтобы сѣѣсть его, но мальчикъ забрался на высокую талину; ельбекенъ сталъ у талины и дожидается мальчика. Когда мѣсяцъ спустился на землю, ельбекенъ схватился за талину, вырвалъ ее съ корнемъ и вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней мальчи-

комъ бросился въ озеро. Мѣсяцъ, не будь плохъ, сейчасъ же отхватилъ у себя правое плечо, потомъ лѣвое, и, такимъ образомъ, ущербнувши, бросился за ельбенемъ, и когда сталъ воевать съ нимъ, то брызги изъ озера летѣли чрезъ близъ - стоящую гору. Мѣсяцъ, схвативши, наконецъ, талину съ ельбенемъ и мальчикомъ, унесъ ихъ на небо. На мѣсяцѣ, увѣряютъ инородцы, всегда можно видѣть ельбеневу голову и талину: мѣсяцъ свѣтлый, а эти предметы потемнѣе.

Купецъ.

У одного купца было три сына. Они видѣли сны о своихъ невѣстахъ. Старшему приснилось, что онъ взялъ за себя купеческую дочь, среднему приснилась боярская дочь, а младшій увидѣлъ во снѣ лягушку.

Сны ихъ дѣйствительно исполнились: старшій и средній братъ женились на тѣхъ, кого видѣли во снѣ, и младшій братъ привель въ домъ лягушку.

Отецъ, для испытанія своихъ невѣстокъ, заказываетъ своимъ сыновьямъ, чтобы старшая невѣстка сшила для него куртку изъ мерлушекъ, средняя — шаровары, а младшая — сапоги. „Я,—сказалъ отецъ,—завтра къ царю пойду“.

Два старшихъ сына объявили своимъ женамъ приказаніе отца, а младшій, не надѣясь на лягушку, сталъ доставать изъ ящика деньги, чтобы купить на нихъ сапоги. Лягушка спросила: „ты для чего берешь деньги?“ Младшій сынъ отвѣчаетъ: „отецъ отправляется завтра къ царю и приказалъ, чтобы ты сшила для него сапоги“. Лягушка сказала: „деньги не трои! Сапоги я изготовлю“. Младшій сынъ опять положилъ деньги туда, гдѣ взялъ, и легъ спать. Поутру рано лягушка разбудила его и сказала: „Вотъ сапоги готовы!“

Всѣ три сына явились къ отцу съ работою своихъ женъ. Работа старшихъ невѣстокъ отцу не понравилась, а сапоги очень понравились, и отецъ удивился, что въ нихъ не видно даже шва.

Отецъ дѣлаетъ еще заказъ, чтобы старшая невѣстка приготовила булку, средняя — сухарь, а младшая — ржаной хлѣбъ.

Когда это все было изготовлено, сыновья опять явились къ отцу. Отецъ, увидѣвши ржаной хлѣбъ, отъ удивленія спросилъ: „что это такое бѣло?“ — „Это хлѣбъ, изготовленный мою женою — лягушкою“, — отвѣчалъ младшій сынъ. Отецъ похвалилъ искусство младшей невѣстки, а булку и сухари, приготовленные старшими, бросилъ собакамъ.

Въ третій разъ всѣ три невѣстки, по приказанію отца, явились къ нему пѣть. Лягушка, превратившись въ красавицу, пришла послѣ всѣхъ. Пѣніе ея до того очаровало отца, что онъ сдѣлалъ ее старшою надъ всѣми, а мужа ея — своимъ наследникомъ, старшихъ же сыновей заставилъ пасти скотъ, а ихъ женъ опредѣлилъ быть кухарками. Значитъ:

Человѣка не узнаешь по одеждѣ,
А коня по потнику.

Алтіан-Саін-Саламъ.

Жили-были старики со старухою. У нихъ были сынъ да дочь. Старики умерли: братъ и сестра остались сиротами. Они плакали и говорили: „какъ мы будемъ жить? Ёсть нечего и носить нечего“. Мальчикъ сдѣлать небольшой лукъ съ деревянною стрѣлою и отправился на звѣриный промыселъ. Сестра сдѣлала себѣ веретено и стала прядь коплю. Братъ убилъ какого-то звѣрька и, возвратившись съ нимъ домой мясо звѣрька отдалъ сестрѣ, та сварила это мясо и оба поѣли. Мальчикъ подумалъ: „хотя бы одинъ былъ конь у меня, я на немъ и возилъ бы звѣриную добычу, а то на себѣ таскать ее—спина заболить“. Заплакалъ и уснулъ. На другой день опять отправился на промыселъ и застрѣлилъ лось. Отрѣзавши кусокъ мяса отъ лося, принесъ его домой. По возвращеніи домой, онъ видѣть привязанного къ дереву коня съ золотымъ сѣдломъ. Конь этотъ имѣлъ кличку: рижій Айкымъ-Сайкымъ. Юноша, отвязывая коня отъ коноязи, замѣтилъ, что изъ травы виднѣется чорный, крѣпкій лукъ съ желѣзною, большою стрѣлой. Юноша взялъ этотъ лукъ, натягалъ—натягалъ и сказалъ: „ахъ! если-бы этотъ лукъ былъ моимъ!“ И думаетъ: „какого-же богатыря этотъ конь и лукъ?“ Вошелъ онъ въ домъ и тотъ-же вопросъ задаетъ сестрѣ своей. Сестра отвѣтила: „Вѣроятно, и конь и лукъ твой“. Юноша, побывши немного дома, садится на Рижку-Айкымъ-Сайкыма и поѣхалъ такъ быстро, что пыль изъ-подъ копытъ поднималась съ земли къ небу, а съ неба падала на землю. Юноша на короткое время остановился и поправилъ на себѣ доспѣхи: лукъ надѣлъ себѣ на спину, а стрѣлу взялъ въ руку. Наѣхавши на звѣриное стойбище, онъ перебилъ всѣхъ случившихся тутъ лосей, мясо ихъ положилъ на коня и, возвратившись домой, передалъ оное своей сестрѣ, а самъ опять на Рижку-Айкымъ-Сайкыма и на промыселъ. Но эта вторая поѣздка кончилась несчастіемъ: конь упалъ и юноша не усидѣлъ на немъ и, при паденіи, сломилъ себѣ шею и умеръ. Конь безъ сѣдока возвратился домой. Сестра юноши встрѣтила коня, который ей провѣщалъ: „оставвшись безъ сѣдока, я рысью прибѣжалъ домой“. Сестра заплакала. Рижка, увидавши это, подошелъ къ ней и паль на колѣна. Дѣвушка поплакала-поплакала и сѣла на коня. Рижка побѣжалъ рысью, направляя путь своей хоziйкѣ. Сестра доѣхала до того мѣста, гдѣ упалъ братъ, увидала, что у него шея сломлена и опять заплакала. Поплакавши, обратилась она къ близъ-стоящей скалѣ: „Горкій камень, раскройся! Гладкая скала, расколись! Я положу въ тебѣ моего брата“. Скала раскрылась и сестра положила въ нее своего брата, а сама переодѣлася въ его одежду и отправилась къ Царю-Солнцу. Только пыль пошла столбомъ кверху, сверху падала на землю. Бхала-Ѣхала и увидѣла, что нѣсколько богатырей состоятся въ стрѣльбѣ. Цѣлью поставлена игла, утвержденная въ желѣзной лопатѣ, а въ вознагражденіе побѣдителю обѣщана красавица—средняя дочь

царя. Когда она подъѣхала къ богатырямъ, они сказали ей: „глазъ у тебя огневый, а спина что-то тонковата. Ты кто такой, ловкій молодецъ? Не угодно ли тебѣ попробовать стрѣлять въ цѣль?“ Переодѣтая дѣвица приняла на себя и имя брата своего: Алтайн-Сайн-Саламъ, и сказала богатырямъ: „Стрѣлять-то я готовъ, только мнѣ еще не до стрѣльбы: я Ѳеть хочу.“ Богатыри дали ей кусокъ мяса и чашку бульона. Мнимый Алтайн-Сайн-Саламъ когда насытился, взялъ лукъ, натягалъ его съ утра до вечера и на слѣдующее утро все еще натягалъ. Когда окончательно натянуль, прицѣлился, спустилъ тетиву и стрѣлою отшибъ ухо у иглы и раскололъ желѣзную лопату. Послѣ этого подвига мнимый Алтайн-Сайн-Саламъ пришелъ къ Царю - Солнцу и потребовалъ себѣ въ жены дѣвушку, изъ-за которой было состязаніе. Царь - Солнце согласился, но выдачу еще отсрочилъ на нѣкоторое время. Алтайн-Сайн-Саламъ поѣхалъ далѣе. Щахъ - Щахъ и прі-Щахъ во владѣніе Царя-Мѣсяца, гдѣ опять попалъ на состязаніе въ стрѣльбѣ за среднюю дочь этого царя, и выиграль ее. Взявши съ собой дочь Царя-Мѣсяца и заѣхавши зѣ нею за дочерью Царя-Солнца, всѣ втроемъ прибыли домой. Но здѣсь произошло недоразумѣніе: обѣ жены требовали супружескихъ правъ въ раздѣленіи ложа, но этихъ правъ не добились. Поэтому отпросились на нѣкоторое время въ дома своихъ родителей, и уѣхали. По отправленіи своихъ женъ, мнимый Алтайн-Сайн-Саламъ поѣхалъ къ скалѣ, въ которой погребенъ былъ братъ. Пріѣхавши къ скалѣ, сестра заплакала и сказала: „Горькій камень, раскройся! Гладкій камень, откройся. Я возьму моего единственного брата“. Скала раскрылась и сестра вынула оттуда своего брата, привезла его домой и положила въ бѣлую кочму. На ладони брата написала записку: „У Царя-Солнца и Царя-Мѣсяца я взяла двухъ среднихъ дочерей: пусть онъ будутъ тебѣ женами, а сама я, сдѣлавшись зайцемъ, ушла въ чашу лѣса“. — Двѣ жены мнимаго Алтайн-Сайн-Салама, погостивши у своихъ родныхъ, возвратились къ своему мужу. Подъѣхавши къ дому и еще не входя въ него, жены закричали: „Алтайн-Сайн-Саламъ, выходи сюда! Не слышить!“ Въ другой разъ закричали: „Алтайн-Сайн-Саламъ, выходи!“ Опять не слышить. „Это что такое?“ Дочь Царя-Мѣсяца вошла въ домъ и думаетъ, что Алтайн-Сайн-Саламъ спитъ. Жена кричитъ: „вставай!“ Онъ не встаетъ. Опять закричала: „вставай!“ Опять не встаетъ. Жена потрясла его одежду: Алтайн-Сайн-Саламъ лежитъ, какъ мертвый. „Теперь нѣтъ никакой надежды разбудить его“, говоритъ дочь Царя-Мѣсяца, и заплакала: „въ былое время никакие богатыри не могли открыть его подола, а теперь злой вѣтеръ его открываетъ“. Вышла изъ дома, а на мѣсто ея вошла другая жена, дочь Царя-Солнца. „Вставай!“ Не встаетъ. Дочь Царя-Солнца начала бить плетью своего мужа, отчего тотъ, какъ будто пошевельнулся. Обѣ жены поперемѣнно входили, выходили, плетями били своего мужа и, наконецъ, достигли того, что онъ всталъ. Алтайн-Сайн-Саламъ, проснувшись, сказалъ своимъ женамъ, чтобы онъ дали ему воды умыться. Но только онъ приготовилъ

ладони для принятія воды, какъ сейчасъ же замѣтилъ письмо своей сестры — *Кары*. Умывшись, онъ послалъ своихъ женъ въ чашу лѣса, чтобы онѣ крикомъ выгнали оттуда бѣлаго зайца, а самъ, взявши лукъ со стрѣлою, сталъ дожидаться этого зайца на чистомъ мѣстѣ. Когда жены выгнали зайца изъ чащи, Алтайн-Сайн-Саламъ подстрѣлилъ его въ ногу, поймалъ, принесъ домой и приказалъ обѣимъ женамъ хорошо кормить его.

Заяцъ однажды обрызгалъ подолы одежды женъ Алтайн-Сайн-Салама. Жены разсердились и, въ отсутствіе своего мужа на промыселъ, убили зайца. Алтайн-Сайн-Саламъ, возвратившись съ промысла, узналъ, что заяцъ убитъ, оплакалъ его, положилъ въ три ящика (ящикъ въ ящикѣ) и на верхнемъ ящикѣ золотыми буквами написалъ: „Лекарь, вылечи этого зайца!“ Этотъ тройной ящикѣ пустилъ онъ въ море. Теченіемъ воды ящикѣ прінесло къ владѣніямъ Царя-Мѣсяца, и онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ подданые этого царя обыкновенно берутъ воду. Слуга царя, пошедши по воду, замѣтилъ ящикѣ, вынулъ его изъ воды и прінесъ къ царю. Царь прочелъ надпись, вскрылъ ящикѣ, вынулъ зайчика, пригласилъ лекаря и оживилъ его. Заяцъ, по оживленіи, превратился опять въ дѣвушку, и на ней женился сынъ Царя-Мѣсяца.

По прошествіи 7 лѣтъ, Алтайн-Сайн-Саламъ отправился на поискъ своей сестры, заѣхалъ и во владѣнія своего тестя, Царя-Мѣсяца, гдѣ увидаль, что сноха царя держитъ на рукахъ ребенка и забавляется съ нимъ. Рыжка-Айкым-Сайкымъ, увидавши молодую жену съ ребенкомъ, сильно заржалъ. Кара узнала своего коня и заплакала, встрѣтила своего брата. Сначала оба поплакали, потомъ убили скотину и сдѣлали пиръ. Послѣ пира Алтайн-Сайн-Саламъ возвратился домой.

Кара-Кан.

Жиль-былъ царь по имени *Кара-Кан*. У него было много народа и скота, а дочь только одна, по имени *Алтын-Арызъ*. Царь состарился и говоритъ: „сыновей у меня нѣть, силы не стало; дочь моя управлять многочисленнымъ народомъ не можетъ и усмотрѣть за всѣмъ скотомъ не съумѣетъ. Пусть же половину моего народа и половину моего скота возьметъ себѣ подземный отецъ“. Дочь возразила: „почему-же мнѣ пе управить всѣмъ народомъ и скотомъ?“ — „Потому что не можешь“. — „Если ты не отдашь мнѣ мой народъ и мой скотъ, то я жить у тебя не буду, уйду въ другую землю“. И отправилась. Отецъ и мать оплакали свою дочь. Она пріѣхала въ царство одного богатыря, зашла къ нему въ домъ, оба поздоровались. Богатырь спросилъ: „Скажи мнѣ, чья ты дочь?“ Дѣвица отвѣчаетъ: „Я — дочь Кара-Кана, по имени Алтын-Арыгъ; а тебя какъ зовутъ?“ — Богатырь отвѣчаетъ: „Дѣвица! мое имя: Благомыслящій Алтын-Канъ. Куда ты ёдешь?“ Дѣвица отвѣчаетъ: „Я пріѣхала сюда издалека и отсюда поѣду далеко; мнѣ нужно найти и убить

Царя-Змѣя. Если ему назначено умереть — умреть, если мнѣ, то я умру. Онъ—царь сильный, побѣдилъ многихъ царей, собираетъ дань съ разныхъ земель, чужестранные богатыри его боятся, плачутъ и платятъ дань.“— Много-ли—мало-ли Алтын-Арагъ Ѳхала, но достигла до владѣній Царя-Змѣя и самого его увидала на необитаемой долинѣ. Одна губа пасти Царя-Змѣя лежала на землѣ, а другая на небѣ. Подойдетъ - ли богатырь, звѣрь или птица—все лѣзетъ ему въ ротъ. Алтын-Арыгъ тоже подошла и вошла въ пасть, какъ и другое. И видѣтъ тамъ много живыхъ людей, звѣрей и птицъ. Алтын-Арыгъ дошла до сердца Царя-Змѣя, взяла это сердце и, обращаясь къ богатырямъ, говоритъ: „какъ бы его убить?“ Одинъ изъ богатырей отвѣчаетъ: „госпожа! мы убить его не можемъ, не попытаешь - ли ты свои силы?“ Дѣвушка попросила мечъ. Богатырь подалъ. Она ударила по сердцу Царя-Змѣя, но не умертила его, потому что мечъ изломался. Дѣвушка взяла свой собственный мечъ и закричала богатырямъ: „смотрите теперь, что будетъ!“ Съ этими словами ударила мечомъ и змѣй издохъ. Когда Царь-Змѣй умеръ, дѣвушка вышла изъ его пасти, птицы вылетѣли, звѣри выбѣжали и богатыри вышли и сказали: „Да будетъ жизнь твоя долговѣчна и могила твоя возвышена! Ты сдѣлала для насъ благодѣяніе, ты спасла насъ, тебѣ мы будемъ платить дань“. Дѣвушка отвѣтила: „Богатыри! дани вашей мнѣ не нужно; гдѣ вы прежде жили, тамъ и живите“. Простой-же народъ и скотъ Алтын-Арыгъ взяла себѣ и возвратилась въ домъ отца и матери. По слу-чаю ея возвращенія учинили пиръ: пили, Ѳли, веселились. Отецъ спросилъ ее: „гдѣ ты была, дочь моя?“ Дочь разсказалась, гдѣ она была и какъ убила Царя-Змѣя. Отецъ похвалилъ ее и сказалъ: „хорошо, что есть у тебя сила, и ты избавила души птицъ, звѣрей и богатырей; отдаю тебѣ и мой народъ и мой скотъ, потому что я уже сталъ слабъ и думаю умирать“. Дѣвушка получила полное наслѣдство, а отецъ скоро померъ. Дочь похоронила отца, сдѣлала поминки, плакала, рыдала и горевала о своемъ одиночествѣ. Послѣ того много-ли, мало-ли прошло времени, какъ приходитъ къ ней богатырь, поздоровался и говоритъ: „пойдешь-ли ты за меня?“ Дѣвушка отвѣчаетъ: „что ты за человѣкъ? Есть-ли у тебя отецъ съ матерью?“ Богатырь говоритъ: „нѣть у меня ни отца, ни матери, имя мое: Ѳздящій на львѣ-конѣ Катканчыла“. Алтын-Арыгъ согласилась. Сдѣлали пиръ. Послѣ пиршества богатырь признался, что у него нѣть своихъ владѣній и согласился жить въ имѣніи своей жены. Жена отвѣчала: „народъ-ли мой, имѣніе-ли мое,— пусть будетъ въ твоемъ распоряженіи“. И стали жить.

Айманысъ. *)

Жиль-былъ мальчикъ. У него не было ни отца, ни матери, онъ былъ сирота. У него не было одежды—онъ былъ нагъ. У него не было пищи—онъ былъ голоденъ. У этого мальчика была тетка вдова, которая его вскор-

*) См. выше, стр. 146 и 148.

мила. Немного подросши, мальчикъ отправился на промыселъ, и на его счастье попались ему 9 оленей; онъ выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ всѣхъ. Добычу свою онъ взвалилъ себѣ на спину и принесъ домой: шкуры сняли и пошили себѣ одежды изъ нихъ, а мясо сѣли и стали сыты. Мальчикъ сожалѣлъ, что у него нѣтъ коня. Но вотъ онъ однажды, послѣ утренняго пробужденія, вышелъ на улицу и видѣть тамъ, что стоитъ конь, впрочемъ безъ узды и безъ сѣдла. „Здравствуй, молодецъ,—говорить конь,—можешь ли ты сѣсть на меня? Юноша отвѣтилъ: „почему-же и не сѣсть? Конь подошелъ къ нему. Юноша сѣлъ. Тетка, увидѣвшіи это, заплакала, зарыдала и говорила: „не садись, конь убьетъ тебя; нѣтъ у тебя ни сѣдла, ни узды, какъ-же ты удержишь его? Но юноша простился съ теткой и отправился въ дальній путь. Ёхалъ—ёхалъ и пріѣхалъ къ морскому берегу. На берегу стоять красивая береза. Конь говоритъ: „вотъ стоитъ хорошее дерево, но чуемъ подъ нимъ“. Конь остановился, юноша сошелъ съ него и тотчасъ заснулъ подъ тѣнью березы. Когда онъ пробудился—разсвѣло: солнце взошло. Конь стоялъ уже въ уздѣ и сѣдлѣ. Юноша всталъ, поздоровался съ конемъ, обрадовался и говоритъ: „вѣрно, Богъ намъ помогаетъ: не было пищи, и явилась вкусная пища; не было одеждъ, и явилась отличная одежда; не было коня, и добрый конь явился; не было ни узды, ни сѣдла, а вотъ теперь нашлись превосходная узда и сѣдло“. Юноша заплакалъ и продолжалъ: „нѣтъ у меня ни отца, ни матери, кто дасть мнѣ имя?—Не кому“. Конь говоритъ: „Богъ дасть тебѣ имя“.

— „А гдѣ этотъ Богъ? Если бы онъ здѣсь былъ, то далъ бы мнѣ имя“.

— „Садись живѣе на меня: намъ торопиться надобно“.—Юноша сѣлъ га коня, отъѣхалъ 5 сажень и услышалъ, что изъ-за березы кто-то закричалъ: „Стой, юноша, не ёзди!“ Юноша остановился, посмотрѣль на дерево и видѣть, что на березѣ сидѣтъ бѣловласый старецъ и говорить: „стой, сынъ мой, я нареку тебѣ имя; пусть оно будетъ: Айманысъ“,—и съ тѣхъ поръ юноша стала называться Айманысомъ. Юноша спросилъ: „что ты за человѣкъ, нарекшій мнѣ имя?“

— „Что я за человѣкъ? Я—Творецъ-Богъ! Я нарекъ имя сиротѣ, у котораго нѣтъ отца. Твоего отца убилъ богатырь Чеекъ, взявший себѣ народъ его и угнавшій скотъ его. Ты, кажется, намѣреваешься выручить свое наслѣдство, но если ты погонишься за нимъ, то умрешь, такъ-какъ у тебя силы мало“.

— „Я рѣшился возвратить свой народъ и свой скотъ; смерти не боюсь, потому-что плакать о мнѣ некому: я—человѣкъ одинокій“. Съ этими словами Айманысъ сѣлъ на коня и отправился. Много-ли, мало-ли онъ ёхалъ и наконецъ подъѣхалъ къ высокой горѣ. У этой горы конь заплакалъ. Айманысъ спросилъ: „конь мой! о чёмъ ты плачешь?“ Конь отвѣчаетъ: „я плачу о томъ, что кости твоего отца сдѣлались горою, поэтому я и плачу“. Айманысъ поздоровался съ горою и отправился далѣе. Много-ли, мало-ли

онъ ъхаль, какъ увидѣлъ множество народа и табуны скота. Этотъ народъ и скотъ принадлежали отцу его. Подъѣзжая къ воротамъ дома, принадлежащаго владѣльцу, Айманысъ увидѣлъ здѣсь множество богатырей, сдающихъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видитъ въ немъ растянувшагося хозяина, которого и привѣтствуетъ: „Здравствуй, другъ!“ Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженiemъ спрашиваетъ: „ты кто такой?“ Айманысъ его перебиваетъ: „нѣть, тебя какъ зовутъ, убийца моего отца?“

— „Меня какъ зовутъ? Я—богатырь Чекъ, ъздящій на рыжемъ конѣ.“

— „За чѣ ты убилъ моего отца?“

— „За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дани; впрочемъ, твой народъ и твой скотъ здѣсь, и если угодно, то возьми ихъ и будемъ друзьями.“

— „Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебя, и тогда уже уведу народъ и скотъ.“

— „Чтобы намъ не убивать другъ друга,—возьми мою сестру за себя“.

— „Нѣть, будемъ драться на смерть,“ и ударила Чека. Завязалась борьба: стали драться, стрѣляться. Долго-ли, коротко-ли они бились, какъ подошла къ нимъ сестра Чека и говорить: „перестаньте драться; я пойду за Айманыса“. Айманысъ посмотрѣлъ на дѣвушку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталъ драться, вошелъ въ домъ и задали пиръ. Послѣ пиршества Чекъ говоритъ: „Айманысъ! У тебя теперь есть жена а у меня нѣть; мнѣ нужно жениться. Я знаю одну дѣвицу, поѣдемъ, посватаемъ ее за меня“. Отправились. Много-ли, мало-ли они ъхали, доѣхали до невѣсты, у которой народа и скота премногое множество. Невѣста, по имени Царь-дѣвица, вышла къ нимъ навстрѣчу и говоритъ: „богатырь Чекъ! давай сначала подеремся: если ты одолѣешь меня, то я пойду за тебя, а если я одолѣю тебя, то убью“. Вышли они на поединокъ: стали драться, стрѣляться, сражаться въ продолженіе 7 лѣтъ. Чрезъ 7 лѣтъ богатырь Чекъ былъ побѣженъ. Потомъ вышелъ Айманысъ, схватился съ дѣвицей и тоже дрались, боролись, стрѣлялись и сражались въ теченіе 7 лѣтъ. Чрезъ 7 лѣтъ и Айманысъ былъ побѣженъ. На смѣну его опять подошелъ Чекъ и схватился съ дѣвицей: стали драться, барахтаться, стрѣляться въ теченіе 3 лѣтъ. Чрезъ 3 года Чекъ сказалъ: „много было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу;“ впрочемъ, опять схватились. Дѣвица ослабѣла и сказала: силы моей не хватаетъ, пойду за тебя“. Бой кончился; пришелъ Айманысъ; сдѣлали пиръ; сыграли свадьбу; ъли мясо, пили вино, пировали 7 дней. Богатырь Чекъ сказалъ: „пора намъ ъхать домой;“ забрали народъ и скотъ и втроемъ отправились въ домъ Чека. Много-ли—мало-ли они ъхали, и доѣхали. Подъѣзжая къ воротамъ дома Чека, Айманысъ замѣтилъ, что тутъ стоитъ вороной конь. Айманысъ говоритъ своимъ спутникамъ: „вы здѣсь подождите, а я посмотрю: кто тамъ пріѣхалъ—богатырь или простой человѣкъ“. Айманысъ входитъ въ домъ и видитъ, что тамъ сидитъ богатырь, который сказалъ: „здравствуй, другъ“

Айманысь! Ты взялъ мою невѣсту". Айманысь спросилъ: „какъ тебя зовутъ и кто твой отецъ?"

— „У меня нѣть ни отца, ни матери, мое имя: Алтын-Эргек, ъздящій на ворономъ конѣ".

— „Жену мою я не отдамъ; подеремся, кто изъ насть будетъ сильнѣе, тотъ ее и возьметъ".

Они схватились, дрались, стрѣлялись. Много-ли—мало-ли прошло времени, Айманысь ослабѣлъ, заплакалъ отъ досады, что не могъ убить Алтын-Эргека и сказалъ: „убей меня скорѣе, и жену мою возьми!" Но подошелъ къ немъ Чекъ и сказалъ: „не убивай его (Айманыса), лучше меня убей". Алтын-Эргекъ дрался, боролся съ Чекомъ 3 года: Чекъ погибъ. Опять пришелъ Айманысь на борьбу: стали драться, изъ луковъ стрѣляться, мечами биться. Айманысь опять ослабѣлъ, но убить его не довелось, хотя онъ и повторялъ, чтобъ Алтын-Эргекъ убилъ его и взялъ себѣ его жену. Въ то время, какъ Айманысь ослабѣлъ, подошли къ противоборцамъ два пѣвца и стали пѣть: „пусть не умираетъ Айманысь, насть убей вмѣсто его". Они пѣли—пѣли, какъ вдругъ Алтын-Эргекъ и конь его превратились въ каменные скалы. Айманысь подошелъ къ пѣвцамъ, поздоровался и спросилъ:

— „Откуда вы?"

— „Мы люди твоего отца. У насть нѣть ни отца, ни матери; мы сами собою появились на свѣтѣ".

Старцы эти оживили Чека, вошли въ домъ, ъли мясо, пили вино, боролись, пировали 3 дня. Послѣ пиршества Айманысь съ своею женою, своимъ народомъ и скотомъ возвратился въ юрту своей тетки и здѣсь задали пиръ, на которомъ жена Айманысова раздавала бѣднымъ одѣжды. Послѣ пира жили мирно и никуда уже не странствовали.

Царь-дѣвица.

Въ давнѣе время жилъ-былъ царь. У него былъ сынъ—юноша. Отецъ говоритъ сыну: „узнай глубину моря и хозяина неба". Сынъ поѣхалъ и встрѣчаетъ на дорогѣ одного старика, который сообщилъ ему, что „лучшій конь царя томится взаперти, возьми его и ъзди на немъ". Юноша отправился въ то мѣсто, гдѣ заключенъ былъ конь, нашелъ его, пересѣлъ и отправился. Ъхаль—ъхаль, пріѣхалъ въ другое царство и пришелъ къ царю. Царь сдѣлалъ ему порученіе—ъхать къ Царь-дѣвицѣ и привести отъ нея винокурную чугунную чашу. Юноша отправился, пріѣхалъ къ Царь-дѣвицѣ и попросилъ у нея эту чашу. Царь-дѣвица не отдала, но когда заснула, юноша похитилъ чашу, привезъ ее и отдалъ пославшему его царю. Царь сказалъ юношѣ: „если ты привезешь отъ Царь-дѣвицы ея винокурный чугунный кувшинъ, тогда я выдамъ за тебя дочь свою". Юноша во второй разъ отправился къ Царь-дѣвицѣ и, по ея несогласію отдать добровольно кувшинъ,

отнялъ его и привезъ къ царю, но, вмѣсто дочери царской, получилъ отъ царя новое порученіе опять отправиться къ Царь-дѣвицѣ и привести отъ нея золотой самоваръ, за что, въ вознагражденіе, подтвердилъ свое обѣщаніе—выдать дочь свою. Юноша въ третій разъ отправился къ Царь-дѣвицѣ и попросилъ у нея самоваръ, но она не согласилась отдать его. Когда Царь-дѣвица уснула, юноша похитилъ у нея самоваръ и съ нимъ отправился. Но Царь-дѣвица, проснувшись, узнала о похищеніи, погналась за юношемъ, догнала его на дорогѣ и спросила:

— Ты увезъ у меня золотой самоваръ?

— Увезъ.

— Этого самовара ты не отдавай никому другому. Взявший мой самоваръ непремѣнно долженъ жениться на мнѣ. А когда придетъ къ тому времени—я извѣщу тебя письмомъ.

Послѣ этого разговора они разстались. Но юноша не поѣхалъ къ тому царю, отъ котораго было порученіе о самоварѣ, и не женился на его дочери, а отправился къ своему отцу и привезъ ему золотой самоваръ. Чрезъ нѣсколько времени Царь-дѣвица прислала юношѣ ожидаемое письмо, и онъ женился на ней.

Стоженецъ Ханъ Бежітты.

Жиль-былъ Ханъ Бежітты, имѣвши 100 женъ. Однажды залетѣлъ въ его владѣнія орелъ. Ханъ спрашиваетъ птицу:

— Зачѣмъ ты прилетѣла къ намъ?

— На краю есть Царь-богатырь, у котораго растетъ дочь, подобная солнцу и мѣсяцу. Ступай къ Богатырю-царю и возьми его дочь.

Ханъ Бежітты, и безъ того имѣвшій уже 100 женъ, самъ не поѣхалъ за предлагаемою дѣвицей, а поручилъ привести ее сыну своему. Сынъ, по приказанію отца, отправился, поднялся на край неба и достигъ до царства Богатырь-царя. Богатырь-царь спрашиваетъ гостя:

— Зачѣмъ ты прїехалъ, сынъ мой?

— Я прїехалъ свататься за твою дочь.

— Согласенъ. Но только, если ты желаешь имѣть меня своимъ тестемъ, то сначала привези мнѣ золотаго песку съ большаго озера, находящагося на краю неба. Если-же этого не исполнишь, то дочери моей не получишь.

Юноша исполнилъ порученіе будущаго своего тестя: съѣздилъ на большое озеро, привезъ оттуда золотаго песку, получилъ дочь Богатырь-царя и отправился съ нею въ домъ свой. За 1 версту отъ своего дома вышелъ къ нему навстрѣчу отецъ его и, когда увидѣлъ дѣвицу, заплакалъ оттого, что была красавица, сияющая, какъ солнце, блестящая, какъ мѣсяцъ. Когда они вошли въ домъ, отецъ сказалъ сыну:

— Эту жену слѣдуетъ взять мнѣ.

— Нѣтъ, я привезъ ее для себя, а не для тебя.

— Если ты хочешь получить жену свою, то выдерни и привези мнѣ рога чернаго быка, который пасется на краю неба, за 7 горами, при истокахъ 7 рѣкъ.

Юноша, взявши трехъ-конечное копье, поднялся на небо, переѣхалъ тамъ 7 горъ, прѣѣхалъ къ истокамъ 7 рѣкъ и увидѣлъ чернаго быка. Кровожадный быкъ съ яростью выскоцилъ навстрѣчу юноши. Юноша, впрочемъ, не устрашился, но и самъ пошелъ навстрѣчу быку, вонзилъ въ него копье, убилъ его и выдернулъ его рога. Но рога были столь тяжелы, что юноша не могъ поднять ихъ, а привель 5 лошадей, взвалилъ рога на сани и повезъ ихъ. Везъ онъ, везъ и домой привезъ. Бежитты обрубилъ топоромъ широкіе концы роговъ и съ боковъ обтесалъ ихъ. Потомъ приказалъ своимъ 100 женамъ насидѣть вина и надѣлать чегеня (кумысъ изъ коровьяго молока), и выпить эти жидкости въ рога, сталъ угощать всѣхъ своихъ домашнихъ. Всѣ опьянѣли. Но самъ Бежитты поддержался и взялъ мечъ, убилъ опьянѣвшихъ сына своего и 100 женъ своихъ и женился на красавицѣ — своей снохѣ.

ПѢСНИ.

Алтайцы очень склонны къ пѣнію и музыкѣ. Много изъ нихъ импровизаторовъ. Тонъ пѣсенъ заунывный, выражаютій грусть и безнадежность. Стихъ начинается скороговоркой, далѣе — продолжительное повышеніе на одной нотѣ, потомъ — еще повышеніе, и кончается каждый стихъ крутымъ обрывомъ. Поютъ алтайцы и хоромъ, но всякий про свое и на свой ладъ; рѣдко-рѣдко они нечаянно сойдутся въ мотивѣ, и всѣ голоса сольются въ одинъ печальный гулъ. Въ пѣсни непремѣнно требуется два условія: 1) чтобы она имѣла сравненіе и 2), чтобы строфы изъ двухстишій или четырехстишій начинались всегда съ одной и той-же буквы. О хвостахъ (риомахъ) алтайецъ не тужитъ, у него были-бы согласны головы. Пѣсни часто поются у сѣверныхъ инородцевъ подъ звуки балалайки, а у южныхъ — двухструнной скрипки, которая по формѣ есть ничто иное, какъ длинный деревянный уполовникъ или поваренка. Внутренность этого инструмента закрыта бараньей кожей, имѣющей на срединѣ кружекъ и 6-ть малыхъ отверстій, между которыми укреплены подставочки подъ струны. Дискантовая струна сдѣлана изъ трехъ конскихъ волосъ, а басъ — изъ шести. Смычекъ тоже изъ волосъ. Подъ эту-же скрипку алтайскіе импровизаторы обыкновенно сказываютъ сказки дребежащей октавой, растягивая каждое слово. У алтайцевъ, какъ и у всякаго отдѣльного племени, есть свои народныя пѣсни: религіозныя, историческія, печальныя, веселыя, плясовыя и проч. Вотъ нѣсколько экземпляровъ разнаго содержанія:

1. О раззореніи Алтая.

Устьуртун курёрдо,
Уч толукту Каан Алтай.
Тоорозынан курёрдо,
Тогус пулунду Каан Алтай.
Каадаю-узынан курёрдо,
Камчі сынду Каан Алтай.
Кайран Алтайм-деп
Камыгым каны тюгульгэнъ!
Тон' пудакту карагай;
Канка-ярдак айлазын.—
Кайран путкэнъ Алтайм!
Куску конгон юртуна,
Канка ярдын яйлязын!
Курэн чепкэнъ тюжогондын Каан Алтай,
Тобул таткэнъ Алтайм!
Тонго юрдон яйлязын!

Когда посмотришь (на Алтай) сверху,
Ханъ Алтай показывается треугольнымъ;
Если взглянешь на него со стороны,
Девяти-граннымъ кажется ханъ Алтай.
Если со ската горы смотрѣть будешь,
Какъ плеть расплетенная, тянутся хребты твои, ханъ Алтай.
За тебя, славный Алтай нашъ,
Многое множество крови пролито!
Красныя сосны твои окомолены,
Лучше-бы не смотрѣть на такое оголеніе!
Величественные кедры твои стоять обнаженные отъ зеленыхъ вѣтвей;
Лучше-бы не видать такого обнаженія
Нашего стройнаго батюшки—Алтая!
Какъ коричневымъ сукномъ, весь покрыть ты (т. е. выжженъ);
Какъ-бы не видать впередъ такого опустошенія!
Какъ мрачная осень, въ жилищахъ твоихъ, ханъ Алтай;
Лучше-бы не видать намъ такого обезглавленья
Нашего прекрасно-устроенного, царственнаго Алтая!

2. Тюремная пѣсня алтайского богатыря Канзы.

Каштан туруп агыткан,
Канзанын ады баж алды
Кандалепкэ эттырбей,
Казак ады баш пурды.

Пущенный въ бѣгъ со склона горы,
Конь господина Канзы первенство взялъ.
Конь русскаго, не достигши кандалепа,
Вернулся назадъ.

Турдан туруп агыткан
Канзанын ады баж алды.
Тытту айра эттырбей
Казак ады баш пурды.

Съ горы пущенный въ бѣгъ,
Конь Канзы первенство взялъ.
Не достигши и рѣчки Титту,
Конь русскаго вернулся назадъ.

Кускун яман, куш болун
Кууды тэптым, тэгэйле,
Казак юрты бай болды
Канзаны тудтым, тэгэйле!

Воронъ негодный, сдѣлавшись птицей,
Ужъ скажетъ: „я лебедя сшибъ“.
Русскій народъ, ставъ господиномъ,
Скажетъ, на-вѣрно: „Канзу я поймалъ“.

Карга яман, куш болуп
Касты тэптым тэгэйле.
Казак яман юрт болуп
Канзаны тудтым тэгэйле.

Злая ворона, сдѣлавшись птицей,
Ужъ скажетъ: „я гуся сразила“.
Русскій невидный, въ народы попавъ,
Какъ-же не скажетъ: „Канзу я поймалъ“.

Орустын эткэн туразы
Оорчокъ башту болуп-тыр;
Орус більгэнъ Канза бій
Орус колына яйнады.

Русскій построилъ теремъ
Съ верхомъ, покрытымъ шатромъ;
Русскимъ владѣвшій Канза-господинъ
Въ русскія руки несчастно попалъ.

Казактын эткэн туран
Каирчак башту болуп-тыр
Казак більгэн Канза бій
Казак колына яйнады.

Русскій построилъ шатерь
Съ верхомъ, покрытымъ, какъ ящикъ.

Русскимъ владѣвшій Канза-господинъ
Въ русскія руки несчастно попалъ.

Терт толыктан уй кескэн,
Тобэлю палта курч эмтыр
Терт-оп аймак юунадкан
Төре-бій куч эмтыр.

Тяжелый топоръ, остеръ, вѣро, онъ.
Срубилъ онъ мнѣ домъ въ четыре угла.
40 народовъ собравшій въ одно
Русскій Владѣтель, силенъ, вѣро онъ.

Алты толыктан уй кескэн,
Аймакты мізы куч эмтыр.

Шести-угольной, срубившей мнѣ домъ,
Широкой сѣкиры остро лѣзвie.
Собравшій въ одно 6 десятковъ племенъ
И дань съ нихъ берущій царь, силенъ, знать, онъ.

Камду чіалап кар челип
Казынып чігар кунь кайда?
Кыжі колон пек тартып,
Канзы янар кунь кайда?

Но гдѣ мой тотъ день, чтобы выйти подраться,
Какъ роется выдра въ снѣгу?
Гдѣ-же тотъ день, чтобы, крѣпче подпругу стянувъ,
Канзѣ воротиться домой?

Кумдус—чіалап кум казып
Кубулуп чігар кунь кайда?
Куішкан колон пек тартып
Канзанып янар кунь кайда?

Гдѣ мой тотъ день, чтобы могъ я скрыться,
Какъ кроется бобръ, копаясь въ пескѣ!
Гдѣ-же тотъ день, чтобы, крѣпче подпругу стянувъ,
Канзѣ воротиться домой?

Архамдагы ак яргак
Алты оролор болзочі!
Алты карындаш бар болуп,
Артымнан келер болзочі!

О, если-бъ на плечахъ мой бѣлый кожанъ
Кругомъ-бы меня обвился шесть разъ!
О, если-бъ шесть братьевъ моихъ,
О, если-бъ они прибѣжали за мной!

Пелімдэгы пек ярган
Беш оролар болзочі!

Беш карындаш бар болуп,
Кйнімнэн келер болзочі!
О, если-бъ на спинъ мой крѣпкій кожанъ
Кругомъ-бы меня обвился пять разъ!
О, если-бъ пять братьевъ моихъ,
Идя по слѣдамъ, сыскали-бъ меня!
Алты уэлю сыр комыргай
Кель аbazын тарталы,
Ай, чолмон чіхкажін
Кель аbazын кайталы!
Въ шести-составную дудку,
Прійди, поиграемъ, отецъ;
Когда-же мѣсяцъ съ зарницей взойдетъ,
Прійди, побѣжимъ, мой отецъ!
Эты-уэлю сыр комыргай
Кель аbazын тарталы,
Эттыгэн чолмон чіхкажін
Кель аbazын кайталы!
Въ семи-составную дудку,
Прійди, поиграемъ, отецъ;
Когда-жъ взойдетъ семизвѣздье,
Прійди, побѣжимъ, мой отецъ!
Торсу шік ар пулан
Энэ Том косьтон эле-беръ.
Ада торолі тушпаза
Эзень салам айдып-бар.
Трехлѣтняя лось, съ длинною бабкой,
Къ матери Томи, направясь, бѣги;
Если-же встрѣтишь родныхъ гдѣ-нибудь,
То миръ и поклонъ скажи отъ меня.
Торсугу шік тор булан
Тобыл косьтон эле-беръ,
Боим торогон тушпаза
Эзень салам айдып-бар.
Длинная голень—трехлѣтняя лось,
Къ Тоболу направясь и рысью бѣги;
А встрѣтятся гдѣ родные мои,
Имъ миръ и поклонъ скажи отъ меня.
Агаптан яныс чіхпазын,
Ададан яныс сыспазын,
Эмэльдэн яныс туубазын.
Пусть не выходитъ отъ дерева отрасль одна,

Пусть одиноко струя не течетъ отъ отца,
Пусть отъ Эмиля отрасль одна не растетъ,
Пусть не родится отъ матери сынъ одинокій.

Ак карчіга бар болзо
Шаншігай эдэ кійімнэн
Ада торолін бар болзо,
Сурагай эдэ юртымнан.

Если-бы бѣлый ястребъ здѣсь былъ,
Онъ прожужжалъ-бы слѣдомъ за мной;
Если-бъ кто былъ мнѣ родной по отцу,
То спросиль-бы онъ обо мнѣ въ народѣ моемъ.

Кок карчігам бар болзо,
Шанжагай эдэ кійімнэн
Кокшін торолін бар болзо,
Сурагай ада юртымнан.

Если-бы синій ястребъ здѣсь былъ,
То прожужжалъ-бы онъ слѣдомъ за мной;
Если-бъ по дѣду кто былъ изъ родныхъ,
То про меня-бъ онъ спросиль у людей моихъ.

Орустын сокон содон палта
Ончо агашка откурун,
Орустын айткан тільдәрі
Омырткам тозін йоктойдыр.

Скованный русскимъ остроконечный топоръ
Всѣ деревья проходитъ насквозь;
Русскія рѣчи, что сходять у нихъ съ языка,
Больно скребутъ по хребту моему.

Казактын сокон палта
Кату агашка откурын
Казактын айткан тільдәры
Кабыргам тозін йоктодыр.

Скованный русскимъ топоръ,
Проходитъ сквозь твердыхъ деревъ.
Русскія рѣчи, что сходятъ у нихъ съ языка,—
Ноетъ отъ нихъ въ подреберьи моемъ.

Канза мінгэн кара калтар,
Кастыка яба каттайля
Калыгын більгэн Канза бій
Казак эріндэ ольгойля.

Конь черный мухмортый, что Ѣздилъ Канза,
Поводъ закинутъ ему,—изсохнетъ теперь.

Владѣвшій народомъ Канза-господинъ —
Теперь уже умретъ онъ на русской землѣ.
Орустын эткэн тэрезе
Канза кынналар тэрезе
Казактын эткэн тэрезе
Канзанын ёлёр тэрэзе.
И эта тюрьма, что выстроена русскимъ,
Тюрьма для страданья Канзы,
И эта тюрьма, что построилъ казакъ,
Тюрьма, гдѣ Канзъ умереть.

3. Бородастый Тень-бегей ¹⁾.

Тюльгу сенъ бергэн
Тюменгей кагам тюльгу бергэн
Камду бергэн канакай кагам,
Пасмадам куйнек кійдергэм
Торгодо куйнек кідергэн
Булан эть тийн-деп
Мунгайганъ кунгэ болды
Позого тэн кар чіхты
Пазадым теліп йол чіхты
Булан пажім бурдумгет;
Эль эть тийн деп
Энгейгэн куныгэ болды
Ілік бажім пургаймнет
Інэгенем пой кар чіхты
Эки ады теміп йол чіхты
Сармай берзе тібей-зен
Сарын менъ ухпай-зен
Сагалдан тарза турбай-зен
Тень-бегей сагал-йок—ульды.

Ты привезъ мнѣ лисицу;
Я сшила шапку, и народъ моїй шапкѣ дивился.
Привезъ и выдру, я сшила опять шапку.
Привезъ кусокъ шелковой ткани —
Я сшила себѣ шелковую рубаху,

1) Тень-бегей былъ богатырь и отличный звѣроловъ. За жестокосердіе къ людямъ, по волѣ Ульгэня, былъ взятъ съ земли на луну. Телеуты и теперь его видятъ тамъ, подобно какъ наши русскіе простолюдины видятъ на лунѣ Каина и Авеля. Тень-бегей и на лунѣ продолжаетъ гонять лосей и козъ. Посмотрите попристальнѣе, говоритьъ Телеуты, — ясно видно.

Захотѣлось мнѣ ъѣсть лосинаго мяса,
Но, видно, въ несчастный день:
Выпалъ снѣгъ вровень съ порогомъ.
На сивомъ конѣ дорогу онъ топчетъ,
Ѣдетъ Тень-богей лосей гонять.
Захотѣлось мнѣ мяса козлиного,
Но, видно, въ несчастный день:
Ѣдетъ онъ козловъ гонять,
Но опять падаетъ снѣгъ еще глубже.
Уже на двухъ коняхъ онъ дорогу топчетъ,
Но теперь — вотъ даю тебѣ мясо — не ъишь,
Пою тебѣ пѣсни — не слушаешь,
Дергаю тебя за бороду — не встаешь.
Бородастаго Тень-богея не стало: онъ умеръ.

4. Плачъ о потерѣ мужа.

Баярым барда кійгэм тоным,
Яказы алтын тон, мандык тон эды
Боярым йохта кійгэнъ тоным
Кулдар кійбесь куяру болды!
Баярым барда ічкән ажім
Кытайдан кыларду эді!
Баярым йокто ічкән ажім
Кулдар ічпесь саалу кочо
Чікчечек байлу баярим сылу.
Ой, ордымнын толозы эды
От алказынын толозы эды;
Куу тюжурбесь колюнэ,
Кускун яман тюшкеля.
Тужуна кельбесь умандар,
Турганы мені тейгелля.
Кас тюжурбесь колюнэ!
Карга яман тюшкеля.
Кажіна кельбесь ямандар,
Тапхынын: мені тейгелля;
Сенін Баян-батыр Эртістэ!

Когда былъ у меня Баянъ-богатырь, носила я шубу
Канфовую съ золотымъ воротникомъ.
Не стало боярина моего, стала я носить—
Какой и рабыни не носять — бѣдный кожанъ.
Когда былъ мой бояринъ, ъла я хлѣбъ,

Китайское просо (рисъ) я ъла.
Не стало моего боярина, ъмъ хлѣбъ мой —
Какого не ъдятъ рабы — крупу нетолченую.
Баянъ — бояринъ былъ статный, красивый собою,
Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
Кладовыя мои были полны богатствъ,
Лебеди не смѣли сѣсть на его озеро.
Теперь прожорливыя вороны будутъ садиться.
Лиходѣи мои не смѣли подходить близко,
Теперь придутъ и скажутъ: „все, что есть, наше!“
Гуси не смѣли садиться на его озеро,
Теперь нечистыя вороны будутъ садиться.
Люди, близко подойдти не смѣвшіе,
Мнѣ скажутъ: „и ты наша,
А твой Баянъ-богатырь въ Иртышъ!“

5. Жалоба влюбленныхъ.

Казым! кажі талбійзын,
Канадын тёзін талдырып?
Кайраным! Кажі баразын,
Калаган тюрекъ каладып?
Куум кажі талбійзын,
Куркунын тёзін талдырып?
Кубайлу! Кажі баразын,
Куік тюректы куйдюрюп?
Гусь мой! Куда ты машешь,
Утомляя мышцы крылья твоихъ?
Сердечный мой! Куда идешь ты,
Обожженное мое сердце обжигая?
Лебедь мой! Куда ты машешь,
Утомляя мышцы вертуговъ твоихъ?
Утѣха моя! Куда идешь ты,
Опаленное сердце мое опаляя?

6.

Яссы куйгэнъ эрт-ошкоп,
Ялыйдыр менін тюргым.
Яссыда кельгэн күш-ошкоп
Яйнайдыръ менін ол козім,
Кускудэ куйгэн от-ошкоп,

Куйэдырь менэн тюргым
Кускудэ кельгэнъ күш-ошкон,
Күйнедырь менін ол козім.
Какъ палы, весною горящіе,
Пылаеть къ тебѣ мое сердце.
Какъ птица весною ищетъ гнѣзда,
Тоскливо ищутъ тебя глаза мои.
Какъ огонь, пылающій осенью,
Горитъ къ тебѣ сердце мое.
Какъ птицамъ, отлетающимъ осенью,
Завидуютъ глаза мои твоимъ спутникамъ.

7. Похвала супругъ.

Алтын-дый пюрю тюгульгэнъ,
Ак кайн бедырь, бу бе дырь?
Архадагы чачін яінган,
Алганым бедырь, бу бе дырь?
Кумуш-тый пюрю тюгульгэнъ
Кок терекъ, бедырь, бу бе дырь?
Коксінъдэгы чаачін яінган,
Курьгэным бедырь, бу де дырь?
Какъ золотолиственная
Береза бѣлая—не она-ли это?
Распустившая по спинѣ волосы,
Не моя-ли это взятая (т. е. жена), не она-ли это?
Какъ сребролиственная
Тополь зеленая—не она-ли это?
По плечамъ волосы распустившая,
Не моя-ли это усмотрѣнная, не она-ли это?

8.

Ак таш пойлодым, пойлодым,
Ак таштан сызык таппадым,
Аймак ылгадым, ылгадым,
Ай, сенен силу таппадым,
Кок таш пойлодым
Кок таштан сызык таппадым.
Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню,
Трещины въ бѣломъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ породу,

Ахъ, красивъе тебя я не нашелъ!
Ходилъ я, ходилъ по синему камню,
Щели въ синемъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ изъ многихъ,
Тебя умнѣе не нашелъ.

9. Разлука съ супругою.

Аг элён бажін курч капкан
Акпозым, кайда тюрезін?
Архадаа чачі саргарып,
Алганым, кайда тюрезін?
Ког элён бажін коп капхан,
Кок пором, кайда, тюрю-не?
Коксіндеэ чачі саргарып.
Кургэнным, кайда, тюрю-не?
Верхушки сочной травы жадно хватавшій,
Сивка мой, гдѣ ты находишься?
Съ желтѣющими по спинѣ волосами,
Взятая моя, гдѣ ты находишься?
Верхушекъ зеленой травы много хватившій,
Сѣрко мой, гдѣ ты, живъ, что-ли?
Съ желтѣющими по плечамъ волосами,
Подруга моя, гдѣ ты, жива, что-ли?

10. Грустныя чувства на чужбинѣ.

Ясхыда Ыакан салкынга
Яргакту туруп, чідабас
Ятын ічиндэ тюргэндэ,
Яман айттырза, чідабас.
Куськы салгың каканда,
Кунекчен туру, чідабас.
Коптын ічиндэ тюргэндэ
Коп яман айтса, чідабас.
Весенняго вѣтра
Въ Коканѣ не стерпишь;
Находясь на чужбинѣ,
Злословія нельзя терпѣть.
Противъ осенняго вѣтра
Въ одной рубахѣ не устоять;
Находясь между чужими,
Многаго злословія не вытерпѣть.

11.

Экы агаш тімырыт
Элім каспезін тюээнен;
Эльдын ічіндэ тюргэндэ,
Элім айтпазын кійнімнен.
Янызак агаш тімырыт,
Ядым кеспезін тюээнен;
Ятын ічіндэ тюргэндэ,
Ядым айтпазын кійнімнен.

Два деревца черемухи
Не срубиль-бы кто подъ корень;
Тогда, когда нахожусь въ народѣ,
Народъ не сказалъ-бы чего (худаго) въ слѣдъ.
Одинёшенька стоитъ черемушка,
Съ корня ее чужіе не срубили-бы;
Тогда, когда нахожусь среди чужихъ,
Чужіе не сказали-бы мнѣ чего во слѣдъ!

12. Признательность къ родителямъ.

Торконын тюрдын курап,
Тон эткәнь устар;
Томыкчаны кыжі эткәнь
Торынбаган энейлер.
Камканы тюрдын курап,
Каптал эткәнь устар;
Камікчаны кыжі эткәнь
Кайран арынбаган адалар.

Скропавъ шелковые лоскутки,
Мастера составили шубу;
Насъ, бывшихъ съ колѣнную чашечку, сдѣлали людми
Неутомимая матери.
Скропавъ канфовы лоскутки,
Мастера составили халать;
Насъ, бывшихъ съ бабку, звали въ люди
Сердечные, не изнуримые отцы.

13. Безполезность имѣнія по смерти.

Яныдан тыкәнь бу тоным,
Ямгурулу куньдэ не туза?
Яйнал тапхан малымнын

Ядар куньдэ не туза?
Эсқындаң тыкэнъ тоным,
Эрігэй куньдэ не туза.
Энәліп тапхан малымнып
Эрьтэр куньдэ не туза.

Хоть и новая на мнѣ шуба,
Но въ дождливый день что пользы въ ней?
Отъ трудового имѣнія моего
Какая польза, когда я умру?
Старая моя шуба
И въ жаркий день мнѣ бесполезна.
Трудовое мое имѣніе
Въ день моей смерти также бесполезно.

14. Жалоба на одиночество.

Аркада тоным тюкачак,
Аясха тонуп калбайн,
Ада туганым аскынчак
Айдышпай улюп калбайн,
Коксюмде тоным тюкачак
Куруга тонуп калбайн,
Кокшін туганым аскынчак
Курюшпей улюп калбайн.
На спинѣ шуба у меня тохехонька,
Какъ-бы и въ-вѣдро мнѣ не замерзнуть!
По отцу родныхъ маленько у меня,
Чтобы не умереть, не поговоривши,
На груди шуба моя тохехонька,
Не замерзнуть-бы отъ инея?
Старшихъ родныхъ у меня маленько,
Не умереть-бы, не видавшись!

15. Воспоминание о товариществѣ.

Аг-элён-былян бірыгэ ѡсконъ,
Ак сыргаак ачу эмесь бе?
Аргыжа бірыгэ тэн ѡсконъ
Аргажім! Ачу эмесь бе?
Ког элен-білен бірыгэ ѡсконъ
Кобыргэн ачу эмесь бе?
Курюже бірыгэ тэн ѡсконъ
Курьгэним, ачу эмесь бе?

Съ хорошею травою вмѣстѣ выростаѧ,
Бѣлая чемерица развѣ не горька?
Въ товариществѣ вмѣстѣ ровней взросшій,
Товарищъ мой, не жалко-ли тебя?
Съ зеленою травою вмѣстѣ выросшій,
Луковый бутонъ развѣ не горекъ?
Въ дружествѣ вмѣстѣ ровесникомъ взросшій,
Пріятель мой, не жалко-ли тебя?

16. Воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ.

Ада Алтай такырчак,
Ак пором тізі тадучак.
Ада тууганым асхынчак
Айдыжіп кельзек, якынчак!
Күнү Алтай такырчак,
Кок-пором тізе, тадучак
Күргөн тууганым асхынчак;
Күрюжуп кельзе,— якынчак!
Батюшка-Алтай малотравенъ,
А поѣсть мой сивка сладко.
По отцу родныхъ моихъ маленько,
Какъ сойдемся, поговоримъ славно!
Почтенный Алтай низкотравенъ,
А поѣсть мой сивка сладко.
Родныхъ, которыхъ я знаю, мало у меня,
На свиданіе приедемъ,— любо!

17.

Терсінен салкын каканда
Терменгэй камыш каканда
Терменгэй камыш баштары?
Текші тууганды саназам,
Тежільгэнъ косътон яш келет.
Онынан салгын каканда
Оішкай камыш баштары
Ончо тууганды саназам
Оілган косътон яш келет.

Когда вѣтеръ дуетъ снизу,
Какъ не колыхаться вершинамъ камыша?
Если подумаю о родныхъ моихъ,
Изъ худыхъ (продырвленныхъ) глазъ слеза идетъ.

Когда вѣтеръ дуетъ сверху,
Какъ-же не пригнутся вершины камыша?
Если подумаю обо всемъ родствѣ,
Изъ худыхъ (проколотыхъ) глазъ слеза идетъ.

18.

Казакъ яланна каразам
Кара тал бажі ^икурюнет,
Карындажім саназам
Кабыргам тёзі кайжат.
Орус яланнан каразам
Оичо агааш бажі курюнет,
Ончо туганым эзэзэм
Омыртхам тёзі оіжат.

Какъ смотрю я на крестьянское поле,
Видны только вершины чернотала;
Какъ помыслю я о братѣ,
Основанье реберъ моихъ гнется.
Какъ смотрю я на русское поле,
Видны вершины всѣхъ деревъ.
Какъ вспомню все мое родство,
Основаніе хребта моего изгибается.

19.

Туманду куньдэ ^икыштезе,
Тулбарым уню танылу,
Тушман эріндэ тюргэндэ,
Туганым уню танылу
Карабакы тюньдэ кыштезе,
Калтарым уню танылу
Калык эріндэ тюргэндэ,
Карынташ уню танылу.

Если въ туманный день заржетъ
Мой заводскій конь, его голосъ я узнаю.
Въ чужой землѣ находясь,
Голосъ родственника я узнаю.
Хоть-бы и въ темную ночь заржалъ
Мухмортка мой, я его узнаю.
Находясь въ землѣ другаго народа,
Братнинъ голосъ узнаешь.

20. Ожиданіе роднаго.

Сандыгаш учат саз—зайю
Саска шюткэнъ тал—зайн,
Санаган тууган келет деп.
Сахтап—курерым йол—зайн.
Куйкэнек учат коль зайн
Кольго шюткэнъ тал—зайн
Курьгэн тууган келет—деп
Курергэ чихтым йол зайн.
Ястребокъ летаетъ по болотамъ,
По тальнику, растущему на топяхъ.
Идетъ-де родственникъ, занимающій мысль мою;
Ожидая его, буду смотрѣть по дорогамъ.
Стрепетъ, летящій по озерамъ,
По при-озернымъ талинамъ,
Идетъ, слышно, мой близкій родственникъ,
Вышелъ я смотрѣть по дорогамъ.

21. Плачъ о потерѣ сына.

Адан ак чечек, ак чечек,
Анарабас эрьгэ чигыпсын
Ада балазы тууганым
Айдышпас эрьгэ барынсын!
Курюмзюлю кок чечек
Колюпгы эрьгэ чигыпсын
Кокшін балазы шрь тууган
Курюшпесь эрьгэ барапсын!
Ахъ ты, бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ,
Взошелъ ты въ мѣстѣ неизвѣданномъ,
Дитя мое, любимое отцемъ,
Ушелъ ты въ страну, не имѣющую сообщенія!
Прелестный голубой цвѣтокъ,
Вышелъ ты въ мѣстѣ отъненнномъ.
Дитя старости, единородное,
Ушелъ ты туда, гдѣ нѣть свиданія!

22. О дружелюбіи и согласіи.

Язым! Келезін ярланып;
Яш агаш бажі пюръленып
Яш углындар ойноільдар

Яман айдыжіп керек—йок.
Кузю! Келезін курленып,
Коп агаш бажі шужалып,
Кучу улғындар ойноільдор!
Коп айдыжіп керек—йок.

Весна моя, ты, приходя, сияешь,
Свѣжія деревья одѣваешь листвами.
Молодые ребята, станемъ-те играть,
Ассориться не должно.
Осень моя, ты, приходя, тучиѣшь,
Верхи многихъ деревьевъ оголяешь.
Малые ребята, будемъ-же играть,
Много вздорить не надобно.

23.

Карчига күштын незі артык?
Канатха шюткәнь тімы артык
Карындаштын незі артык?
Какшін айтхан сёзъ артык.
Посторкой күштын незі артык?
Поюна шюткәнь тімы артык
Поюм туганым незі артык?
Постоп—айтхан сёзъ артык.
Что всего лучше у птицы сокола?
Перья въ его крыльяхъ—лучше.
У брата что лучше?
Съ чувствомъ произносимое слово.
У птицы жаворонка что лучшее?
Перья, его покрывающія.
Въ своемъ родномъ что лучше?
Съ мольбою сказанное слово.

24. Нужда въ пѣсенникѣ.

Сайга чабак туюнаптыр
Сайбыр чортоны кайда—тыръ?
Сайдуут улус тюунап—тыр
Сарынчизы кайда тыр?
Кумга чабак тюунап—тыръ
Куйбыр чартоны кайда—тыр?
Кубуйлу улус тюунап—тыр
Кубуйлу сарынчі кайда—тыр?

Собрались чебаки къ плесу,
Гдѣ-же щуки этого плеса?
Собрались хорошіе люди,
Гдѣ-же пѣсенникъ?
Собрались чебаки на мель,
Гдѣ-же ловкая щука?
Собрались люди веселые,
Гдѣ-же весельчакъ-пѣсенникъ?

25. Надежда сироты.

Кулунчак тайм ат [“]оскай
Куйрюгы ялы тэн [“]оскай
Кокшинэн калган бісь [“]кучу
Кунуга тюре, [“]кыжі оскай.
Ябага тайм ат оско^й,
Ялы куйрюгы тэн оско^й,
Яхшідан калган бісь яштар
Яйнай—іляй кыжі оско^й.

Молодой мой жеребенокъ выростаетъ съ коня,
Хвостъ и грива выростутъ.
Мы, отъ стариковъ оставшись малыми,
Живя въ печали, сдѣлались людьми.
Однолѣтній мой жеребчикъ будетъ конемъ,
Выростутъ въ разъ хвостъ и грива его.
Отъ добрыхъ людей оставшись въ малолѣтствѣ,
Мы, умоляя-плача, вырастемъ и тоже будемъ людьми.

26. Ожиданіе родителей.

Айга тыкэнъ кожогон
Алтын курюнзін козюнгэ,
Алгап—беръгэнъ ардабісь
Ада юртында эш болзын.
Куньгэ тыкэнъ кожогон
Кумыш курюнзін козюнгэ.
Кузеп—алган эжінэр
Курьгонінэ эш болзын.
По мѣсяцу сшитый твой занавѣсь
Золотомъ пусть покажется глазамъ твоимъ;

Съ благословенiemъ выданное чадо наше
Въ юртахъ мужниныхъ родныхъ другомъ пусть будетъ.
При солнцѣ сшитый твой занавѣсь
Серебромъ пусть покажется глазамъ твоимъ.
Съ сердечнымъ желаніемъ взятая
Мужу своему подругой пусть будетъ.

27. Разлука съ дочерью.

Алды балазын таабалбай
Арынып—тюре, кунь алгай
Ардазын юртха тюжурюп,
Адазы ійляк, кунь алгай.
Элік балазын таабалбай
Энэліп-тюре, кунь алгай
Эркезін юртха тюжурюп,
Энезі ійляк, кунь алгай.
Звѣрь, не находя своего дитяти,
Въ сокрушеныи ходя, дни проводить;
Взлелѣянное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводить дни;
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводить дни.

28. Состраданіе къ птицамъ.

Карчіга күштын уязы
Капчалда, тәжет, балазы
Качалан салғын какажін,
Какшійдыр анын балазы
Карғбарчіктын уязы
Кактыйда, тәжет, балазы
Карый салғын какажін,
Каактайдыр балазы.
Гнѣздо птицы сокола
И дѣти его, слышно, на утесѣ.
Какъ подуетъ вѣтеръ холодный,
Вопіютъ птенцы его.
Гнѣздо скворца
И лѣти его, говорять, въ дуплѣ.
Когда подуетъ завывающій вѣтеръ,
Жалобно пикаютъ птенцы его.



29. Орадый или Урей.

(Поздравительная пьеса вечеромъ въ Рождество).

Ай—алтында ак шолбан

Орадый! ¹⁾

Сустан турган уон
Тендыбенъ турзун.
Чардык булка ма беръзын
Чардык шулан мал болзын
Ай чігар яны тюръ шіхсын
Күнъ чігаттан янынан бюръ чіхсын
Туюк булка ма беръзын
Туюк шулай мал болзын.
Алтын топчі, шір топчі
Карган кыжінэ кут болзын
Кумюш топчі, шір топчі
Алған кыжінэ кут болзын.
Аркты толтра кеп болзын
Уйгэ толтура бала болзун.
Сундука толтра акча болзын
Тәпші—быле сень беръзе
Тендыбенъ конзун
Күмюш-тій бек болзын
Пуру айыр мал болзын
Чайбал пайдуруп пай болзын
Тібектыйтының пек болзын
Айга тыкэнъ уюнды
Алтын курчалзын,
Куньгэ тыкэнъ уюнды
Кумюш—была курчалзын
Орадый!

Какъ передъ мѣсяцемъ зарница.
Сіяя, стоить твой домъ.
Живи-же безъ ошибки!
Пол-булки дай мнѣ,
Пол-двора у тебя пусть скота будетъ.
Съ той стороны, гдѣ восходитъ мѣсяцъ съ солнцемъ,
Пусть у тебя все растеть и зеленѣеть.

1) У сѣверныхъ инородцевъ орадый, у телеутовъ урей—припѣвъ послѣ каждого стиха. Напечатанные курсивомъ стихи взяты у телеутовъ.

Цѣлую булку дай мнѣ,
Цѣлый дворъ у тебя пусть скота будетъ.
Золотая пуговка, моржанная пуговка!
Старику твоему счастье да будетъ.
Серебряная пуговка, моржанная пуговка!
Женѣ твоей счастье да будетъ.
Полная жердь одежды пусть будетъ.
Полный домъ пусть будетъ дѣтей.
Полный сундукъ денегъ пусть будетъ.
Если ты дашь сельнице,
Живи безъ ошибки, не плошай!
Если ты дашь чашкой,
Живи не на вѣтерь (не расплескай)!
Будь крѣпокъ, какъ серебро.
Пусть будутъ у тебя коней табуны,
Всегда будь богатъ, никогда не разоряйся.
Душа твоя пусть будетъ крѣпка, какъ толчинка,
По мѣсяцу ставленный, твой домъ
Пусть золотомъ поднояшется;
По солнцу, солнцу ставленный, твой домъ
Серебромъ пусть обовьется!

ПОСЛОВИЦЫ.

Тенгэренын кужін тудаін—деп, не занайзын?
Тэныстын балытын тудаін-деп, не санайвын?
Что мнишь схватить небесную птицу?
Что думаешь схватить морскую рыбу?

—
Тэкэнын муузі тэнгерээ тэкэнін кэм курьгэн?
Теонын куйрюгы эрьгэ теткэнін кэм курьгэн?
Кто видаль у козы рога до неба?
Кто видаль у верблюда хвостъ до земли?

—
Карчіганын учужінан танылу,
Калабастын назыгынан танылу.
Соколь видѣнъ по полету,
Молодецъ по походкѣ.

—
Тертолбос йол пузар,
Айдалбас сёзь пузар.

Не ъздокъ дорогу портитъ,
Не говорокъ слово портить.

Алабугада мінь—йок
Алу кыжідэ ой—йок.
Отъ окуня ухи,
Отъ дурака ума—не жди.

Паганын пазыгын курь-туруп,
Телегын не сурадын?
Видя прыть лягушки,
Что требуешь прыти отъ нея?

Атпасты оогы алты кулаш.
У не-стрѣльца стрѣла въ шесть сажень.

Неэны кійзэн, аны кій, аркан куньгэ куйбезін.
Что-бы ни ъль, то ъшь, только зубами объ камень не хвати;
Что-бы ни надъль, то надѣнь, лишь-бы спина отъ солнца не го-
рѣла;
На чемъ-бы ни ъхалъ, на томъ поѣзжай, только-бы не бить о
землю ноги.

Ат карызы сугумтык,
Эрь карызы элімтык.
Старый конь—на убой,
Старый мужъ—на смѣхъ.

Куру калбак ууска ярашбас.
Сухая ложка ротъ деретъ.

Кеэ сюлегэнъ кечкэ этпесь,
Кере алтаган уйтгэ этпесь.
Высокоумный до вечера не доживеть,
Широкошагающій до порога не дойдетъ.

Тёо-че, кара санаганнан
Тёонь-че ак санаганы артык.
Лучше добрая мысль съ ядно,
Нежели худая дума съ верблюда.

Карга касха тэмежін,

Пруду чупчінган тэгэнь.
Ворона, равняясь съ гусемъ,
Ногу оторвала-де.

Янаны курюп, япсыба,
Эськіны курюп эрікпе.
Видя новое, не льстись,
Видя старое, не скучай.

Тандагы казы-была картадан,
Бугуньги опко якші.
Сегодняшняя печенка съ легкимъ
Лучше завтрашняго сычуга съ жиромъ.

Пойдонын моінын шіт тіэръ
Тапхан-тартынганин іть тіэръ.
Шею холостаго вошь заѣсть,
А им'яніе его собака съѣсть.

Отпёсты шлебе,
Укпасты сулебе.
Тупицу не точи,
Неслуха не учи.

Уледым-деп, этнёгын тёгэсъпе,
Кочодым-деп, кочон тегэсъпе.
Собираясь умирать, хлѣбъ не бросай;
Собираясь скочевать, щи не выливай.

Карынын сёзін кашка сук,
Яанын сёзін янчіка сал,
Улудын сезін укка сук.
Слово старика въ мѣшокъ прячь,
Слово набольшего въ карманъ клади,
Слово начальника за чулокъ заткни.

Тон ічиндэ эрь тюрек; аны кэмбілер?
Токым-алдында ат тюрер; аны кэмбілер?
Человѣка по одеждѣ,
А коня по потнику не узнаешь.

Эльдын эпчізы, тонын топчізы.

Миротворецъ въ народѣ, что твоя пуговка у шубъ.

Коп болуп чоп болтынча,

Ас болуп ус болзын.

Хоть мало, да будь дѣльно,

Чѣмъ много, да какъ соръ.

Яныны язап-кій,

Эськіны эптең-кій.

Новое съ бережью надѣвай,

Старое съ починкою носи.

Салкынду куньдэ энчу—йок,

Сагышту куньдэ уютку—йок.

Буря покой отнимаетъ,

Дума сна лишаетъ.

Яман-даа болзо, уюн болзын

Яман-даа болзо, кочон болзын.

Хоть худая, да была-бы изба,

Хоть постная, да были-бы щи.

Алтын башту кадыттан

Арык башту эрь артык.

Мужчина и съ пустой головой

Лучше женщины съ золотой головой.

Эрь тыскіні узун-тэгэнъ,

Ат туйгагы язы тэгэнъ.

Мужской поводъ дологъ-де,

Конское копыто широко дескать.

Арык-даа болзо, семіскэ паала

Ас даа болзо, копко паала.

Хоть и тощій, да за жирнаго почти,

Хоть и мало, почти за велико.

Ажі-тузым ас болды,

Боюм бажі тас болды.

Какъ только хлѣба-соли моей стало мало,

Такъ и голова моя стала плѣшива.

Соок-былан мельдешкэнь кулагы-йок,
Бій былан мельдешкэнь бажі-йок.
Кто борется съ морозомъ, тотъ будетъ безъ уха;
Кто тяжется съ начальствомъ, тотъ будетъ безъ головы.

Аргалу алты конор,
Текелю беш конор.
Гдѣ честный человѣкъ живеть 6 сутокъ,
Тамъ плутъ живеть только 5-ть.

Йобаш башты кылыш кеспесь.
Покорную голову мечъ не съчеть.

Яныс атту ярыгічі,
Яргак тонду курегічі.
Кто объ одномъ конѣ, тотъ охотникъ до бѣговъ;
У кого шуба-хожанъ, тотъ охотникъ до борьбы.

Керкын тудунуп керішкә чіхпа,
Уругун тудунуп урушха чіхпа.
Держась за кинжалъ, не выходи на скопу;
Держа петлю въ рукѣ, не выходи на драку.

Су курбейчі, эдюк чечпе.
Не видавши воды, обуви не скидай.

Теміръ тонду улюп-тыр,
Тере тонду калып-тыр.
Въ желѣзномъ одѣяніи умираетъ,
А въ овчинной шубѣ остается.

Аш ічкинче мендэбе,
Атха мюньзе тохтобо.
Пока не поѣлъ, не торопись;
Сѣвши на коня, не мѣшкай.

Угу-йок кыжі болбос,
Ульгузі-йок эдюк болбос.
Человѣкъ не безъ роду,
Обутокъ не безъ наметки.

Кїк болзо, тюкту болор,
Кыжі болзо, адту болор.

Если звѣрь, то—съ шерстью,
Если человѣкъ, то—съ именемъ.

Яманнын колына беръгынче,
Яхшінин йолына сал.
Чѣмъ злому въ руки отдавать,
Лучше доброму на дорогу положить.

Яманга якші этне
Тюурга пок сюрги.
Не дѣлай добра злому,
Гнилую рану не мажь пометомъ.

Яман кыжі тюуда туга тэгэнъ.
Злой человѣкъ на войнѣ годенъ-де.

Яхшаа янашхан, яхшізы тюгар
Яманга янашхан яманы тюгар.
Съ добрымъ поведешься, добро переймешь;
Съ худымъ поведешься, худое переймешь.

Тиль тюгурюги башха,
Аяк тюгурюги ашха.
Скорь на языкъ—себѣ на голову,
Скорь на ногу—будешь съ хлѣбомъ.

Аїлаш-даа болзо, йол кугын,
Айлю-даа болзо, кыз алгын.
Хоть и вокругъ, все-же дорогой ступай;
Хоть и беременную, да дѣвку возьми.

Балык андыган, байбас,
Тюбедэгы кургабас.
Рыбакъ богатъ не будетъ,
Хотя подоль у него и не просыхаетъ.

Темирьды болзо, кыска кесь,
Агашты болзо, узун кесь.
Если желѣзо, то отсѣкай короче;
Если дерево, то отсѣкай длиннѣ.

Атазы—йохто уул баштак,
Энезі—йохто қыс баштак.
Безъ отца—сынъ шалунъ,
Безъ матери—дочь.

Ат май—былян,
Кыжі кепь—былен.
Конь беретъ жиромъ,
Человѣкъ—платьемъ.

Коп адын мергэнъ болбос
Коп адын чечень болбос.
Отъ многаго стрѣлянья не будешь стрѣлецъ,
Отъ многаго болтанья не будешь краснорѣчию..

Кыжі тоны кырчі,
Кыжі ады терчі.
Чужое платье марко,
Чужой конь потливъ.

Ойлап бергэнъ, сійрып алар.
Кто сначала подарить, тотъ послѣ обдереть.

Энезі яманын кызын алба,
Эжігы яманын уюнэ кырбе.
Не бери дочь худой матери,
Не входи во дворъ худаго человѣка.

Каба-тонду, бій әмтыр,
Кабын сураза, кул әмтыр.
Тюльгу тонду бій әмтыр
Тубіш сураза іт әмтыр.
По дохѣ похожъ на господина,
А провѣдай карманъ—сталъ слуга.
По лисьей шубѣ можно почесть господиномъ,
А если спросить о происхожденіи,—вышель собака.

Чін улерды кам албас,
Торо улерды бай албас дедын-бе?
Кому назначено умереть, того камъ не отниметь;
Кому съ голоду умереть, того и богачъ не спасеть.

Артык айтпа,
Ажіра паспа.
Лишняго не говори,
За границу не шагай.

Балықчынын колу ак,
Малчынын тюзю ак.
У рыболова бълы руки
У скотовода—лицо.

Улуду уюпта,
Яанды убырба.
Старого не поноси,
Большаго не топчи.

Тіль балуу онбос,
Агаш балуу онор.
Рана отъ дерева заживаетъ,
Отъ злого языка —никогда.

Яхші аільчі кельгэнъдэ, ээзи тойор.
При хорошемъ гостѣ и хозяинъ сътъ будетъ.

Яхші тіль ярым аттын паазы.
Хорошее слово стоитъ половину лошади.

Рак саларкын,
Тюухтан аларзын.
Дальше положешь,
Ближе возьмешь.

Амыrlаган айлік,
Кудпаурегэнъ куньдюк.
Миромъ—на мъсяцъ,
А насилемъ—на день.

Ажін-тузун ійіп-отур,
Ағылын айдып-отур.
Хлѣбъ-соль ёшъ,
А правду рѣжъ.

Каза пасхан-яза базар.
Задравши голову, тотчасъ споткнешься.

Яман іть тюбедэн кабар,
Яман кыжі якадан тудар.
Злая собака хватаетъ за подоль только,
Злой человѣкъ—за воротникъ.

Уюннуи яхшізы курьбесь,
Ажі-тузунду курерь.
Не красна изба углами,
Красна она пирогами.

Кунь яманы кітар,
Кыжі яманы кітмесь.
Худая погода пройдетъ,
А злоба человѣческая—никогда.

Саяк тюрьзе, таяк тіръ.
Будешь жить худо, будешь грызть палку.

Яман кыжінын аягы сегиз, бажі тогуз.
У худаго человѣка восемь ногъ и девять головъ.

Ялку кыжіз ялгудун ажі әтпесь.
Лѣнивому человѣку нѣть и корки огорѣлой.

Эськы наңдженіны курюп-эрікпе,
Яны наңдженіны курюп-япсыркаба.
Старого друга увидишь—не отрекайся,
Къ новому не прилѣпляйся.

Яхші яманды більбэйт,
Яман кыжі яхшіны більбэйт.
Добрый человѣкъ зла,
А худой добра не помнятъ.

Бүйрку яхшіны курюп-алгинча,
Күюгу яхшіны субар ал.
Не смотря на благовидность стана,
Уважай родъ добрый.

Яныс котурлу кой мун койны атартты.
Одна паршивая овца цѣлое стадо портить.

Актак куръзюн тігебас,
Согур куръзюн, кыбакурь.
Видишь-ли хромаго, прихрамывай,
Видишь-ли слѣпаго, прищуривайся.

Ас кыжіде теп-была
Ағын суда сал-была.
Въ малолюдствѣ легко соблюсти согласіе,
По теченію воды легко плотомъ плыть.

Он катап кэндэ,
Пірь катап кэсь.
Десять разъ примѣряй,
Однажды отрѣжь.

Акырын барган абра тау усьтюньдэ болор.
Тише Ѣдешь, дальше будешь.

Кадын-кыжінын чачі узун, ағылы кысха.
У женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Кайзі ілгадан акан су,
База кайдып-агар.
Если вода побывала на лугу,
То и опять разольется.

Бал тутхан бармагын ялар.
Въ меду пальцы—всякъ самъ у себя облизнетъ.

Ач катырын ток більбесь
Ярлы катырын бай більмесъ.
Сытый голоднаго,
Богатый бѣднаго—не разумѣютъ.

Ынгыры улянган ақылдан эртәнкы улянган ақыл артык болор.
Утро вечера мудренѣе.

Агач тюмжагын курт пазар;
Юбаш кыжіны сёзъ пазар.

Мягкое дерево червь точить;
Смиренного человѣка — грубое слово.

Кыжі сені таш-былан атса,
Сень аны май-былян адыныс.
Когда бросять въ тебя камнемъ,
Ты брось масломъ.

Кыжінын куназын ачма
Узінын кунаң ябылар.
Чужой кровли не раскрывай,
Своя будетъ закрыта.

Кыжі чунурчак касма,
Узін чунурчака тюжерзін.
Не копай для другаго ямы,
Самъ въ нее ввалишься.

Кыжі йол куръзедыръ
Азық беръмесь.
Чужой человѣкъ дорогу укажетъ,
А запасу не дастъ.

Ачуга ачинба
Сюунюшкә сюуньбе.
Въ горести не унывай
И радости не слишкомъ предавайся.

Йіргал ілы-былян этпесь
Ачу аяг-алдынан чігар.
Радость въ годъ не придетъ,
А горесть изъ-подъ ноги выскочить.

Эткерь тен-учунда,
Коромжо кол учунда.
Несчастье только въ рукавъ,
А убытокъ уже въ руку лѣзеть.

Улу-Бійды рактэбе, Кутайды бїктэбе,
Кудай Ѳрё болзо, кузю тюмень,
Улу Бій рак болзо, бісь анын алыканда бісь
Кутайдын колунда бісь.

Не думай, что до Царя далеко, до Бога высоко;
Богъ хотя и высоко, но внизу Его око;
Царь и далеко, но у него на ладони,
А у Бога въ рукѣ.

Баш ярылза, бюрюк-ічиндэ,
Кол сынза йен-ічиндэ.
Голова-ли проломлена,—подъ шапку ее;
Рука-ль переломлена,—въ рукавъ ее.

Атазы яман озо сёгорь
Ады яман озо чабар.
У кого худой отецъ, тотъ ругаться любить;
Худой конь любить впереди ъхать.

Бій білерды кул білер,
Сулемыкѣ эръкы йок.
Рабъ иногда знаетъ и больше господина,
Да воли его языку нѣтъ.

Кускун кускунун кузюн тешпесь.
Воронъ ворону глазъ не выколетъ.

Уюку кось тежерь,
Уят баш ярап.
Лишній сонъ глаза выколеть,
А постыдное дѣло голову сломить.

Тандагызын тан білер
Тан-аткаждін кутай білер,
Завтрашнее завтра знаетъ,
Что будетъ на разсвѣтѣ, Богу извѣстно.

Бала куш учат-учат,
Конорго агажін таппайт.
Молодая птица и летаетъ,
Да гдѣ ночевать, не знаетъ.

Кудайга іжензен,
Боюн янылба.

На Бога надѣйся,
А самъ не плошай.

Унчукпаган кыжі уйче кара таштан кылар.
На молчаливаго человѣка хоть черный камень съ избу упадеть,
онъ и тогда цѣль останется.

Кымчадан кынільган кырык іл тюрерь.
Отъ бѣдоваго часа уцѣлѣвшій, 40 лѣтъ будетъ жить.

Майдайдын тэрін палтырга сюртэрь,
Палтырдын тэрін мандайга сюртэрь.
Пѣтомъ лица мажъ икры у ногъ,
Пѣтомъ икръ мажъ лобъ,
Если такъ будешь трудиться, будешь богатъ.

Тюльгу тюнь конор,
Йол табар.
Лисица и ночь переночуетъ,
А слѣдъ найдетъ.

Яман атха мун камчі,
Яхші атха шрь камчі,
Яман кыжіэ мун сёзъ айт
Яхші кыжіэ шрь сезъ айт.
Худой лошади—тысяча плетей,
Хорошей лошади—одна плеть.
Худому человѣку тысячу словъ говори,
Доброму—одно слово скажи.

Ачуду курьбейчі татуды тібесь,
Соока тонбойчі, тюлуды кыйбесь.
Не видавши горькаго, не будешь ъсть сладкаго,
Не померзнувъ на холодѣ, не узнаешь тепла.

Яказы-йок тон болбос,
Яргазы-йок бій болбос.
Шуба безъ воротника,
А начальникъ безъ разсудка—негодны.

Эртэ пасхан кыжі,
Экы казан ічеръ.

Ранняя птичка носикъ очищаетъ,
Поздняя лишь глаза продираетъ.

Бій біръгэнын тыжін
Ачіп курьбесь.
Князь не смотрить въ зубы тому,
Кто дарить ему.

Көсь кычу тёбю тэрэн.
Глазъ и маль, да дно глубоко.

Сагалда санаа-йок.
Бородой ума не мѣряютъ.

Суудагы санызын,
Эзрігэнъдэ тілі - былан чигарат.
Что у трезваго на умъ,
У пьяного на языкъ.

Эзюм менін ят болды,
Ойогум менін сырт болды.
Грудь моя спиною стала,
Родственникъ — бужаныномъ.

Сыйляжарда ят якші,
Сыхтіжарда усь якші.
При пирѣ, при бражкѣ всѣ дружки,
При горести нѣть никого.

Дерт туйгакту ат-даа сюриузет.
Конь и о четырехъ ногахъ, а спотыкается.

Найджіны мекелерзін,
Курсакты мекелебесін.
Друга обманешь,
А брюха не обманешь.

Колун-былан берегеле,
Пудан-была йоборзын.
Отдаешь (въ домъ) руками,
Устанешь ногами (выхаживать).

Кэдэ баардын кэльдинэн,
Ильгэры кэлердын ітътінэн.
Подальше отойдешь отъ снохи,
Счастливо придешь отъ собаки.

Атхан ок таштан янбас,
Ийгэнъ эльчі йолдон янбас.
Пущенпая стрѣла не ворочается отъ камня,
Посоль не возвращается съ дороги.

Апсак одунун куль ачу,
Яман кыжінын тіль ачу.
Зола осиноваго дерева Ѣдка,
Еще злѣе худой человѣкъ.

Яй кэлет, яінып,
Кыш кэлет, кылышін тудунуп.
Весна приходитъ—крылья распускаетъ,
Зима приходитъ—саблю держитъ.

Отхо салза, куйбесь
Туга салза, акпас.
Въ огонь тебя положить—не горишь,
Въ воду положить—не тонешь.

Кысха болгынча узун болзын,
Яман болгынча, якші болзын.
Чѣмъ быть короткимъ, лучше—долгимъ,
Чѣмъ быть худымъ, лучше—добримъ.

Тонун эдэгынен тудул-кыйбесь,
Яказнан тудуп-кыэрь.
Не съ подола одежду надѣваютъ, а съ воротника,
Не у глупаго совѣта просять, а у умнаго.

Су ярнан ажіп талай болбос,
Кыжі бажін таштап каан болбос.
Рѣка, вышедшая изъ береговъ, не будетъ море,
Человѣкъ, бросивши умъ, не будетъ ханомъ.

Алды мойнун ок кэзеръ,
Эрьын мойнун йок кэзеръ.

Шею звѣря пуля рѣжетъ,
Шею человѣка—бѣдность.

Арам бар болуп йон таныдым,
Адым бар болуп йол таныдым.
Отецъ у меня былъ—народъ зналъ,
Конь былъ—дорогу зналъ

Колун берзін, бажін анда.
Гдѣ твоя рука, тамъ и голова твоя.

Учінны бек тут,
Конжонны уру тутма.
Держи себя крѣпко,
Сосѣда воромъ не зови.

Сенънын сыгыргынды,
Мень мунда біліп-аларым.
Ты тамъ только свистни,
А я здѣсь ужъ и смыслю.

Пірь ат әдэрь,
Мун ат алар.
Одна лошадь догонить,
Возьметъ 1000 лошадей.

З а г а д к и.

Барып, барып йол йок; кезіп, кезіп кан йок.
Ҙду, Ҙду—слѣду нѣть; рѣжу, рѣжу—крови нѣть.
(Кэмэ-біле эштык.)
(Лодка и весло).

Калтырь, култур, кочуп раат; кара йорго бош праат.
Стучить, гремитъ, сивый иноходецъ напередъ идетъ.
(Мус барып-ят.)
(Вскрытие рѣки—ледъ идетъ).

Кур курлейт; кузень чарлайт; арык тёо пелін пурат; адырган тілан узун-ачат.
Вѣтеръ дуетъ; хорекъ кричитъ; сухой верблюдъ хребетъ сгиба-
етъ; полевой змѣй ротъ разъеваетъ.

1) Узую эмь уріені; 2) төмір сарлағаны; 3) күрюк; 4) жыскаш.

1) Воздухъ изъ кузнецкаго мѣха; 2) раскаленное желѣзо шипитъ;
3) мѣхъ кузнецкий и 4) кузнечные клемши.

Пырь мынчагак немечек, рак әрьгу чукулдаш.

Крохотная вещичка, а далеко видна.

(Кунь, ілдыс.

Солнце и звѣзды)

Тәнгәредән тюшкендый тәмір-быле кыргандай.

Съ неба упала, какъ желѣзомъ выскоблена.

(Тымыртка, яйцо)

Мусха пудай текты.

По льду насыяно пшеницы.

(Тәнгәредә ілдыс.

Звѣзды на небѣ).

Айры агашха кар іїкпас.

Къ развилистому дереву и снѣгъ не лнеть.

(Тандууду муузі.

Рога у животныхъ).

Тілан тілыш-ят, кайгі качырын ят.

Змѣя ползетъ, за собой ремень волочетъ.

(Ініэ учуну-быле.

Ила съ ниткой).

Тыѣбызе талкаяп; алыш-тізе татучак.

Пну ногой—щепка; въ ротъ возьмешь—сладко.

(Канза, курительная трубка).

Эжіктэгы талкай терю чарчабас.

Изъ-подъ порогу щепка въ передній уголъ не проходитъ.

(Кәлін, сноха).

Курендыктэ кумыш чеочель.

Въ оградѣ моей серебряная чаша.

(Ай. Мъсяцъ).

Экы чочко орожуп-ят; ак кобугу чааччилыш-ят.

Двѣ свинки дерутся, изо рта у нихъ бѣлая пѣна бьетъ.

(Экы тэрмен-дээ талкан. Жернова и мука).

Тыжі йок куртъяк кузук казан-ят.

У старухи нѣть ни одного зуба, а орѣхи щелкаетъ.

(Соку. Ступка).

Пенігіндэ турган чал-каін; он-беш салазы оре, он-беш салазы
тиобэнъ.

Передъ дверями стоитъ береза, пятнадцать вѣтвей къ верху,
пятнадцать—къ низу.

(Ай кәмі. Мъсяцъ времени).

Югурюк, югурюк, не югурюк?
Что быстрѣе всего?

(*Тілъ. Языкъ.*).

Тату, тату, не таду?
Что всего слаще?

(*Үюнү. Сонъ.*).

Ачу, ачу, не ачу?
Что всего горячѣе?

(*Улом. Смерть.*).

Кызыл ілік яткап эрдэ элён чікпас.

Гдѣ полежитъ красный козель, тамъ и трава не растеть.

(*От. Огонь, пожаръ.*).

Тура туруп-ят, эжік-йок кыжі коп турада.
Безъ оконъ, безъ дверей, полна изба людей.

(*Кузук. Кедровая шишка.*).

Кол-йок, пуд-йок, эрё чагап-яты.

Безъ рукъ, безъ ногъ, а на гору идетъ.

(*Тюдунъ. Туманъ и дымъ.*).

Баж агач, ічі кэндыръ, пут таш.

Голова деревянная; брюхо лыняное, ноги каменные.

(*Сюзюрмә. Неводъ.*).

Бош чулан кыжі эрмектэжін-ят чідарга больмінят.

Полонъ дворъ людей; сидять тѣсно, а выйдти не могутъ.

(*Тыши уустаы. Зубы во рту.*).

Энэкэмнын куськузюнь элю кыжі эрбесь.

Зеркало моей матушки пятьдесятъ человѣкъ не поднимутъ.

(*Эдигриэнъ. Гумно.*).

Отус экы сар-ат ойлок эрін-ат.

Тридцать двѣ лошади бѣлын—смирины, одна рыжая дурная.

(*Тыши, тілъ. Зубы и языки.*).

Белем-белем, белем-ат пелічіка куреп-ат; тулгачіка талбазат; талактізе эль-без-ат.

У бурой лошади тоненькая спинка; она на гору идетъ, не устаетъ; дождь пойдетъ, ее не вымочитъ.

(*Чімалы. Муравей.*).

Эрегө аіл уркум коркум,

Ортодо аіл ізрак,

Тюменьго аіл алмын.

Верхнее жилье боязливо,

Среднее бурливо,

Нижнее жилье болтливо.

(*Косъ, тумчук, тілъ. Глаза, носъ и языки.*).

П р и м ъ т ы.

Отъ рожденія мѣсяца до полнолунія (14 дней) не благополучные. Въ это время чистымъ духамъ не камлать, никакого дѣла не начинать, на промыселъ не пускаться. Въ промежуткахъ между старой и новой луной тоже ничего не дѣлать. (Когда-же работать-то?)

- Если палы весною горятъ недружно, то урожай хлѣба будетъ плохъ.
- Посѣвъ хлѣба опредѣляется печенью первой, попавшейся весною по разливѣ воды щуки. Если конецъ печени къ головѣ толще, предпочитается посѣвъ ранній; сердка толще—средній; конецъ къ хвосту толще—поздній. Осѣдлые инородцы опредѣляютъ время посѣва тяжестю трехъ первыхъ куриныхъ яицъ, снесенныхъ весною. Тяжелѣйшее служить ука-зателемъ.
- Если ноги рабчика оперяются, скоро будетъ зима.
- Много комаровъ—много роевъ.
- Кукушка закукукала на талой лѣсинѣ (почки не распустились)—ворамъ неудача.
- Кони валяются зимою къ бурану, лѣтомъ—къ дождю.
- Копыта у коней потѣютъ—къ теплу.
- Земляные черви выползаютъ изъ земли—къ дождю.

Рецензія на „Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзюнгарской степи“, собранные В. В. Радловымъ. С.-Петербургъ, 1866 г.

Трудъ этотъ, безъ сомнѣнія, почтенный и заслуживаетъ полнаго вниманія филологовъ.

Содержаніе слѣдующее:

Первая глава грамматики, которую обѣщаетъ авторъ издать позже.

Пословицы въ количествѣ 91

Сказки 8

Житіе діакона Алтайской миссіи изъ инородцевъ, М. В. Чевалкова.

Повѣстей 15

Посланіе Чевалкова къ автору.

Десять заповѣдей Божіихъ.

Молитва Господня.

50 и 90 псалмы Давида.

Басни въ количествѣ	5
Пѣсни	15
Загадки	19
Сказки Черневыхъ Татаръ	3
" Шалканцевъ	1
" Шорцевъ	8
" Сойонцевъ	3

Есть у г. [автора] и предисловіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „издаваемая нынѣ первая часть литературныхъ образцовъ заключаетъ въ себѣ поднарѣчія Алтая: алтайцевъ, телеутовъ, черневыхъ и лебединскихъ татаръ, шорцевъ и саянцевъ“ (страница XII). Здѣсь дѣление поднарѣчій представляется намъ неправильнымъ, потому что Лебединские татары и шорцы суть Черневые-же инородцы, и какъ жители Большаго и Малаго Алтая суть алтайцы-же; притомъ Лебединские татары не могутъ быть представителями языка, такъ какъ однимъ языкомъ говорять съ ними и Кузенцы, и Кондомцы, а еще менѣе могутъ стать во главу Шорцы, ибо такое предпочтеніе будетъ обидно Каларцамъ, Изушерцамъ, Кызыльцамъ, Кійпамъ, Кобійцамъ, Каргинцамъ, Бежбояковцамъ, Барсоятцамъ и Абинцамъ, говорящимъ однимъ языкомъ. Поэтому, чтобы не противополагать Алтайцевъ Алтайцамъ-же и Черневыхъ инородцевъ Черневымъ-же, изслѣдователю поднарѣчій Алтая всего цѣлесообразнѣе раздѣлить жителей Алтая на слѣдующія группы:

1) Алтайскіе калмыки, по собственному ихъ названію *Ойротъ*; 2) Телеуты, по собственному ихъ произношенію *Теленет*; 3) Кумандинцы, оставленные авторомъ въ тѣни, *Куманды кыжі* и 4) Черневые татары, по собственному названію *Туба кыжі*, также *иши кыжі*; *иши* значить лѣсь, посибирски *чернь*.

Послѣдняя группа подраздѣляется: а) на *Бійцевъ*, по рѣчной системѣ р. Біи, сюда войдутъ и Лебединцы и б) *Мрасо-Кондомцевъ*, или Бирюссинцевъ, которые, по странице 261 Географическо-Статистического словаря Росс. Имп. г. Семенова (С. П. Б. 1862 г. Томъ 1. Вып. 2) *исчезли*, а по страницѣ 147 того же словаря *возродились* (см. ст. Аскызское село). Сюда войдутъ и Шорцы съ поименованными мною выше племенами.

„Сохранившій болѣе первоначальный Тюркскій характеръ, Алтайскій языкъ (т. е. языкъ Алтайскихъ калмыковъ) избранъ мною исходною точкою для изслѣдованія остальныхъ нарѣчій“ (стр. XII). Но это еще вопросъ? Напротивъ, въ Мрасо-Кондомскомъ поднарѣчіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе выдержанъ характеръ тюркского языка, нежели въ другихъ поднарѣчіяхъ. Наприм., только здѣсь въ концѣ словъ буква *и* удерживаетъ свое мягкое произношеніе: *iaи*—масло, *ieрии*—войско, *amii*—глупый, *ai*—сѣть, *aши*—горький, *izii*—жаръ, *iizii*—гнилой, *iydyii*—острый, *iylyii*—теплый; *ka-*

ны—жесткий, твердый, курүг—сухой, кырын—берегъ, олуң—мертвый, оиңүг—врагъ, палың—рана, пай—веревка, сурунүг—любезный, тай—гора, ялуң—великий, айрын—большой, юйчиң—опухоль и проч.

Тюркская форма множественного числа лар чаще удерживается въ Мрасо-Кондомскомъ нарѣчіи, нежели въ другихъ.

Звукосочетаніе аы у телеутовъ и алтайскихъ калмыковъ нерѣдко измѣняется слѣдующимъ образомъ: гортанная буква ослабляется до исчезновенія и затѣмъ бѣглая ы уподобляется предшествующей а: тюркское аыз—ротъ, аыр—тяжелый, тайы и, даже, вполнѣ сохранены только въ Мрасо-Кондомскомъ нарѣчіи, а въ другихъ измѣнились въ аас, аар, таа.

Звукосочетаніе ыи въ коренныхъ словахъ, въ концѣ или срединѣ слова, удерживается только Мрасо-Кондомцами, а въ алтайско - калмыцкомъ и телеутскомъ это ыи измѣняется въ у. Напр., изъ ыи (собери) вышло иу.

Въ производной приставкѣ притяжательныхъ или относительныхъ именъ мы, гортанная ى удерживается только у Мрасо-Кондомцевъ, у телеутовъ-же и алтайскихъ калмыковъ это ыи измѣняется также въ у; напр., ат—лошадь, атмыи—имѣющій лошадь, у мрасо-кондомцевъ—аттыи, у телеутовъ и калмыковъ—атту.

Въ отлагольныхъ именахъ дѣйствія окончаніе бываетъ или аи, когда глагольная основа оканчивается на а, напр. сурат—спросилъ, отъ сурат—спроси (объ измѣненіи этого окончанія сказано выше) или окончаніе бываетъ ыи, когда глагольная основа оканчивается на согласную или на бѣглую ы. Опять это окончаніе ыи удерживается только Мрасо-Кондомцами, а въ телеутскомъ и алтайско-калмыцкомъ измѣняется въ у. Отъ глагола сат—продай, сатыи—торговля, у Мрасо-Кондомцевъ—садыи, у телеутовъ и калмыковъ—саду.

Кажется, довольно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть, что языкъ Алтайскихъ калмыковъ менѣе сохранилъ первоначальный тюркскій характеръ, нежели сохранилъ этотъ характеръ языкъ Мрасо-Кондомцевъ.

„Сказка о свѣтопредставленіи“ заимствована изъ Томскихъ Губернскихъ вѣдомостей“. Оттуда-же могли быть безвозвратно заимствованы: пословицы, пѣсни и загадки.

„Для точнѣйшаго обозначенія звуковъ татарскихъ поднарѣчій приняты мною слѣдующія буквы:

10 гласныхъ:

а, а, е, о, у, у, і, ы, у“ итого 9, а не 10, да и изъ этихъ двѣ буквы лишнихъ, именно а и у.

Буква е въ алфавитѣ показана, а въ текстѣ вездѣ замѣнена, и неудачно, буквою а. Двоеточіе, поставленное надъ буквами: у и пропущено авторомъ въ русскомъ текстѣ о, смягчаетъ эти буквы. Это резонно. Но надъ буквою а то же двоеточіе уже не смягчаетъ, а измѣняетъ самый звукъ

изъ а дѣлаетъ е—букву, начертаніе которой уже существуетъ въ русскомъ алфавитѣ.

Для выраженія всѣхъ гласныхъ звуковъ Алтайскихъ поднарѣчій достаточны слѣдующія буквы:

толстыя:	соответственныя имъ тонкія:
а	е
о	о
у	у
ы	и

„30 согласныхъ“ продолжаетъ авторъ. Переписывать ихъ не будешьъ, да это и неудобно по закорючковатости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вмѣсто 30 согласныхъ, въ которыхъ почему-то не обрѣтается буквы г, достаточно слѣдующихъ 18:

к, г, н, І, р, л, т, д, ч, چ, ى, س, ز, ش, ж, پ, ب, م.

Слѣдовательно, оказываются излишними: к, имѣющее глубоко-гортанное произношеніе и, по мѣсту своего образованія въ гортани, близко къ русскому х. И простую букву к можно произносить глубоко-гортанно, по требованію языка, если знать правило, гдѣ она такъ произносится.

Произносится же она глубоко-гортанно тогда, когда предшествуетъ или послѣдуетъ толстой гласной буквѣ. Напр., кара — черный, ак — бѣлый, кон — ночевать, ок — стрѣла, пулъ, ку — лебедь, ук — слышать, кызык — сельдь.

Если-же эта буква находится въ соединеніи съ тонкими гласными, то произносится по-русски. Напр., керек — потребность, кок — голубой, синій, куук — кукушка, кирбик — рѣница.

Буква х излишня потому, что ее вполнѣ замѣняетъ буква к, поставленная въ связи съ толстыми гласными.

Два ى съ закорючками и латинское һ излишни потому, что самъ авторъ въ одномъ и томъ-же словѣ употребляетъ и гортанное ى и мягкое. Напр. стр. 314 въ строкѣ 112 кыттырды написано гортанно (съ закорючкой), а въ слѣдующей строкѣ тоже кыттырды мягко.

Буква н съ запятою внизу, загнутою въ правую сторону, необходима, но ее, какъ составляющую сліяніе двухъ согласныхъ н и ى, логичнѣе изображать такъ, какъ она изображается въ сочиненіяхъ Алтайской миссіи — н.

Буква н съ запятою вверху излишня, потому что нѣтъ того звука въ Алтайскихъ поднарѣчіяхъ, который бы выражала эта буква.

Изъ трехъ ј достаточно на всѣ потребы одной. Ј основное значеніе имѣть подобное латинскому ѡ и русскому ѹ. Въ поднарѣчіяхъ Алтайского языка этотъ звукъ въ началѣ словъ представляеть слѣдующія перемѣны: у Алтайскихъ калмыковъ — произносится какъ смягченное, едва слышное т, у Телеутовъ смягченный звукъ т слышенъ совершенно ясно; у Мрасо-Кондомскихъ татаръ произносится какъ смягченное ч.

Лучше-бы сдѣлалъ г. Радловъ, если бы во всѣхъ поднарѣчіяхъ принялъ эту букву, выговаривая ее въ каждомъ поднарѣчіи согласно съ сей-часъ сдѣланнмъ замѣчаніемъ. Единство начертанія намъ кажется предпо-чительнѣе въ томъ отношеніи, что наглядно представляетъ происхожденіе и тожество словъ въ разныхъ алтайскихъ поднарѣчіяхъ. Напр., хотя и разными буквами начинаются, но совершенно тожественны слѣдующія слова:

Стран.	Строк.		Стран.	Строк.
330	149	чакшы=іакшы	44	495
326	8	чок=іок	85	863
380	146	чадыр=іадыр	104	633
318	253	чер=іер	5	70
313	97	чурду=іурду	12	51
339	269	чедіп=іедіп.	17	• 236
325	496	чіп=іп.	20	341
314	133	чуртуна=іуртуна	67	257
329	123	чажы=іажы	84	862
350	47	чуре=іуре	86	25
397	58	чалын=іалын.	—	41
329	132	чадар=іадар	88	119
347	157	черге=іерге.	14	115
324	475	чаткан=іаткан	16	187
325	478	чатты=іатты.	23	24
339	246	чыл=іыл.	25	106
350	43	черіне=іеріне.	26	126
324	469	чионым=іоным	40	347
350	43	чаізан=іаізан	42	430
331	191	чон=іон	52	757
349	2	чус=іус	61	71
347	175	чолда=іолда	64	179
348	203	четпен=іетпен	67	267
347	145	черден=іерден	70	360
—	149	чоктап=іоктап	83	149
326	3	чионы=іоны.	—	825

и т. д.

Латинская буква *l* совершенно излишня *L*, какъ въ русскомъ языкѣ, такъ и въ алтайскихъ поднарѣчіяхъ, имѣеть иногда толстый звукъ, какъ *лъ*, иногда тонкій, какъ *ль*. Именно, если оно предшествуетъ или послѣдуетъ толстой гласной буквѣ, тогда произносится толсто. Напр., *ал*—взять, *лан*—точно, отчетливо, *ол*—онъ, *оіттоло*—возвращаться, *улу*—великій, *ыла*—выбрать, *пальк*—рыба. Если же эта буква находится въ связи съ тонкими гласными, тогда и сама произносится тонко. Напр: *ел*—свой народъ, отече-

ство, *келеіеі*—заемка, *ол*—умереть, *олон*—трава, *съно*, *умер*—притча, мудрое изрѣченіе, *олум*—смерть, *піл*—значить, *пілк*—знаніе. Поэтому, еслибы вмѣсто *кіжілар калді* (стр. 341, строка 329) стояло: *кіжілер келді* убытка оттого никому не было-бы.

Ч у алтайскихъ калмыковъ и телеутовъ не имѣеть соотвѣтствующаго мягкаго звука, а у мрасо-кондомцевъ иногда слышится такой звукъ, подобный смягченному *дж*. Чтобы точно произносить этотъ звукъ, должно языкомъ едва только дотрагиваться до неба. Для начертанія его всего лучше можетъ служить *ч* съ принятымъ уже знакомъ смягченія въ другихъ буквахъ - двоеточиемъ: *ч*, а неизвращенная буква *н* съ хвостикомъ внизу.

Въ алтайскомъ языке не находится русскихъ звуковъ: *и* и *е*, а потому и буквы эти излишни, что известно, и „*Пазілай Пазілаібыч (у)*“; см. стр. 113, 2 строка сверху.

При чтеніи текста книги бросаются въ глаза слѣдующія погрѣшности:

1) Не вездѣ соблюденъ законъ *созвучія*, состоящій въ томъ, что въ каждомъ словѣ гласные звуки должны быть или всѣ толстые, или всѣ тонкие. Этому-же закону неуклонно подлежать всѣ грамматическія приставки: если къ слову толстыхъ звуковъ прибавляется приставка съ гласнымъ *а*, то въ словѣ тонкихъ звуковъ *а* замѣняется гласнымъ *е*, точно также *о* замѣняется *о*, *ы*—*і* и т. д. Словомъ, замѣняются одинъ другимъ гласные звуки, состоящіе въ одной парѣ. Примѣры: *аба*—отецъ, *абаларіа*—отцамъ; *ене*—мать, *енелергє*—матерямъ; *кол*—рука, *коло*; *кол*—озеро, *комо*; *ат*—лошадь, *адым ет*—мясо, едим. Поэтому вмѣсто:

Стран.	Строк.	
325	110	полаін слѣдуетъ болаіын
358	318	тудужаін—тудужаіын
360	394	пажоннын—пежоннін
363	471	сагізон—сегізон
365	39	алаін—алаіын
366	60	табаін—табаіын
367	105	нанаін—нанаіын
369	171	чаттон - четтон
370	198	сілады—сылады
1	1	тудаін—тудаіын
4	46	уіадаір—уіадаіыр
4	76	мактаір—мактаіыр
—	78	кайнаір—кайнаіыр
352	100	
	103	аккал—а-кел
	97	
343	20	саін—заіын.

Исключение изъ приведенного правила о законѣ созвучія составляетъ притяжательная приставка 1-го лица множественаго числа *bіс*, которая неизмѣняется въ толстые звуки и при словѣ толстыхъ звуковъ, но при этомъ слѣдующія за ней падежныя приставки согласуются съ самимъ словомъ: *адабіска*—нашему отцу.

Противъ этого исключения погрѣшаютъ слѣдующія слова:

Стран.	Строк.	
351	64	аітпаспыс—аітпасбіс
—	69	таппамыс—таппабіс
355	224	поларбыс—боларбіс
366	180	парбаспыс—парбасбіс
270	216	каныгыжарбыс—каныгыжарбіс
—	217	саларбыс—саларбіс
374	335	полгамыс—болгабіс

2) Законъ смягченія буквъ еще болѣе нарушенъ авторомъ, нежели законъ созвучія. Жесткіе согласные и соотвѣтствующіе имъ мягкие замѣняются одни другими, смотря по ихъ мѣсту въ составѣ слова и соотношенію словъ. Въ началѣ слова, въ концѣ слова, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жесткимъ согласнымъ звукомъ можетъ стоять только жесткій звукъ; на-противъ, между гласными, послѣ мягкаго согласнаго и въ то же время предъ гласнымъ долженъ стоять звукъ мягкой. Поэтому, когда слово, оканчивающееся на жесткій согласный звукъ, принимаетъ, напримѣръ, притяжательную приставку *ы* или *ым*, тогда жесткій звукъ замѣняется однороднымъ по органу произношенія мягкимъ. Точно также, если слово, начинающееся жесткимъ звукомъ, стоитъ за словомъ, оканчивающимся на гласный или мягкий согласный звукъ,—въ такомъ строѣ, при связномъ произношеніи, на мѣсто жесткаго звука является соотвѣтственный ему мягкий. Поэтому, слѣдующія слова изображены неправильно:

Стран.	Строк.	
314	131	паза парды вм. база барды.
320	340	полды—болды
321	378	тадір—дедір
322	383	парайн—береін
323	416	паза—база
223	430	пажатты—божатты
325	488	шірга—бірге
325	497	парділар—берділер
327	54	парып—барып
329	126	паралік—берелік
—	131	пурунда—бурунда
334	105	полган—болган

Стран.	Строк.	
343	14	пала—пала
344	69	тап—деп
348	196	полза поги—болза болги
351	67	піска парар—біске берер
—	69	таді—деді
363	477	тадір—дедір
168	25	таш—даш
343	20	саін—зайын и проч.

3) Буква *j* въ срединѣ слова часто, а въ концѣ—всегда замѣняется буквою *i*.

Стран.	Строк.	
314	112	кыігырды—каігырды
319	282	каізы—каізы
320	345	каіда—каіда
322	413	аідар—аідар
348	193	пагі коі—пагі коі
371	240	
	241	тоi, тоіды—тоi, тоіды
	245	
—	240	ai—ai
1	1	санаізын—санаізын
—	2	куіругу—куіругу
—	4	аідалбас—аідалбас
—	6	oi—oi
2	12	үіку—үіку
—	15	паі—паі
—	16	куібазін—куібазін
—	17	каіназам—каіназам
2	22	туігагы—туігагы
3	30	поідондын—поідондын
—	—	моімын—моімын
—	39	полбоіттон—полбоіттон
4	47	аімагы—аімагы
6	84	саігакчы—саігакчы

и т. дал.

4) Буква *e*, изгнанная окончательно изъ текстовъ, замѣнена буквою *o*.

Стран.	Строк.	
366	166	одургон—одурген
338	215	удуго—удуге

Стран.	Строк.	
340	311	олбон—олбен
342	369	чурбон—іурбен
344	65	корсо—корзе
—	66	устуно—устуне
345	99	олтургон—олтурген
347	165	олбос—олбес
350	50	тундо—тунде
373	322	кунго—кунге и т. под.

5) Употреблениe въ Мрасо-Кондомскомъ поднарѣчіи вмѣсто *м* буквы *б*.

Стран.	Строк.	
324	454	камортат—каборта
332	33	азанма—езен-бе?
—	34	паларзыма—паларзын—ба?
333	52	паргана—парган—ба?
346	141	тарынмас—тарыбас
356	231	мындазыма —мындазын —ба?
		и наоборотъ <i>б</i> вмѣсто <i>м</i> :
344	69	кічігбін—кічіг-мін

6) Неотдѣленіе послѣ словъ и другихъ частицъ:

Стран.	Строк.	
323	440	пазок вм. баз—ок
—	449	кылышила—кылыш—пыла
325	513	абакайбыла—абакай—была
333	65	чуганбіла —іуген—біле
339	274	алышпа—алып—ба
—	—	кіжіба —кіжі—бе
341	320	окпыла—ок—пыла
346	140	чоныбыла—іоны—была
—	—	малыбыла—малы—была
347	158	полдыба—болды—ба
351	79	соспіла—сос—шіле
352	117	чыдабыла—чыда—была
354	165	колбыла—кол—была
366	57	азакыла—азак—ыла
5	67	маібылан—маі—былан
6	88	поручілап—пору—чілеп
—	—	шірічілап—шірі —чілеп
199	12	тагаіла—тегеі—ле
200	19	ползочы—ползо—чи
—	20	калзачі—келзе—чи

7) Нѣтъ единства въ написаніи глаголовъ, стоящихъ рядомъ и служащихъ одинъ другому вспомогательными. Иногда эти глаголы соединяются между собою чертою (—), иногда нѣтъ.

Стран. Строк.

		a) соединены;
321	352	тіргізб—алды
320	338	туруб—алды
—	357	парыб—оттурза
333	51	парыб—юсты
345	81	орлаб—олган
146	130	шаб—ыза—берді
347	167	ага—берді
347	169	шагыб—алды
350	55	туб—алтыр
353	146	атпан—дыр
4	49	олуп—тір
—	—	калып—тір
37	267	туруп—іаткан
15	163	адыжып—іатканын
14	130	іуруп—іадым
15	162	парып—іадала
16	188	адып—іат
16	304	пазып—іат
21	376	оінодып—іат
24	76	туруп—іатты
26	1	чап—іап
27	14	чап—іатты
29	72	алып—іадым
—	87	чагып—іат
31	49	санап—іазынар
37	267	туруп—іаткан
		б) не соединены:
320	332	ылгап чадыр
—	333	сыктап чадыр
—	337	чалбіп чадыр
334	83	аіт чар
—	106	сурал чар
343	8	пар чар
345	93	пар тыр
146	132	кіріп парды
347	149	чоктаап тыр
—	150	кал іур

Стран.	Строй.	
349	22	кал чар
350	58	шілар тап
354	181	чат калді
3	4	сурап ал
20	341	ііп салды
37	266	келіп іат
50	707	кечіп чыкты
83	796	іедіп калді

8) Въ словахъ десятословія (стран. 192): тургуспагын, башко ібогын, аітпагын, езенгін, кылынгын, кундулегін, олтурбегін, чаігактагабагын, урлабаган, саіактабаган, қачаланбагын—окончание *ын*, означающее просьбу, моление, а не заповѣдь или повелѣніе, слѣдуетъ откинуть, а въ 50-мъ псалмѣ (стран. 194 ст. 13) къ слову: *кедерлемтпe*, напротивъ, прилично прибавить *иіn*. Въ этомъ же 13 стихѣ слово „духъ“—*тын* переведено *саңыши*. Но *саңыши* значитъ: душевныя способности и нравственныя качества вообще: умъ, мысль, дума, сердце, расположение къ чему-нибудь. *Саңышка кірбеіт*—не понятно *саңышту тунде амыріок*—въ думную ночь нѣть покоя. *Аксалышту*—добродѣтельный, благочестивый; *кара саңышту*—злонамѣренный, злодѣй; *саңыжіетпес*—глупый. *Едеріе саңыши іок*—нѣть расположенія дѣлать.

Не смотря, впрочемъ, на указанные мною недостатки, благое желаніе автора и цѣль его труда—обогатить запасъ свѣдѣній о Тюркскомъ нарѣчіи (см. стр. XXII)—достигнуты.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абаганъ—гора, 58, 127, 128, 130.
Абай—р., 136.
Абайская долина, 23.
Абаканский хребетъ, 127.
Абаканъ—р., 2.
Абинская волость, 8.
Агаш-ээзи—льсной духъ, 100.
Агеевъ—богатырь-солдатъ, 147.
Аг-энэ—бллая мать, 89.
Азра-дашъ—гора, 128.
Ай-Алтынъ—богатырь, 139.
Айкымъ-Сайкымъ—конь, 159, 161.
Айманысъ—богатырь, 142, 145, 146, 148, 149, 162—165.
Ай-Моко—богат., 145, 153, 154.
Ай-Молотъ—богат., 139, 153.
Ай-Ного—богат., 146.
Ай-ханъ, 139, 140, 145.
Ак-тая—гора, 132.
Ак-ханъ, 140, 145.
Алаганчикъ, 121.
Алактай—богат., 151, 152.
Алданъ—богат., 134.
Алей—р., 7.
Алтаинъ-Сайнъ-Саламъ — богат., 143, 159, 160, 161.
Алтай-ханъ, 58.
Алтынъ-Арыгъ, 141, 161, 162.
Алтынъ-Моко—богат., 139, 144, 154.
Алтынъ—норъ, 124.
Алтынъ-Перисте—богат., 144, 154.
Алтынъ-Тайчи—богат., 140, 145.
Алтынъ-Тасъ, 153.
Алтынъ-ту—гора, 91, 94, 95, 97.
Алтынъ-ханъ, 139, 140, 146, 152, 154.
Алтынъ-Чечекъ, 150.
Алтынъ-Эргекъ — богат., 139, 141, 142, 144—146, 149, 154, 165.
Алынъ-ханъ, 139, 152.
Амарзана—сынъ Конгдайча, 117.
Амуреана, 120.
Амынъ-Кыланъ, 111.
Амыръ-Сапага, 122, 123.
Андалма-Муусъ—морское чудов., 101.
Антропъ—р., 24.
Ануйские бѣлки, 1.
Аранчула—конь, 142, 144, 145, 154.

Аранъ-Тайчи—богат., 140, 141, 147, 145, 154, 155.
Арго, 152.
Аргутъ—р., 6.
Аржанъ—цѣлеб. ключъ, 2.
Арелантъ, 149.
Аруунъ-сюдюнъ, 94, 95, 97.
Ачалугъ—сынъ Катуни, 127.
Ашкыштымская вол., 7, 8.

Б.

Бабыргапъ—гора, 126, 130.
Байга, 85.
Байталчи—проводникъ жертв. души, 66.
Балыкеа—сынъ Намы, 102, 103.
Балыкъ—teleut. князъ, 121.
Бардинское сел., 130.
Баторъ, 119.
Башкоусъ—р., 2, 6.
Баштутъ-ханъ—пепать юрты, 43, 46, 51, 65, 66, 68, 69, 75.
Баянская вол., 7.
Бежитты-ханъ, 166, 167.
Береза—46 (употребл. ея при камланье), 136 (почитаніе ея).
Березовка—деревня, 130.
Бильгыйин - кере - атту - Тюрун-музыкай - бурханъ — управитель въ среднемъ изъ 99 міровъ, 91.
Бичикту-гая—скала, 123.
Бійскій окр., 7, 11, 127.
Бійскъ—гор., 5.
Бій-тутханъ—р., 122.
Бій-шибези—пещера, 122.
Бія—р., 2, 5, 7, 9, 130.
Ближне-Каргинская вол., 8.
Богатыри, 139.
Богатырь-царь, 166.
Богоракова вол., 8.
Бочаты—р., 7.
Бубенъ, 45, 53, 56, 61—63, 66, 71, 73.
Бугунча—р., 132.
Буента—кит. городъ, 6.
Бухарія, 123.
Бухтарминская вол., 8.
Выстрианская инородч. управа, 7.
Выстрианско сел., 130.

В.

Василій Царидычъ, 141, 146.
Верхне-Кумандинская вол., 8.

Г.

Галданъ, 119, 120.
Глина (соторв. изъ нея человѣка), 91.
Глухарь (человѣч. происхожд. его), 138.
Горы (поклоненіе имъ), 43.
Гусь (роль его при камланыи), 48, 49, 65, 66.

Д.

Даваци—князь, 119.
Дальне-Картгинская вол., 8.
Джулукуль—оз., 1.
Дорчжи-лама, 120.
Душа (представл. о ней), 77.
Дѣвица-царь, 164—166.

Е.

Едѣева вол., 8.
Еки-Моосъ—богат., 149, 150.
Ельбегенъ семиглавый, 156, 157.
Енисей—р., 7.

Ж.

Жертвы, 43.

З.

Загадки, 202—204.
Заяцъ (при камланыи), 73.
Змѣй (охраненіе чернильницы), 95.
Змѣй-царь, 151, 162.

И.

Иволга (человѣч. происхожд. ея), 138.
Идолы, 43.
Изимъ—р., 5.
Иртышъ—р., 7, 119, 122.
Итиберско-Шерогашева вол., 8.

К.

Кагыръ-ханъ, 44.
Казанова вол., 8.
Казыл-гая—сынъ Катуни, 127.
Казырганъ—гора, 134.
Кайра-ханъ, 54.
Калданъ—сынъ Конгдайча, 117, 119.
Калданъ-Каанъ, 103.
Калданъ-Черю—сынъ Ойрота, 119.
Калымъ, 81.
Камларская вол., 7.
Камни (происхожд. ихъ), 101.
Камышъ (соторв. изъ него костей человѣка), 91.
Камъ, 44, 103.

Кандотъ—богат., 139, 153, 154.
Канза—богат., 168.
Канунъ—курюмесь, 44.
Канъ-Арго—богат., 144.
Канъ-Каршиль—бож., 47.
Карабуръ—гора, 127, 133.
Карагайы-дагъ—сынъ Катуни, 127.
Карагула—богат., 145.
Кара-Канъ—царь, 161.
Каракошъ—слуга кама, 68—70.
Кара-кызы—наложница Шюны, 117, 120.
Кара-Могусъ, 141, 142, 154.
Карамоосъ, 152.
Карастель (человѣч. происхожд. его), 138.
Кара-Тасъ, 151.
Каратты-Пергень — богат., 140—143, 145, 146, 153.
Кара-тубе—сынъ Катуни, 127.
Карашъ, 99, 100, 113.
Каралчукъ—гора, 132.
Картюгешевъ—иностранецъ, 23.
Катканчила—богат., 139, 162.
Катунскіе бѣлки, 1.
Катунь—гора, 124—126.
Катунь—р., 1, 2, 6, 122, 125, 126.
Кегда—гора, 127.
Кедере-дагъ—гора, 134.
Келегей, 58, 74.
Кемчукъ—р., 123.
Кеньга—р., 136.
Кергежская вол., 8.
Керей-ханъ, 91, 99.
Керецкая вол., 8.
Керьгыдай—бож., 47.
Кеспе—гора, 130.
Кивійская вол., 8.
Кизей—гора, 128.
Кичигъ-Нилигчи, 152.
Кичи-шобаръ—сынъ Катуни, 127.
Кійская вол., 8.
Кобыр-зу—р., 131.
Козайке—богат., 142.
Коканъ, 123.
Коксинскіе бѣлки, 1.
Кокъ-ханъ, 139.
Кола-Кырышъ-ханъ, 153.
Кол-куреэчи—гадатель, 45.
Комляжская вол., 8.
Конгдайчъ—телеут. ханъ, 117—119.
Кондожская вол., 8.
Кондома—р., 2, 5, 7, 24, 127—129, 132.
Кондомско-Барсоятская вол., 8.
Кондомско-Бежбоякова вол., 8.
Кондомско-Елейская вол., 8.
Кондомско-Итиберская вол., 8.
Кондомско-Карабачская вол., 8.
Кондомско-Шелкальская вол., 8.
Контайма см. Конгдайчъ.
Конъ, 43, 46 (принес. въ жертву), 49 (подраж. ему кама).
Коо-Кокшинъ, 122.
Корла—р., 132.
Кормонгонъ, 153.
Короты—р., 124.
Коштагъ-кичи—сынъ Катуни, 126.
Коштагъ-улу—сынъ Катуни, 126.

Бошкинская инородч. управа, 17.

Брасный Яръ—улусъ, 15.

Браюшина—деревня, 130.

Кузедеева—дер., 5.

Бузедеевский улусъ, 129.

Кузенская вол., 8.

Кузнецкий окр., 7, 11, 127.

Кузнецкъ—гор., 7, 24, 121, 125, 129.

Куклы, 43.

Кукушка, 69, 75 (подражаніе ей кама), 138
(человѣч. происходж. ея).

Кулумъ-Кара, 151.

Кулунда—р., 7.

Кульджа—гор., 120.

Кумышская вол., 7.

Кундель—р., 127.

Курайская долина, 6, 23.

Куралдай, 73, 74.

Курдюнь-Убань, 123.

Курт-ик-ташъ—утесъ, 132.

Кускунъ-Алынъ—богат., 139, 152.

Кученешъ—сынъ Катуни, 126.

Ыдатъ—родъ, 101.

Ызарыкъ—гора, 130.

Ызыганъ—бож., 47.

Ызыл-гая—гора, 131.

Ызыльская вол., 8.

Ызынырыкъ-голь—р., 131.

Ызым-Тасъ—богат., 139.

Ыыръ-Саабыдынъ—тайга, 127.

Ыйич-зу—р., 131.

Ыланъ—гора, 131.

Ылдашъ—р., 133.

Ырчыганъ—ханъ, 141.

Ыска-Ыланъ—богат., 151.

Ыштешъ, 126.

Л.

Лебедь—р., 7.

Лебяжья дер., 130.

Луна (поклон. ей), 43.

М.

Мазаракъ—гора, 131.

Майдере, 91, 92, 94—97, 99, 101.

Мал-ээзи—хозяинъ скота, 100.

Мамытъ—телеут. князъ, 121.

Манакъ, 125.

Манг-димы, 94.

Мангышире—богат., 90, 91, 99, 101, 113.

Мангызып-матмас-бурханъ, 90.

Мансар-ганъ, 57.

Махмудъ—чоросскій князъ, 5.

Маштаракъ—богат., 157.

Медвѣдь (человѣч. происходж. его), 137.

Меркуть, 60.

Мерьгенъ-ханъ—бож., 47.

Мерыэдин-темэнэ-коо-ханъ, 101.

Монусъ-Пакай—богат., 147, 151.

Мордо-ханъ, 58.

Мормо—богат., 112.

Мраса—р., 2, 5, 7, 11, 24, 124, 128, 129,
131, 132.

Мраско-Бежбоякова вол., 8.

Мраско-Елейская вол., 8.

Мраско-Изушерская вол., 8.

Мраскій порогъ, 124, 128.

Мунгашъ-ялапъ, 123.

Мундусы—родъ, 136.

Мунзасъ—р., 128.

Мунтушайди—жена Таргын-Намы, 93, 94.

Мустагъ—гора, 126—128.

Мылтык-ашха—богат., 121.

Мындыбатъ—р., 7, 24.

Мьюта—сел., 7.

Н.

Набызъ—камъ, 77.

Назій—сынъ Катуни, 127.

Нама (Ной), 76, 102, 104.

Насѣкомыя (происходж. ихъ), 101.

Небо (восходж. на него кама), 62, 64, 69,
70, 73—75.

Незнайка—богатырь, 143, 146.

Нижне-Кумандинская вол., 8.

О.

Облосъ-ханъ, 139.

Объ—р., 2, 7.

Овца бѣлая (принес. ея въ жертву), 76.

Ог-аттыг-ташъ—гора, 127, 129.

Огонь, 84 (поклон. ему), 97, 138 (происходж.).

Озера (поклон. имъ), 43.

Ой-Молотъ—богат., 139.

Ойратъ—назв. дюрбютовъ, 6.

Ойротъ-ханъ, 122, 123.

Ойротъ-царь, 119.

Окту-ганъ, 59.

Олакъ, 133.

Олончу-Пагай-ханъ, 145.

Олончу-Пагенъ, 140.

Ӧлчекъ—р., 131.

Ольгудекъ—богат., 132.

Онзасъ—р., 131.

Осиповскій улусъ, 15.

Очи-Каракчинъ, 154, 155.

П.

Пады-Кереде—богат., 139, 141, 145.

Пазай—тайга, 127.

Палласъ, 5.

Панто-гаязы—утесъ, 132, 133.

Патпанъ-кара, 91.

Паянская вол., 131.

Пекинъ, 123.

Пергень-ханъ, 139, 144, 146, 152.

Песчаная—р., 1.

Печетти-ханъ, 141, 146.

Погода (предсказ. о ней), 67, 68.

Подкатунскій улусъ, 125.

Пословицы, 187—202.

Потанинъ Г. Н., 120.

Потопъ, 76, 102, 103.

Поудо-Сонко, 94.

Предсказанія, 72.

Примѣты, 205.

Пурханъ-ханъ, 60.
Пуспасъ-Пуланъ—морск. чудов., 143.
Пуулаганъ—сопка, 130.
Пызасъ—р., 7.
Пырчу-ганъ, 57.
Пюдей-ханъ, 139, 140, 146, 150—152.
Пъсни, 167—187.
Пътухъ, изображ. смерть, 76.

P.

Радловъ В. В., 205—215.
Рымчи—прорицатель, 45.
Рѣки (поклон. имъ), 43.

C.

Саабыдынъ—тайга, 127.
Садагай—богат., 129.
Сайчаръ—богат., 146.
Салтонъ—р., 130.
Салтонъ—сел., 127.
Сарасинская управа, 7.
Сарь-Алтынъ—богат., 154, 155.
Сар-уулу—сынъ Намы, 102, 103.
Себи—р., 124.
Себире—гора, 9.
Седенкей—богат., 151.
Сенгэ, 119.
Сеольты—юрта для камланья, 46.
Скедамы—народъ, 7, 121.
Сна-батырь, 120.
Собака (проклятие ея), 92, 93.
Собанский Петръ—боярский сынъ, 2.
Солнце (поклон. ему), 43.
Солнце-царь, 159, 160.
Сономъ-Рабтанъ, 119.
Соозун-уулу—сынъ Намы, 102—104.
Сосновая Гора—улусъ, 15.
Сростки—деревня, 130.
Страмдусъ—богат., 155, 156.
Стрѣльный камень, 129.
Суокъ—кит. караулъ, 1.
Сууру—гора, 142.
Су-ээзи—водяной, 100.
Сынзасъ—р., 5.
Сырт-Аймаки, 7.
Сюмулта—р., 1.
Сътовка—деревня, 130.

T.

Табаачи—сынъ Конгдайча, 117 (см. Даваци).
Табаты—кит. караулъ, 1.
Тагабская вол., 8.
Таз-анкъ—сынъ Катуни, 127.
Тазъ—р., 127.
Талай-ханъ, 123.
Талда—р., 7.
Тамала—р., 126.
Тана—богат., 139, 141, 142, 145.
Тарбагатай—горы, 122.
Таргынъ-Нама, 93, 94, 97.
Тарданакъ—богат., 156, 157.
Тарлыкъ—гора, 122.

Таскакъ—жертвеникъ, 50.
Таспелбіе—сынъ Катуни, 127.
Тастаръ—родъ, 9.
Таш-су—р., 128.
Ташъ-ээзи—горный духъ, 100.
Тебет-танатъ—народъ, 134, 135.
Тебиръ-Кырышъ-ханъ, 153.
Те-гди—гора, 130.
Тёдөтъ, 123.
Тектебей-Мергень—богат., 143.
Телецкое оз., 1, 2, 6, 7, 124.
Тельбесь—р., 127.
Тельгочи—гадатель, 45.
Теменъ-Око, 150.
Тенгере-Тедыгечи — небозаключитель, 104, 106, 112.
Тенгере-ханъ, 150, 151.
Тенишъ—р., 126.
Тень-бегей—богат., 173.
Тенысь—царь земли, 102.
Теолессы—родъ, 136.
Тепкара—хранитель душъ умершихъ, 94, 113.
Терс-Керельты, 104.
Теэръ-Янгы, 104.
Тибетты—гора, 119.
Тибеть, 6, 119.
Тидым-мине-бурханъ, 93.
Тобольскъ—гор., 123.
Тогось-Темуръ-ханъ, 5.
Тогульская вол., 7, 8.
Толы-Кере, 150.
Томскъ, 122.
Томъ—р., 1, 2, 7, 24, 121, 122, 129, 132.
Тополевка—р., 6.
Топшунъ—бурханъ, 93.
Торготъ—покол. чижунгар. монголовъ, 5.
Тору-дагъ—сынъ Катуни, 127.
Тотой-Паяна, 60, 136.
Тоторъ-айманъ—народъ, 105.
Тохпах-ажинги, 130.
Тулутты—гора, 102.
Тыралыгъ—гора, 128.
Тургуунъ—р., 123.
Ту-ээзи—горный духъ, 100, 125.
Тыналгышъ-Алдачи—ангель смерти, 100.
Тюдей-ханъ, 144, 147.
Тюмень-асты-Эдень-поудо, 101.
Тюнгурь см. бубень.
Тюрой-ханъ, 143.
Тюрунъ-Музыкай, 101.
Тямаа-Тюрунъ, 101.
Тянаръ, 104.
Тянгара—первый камъ, 103.

У.

Уекъ—сынъ Катуни, 127.
Узунъ-Кара—богат., 139, 153.
Узунъ-Кыланъ—богат., 151.
Уйт-кайтты-Карагуль, 119, 120.
Уй-ээзи—домовой, 100.
Укукъ—кит. караулъ, 1.
Улала—сел., 7.
Улегэнъ—р., 123.
Улубъ-шобарь—сынъ Катуни, 127.
Улугъ-дагъ—гора, 126, 132.

Ульгенъ — бож., 43, 44, 50, 53, 57, 75—77,
89—95, 97—101, 104, 113, 114, 125.

Унзас-кай-бажы — гора, 134.

Унзасъ — р., 134.

Ура — столица Джунгаріи, 120.

Урсулъ — р., 136.

Урылъ — кит. караулъ, 1.

Уринхай, 6.

Уса — р., 1.

Ускатъ — р., 7.

Усмекчи — ангель смерти, 100.

Успези — р., 122.

Усун-Табаты — кит. караулъ, 1.

Утья — гора, 128.

Учуленъ — р., 126.

Уюнгашъ, 95.

Ф.

Финдаръ — кит. карауль, 1.

П.

Царь-Богатырь, 166.

Царь-Дѣвица, 148, 164—166.

Царь-Змѣй, 151, 162.

Царь-Мѣсяцъ, 160, 161.

Царь-Солнце, 159, 160.

Цеванъ-Рабтанъ, 119.

Циценъ, 119.

Ч.

Чабатъ — родъ, 9.

Чаганъ-Нараттанъ, 122, 123.

Чадокъ — предвод. монголовъ, 164.

Чарышкіе бѣлки, 1.

Чарышъ — р., 6, 7, 122, 136.

Чевалковъ М. В., 205.

Чеекъ — богат., 146, 148, 149, 164.

Черный-Калмыкъ-ханъ, 117—119.

Чингистай — кит. караулъ, 1.

Чиндагатай — кит. караулъ, 1.

Чичкэсынду, 100.

Чомгодой — гора, 102.

Чоросъ — родъ чжунг. монголовъ, 5.

Чувашка — улусъ, 131.

Чугучакъ — кит. городъ, 120.

Чудъ, 129, 135.

Чуйская долина, 6, 23.

Чуйская степь, 6.

Чулышманъ — р., 2, 6.

Чуптанъ, 101.

Чуя — р., 2, 6, 16, 123, 124, 136.

Чыланъ-Могусъ — богат., 140.

Чыланъ-ханъ, 141, 144, 147, 154.

III.

Шаадыгай-коо, 101.

Шайунъ-Сасъ — богатыри, 154.

Шаманъ см. камъ.

Шаманство, 103.

Шанчиликъ — гора, 127.

Шаръ-Жаалты, 104, 106, 109.

Шеренъ-Убанъ, 123.

Шерь — тайга, 127.

Шилы-мене-бурханъ, 93, 94.

Шобаръ — сынъ Катуни, 126.

Шолбаныгъ — сынъ Катуни, 126.

Шохотъ — родъ чжунгар. монголовъ, 5.

Шуйская вол., 7.

Шулумусъ — нечистый духъ, 106.

Шюнда — дочь Конгдайча, 117.

Шюна — сынъ Конгдайча, 117, 118, 120.

Ю.

Южская вол., 8.

Я.

Ябыръ-ханъ, 54.

Ядачи, 45.

Яикъ-ханъ, 53, 76.

Яламанъ — р., 123.

Ялменкы — гора, 124.

Янысъ-конекъ, 54.

Яра-Чечепъ, 98, 100.

Ярынчи — ворожей, 45.

Ячицкая вол., 7.

Яячи — имя Намы послѣ потопа, 103, 104.

Яючи — духъ 5-го неба, 70, 71, 73.

Э.

Эбиски, 133.

Эденъ-ханъ, 101, 123.

Эдушъ — вилки при жертвоприн., 50.

Эзень, 6, 123.

Эки-Моосъ-ханъ, 139.

Эрликъ — бож., 43, 44, 50, 59, 76, 91—95, 99,
100, 103, 113, 114, 139.

Эрь-Кулатай — 142, 145, 146, 152, 153.

Эрькэ-Шудюнь, 101.

Эрь-ээзи, 100.

Эткеръ — слуга Эрлика, 100.

Ы.

Ындрапъ — р., 132.

Труды Этнографического Отдела

содержатся въ следующихъ томахъ „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей „Извѣстія“. „Труды“. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи“.

Томъ. Томъ.

VII. I*. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Кн. 1-я. (Публичные лекціи передъ открытиемъ Этнографической выставки 1867 г.: Я. И. Вейнберга, П. И. Медведева, А. С. Петровского, А. П. Богданова, Н. Д. Никитина, М. Н. Капустина, В. Н. Лешкова, Ф. И. Буслаева, И. К. Бабста, С. М. Соловьева, И. Д. Бѣляева, П. К. Щебальского, К. К. Герца, А. С. Владимірского). Изд. В. А. Дацкова. 1868 г. Ц. 3 р.

XII. II*. Сборникъ антропологич. и этнографич. статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 2-я. (Народныя пѣсни латышей, Ф. Я. Трейланда-Брикземіакъ. Съ прил. 6 табл. хромолитогр. типовъ народностей). Изд. В. А. Дацкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII, в. 1. III, 1. в. Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Статьи: 1) Описание быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Степ. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о влияніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцели.—3) Программа этнографического народного календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колоусека.—6) Одежда каменобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—7) Домашній бытъ маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О пермякахъ, П. Вологдина.—9) Свадебные обычай у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Касселя.—12) Этнографическая замѣтка, Н. Г. Керцели.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О Мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцели.—15) Сельские обычай въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцели.—18) Сѣверная сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыниной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ истории народного двоевѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

XIII, в. 2. III, в. 2. Зыряне и Зырянский край. К. А. Попова. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

XXVIII. IV. Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг. (засѣд. 13—25), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художнике-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насекомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ф. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды белоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическая наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нѣфедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыниной.—7) Обряды при рождениі и крещеніи дѣтей на р. Ореди, Е. В. Барсова.—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ“, И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственноети у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ф. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольского.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольского.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ф. Миллера.

XXX, в. 1, 2. V, в. 1, 2. Материалы по этнографіи русского населенія Архангельской губ. П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р.

Вып. 1. Описание виѣшняго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вып. 2. Народная словесность. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

XL. VI. Материалы по этнографіи латышскаго племени. (Пословицы, загадки, пого-

ворки, врачеваніе и колдовство). О. Я. Трейланда (Бривзем-
ніаксъ). 1881 г. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, в.1. VII. Протоколы застѣданій Этнограф. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48),
съ приложеніями. 1886 г. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ
сознаніи русского народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская
свадьба въ Константиновскомъ у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчукъ.—
3) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна.—4) О гиляцкомъ
языкѣ, д-ра Зеланда.

XLVIII, в.2. VIII. Протоколы застѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—65.)
1888 г. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Ф. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его же.—3) А. Л. Дювернуа
(некрологъ). Его же.—4) Характерные дѣтскія игры нѣкоторыхъ рус-
скихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ
татовъ, М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у
маньзовъ, Н. Л. Гондатти.—7) Культь медведя у инородцевъ сѣв.-
зап. Сибири. Его же.—8) Программа для собиранія этнограф. свѣ-
дѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—9) Программа для собиранія свѣдѣ-
ній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузиномъ.

LXI. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянского населенія Россіи. Вып. I.
1889 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прил. портрета),
В. Ф. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Са-
рапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богаевскаго.—3) О
наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ., В. Ка-
динскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ, А. Папе.—
5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ.,
Елатомскаго уѣзда, А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъесте-
ственной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго
уѣзда, Тамбовской губ., П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи
(замѣтки изъ поездки въ 1886 году), Н. А. Янчукъ.—8) Петербург-
скія балаганныя прибаутки, записанныя В. А. Кельсіевымъ, А. Кель-
сіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деру-
новымъ.—10) Изъ материаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудож-
скаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Николая Харузина.—11)
Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапуль-
скаго уѣзда. Вятской губ., В. П. Тихонова.—12) О народномъ лѣ-
ченіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія воло-
стныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ ст.
Н. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы белорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ
статьѣ Н. А. Янчукѣ).

LXVI. X. Русские Лопари (Очерки прошлаго и современнаго быта), Н. Харузина.
1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

LXIX, в.1. XI, в. 1. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянского населенія Россіи.
Вып. II. 1890 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: Материалы по этнографіи Вологодской губ., Н. А.
Иваницкаго.—Вологодскіе напѣвы, записан. М. М. Кукли-
нымъ.—Замѣтка о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.

LXIX, в.2. XI, в. 2. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянского населенія Россіи.
Вып. III. 1891 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: Материалы для изученія обычнаго права среди
крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—
Указатель къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ „Тру-
дахъ Комиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ“, В. П. Пле-
меникова.

LXXV, в.1. XII, в. 1. Шаманство (Сравнительно-этнографические очерки). Вып. I. В. М. Ми-
хайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Циркулярныемъ предложеніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія гг. По-
учителемъ Учебныхъ Округовъ, отъ 20 мая 1889 г., за № 8790, „Извѣстія
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ“, рекомендованы для
приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднеучебныхъ заведеній съ уступкою
40%. Издание Общества и его Отдѣловъ продаются въ книжныхъ магазинахъ и въ
складѣ при канцеляріи Общества: Москва, Политехническій Музей.

*) Томы I и II „Трудовъ“ остались въ небольшомъ количествѣ только у издателя
В. А. Дашкова. Обращаться въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла.

ОЧЕРКИ БЫТА АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія 1884—86 и. Пр. А. Житецкаго.

(„Извѣстія“ Общества Любител. Ест., т. LXXVII, в. 1. „Труды“ Этнографич. Отдѣла, т. XIII, в. 1).

- I. Бытовая обстановка Астраханскихъ калмыковъ.
- II. Обычно-обрядная жизнь Астраханскихъ калмыковъ.
- III. Ламаистское духовенство у Астраханскихъ калмыковъ.
- IV. Ламаистская религія, науки и искусства среди Астраханскихъ калмыковъ.

Въ приложениі 12 таблицъ рисунковъ и фототипій.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВСКОРЪ ВЫЙДЕТЬ ИЗЪ ПЕЧАТИ СБОРНИКЪ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РУССКІЯ БЫЛИНЫ СТАРОЙ И НОВОЙ ЗАПИСИ,

издаваемый Этнографич. Отдѣломъ подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова
и проф. В. Ф. Миллера.

ВЪ ЭТОТЪ СБОРНИКЪ ВОЙДУТЬ:

- I. Былины изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.
 - II. Былины, записанныя въ недавнее время, не изданныя раньше.
 - III. Былины, появившіяся въ печати въ разныхъ изданіяхъ и не вошед-
шія въ прежніе сборники.
-

ПЕРВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ,

устроенный Этнографическимъ Отдѣломъ 11-го марта 1893 г.

ТЕКСТЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

(великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ, болгарскихъ, польскихъ, литовскихъ, грузинскихъ, армянскихъ, киргизскихъ, сартскихъ, чувашскихъ и ново-греческихъ), съ переводомъ инородческихъ на русскій языкъ.—

Цѣна 15 коп.

Открыта подписка на 1893 г. на

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ,

(Годъ 5-й)

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ ред. Секретаря Отдѣла **Н. А. Янчук**,

при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Издание посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языки.
3. Народная музыка, живопись и другія искусств.
4. Народная медицина.
5. Юридический бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, помѣщаются также статьи общаго методологического характера, имѣющія руководящее значеніе.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе, случайные материалы и наблюденія.

Обширный **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ** изданій заключаетъ въ себѣ:

- 1) Отзывы о новыхъ книгахъ, обѣ изда-

- ніяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.
- 2) Подробный обзоръ, по возможности, всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ, съ указаниемъ находящагося въ нихъ этнографического материала.
- 3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Наконецъ, въ „**Ізвѣстіяхъ и Замѣткахъ**“ помѣщаются обзоры деятельности ученыхъ обществъ и друг. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности даются также **приложения**: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, типы народностей и т. п.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ

выходитъ книжками (въ 12—15 листовъ каждая) четыре раза въ годъ (въ мартѣ, июнѣ, сентябрѣ и декабрѣ).

Цѣна годовому изданію **5 р.** съ перес., за границу **6 р.** Отдельные книжки по **1 р. 50 к.** каждая; кн. XIII—XIV въ одномъ выпускѣ—**2 р. 50 к.**

Адресъ редакціи: **Москва, Политехническій Музей.**

— Определеніемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія «Этнографическое Обозрѣніе» рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки всѣхъ средн. учебн. заведеній (См. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, июнь).

Цѣна 2 руб.

Складъ изданія при канцеляріи Общества:
Москва, Политехническій Музей.